ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986

Том 18, № 1 (65), 2024

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 18, No. 1 (65),
2024

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2024, том 18, № 1 (65)

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Учредитель: ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-76598 от 15.08.2019

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка», электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – врио начальника ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160033, г. Вологда, ул. Текстильщиков, д. 20а

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
https://jurnauka-vipe.ru

Подписной индекс
41253 по электронному каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
29.03.2024

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерова Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологичских наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 4

ЕПИФАНОВ А. Е.
Из опыта противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX веков 4

РОМАШОВ Р. А., СВИНИН Е. В., КИРИЛОВСКАЯ Н. Н.
Пенитенциарные системы современного мира: проблемы понимания, классификации, функционирования (обзор докладов и выступлений участников межрегионального круглого стола «Пенитенциарные системы современности», Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 28 октября 2023 г.) 13

ОВЧИННИКОВ С. Н.
Признаки национальной пенитенциарной политики и их методологическое значение 21

КОЛОКОЛОВ Н. А.
Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) 32

СЕЛИВЕРСТОВ В. И.
Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития 43

АКИМЕНКО П. А.
Социально-политические факторы, влияющие на достижение цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений 51

ПОНОМАРЕВ С. Н., СКОПИНЦЕВА В. В.
Проблемные вопросы, возникающие при реализации института помилования 58

РУМЯНЦЕВ Н. В., ПРИХОЖАЯ Л. В.
Проблемы, возникающие при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками для проведения режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 67

ЗАРЯЕВ В. А., СОЛОДОВЧЕНКО Д. Д.
Конституционные ценности и аксиологические аспекты понимания общего объекта преступления в доктрине уголовного права 75

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 83

СОБЧИК Л. Н.
Психодиагностика и критерии дифференцированного подхода в пенитенциарной психологии . 83

КУЗНЕЦОВА Д. А.
Личностные особенности осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением . . . 94

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. 102

КОВТУНЕНКО Л. В., КОВТУНЕНКО А. Б.
Образ образовательной среды ведомственной организации и профессиональная идентичность будущего сотрудника 102

БАТОВА О. С.
Конкурсы профессионального мастерства как средство повышения квалификации и самореализации преподавателей высшей школы 108

Научная статья
УДК 343.101
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001

Из опыта противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX веков

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ
Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Реферат

Введение: в статье с историко-правовых позиций раскрываются мероприятия по борьбе с беспорядками среди заключенных, проводимые администрацией и надзорсоставом мест лишения свободы Российской империи, на рубеже XIX–XX вв. Хронологические рамки исследования определяются периодом нарастания революционной ситуации в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и революции 1905–1907 гг., а также активизации вызванных этими событиями бунтов и массовых беспорядков среди заключенных. *Цель:* на основе обобщения опыта деятельности администрации и надзорсостава российских мест лишения свободы в изучаемый период дополнить и скорректировать представления, сложившиеся в истории пенитенциарной системы. *Методы:* в основу исследования были положены статистический и историко-сравнительный методы, также использовались диалектический, логический методы, метод синтеза и системно-функционального анализа. *Результаты:* анализ правовой регламентации и практики деятельности администрации и надзорсостава мест заключения Российской империи показал, что в изучаемый период режим отбывания наказания в них подвергся значительным нарушениям, что выразилось в бунтах и массовых беспорядках, сопровождавшихся побегами и иными тяжкими преступлениями. Важное значение в этой связи приобрели мероприятия руководства пенитенциарных учреждений, направленные на укрепление дисциплины и служебной подготовки личного состава. *Выводы:* функционирование российских мест заключения на рубеже XIX–XX вв., особенно в 1905–1907 гг., сопровождалось беспорядками среди контингента что в значительной степени способствовало их реорганизации. Противодействие беспорядкам в местах лишения свободы вызвало необходимость действенных мер, направленных на укрепление режима отбывания наказания и дисциплины среди не только арестантов, но и персонала мест заключения.

Ключевые слова: Российская империя; пенитенциарные учреждения; противодействие беспорядкам; арестанты; террор.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Из опыта противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX веков // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001.

© Епифанов А. Е., 2024

Original article

On the Experience of Countering Riots in Russian Penitentiary Institutions at the Turn of the XIX–XX Centuries

ALEKSANDR E. EPIFANOV
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Abstract
Introduction: the article reveals measures taken by the administration and supervision of places of detention of the Russian Empire to combat riots among prisoners at the turn of the XIX–XX centuries. As for a chronological framework of the study, it includes a period of growth of the revolutionary situation in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries and the 1905–1907 revolution, as well as the intensification of riots and mass riots among prisoners caused by these events. *Purpose*: based on generalization of the experience of the administration and supervision of Russian places of detention in the period under study, to supplement and correct the ideas that have developed in the history of the penitentiary system. *Methods*: statistical and statistical-comparative methods, dialectical, logical methods, methods of synthesis and system-functional analysis. *Results*: the analysis of legal regulation and practical activities of the administration and supervision of places of detention of the Russian Empire shows that during the period under study, the regime of serving sentences in them was significantly violated, which resulted in riots and mass riots, accompanied by escapes and other serious crimes. In this regard, activities of penitentiary institution authorities aimed at strengthening discipline and professional training of personnel were important. *Conclusion*: functioning of Russian places of detention at the turn of the XIX–XX centuries was accompanied by riots among the continent, especially in 1905–1907, which greatly contributed to their reorganization. Countering riots in places of detention necessitated effective measures aimed at strengthening the regime of serving sentences and discipline not only among prisoners, but also among employees.

Keywords: the Russian Empire; penitentiary institutions; counteraction to riots; prisoners; terror.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. On the experience of countering riots in Russian penitentiary institutions at the turn of the XIX–XX centuries. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001.

Введение

Новизна исследования определяется прежде всего комплексным раскрытием аспектов, связанных с проявлениями беспорядков среди арестантов в дореволюционной России, их причин, условий и особенностей. Несмотря на все многообразие связанной с тюрьмоведением литературы, проблематика по теме исследования затрагивалась в ней лишь фрагментарно. В дореволюционный период такие авторы, как А. Виташевский [1], В. Колосов [2], М. Конопницкая [3], Г. Лейсс [4], П. Якубович [5] и др., касались ее в политологическом и историческом аспектах.

В советский период история отечественных пенитенциарных учреждений излагалась в идеологизированном и тенденциозном плане. В работах В. Бик [6], О. Виккер [7], Ф. Данцскес [8], Н. Петрова-Павлова [9], М. Гернета [10] и др. отбывание наказания в местах заключения царской России однозначно оценивалось как бесчеловечное, а противодействие арестантов установленному в пенитенциарных учреждениях режиму рассматривалось в основном позитивно.

Современные работы Р. Андриянова [11], О. Крюковой [12], И. Стрыгиной [13], Н. Нарышкиной [14], О. Березиной [15] и др. отличаются деполитизированностью и объективностью. Кроме того, эти авторы вводят в научный оборот новые исторические источники, в том числе архивные материалы.

Проблемы обеспечения прав арестантов в российских местах заключения, противодействия их побегам и террору в отношении чинов надзора и администрации на рубеже XIX–XX вв. стали объектом исследования А. Е. Епифанова, Е. М. Павленко, Е. Е. Красноженовой и С. Н. Кулика [16–18].

В отмеченных работах вопросы, касающиеся истории противодействия беспорядкам в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв., нашли отражение лишь частично, комплексного исследования они не получили.

Главное тюремное управление осознавало усугублявшееся ухудшением состава осужденных неудовлетворительное состояние пенитенциарной системы. Переполненность большинства тюрем значительно осложняла поддержание необходимого режима и дисциплины администрацией мест заключения. Однако, по мнению ведомства, именно переживаемая Россией революционная ситуация требовала от его чинов до конца исполнить свой служебный долг.

Исправить положение были призваны совершенствование режима отбывания наказания, включая

разделение заключенных по роду совершенных преступлений, отделение рецидивистов и т. п., а также введение патроната для отбывших наказание и обязательное предоставление им работы.

Динамика беспорядков и связанных с ними правонарушений среди заключенных в российских пенитенциарных учреждениях в изучаемый период представлена в табл. 1, 2.

Таблица 1

Сведения о происшествиях в местах заключения в 1899–1908 гг. [19, с. 698]

Годы	Виды происшествий									
	Беспорядки	Убийство арестантами чинов тюремного надзора, администрации и медицинского персонала	Насильственные действия в отношении чинов надзора, управления и караула	Убийство арестантов арестантами	Нанесение арестантами ран и побоев друг другу	Подделка монет	Святотатство	Поджоги	Пожары	Самоубийства и покушения на самоубийство арестантов
1899	13	–	9	2	12	–	–	1	6	11
1900	6	–	11	4	7	–	–	2	4	10
1901	51	–	34	17	24	4	3	1	7	24
1902	63	–	30	20	26	5	3	2	12	20
1903	168	2	55	16	79	7	6	7	19	42
1904	140	3	49	22	74	5	21	3	11	42
1905	137	–	46	28	41	2	9	4	13	40
1906	133	11	85	42	122	2	2	7	27	42
1907	145	33	119	58	116	15	14	23	45	118
1908	43	5	36	42	72	6	9	9	23	103

Обращает на себя внимание стремительный рост насильственных преступлений, сопровождавших беспорядки в российских тюрьмах. Только в 1907 г. были убиты 140 и ранены 169 чинов тюремной администрации и надзорсостава, в том числе начальник Главного тюремного управления (ГТУ) А. М. Максимовский.

Таблица 2

Число убийств и насилий, совершенных арестантами в отношении чинов тюремного надзора и арестантов [19, с. 698]

Годы	Общее число	Показатели на 10 000 арестантов
1899	23	3
1900	22	3
1901	75	9
1902	76	9
1903	152	16
1904	148	16
1905	115	14
1906	260	24
1907	326	23
1908	155	9

Вся полнота ответственности за поддержание порядка и режима отбывания наказания во вверенных пенитенциарных учреждениях возлагалась на их начальников. Так, согласно циркуляру саратовского губернского тюремного инспектора № 8346 от 16.12.1903 г. начальник (смотритель) тюрьмы объявлялся полным хозяином и блюстителем порядка во вверенном учреждении. В этой связи находящимся в тюрьмах воинским чинам запрещалось принимать участие в обысках. При подавлении беспорядков они оставались в полном подчинении своих воинских начальников и руководствовались уставами внутренней и гарнизонной службы. Вмешательство начальника тюрьмы в их действия запрещалось (Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 47).

В целях предотвращения беспорядков и бунтов среди заключенных администрацией пенитенциарных учреждений были установлены регулярные проверки усвоения надзирателями сделанных им разъяснений, правил употребления и обращения с оружием, вводились систематические и особо тщательные осмотры и обыски в камерах для обнаружения подкопов и недозволенных к хранению вещей. Порой арестанты проявляли недюжинные хитрость и смекалку, с тем чтобы скрыть от тюремного надзора запрещенные предметы и оружие. Так, в 1909 г. при обыске заключенного Камалова в Метехском тюремной замке в его деревянной ноге был обнаружен пистолет системы Браунинга с двумя обоймами [20, с. 948].

Согласно установленному порядку камеры с заключенными в обязательном порядке должны были находиться под запором. Переход арестантов из одной камеры в другую категорически запрещался, как и занавески и загородки, препятствующие надзору за арестантами. Выпуск арестованных на прогулки, в баню, отхожие места и пр. был разрешен только небольшими партиями.

Прогулки заключенных допускались не беспорядочной толпой, а в определенном порядке (попарно, в кругу и т. п.) и под усиленным конвоем. Кроме того, при рассматриваемых обстоятельствах ГТУ был поставлен вопрос о запрете надзирателям, входящим в арестантские камеры, иметь при себе оружие. При входе надзирателей в камеры особо опасных преступников предписывалось держать последних на прицеле и при необходимости применять оружие на поражение.

Несмотря на строгие указания ГТУ, беспорядки в местах заключения не только продолжались, но и имели тенденцию к расширению. Ревизии мест заключения показали, что во многих из них было обнаружено полное отсутствие надлежащего тюремного режима, без которого поддержание порядка и дисциплины было немыслимо. В то время как постоянное содержание арестантских камер на запоре являлось одним из необходимых условий обеспечения внутреннего порядка, они оставались открытыми, создавая заключенным условия для нападений на тюремную администрацию и надзорсостав. Арестанты имели возможность переходить из камеры в камеру, носить собственную одежду и хранить в камерах недозволенные вещи. Начальники мест заключения во многих случаях проявляли слабость и бесхарактерность, совершенно не заботясь об укреплении собственного авторитета среди как подчиненных, так и осужденных. Помощники начальников мест заключения во многих случаях не принимали необходимых мер по подготовке надзирателей к тюремной службе, недостаточно наблюдали за качеством исполнения теми служебных обязанностей и даже нередко оставляли без внимания донесения чинов надзора о нарушении заключенными дисциплины и тюремных правил. Тем самым они роняли в глазах арестантов всякое значение надзорсостава и ослабляли в чинах тюремной стражи стремление к ревностному исполнению служебного долга.

В деле поддержания порядка и дисциплины в местах заключения отмечался целый ряд недопустимых упущений. Так, из-за опасений вызвать открытый бунт заключенных за нарушение тюремных правил они часто не наказывались. Многие проступки оставались безнаказанными, и зачастую наступала полная распущенность тюремных учреждений. Тем самым тюремное начальство предпочитало мириться не только с отсутствием режима и дисциплины в тюрьмах, но даже с явным нарушением арестантами основных требований тюремного законодательства.

Подобный порядок в тюрьмах ГТУ был признан нетерпимым. В этой связи чины тюремной администрации были призваны найти в себе мужество противостоять незаконным домогательствам арестантов и применять к ним подобающие взыскания, невзирая на категории и сословия, к которым те принадлежали. Необходимо отметить, что во многих случаях чины тюремной администрации, надзорсостава и конвоя проявляли мужество и отвагу при исполнении служебных обязанностей. Так, 1 августа 1907 г. унтер-офицер рижской конвойной команды Злобин в качестве ее начальника сопровождал колонну из 31 арестанта. Внезапно арестанты были окружены публикой, которая вопреки действиям конвоя стала передавать им записки и цветы. В ходе завязавшейся потасовки Злобин был ранен ударом палки по голове, но, несмотря на полученное ранение, обливаясь кровью, сумел разогнать толпу и доставить всех заключенных по месту назначения. За проявленные мужество и самоотверженность унтер-офицер был удостоен личной похвалы императора [21, с. 33].

Как оказалось, нередко причины возникновения беспорядков и грубых нарушений дисциплины и режима в местах заключения крылись в отсутствии необходимого руководства тюремным делом и надзора за ним со стороны губернского начальства. Часто последнее не было осведомлено о существующих в тюрьмах порядках, при возникновении затруднений в правильном содержании арестантов оно предпочитало ограничиваться информированием о них Главного тюремного управления, не предпринимая при этом необходимых мер по устранению недостатков. В достаточной степени заботы по пополнению личного состава тюремной администрации и надзорсостава также не проявлялось. Более того, губернские власти допускали недозволенные сношения арестантов с внешним миром, в том числе с оказывавшими помощь политзаключенным подпольными организациями [22, с. 734].

Некоторые губернаторы разрешали своей властью существенные отступления от установленного порядка содержания арестантов, в том числе оставление камер незапертыми. Политзаключенным разрешались свидания без уважительных причин и не через решетку. Допускались передача им запрещенных предметов, а также предоставление недозволенных льгот.

29 сентября 1907 г. в целях обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия министр внутренних дел своим циркуляром № 114153 предложил руководителям местной администрации принять необходимые меры по предупреждению беспорядков среди арестантов и не перекладывать все заботы по управлению местами заключения исключительно на губернских тюремных инспекторов [22, с. 733].

Для подавления насильственного противодействия заключенных тюремной администрации было предоставлено право применять вооруженную силу в лице тюремных надзирателей, а в крайних случаях – прибегать к содействию войск [23, с. 809]. Применение огнестрельного оружия к арестантам в качестве меры крайней необходимости допускалось не только чинами тюремного надзорсостава, но также полицейскими и жандармскими командами, привлекаемыми для восстановления порядка в тюрьмах. Согласно соответствующей инструкции, утвержденной МВД 23 апреля 1908 г., необходимость применения

оружия определялась распоряжавшимся на месте беспорядков старшим полицейским начальством. Соответствующий приказ следовало отдавать лишь в том случае, если все средства к усмирению неповинующихся были исчерпаны. Приводить оружие в действие было возможно лишь после троекратного «громогласного» предупреждения неповинующихся на этот счет. Применение огнестрельного оружия допускалось для рассеивания неповинующейся толпы, препятствующей продвижению команды; против нападающих арестантов, а также производящих в присутствии команды насилие над личностью, насильственное уничтожение имущества, поджоги и убийства. Стрельба в воздух или холостыми патронами при этом запрещалась (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 88. Л. 313). Как отмечалось Главным тюремным управлением, в подавляющем большинстве случаев расследование показывало абсолютную правомерность действий тюремной администрации по применению оружия [21, с. 28].

Согласно циркуляру Главного тюремного управления № 31 от 20.11.1907 в дополнение к требованию действовать оружием для прекращения недозволенных песен и речей арестантов предписывалось открывать огонь по тюремным окнам, если осужденные предпринимали попытки испортить рамы, выбросить наружу какие-либо вещи или вести переговоры с посторонними. Применять оружие предписывалось при буйстве, беспорядках и сопротивлении арестантов [24, с. 698].

Согласно установленному порядку принятие решения о применении оружия относилось к компетенции начальника места заключения либо старшего по должности чина тюремной администрации или стражи. При их отсутствии на месте происшествия в экстренных случаях оружие могло применяться без их ведома и разрешения. Выбор между холодным или огнестрельным оружием при этом оставался за его владельцем. В любом случае его применение допускалось только на поражение. О каждом случае применения оружия чинами тюремной администрации незамедлительно составлялся протокол с изложением обстоятельств дела. Характерно, что названная инструкция была размещена в тюрьмах для всеобщего ознакомления. Более того, согласно циркуляру ГТУ № 31 от 20.11.1907, управление осуществляло мониторинг всех случаев применения оружия чинами тюремной администрации и надзорсостава на предмет награждения лиц, проявивших особую находчивость и распорядительность по предотвращению беспорядков с оружием в руках [22, с. 729].

Точное исполнение правил инструкции об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи было закреплено 30 ноября 1909 г. циркуляром Главного тюремного управления № 57. Более того, с тем чтобы избежать излишнего кровопролития, названный циркуляр требовал вывешивать в камерах заключенных текст инструкции либо краткое и доходчивое изложение тех нарушений тюремного режима, которые влекут за собой применение оружия. Кроме того, циркуляр содержал предписание проводить с арестантами разъяснительную работу по этому поводу и при необходимости делать соответствующие предупреждения [25, с. 1131].

Учитывая интересы безопасности чинов надзора и стражи, наружная охрана тюрем устраивалась таким образом, чтобы исключить всякую возможность массовых беспорядков во дворе тюрьмы. Так, в Александровской каторжной тюрьме с устроенных по периметру сторожевых вышек тюремный двор был полностью открыт для обстрела таким образом, чтобы часовые за короткое время могли перестрелять половину бунтовщиков. Данное обстоятельство было призвано удерживать заключенных от участия в беспорядках [22, с. 758].

Одновременно со стремительным ростом тюремного населения начиная с 1906 г. отмечаются и коренные перемены в его составе и характере. В результате в местах заключения в большом количестве сосредотачиваются опасные преступники, склонные к совершению тяжких преступлений. Немало проблем доставляли тюремной администрации и надзорсоставу политические заключенные. Формально они подлежали отбыванию наказания в условиях, предназначенных для общеуголовных заключенных. Некоторые требования относительно данной категории были представлены в правилах о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов, утвержденных министром юстиции 16 ноября 1904 г. На практике в отношении политзаключенных допускался ряд отступлений, не предусмотренных ни уголовно-исполнительным законодательством, ни названными правилами. Так, в нарушение последних политическим арестантам разрешались свидания не только с родными и близкими, но и с посторонними лицами, причем в любое время и в помещениях без решеток. Вопреки ст. 286 Устава о ссыльных (в редакции 1902 г.) содержащиеся в тюрьмах каторжники далеко не всегда заковывались в кандалы.

Летом 1906 г. при ревизии Акатуевской каторжной тюрьмы инспектором ГТУ были выявлены вопиющие нарушения режима отбывания наказания. Арестанты содержались в незапертых камерах и беспрепятственно общались между собой. Они имели крупные суммы денег при себе, собственную лавку и общую кухню. Родственники и знакомые заключенных имели возможность посещать их в камерах, а сами они – отлучаться из тюрьмы в соседние селения. Подобный порядок совершенно не соответствовал установленным требованиям и характеру каторжных работ как тягчайшего из уголовных наказаний [26, с. 298].

К полной распущенности и своеволию заключенных в Акатуевской тюрьме привели послабления режима. По их собственному выражению, они жили там как у себя дома. По отзывам Иркутского генерал-губернатора и прокурора Читинского окружного суда, Нерчинская каторга, включавшая названную тюрьму, вплоть до начала 1907 г. находилась в крайне неудовлетворительном состоянии. Это проявлялось не только в ветхости и техническом несовершенстве тю-

ремных зданий, но и в отсутствии среди заключенных надлежащей дисциплины, а также допускавшихся администрацией отступлениях от установленных правил содержания каторжных. Так, тюремное начальство не препятствовало общению содержавшихся в Акатуевской тюрьме женщин с остальными политзаключенными. Они образовали сплоченную коммуну, которая фактически управляла тюрьмой. Политзаключенные завели свою кухню, устроили лавку. Вопреки установленному порядку политзаключенные использовали общеуголовных арестантов в качестве прислуги, носили собственные одежду и белье (при обыске у них были обнаружены деньги и фальшивые паспорта). Обыскам политзаключенные не подвергались, от оков были освобождены. Родственники и знакомые беспрепятственно навещали их в камерах. Ко всему прочему, арестанты наотрез отказывались выполнять распоряжения администрации, направленные на восстановление тюремного режима. Между тем в Акатуевской тюрьме были сосредоточены осужденные за наиболее опасные государственные преступления, в том числе террористы и лица, которым смертная казнь была заменена каторгой. Восстановление надлежащего порядка в тюрьме потребовало не только применения строгих мер дисциплинарного взыскания, но и вмешательства воинской конвойной команды. За ослабление режима, повлекшее тяжкие последствия, начальник тюрьмы, его помощник и один из надзирателей были преданы суду [27, с. 421–428].

За нарушение порядка в исправительных арестантских отделениях с отягчающими обстоятельствами (упорное неповиновение, буйство или ослушание скопом и т. п.) на основании ст. 397 Устава о ссыльных допускался арест в темном или светлом карцере сроком до месяца. На буйствующих в карцере арестантов, согласно ст. 396, могла по установленным правилам надеваться смирительная рубашка. Осужденные, не освобожденные от телесных наказаний, в качестве альтернативы карцеру могли подвергаться 50 ударам розгами.

ГТУ требовало от чинов тюремной администрации и надзора ни в коем случае не заискивать перед заключенными и не допускать никаких послаблений режима, за исключением прямо предусмотренных соответствующими распоряжениями. Например, тюремная администрация и надзор ГТУ наряду с репрессивными средствами воздействия на правонарушителей могли применять такую меру поощрения добросовестных заключенных, как предоставление права на курение табака при условии, что это будет безопасным в пожарном отношении и не стеснит некурящих арестантов. Носило оно льготный характер и допускалось лишь для тех осужденных, которые отличились хорошим поведением и усердием в работе. В случае неповиновения и иных проступков арестанта данное разрешение подлежало отмене. Между тем во многих местах заключения, вопреки точному смыслу циркуляра ГТУ № 13 от 24.08.1905, курение табака было разрешено всем арестантам без исключения. Так, в одной из тюрем курение было разрешено даже арестанту, который за вредное влияние на товарищей был переведен из общей камеры в одиночную [23, с. 810].

Суровому наказанию подлежали чины администрации и надзорсостава, допустившие недозволенные сношения с арестантами. Так, 19 апреля 1902 г. Тюремное управление Саратовского губернского правления в назидание всему личному составу вверенных мест заключения региона распространило циркуляр о том, что за слишком близкую дружбу с арестантами и полную неблагонадежность в административном порядке был уволен младший надзиратель Вольской тюрьмы Моргунов (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 151). Другой надзиратель той же тюрьмы в аналогичном порядке был уволен за то, что доставил с внешних работ 18 арестантов в пьяном виде (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 171).

Во многих случаях массовые беспорядки в российских пенитенциарных учреждениях были направлены на совершение побегов. Например, 29 апреля 1908 г. кровопролитный бунт произошел в Екатеринославской тюрьме. В ходе его заключенными, в основном особо опасными преступниками, в том числе осужденными к смертной казни, была предпринята безуспешная попытка побега. Сигналом к началу беспорядков послужил взрыв бомбы, заложенной в тюфяке у тюремной стены. После этого, выхватив полученные с воли и спрятанные ранее револьверы новейшей системы, расстреливая оказавшихся на пути надзирателей, арестанты ринулись освобождать запертых в камерах сподвижников. В ходе завязавшейся перестрелки часовыми и надзирателями был убит 21 заключенный. Еще четверо арестантов были убиты надзирателями в камерах, после того как попытались выломать двери. Многие арестанты были ранены тюремной стражей и военным караулом, отгонявшими их выстрелами от окон. Своевременно прекратить беспорядки удалось благодаря прибытию к месту событий кавалерийских и пехотных воинских подразделений [28, с. 417–419].

С целью предупреждения побегов арестантов в местах заключения применялись специальные меры предосторожности. Их перечень расширительному толкованию не подлежал. Арестант, совершивший побег, а равно изобличенный в покушении или приготовлении к нему, мог быть заключен в отдельную камеру и, кроме того, за некоторыми исключениями властью начальника места заключения с ведома лица прокурорского надзора закован в кандалы [24, ст. 407].

Учитывая особую опасность осужденных к каторжным работам, согласно примечанию 1 к ст. 407 Устава о содержании под стражей, все заключенные этой категории с момента вступления судебных приговоров в законную силу и к моменту отправки к месту ссылки подлежали обязательному заковыванию в кандалы на всем протяжении следования по этапу, а также обритию правой стороны головы (как того требовала ст. 194 Устава о ссылке). Между тем саратовский губернский тюремный инспектор, например, в ходе ин-

спектирования некоторых тюрем региона обнаружил там осужденных ссыльно-каторжных без оков и обрития головы, в связи с чем 10 января 1903 г. вынужден был своим циркуляром самым строгим образом потребовать от их руководства незамедлительного наведения порядка в данной сфере (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.).

5 марта 1904 г. Тюремное отделение Саратовского губернского правления своим циркуляром № 1889 в развитие действующих распоряжений Министерства внутренних дел потребовало обязательного заковывания в кандалы бродяг (с момента вступления приговора суда в силу); преступников мужского пола, за исключением малолетних и лиц, освобожденных от телесных наказаний; лиц, осужденных к ссылке за тяжкие уголовные преступления (при их этапировании к месту отбывания наказания) [29, с. 115].

Негодование широкой общественности вызвало применение к арестантам такой разновидности кандалов, как особые предупредительные связки. Согласно циркуляру Главного тюремного управления № 7 от 07.04.1907 они также применялись для противодействия побегам. На пересыльных арестантов могли быть наложены наручники, с соблюдением правил, установленных для применения кандалов [24, ст. 410]. По установленным правилам, за поимку бежавших арестантов выдавалось денежное вознаграждение [24, ст. 415].

Выводы

На рубеже XIX–XX вв. российские пенитенциарные учреждения испытали значительный всплеск массовых беспорядков и нарушений режима отбывания наказания, сопровождавшихся многочисленными попытками побега заключенных. Особенно названные проявления активизировались в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. В свою очередь, рост числа бунтов и волнений среди арестантов оказал существенное влияние на реорганизацию мест заключения Российской империи.

Развитию беспорядков благоприятствовали просчеты администрации и надзорсостава в обеспечении режима отбывания наказания, небрежное исполнение ими своих служебных обязанностей, переполненность мест лишения свободы и возрастание удельного веса в них осужденных опасных преступников, в том числе государственных. На противодействие беспорядкам в пенитенциарных учреждениях был направлен ряд мер по укреплению режима отбывания наказания и дисциплины среди как арестантов, так и персонала мест заключения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виташевский А. Централка. Из воспоминаний // Былое. 1906. № 7. С. 107–135.
2. Колосов В. Рассказы о Карийской каторге (из воспоминаний врача). СПб., 1907. 319 с.
3. Конопницкая М. Картинки из тюремной жизни и другие рассказы. СПб., 1911. 178 с.
4. Лейсс Г. В исправительной тюрьме. СПб., 1906. 256 с.
5. Якубович П. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907. 544 с.
6. Бик В. К материалам о Якутской трагедии // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 29–38.
7. Виккер О. Побеги романовцев // Каторга и ссылка. 1929. № 3. С. 74–85.
8. Данцскес Ф. Истязания в Орловском централе // Каторга и ссылка. 1923. № 3. С. 153–163.
9. Петров-Павлов Н. О побеге смертников и каторжан из Бобруйской крепости // Каторга и ссылка. 1924. № 6. С. 92–124.
10. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1960–1963. Т. 3. 430 с.
11. Андриянов Р. В. Уголовная ответственность за побег в дореволюционной России // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 15–18.
12. Крюкова О. Ю. Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 30–36.
13. Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 218–223.
14. Нарышкина Н. И. Организационно-правовые меры предупреждения побегов из тюрем в России: исторический аспект // Преступность, криминология, криминологическая защита / под ред. А. И. Долговой. М., 2007. С. 281–286.
15. Березина О. Б. Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XVIII – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 4 (44). С. 14–18.
16. Епифанов А. Е. Из истории противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2023. № 18 (2). С. 812–820.
17. Епифанов А. Е., Павленко Е. М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1910–1921.
18. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е., Кулик С. Н. Побеги арестантов в истории российских пенитенциарных учреждений конца XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2022. № 17 (2). С. 876–889.
19. Тюремный вестник. 1910. № 5. 810 с.
20. Тюремный вестник. 1909. № 10. 1024 с.
21. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Особые государственно-правовые режимы в отечественной теории государства и права // Право и практика. 2012. № 1. С. 30–36.
22. Тюремный вестник. 1907. № 10. 800 с.
23. Тюремный вестник. 1906. № 10. 855 с.

24. Свод законов Российской империи. Том четырнадцатый. Уставы о паспортах, о предупреждении преступленій, о цензуре, о содержащихся под стражей и о ссыльных. СПб., 1890. 909 с.
25. Тюремный вестник. 1909. № 12. 1206 с.
26. Тюремный вестник. 1907. № 4. 335 с.
27. Тюремный вестник. 1907. № 6. 524 с.
28. Тюремный вестник. 1908. № 5. 436 с.
29. Ашихмина А. В., Епифанов А. Е., Абдрашитов В. М. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Волгоград, 2008. 222 с.

REFERENCES

1. Vitashevskii A. *Central prison. Memories. Byloe* = *The Past*, 1906, no. 7, pp. 107–135. (In Russ.).
2. Kolosov V. *Rasskazy o Kariiskoi katorge (iz vospominanii vracha)* [Stories about the Kariya penal servitude (from the memoirs of a doctor)]. Saint Petersburg, 1907. 319 p.
3. Konopnitskaya M. *Kartinki iz tyuremnoi zhizni i drugie rasskazy* [Pictures from prison life and other stories]. Saint Petersburg, 1911. 178 s.
4. Leiss G. *V ispravitel'noi tyur'me* [In a correctional prison]. Saint Petersburg, 1906. 256 p.
5. Yakubovich P. *V mire otverzhennykh. Zapiski byvshego katorzhnika* [In the world of the outcasts. Notes of a former convict]. Saint Petersburg, 1907. 544 p.
6. Bik V. On the materials about the Yakut tragedy. *Katorga i ssylka* = *Hard Labor and Exile*, 1926, no. 3, pp. 29–38. (In Russ.).
7. Vikker O. Escapes of the Romanovs. *Katorga i ssylka* = *Hard Labor and Exile*, 1929, no. 3, pp. 74–85. (In Russ.).
8. Dantsskes F. Tortures in the Orel central prison. *Katorga i ssylka* = *Hard Labor and Exile*, 1923, no. 3, pp. 153–163. (In Russ.).
9. Petrov-Pavlov N. On the escape of suicide bombers and convicts from the Bobruisk fortress. *Katorga i ssylka* = *Hard Labor and Exile*, 1924, no. 6, pp. 92–124. (In Russ.).
10. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. T. 3* [History of the tsar's prison: in 5 volumes. Volume 3]. Moscow, 1960–1963. 430 p.
11. Andriyanov R.V. Criminal liability for escape in pre-revolutionary Russia. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* = *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015, no. 4 (25), pp. 15–18. (In Russ.).
12. Kryukova O. YU. Criminal liability for escape from places of deprivation of liberty, evasion from serving a punishment in correctional facilities: historical aspect. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* = *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 30–36. (In Russ.).
13. Strygina I.V. Outline history of crimes against justice criminal law of pre-Soviet period. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* = *Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 10 (44), pp. 218–223. (In Russ.).
14. Naryshkina N.I. Organizational and legal measures to prevent prison escapes in Russia: historical aspect. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Prestupnost', kriminologiya, kriminologicheskaya zashchita* [Crime, criminology, criminological protection]. Moscow, 2007. Pp. 281–286. (In Russ.).
15. Berezina O.B. Penal servitude of Nerchinsk in the system of penitentiary institutions of Russia at the end of XVIII – beginning of XX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2006, no. 4 (44), pp. 14–18. (In Russ.).
16. Epifanov A.E. From the history of counteraction to riots in Russian penitentiary institutions at the turn of the XIX – XX centuries (based on the materials of the Saratov Province). *Bylye gody* = *The Years Past*, 2023. No. 18 (2). S. 812–820. (In Russ.).
17. Epifanov A.E., Pavlenko E.M. From the history of ensuring the rights of prisoners in prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th - 20th centuries (based on materials from the Saratov Province). *Bylye gody* = *The Years Past*, 2021, no. 16 (4), pp. 1910–1921. (In Russ.).
18. Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.N. Escapes of prisoners in the history of Russian penitentiary institutions of the late XIX – early XX centuries. *Bylye gody* = *The Years Past*, 2022, no. 17 (2), pp. 876–889. (In Russ.).
19. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1910. No. 5. 810 p.
20. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1909. No. 10. 1,024 p.
21. Epifanov A.E., Dzhambalaev Ya.R. Special state-legal regimes in domestic theory of law. *Pravo i praktika* = *Law and Practice*, 2012, no. 1, pp. 30–36. (In Russ.).
22. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 10. 800 p.
23. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1906. No. 10. 855 p.
24. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom chetyrnadtsatyi. Ustavy o pasportakh, o preduprezhdenii prestuplenii, o tsenzure, o soderzhashchikhsya pod strazhei i o ssyl'nykh* [The Code of Laws of the Russian Empire. Volume fourteen. Statutes on passports, on the prevention of crimes, on censorship, on detainees and on exiles]. Saint Petersburg, 1890. 909 p.
25. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1909. No. 12. 1,206 p.
26. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 4. 335 p.
27. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 6. 524 p.
28. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1908. No. 5. 436 p.
29. Ashikhmina A.V., Epifanov A.E., Abdrashitov V.M. *Mekhanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii* [Mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. Volgograd, 2008. 222 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Статья поступила 05.02.2024

Обзорная статья
УДК 343.8
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.002

Пенитенциарные системы современного мира: проблемы понимания, классификации, функционирования (обзор докладов и выступлений участников межрегионального круглого стола «Пенитенциарные системы современности», Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 28 октября 2023 г.)

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, romashov_tgp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9777-8625

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, https://orcid.org/0000-0002-9031-5182

Реферат

Публикуемый обзор по итогам состоявшегося 28 октября 2023 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России межрегионального круглого стола «Пенитенциарные системы современного мира: проблемы понимания, классификации, функционирования» подготовлен в целях обобщения критического осмысления выступлений докладчиков, затрагивающих теоретико-правовые и прикладные вопросы функционирования различных пенитенциарных систем. Рассматриваются теоретические вопросы понятия и сущности пенитенциарной системы. Акцентируется внимание на особенностях теоретического моделирования и практического воплощения пенитенциарной системы как полисемичного по смыслу явления, представленного моделями нормативной системы, системы национального законодательства и национальной правовой системы. Высказаны идеи о необходимости учитывать роль целевых установок и ценностных приоритетов, положенных в основу формирования и функционирования пенитенциарной системы Российской Федерации. Проанализированы исторические особенности и закономерности ее становления, развития, модернизации. Обосновывается необходимость разграничения трех модальных конструкций пенитенциарной системы. Сформулированы практические рекомендации, направленные на оптимизацию структурирования и функционирования территориальных подразделений и образовательных учреждений ФСИН России в плане усиления их эффективности в вопросах гуманизации системы исполнения наказаний и обеспечения ее квалифицированными профессиональными кадрами.

Ключевые слова: система права; пенитенциарное право; пенитенциарные системы; правовая культура; пенитенциарные правоотношения; пенитенциарный правопорядок.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Свинин Е. В., Кириловская Н. Н. Пенитенциарные системы современного мира: проблемы понимания, классификации, функционирования (обзор докладов и выступлений участников межрегионального круглого стола «Пенитенциарные системы современности», Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 28 октября 2023 г.) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 13–20. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.002.

© *Ромашов Р. А., Свинин Е. В., Кириловская Н. Н., 2024*

Original article

Modern Penitentiary Systems: Problems of Understanding, Classification, Functioning (Reviewing Speeches of Participants of the Interregional Round Table "Modern Penitentiary Systems", Vologda, VILE of the FPS of Russia, October 28, 2023)

ROMAN A. ROMASHOV
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9777-8625

EVGENII V. SVININ
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X, evsvinin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9031-5182

Abstract
The published review based on results of the interregional round table "Modern Penitentiary Systems: Problems of Understanding, Classification, Functioning" held on October 28, 2023 at the VILE of the FPS of Russia is prepared to summarize key ideas of the speakers' reports on theoretical, legal and applied issues of the functioning of various penitentiary systems. Theoretical issues of the concept and essence of the penitentiary system are considered. Attention is focused on features of theoretical modeling and practical implementation of the penitentiary system as a polysymic phenomenon, represented by models of the regulatory system, the system of national legislation and the national legal system. The objectives and value priorities underlying the formation and functioning of the Russian penitentiary system are outlined. Historical features and patterns of its formation, development, and modernization are analyzed. The necessity to distinguish three modal constructions of the penitentiary system is substantiated. Practical recommendations to optimize structuring and functioning of territorial divisions and educational institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation are formulated in order to strengthen their effectiveness in humanizing the penal system and provide it with qualified professional personnel.

Keywords: law system; penitentiary law; penitentiary systems; legal culture; penitentiary legal relations; penitentiary law and order.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Romashov R.A., Svinin E.V., Kirilovskaya N.N. Modern penitentiary systems: problems of understanding, classification, functioning (reviewing speeches of participants of the Interregional round table "Modern Penitentiary Systems", Vologda, VILE of the FPS of Russia, October 28, 2023). *Penitentiary Science,* 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 13–20. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.002.

28 октября 2023 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России состоялся межрегиональный круглый стол «Пенитенциарные системы современности».

В рамках его работы участники обсудили широкий круг вопросов, связанных с понятием и структурой пенитенциарной системы, особенностями пенитенциарного права как ее нормативной основы; поиском оптимальных форм регулирования пенитенциарной системы; проблемой типологии пенитенциарных систем; правовой политикой реформирования пенитенциарных систем; правоотношениями, законностью и правопорядком в пенитенциарных системах.

Широта проблемного поля, включающего как общетеоретические, так и отраслевые аспекты, свидетельствует о важности и актуальности круглого стола.

Основной доклад на тему *«Пенитенциарная система: опыт теоретического моделирования и критерии классификации»* был представлен *профессором кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Ромашовым Романом Анатольевичем.*

Отмечалось, что системный подход к современной пенитенциаристике предполагает выделение

трех модельных конструкций: нормативной системы пенитенциарного права, системы пенитенциарного законодательства и национальной пенитенциарной системы.

Система пенитенциарного права как нормативная общность (межотраслевой правовой массив) представлена совокупностью юридических норм, объединенных в специализированные институты (дефиниции, принципы, ценности и т. п.) и подотрасли (порядок исполнения наказания в виде лишения свободы, ареста, ограничения свободы, принудительных работ и др.). По своему содержательному объему пенитенциарное право не тождественно уголовно-исполнительному, поскольку включает в себя не только нормы вышеназванной отрасли, но и правовые предписания других отраслей российского права (конституционного, административного, уголовного, гражданского, трудового и др.), объединенных социальной сферой правового регулирования – средой пенитенциарной жизнедеятельности.

Система пенитенциарного законодательства объединяет нормативно-правовые акты, регламентирующие отношения между субъектами пенитенциарных отношений. Элементами данной системы выступают: основной закон (Конституция Российской Федерации), акты стратегического планирования (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.), кодифицированные (УИК РФ, УК РФ, УПК РФ, КОАП РФ и др.) и некодифицированные (законы «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и др.) законодательные акты, принимаемые как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Кроме того, закрепление на конституционном уровне двух типов правопонимания (нормативистского и естественно-правового) актуализирует проблему «живого» пенитенциарного законодательства, представленного двуединством текстуального и интерпретационного нормотворчества, а также «опережающим правоприменением», в рамках которого учреждениям и должностным лицам уголовно-исполнительной системы предписывается совершать юридически значимые деяния, выходящие за рамки законодательно установленных правил и процедур.

Система национального пенитенциарного права включает совокупность источников (юридических форм) пенитенциарного права (акты пенитенциарного законодательства, нормативные договоры, юридические обычаи), организационные структуры государства и гражданского общества (органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, общественные структуры), пенитенциарное правосознание (общественное, групповое, индивидуальное) и пенитенциарное поведение (правомерное, противоправное). Являясь составной частью национальной государственно-правовой системы, пенитенциарное право представляет социально-культурное явление, в своих организации и функционировании зависящее от состояния национальной правовой культуры.

Закрепление на уровне Концепции внешней политики Российской Федерации определения России в качестве уникального «государства-цивилизации» предопределяет необходимость выделения классификационных критериев, характеризующих национальную пенитенциарную систему, что позволяет определить ее место в ряду соответствующих организационных структур современного мира. В качестве таких критериев предлагается рассматривать ведомственную принадлежность уголовно-исполнительной системы, юридическую технику пенитенциарного правотворчества и правоприменения, милитаризацию/демилитаризацию, соотношение в пенитенциарной организации государственных органов и институтов гражданского общества и др.

Кириловская Наталья Николаевна, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, выступила с докладом *«Безопасность как условие эффективного функционирования пенитенциарных систем».*

Проблемы, связанные с безопасностью, всегда привлекали внимание ученых. В последнее время они особенно актуальны. Понятие безопасности в отечественной и зарубежной научной литературе вызывает большие дискуссии и получает различное толкование. Общеупотребляемым содержательным наполнением понятия безопасности является понимание ее как положения, при котором кому-либо или чему-либо не угрожает опасность. Нормативное понимание безопасности было закреплено в Законе Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-I «О безопасности», в котором она характеризуется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Данный закон утратил силу в связи с принятием нового Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», в котором рассматриваемое понятие отсутствует. В то же время закон закрепляет, что обеспечение безопасности (национальной безопасности) представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер. Таким образом, в новом законе акцент был сделан не на субъектах безопасности, а на ее угрозах и, соответственно, сферах, подлежащих защите. Комплексность понятия национальной безопасности включает все сферы жизнедеятельности государства: политическую, общественную, экологическую, экономическую, информационную, транспортную, энергетическую, культурную, социальную и др. Для формирования национальной безопасности необходимо обеспечение защиты всех ее сфер. Национальная безопасность носит всеобъемлющий характер. Пенитенциарная безопасность является одной из составляющих государственной и общественной национальной безопасности. Под пенитенциарной безопасностью понимается система защиты субъектов и участников

уголовно-исполнительных отношений от внешних и внутренних угроз.

В разд. II Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. «Вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой» указаны исключительно внутренние угрозы. Как представляется, это не совсем верно. Учитывая Концепцию внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023, а также Стратегию национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021, к числу внешних угроз, которые являются таковыми и в отношении пенитенциарной системы, относятся терроризм, экстремизм, наркобизнес, организованная преступность, разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов, компьютерные атаки и др. В связи с этим считаем необходимым разд. II дополнить абзацем, предусматривающим усиление мер, направленных на недопущение распространения экстремизма, такими вызовами, как терроризм, наркобизнес, организованная преступность, разжигание межнациональных и межконфесиальных конфликтов в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Дополнение является важным, так как это угрозы, способствующие ослаблению, дезорганизации и разрушению уголовно-исполнительной системы. Они представляют собой внешние вызовы, стоящие перед государством в целом и уголовно-исполнительной системой в частности.

Раздел XXI Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года посвящен международному сотрудничеству как важному условию совершенствования ФСИН России. По данному вопросу Н. Н. Кирилловская отмечает следующее. Концепция предусматривает расширение и укрепление международного сотрудничества в рамках универсальных (ООН) и региональных площадок, в частности Совета Европы. В связи с выходом России из Совета Европы и недружественной политикой европейских стран автор доклада считает необходимым пересмотреть круг взаимодействия и расширить его за счет структур Содружества Независимых Государств. Так, в рамках СНГ в направлениях сотрудничества значится сотрудничество в сфере безопасности. Организационной структурой данного сотрудничества является Департамент по сотрудничеству в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам Исполнительного комитета СНГ. Пенитенциарная сфера является одним из направлений такого сотрудничества. Правовое оформление сотрудничества в пенитенциарной сфере состоялось в 2015 г. с подписанием Соглашения об образовании Совета руководителей пенитенциарных служб государств – участников Содружества Независимых Государств (СРПС). Членами соглашения стали семь государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. Одним из ключевых вопросов стала проблема противодействия распространению идей терроризма и экстремизма в пенитенциарных учреждениях государств – участников Содружества Независимых Государств. Следовательно, в рамках СНГ признается, что пенитенциарная система может быть подвержена внешним угрозам, в связи с чем создан организационный механизм по предупреждению внешних угроз.

Лунгу Евгения Владимировна, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, в своем выступлении *«Конституционные принципы формирования и функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»* рассмотрела конституционные принципы формирования и функционирования уголовно-исполнительной системы в свете создания единой системы публичной власти Российской Федерации. Отмечается, что предусмотренные действующим уголовно-исполнительным законодательством принципы не отражают конституционные преобразования 2020 г. и нуждаются в пересмотре с учетом имеющихся новаций. В результате формулируется новый взгляд на конституционные принципы формирования и функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Предлагается выделить следующие конституционные принципы: гуманизм, законность, федерализм, разделение властей, гласность, согласованность функционирования органов, входящих в единую систему публичной власти России, и организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти России. При этом следует считать, что принцип демократизма не может быть реализован в формировании и функционировании уголовно-исполнительной системы в том значении, в каком он понимается в конституционном праве.

Зебницкая Анна Константиновна, заместитель начальника кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, в своем докладе *«К вопросу об осуществлении встреч общественного защитника с подзащитным в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»* акцентировала внимание на том, что, преодолев судебный барьер, общественный защитник сталкивается с не менее серьезной проблемой, а именно организацией допуска в учреждения ФСИН России для конфиденциальной встречи со своим доверителем.

Казалось бы, куда проще: прибыть в следственный изолятор либо исправительное учреждение и предъявить выписку из протокола судебного заседания, в котором гражданин был допущен судом в качестве защитника наряду с адвокатом, после чего оформить требование и пройти в следственный кабинет для оказания юридической помощи обвиняемому, содержащемуся под стражей.

Однако имеют место случаи, когда администрация учреждения не принимает выписки из протокола судебного заседания, аргументируя это тем, что подобная информация в учреждение не поступала и достоверность выписки, предъявленной иным лицом, кроме судебных органов, вызывает сомнения. При

этом разрешения на краткосрочные свидания, выдаваемые так же судом на руки заявителю, администрацией учреждения принимаются, и достаточной верификацией здесь служат те же гербовая печать суда и подпись соответствующего судьи.

Еще одной проблемой на пути к встрече с доверителем могут служить и условия, в которых последняя происходит. Руководствуясь тем фактом, что общественный защитник не профессиональный адвокат, встречу с обвиняемым проводят в тех же помещениях, где проходят краткосрочные свидания с родственниками заключенных под стражу лиц. При этом нарушается право обвиняемого на конфиденциальную беседу со своим защитником.

Автор доклада приводит следующий пример: общественным защитником Л. был подан иск на учреждение уголовно-исполнительной системы. В иске защитник указал, что встречи с подзащитным проходили в следственном кабинете, оборудованном глухой разделительной перегородкой с небольшим окном для передачи документов. Подобные условия затрудняли процесс совместного ознакомления и изучения материалов уголовного дела для подготовки к судебному заседанию, поскольку прошитые тома материалов плохо проходили в передаточное окно и сам процесс передачи занимал время. Обвиняемый выступил в суде при рассмотрении административного иска и пояснил, что подобное размещение его за перегородкой не только создавало неудобства при ознакомлении с материалами уголовного дела, но и заставляло испытывать моральные и нравственные страдания в связи с унижением его человеческого достоинства.

Представитель администрации следственного изолятора сослался на необходимость установки подобных разделительных перегородок, поскольку следственный изолятор – это режимное учреждение и в нем содержатся лица, подозреваемые либо обвиняемые в совершении преступлений определенной тяжести [1].

Суд разрешил административный иск, ссылаясь на п. 144–145 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов [2]. Указал, что подозреваемым и обвиняемым предоставляются свидания с защитником в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации. Свидания подозреваемого или обвиняемого с защитником осуществляются наедине без разделительной перегородки и без ограничения их количества и продолжительности; свидания могут проводиться в условиях, позволяющих сотруднику СИЗО видеть подозреваемого или обвиняемого и защитника, но не слышать их, напомнил суд. Фактически это еще один судебный прецедент, подтверждающий равный процессуальный статус общественного защитника и адвоката.

Перебинос Юлия Александровна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, в своем выступлении на тему *«Пенитенциарные системы: история и современность»* рассмотрела пенитенциарную систему с точки зрения организации отбывания наказания осужденными, условий их содержания, режимных требований. В этой связи в ретроспективе выделяются такие исторические типы пенитенциарных систем, как пенсильванская, оборнская, прогрессивная.

Пенсильванская система содержания осужденных была создана в последней четверти XVIII в. в г. Филадельфии (штат Пенсильвания) в США, потому и получила название филадельфийской, или пенсильванской. Формирование системы было связано с открытием религиозной сектой квакеров особой тюрьмы, где должна была царить строгая дисциплина, основанная на разделении осужденных и полной тишине. Инициаторы открытия тюрьмы, в свою очередь, опирались на идеи американского психиатра доктора Раша, который сформулировал идею о том, что преступники должны быть изолированы от общества до полного выздоровления. К тому же квакеры верили в то, что даже самый закоренелый преступник может обратиться к Богу и исправиться, но только в тюрьме. Особенности организации отбывания наказания при пенсильванской системе заключались в следующем: заключенные отбывали наказание в рамках одиночного (келейного) заключения; они были полностью изолированы друг от друга, общение между заключенными было запрещено (система молчания); заключенный мог выходить из камеры только с капюшоном, закрывающим лицо. В камере-келье он должен был только принимать пищу и читать Библию. Вместе с тем осужденному разрешалось заниматься определенной трудовой деятельностью с той целью, чтобы потребность в ежедневном труде стала устойчивой привычкой. Самым же главным недостатком пенсильванской системы являлось одиночное заключение, надежды на исправительную силу которого не оправдались даже у отцов-основателей.

Также автор доклада отмечает, что власти Филадельфии уделяли большое внимание архитектуре тюрем. Для пенсильванской системы характерно веерообразное построение тюрьмы: несколько корпусов, где размещались одиночные камеры, располагались вокруг центра веером. Были и тюремные здания в форме звезды (лучистые или звездчатые). Примером может послужить также тюрьма «Кресты» в Санкт-Петербурге, которая имеет крестовое расположение.

В 1820 г. в г. Оборне (США) начали применять новую тюремную систему, в рамках которой пытались ослабить отрицательные свойства, которыми характеризовалась пенсильванская тюремная система. Вместе с тем суть наказания по-прежнему заключалась в полной изоляции человека, оставлении его один на один со своей совестью и Богом, что должно было, по мнению ее создателей, привести преступника к раскаянию и исправлению. Осужденные должны были находиться в режиме молчания и тишины, усердно изучать религиозную литературу и молиться Богу. За нарушение запретов сурово наказывали плетью или кнутом, отправляли в карцер. Особенностью оборнской системы стал коллективный труд осужденных, впоследствии они могли и вместе проживать. Жестокость наказаний за провинности, характерная для

оборнской системы, привела к возникновению новой системы отбытия наказания – прогрессивной.

Впервые прогрессивная система исполнения наказаний была введена в Англии, поэтому ее часто называют английской, или, так как она также получила распространение и некоторое дополнение в Ирландии, англо-ирландской. Модель прогрессивной пенитенциарной системы была построена в соответствии с воззрениями социологической школы. Она представляет собой систему, в которой условия содержания осужденного менялись с учетом его поведения и отношения к наказанию. При прогрессивной системе были три категории осужденных. Первая категория – «звезда», что означало, что осужденные ранее не приговаривались к тюремному заключению, в знак этого они носили звезду на одежде. Переходная категория – ранее уже осужденные к тюремному заключению, но не получившие звезду в соответствии со своим нравственным обликом. Третий класс выделялся для рецидивистов и лиц, которые нарушили условия осуждения.

Условия лишения свободы были разделены также на три ступени. Первый этап – заключение в одиночной камере: осужденные первого и второго класса проводили в одиночной камере не более трех месяцев, а третьего – 9 месяцев. Каждая женщина должна была провести не менее трех месяцев в больнице. Если заключение в одиночной камере не оказало на осужденного должного воздействия, его срок мог быть продлен. Заключенные на этом этапе не были трудоустроены. На втором этапе заключенные спали раздельно, а днем работали вместе. На этой ступени осужденных делили на пять разрядов, и каждый из них должен был пройти все. За хорошую работу осужденного награждали так называемой маркой (жетоном). После того как осужденный набирал определенное число марок, его переводили в другой разряд наказания. Третий этап – условное освобождение, которое было связано с существенным ограничением свободы осужденного.

Для прогрессивной системы также был характерен особый тип учреждения – реформаторий. Первые реформатории были созданы в 70-е гг. XIX в. в США. В них практиковались деление заключенных на несколько групп по степени их исправления, причем каждой группе соответствовал свой режим содержания (например, достигнувшие высшего уровня имели право на условное наказание или досрочное освобождение; неисправимых обычно содержали в изолированных одиночных камерах без вывода на работу; каждая категория имела свой цвет одежды); стимулирование исправления осужденных посредством условий содержания (условия для проживания, лучшая кухня, использование электричества) и начисления марок как оценок за хорошее поведение; введение спортивных и профессиональных занятий для заключенных. В быт заключенных стали проникать военизированные элементы: они делились на подразделения, роты и батальоны и т. д. Таким образом, прогрессивная система исполнения наказаний была основана на том, что заключенные должны поощряться за добросовестный труд и хорошее поведение. Режим их содержания зависел от процесса исправления. При прогрессивной модели использовались исправительные средства, прежде всего трудовое воздействие.

В настоящее время в зарубежных странах преобладают такие пенитенциарные системы, где центральным, но не единственным видом исправительного учреждения являются тюрьмы, а значит, самыми распространенными являются камерные условия содержания. При этом в странах с более высоким уровнем преступности тюрем больше. Таким образом, современные пенитенциарные системы являются наследницами пенсильванской системы. Вместе с тем в большинстве государств осужденные привлекаются к труду, что свидетельствует о наличии в современных государствах признаков оборнской тюремной системы. В то же время условия отбывания наказания в большинстве зарубежных пенитенциарных учреждений зависят от поведения осужденных, их социально-демографических характеристик, что свидетельствует о наличии элементов прогрессивной модели пенитенциарной системы.

Автор доклада делает вывод о том, что отечественная пенитенциарная система прошла длительный путь своего развития, в разные периоды эволюции она испытывала влияние различных пенитенциарных систем, в XX в. в большей степени подверглась воздействию прогрессивной пенитенциарной системы. Эта тенденция сохранилась и в настоящее время.

Свинин Евгений Валерьевич, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, в своем выступлении на тему *«Социальные и юридические стороны пенитенциарного правопорядка»* акцентировал внимание на необходимости учитывать взаимодействие социальных и юридических сторон в пенитенциарном правопорядке.

Пенитенциарный правопорядок является качественной характеристикой пенитенциарного права. В настоящее время высказываются различные, в том числе и полярные, мнения в отношении пенитенциарного права. Так, ряд авторов полагают, что у пенитенциарного права нет ни собственного предмета, ни метода регулирования, поэтому ни в настоящее время, ни в отдаленной перспективе нет оснований выделять его в качестве новой отрасли или подотрасли права (А. М. Бобров, Н. А. Мельникова), другие склонны видеть в пенитенциарном праве терминологическую форму существующего уголовно-исполнительного права (В. А. Уткин), третья группа ученых расширительно трактует пенитенциарное право, рассматривая его либо как комплексную отрасль российского права (С. М. Оганесян) либо как межотраслевую нормативную общность (Р. А. Ромашов).

Автор доклада акцентировал внимание на методологической ценности категории пенитенциарного права. Выражая согласие с позицией Р. А. Ромашова, он обратил внимание на то, что появление пенитенциарного права – это, прежде всего, мировоззренческие изменения, связанные с восприятием, созданием и реализацией технико-юридического

инструментария правового регулирования пенитенциарных отношений. При этом поменяться должны не только нормы, но также и отношение к ним, а равно и к их адресатам.

Следует также учитывать, что пенитенциарное право представляет собой комплекс норм, регламентирующих не только отношения в сфере исполнения наказания, но и ряд сопутствующих отношений. В их числе можно назвать отношения, связанные с общественным контролем и содействием, административным надзором, постпенитенциарной пробацией, обеспечением реализации отдельных прав осужденных, например права на охрану здоровья и эффективную медицинскую помощь.

Пенитенциарный правопорядок как качественная характеристика пенитенциарного права связана с достижением как юридических (высокий уровень законности), так и социальных целей правового регулирования. Следует отметить, что усиление социальной эффективности связано с повышением качества гарантированности прав и законных интересов осужденных, фактическим достижением исправления как цели наказания, а также воплощением в жизни иных социальных целей пенитенциарного права.

Тихонов Ярослав Игоревич, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, в своем докладе «О некоторых аспектах соотношения пенитенциарного и постпенитенциарного права» отметил, что термины «пенитенциарное право» и «постпенитенциарное право» становятся все более распространенными и употребляемыми в юридической науке, являясь взаимосвязанными понятиями в области исправления и ресоциализации лиц, совершивших преступления. Развитие пенитенциарного и постпенитенциарного права должно достичь того, чтобы данные правовые массивы эффективно и гармонично обеспечивали регулирование единого процесса исправления и ресоциализации лиц, совершивших преступления. От качества данного процесса напрямую зависит устойчивость безопасности на федеральном и региональном уровнях.

Пенитенциарное и постпенитенциарное право призваны обеспечить целостный процесс воспитания, исправления лиц, совершивших преступления, и возвращения их в общество. Автор отмечает, что пенитенциарное и постпенитенциарное право выполняют общую функцию, которая может быть обозначена как коррекционно-превентивная и заключается в формировании правосознания и повышении уровня правовой культуры осужденных и лиц, отбывших уголовное наказание, с целью формирования устойчивого правомерного поведения, предупреждения противоправных действий в дальнейшем.

Участники круглого стола пришли к выводу о необходимости продолжения исследований, направленных на понимание феномена пенитенциарной системы, анализ ее структурных элементов, юридической техники формирования и функционирования пенитенциарных учреждений, а также оптимизацию пенитенциарного законодательства и соответствующих правоотношений.

Использование метода интегративного междисциплинарного синтеза позволяет рассматривать пенитенциарную систему в контексте триединства нормативного межотраслевого массива, системы национального законодательства и национальной правовой системы. В качестве материальной основы пенитенциарной системы выступают общественные отношения в своей совокупности, образующие среду пенитенциарной жизнедеятельности.

Деятельностная характеристика пенитенциарной системы предполагает определение в качестве основной целевой установки пенитенциарного правопорядка, элементами которого являются пенитенциарная законность, субъектный состав регулятивно-охранительных отношений, а также партнерские и конфликтные коммуникации, представляющие содержательную субстанцию пенитенциарного режима.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суд признал незаконным проведение свидания защитника-неадвоката с подзащитным в СИЗО через перегородку. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/sud-priznal-nezakonnym-provedenie-svidaniya-zashchitnika-neadvokata-s-podzashchitnym-v-sizo-cherez-peregorodku/ (дата обращения: 01.12.2023).

2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.12.2023).

REFERENCES

1. *Sud priznal nezakonnym provedenie svidaniya zashchitnika-neadvokata s podzashchitnym v SIZO cherez peregorodku* [The court found it illegal to hold a meeting between a public defender and a defendant in a pre-trial detention center through a partition]. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/sud-priznal-nezakonnym-provedenie-svidaniya-zashchitnika-neadvokata-s-podzashchitnym-v-sizo-cherez-peregorodku/ (accessed December 1, 2023).

2. *Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii i Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: prikaz Minyusta Rossii ot 04.07.2022 No. 110* [On approval of the Internal Regulations of pre-trial detention centers of the penal system, the Internal Regulations of correctional institutions and the Internal Regulations of correctional centers of the penal system: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 of July 4, 2022. Available at: http://pravo.gov.ru/ (accessed December 1, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, romashov_tgp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9777-8625

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X,

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9031-5182

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru , https://orcid.org/0000-0001-9777-8625

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9031-5182

Статья поступила 19.12.2023

Научная статья
УДК 343.8
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003

Признаки национальной пенитенциарной политики и их методологическое значение

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОВЧИННИКОВ
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, mont80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8942-0244

Реферат

Введение: в современной юридической науке недостаточно разработаны методологические основы пенитенциарной политики, которая понимается как социально-правовой феномен, объясняющий закономерности и процессы применения мер уголовно-правового воздействия в целях обеспечения правопорядка в обществе и государстве. *Цель:* сформулировать онтологические признаки национальной пенитенциарной политики, а также раскрыть их сущность и методологическое значение. *Задачи:* изучить теоретические подходы к пониманию сущности пенитенциарной политики; определить векторы развития научной пенитенциарной мысли; обозначить траектории эволюции признаков пенитенциарной политики. *Методы:* индукция и дедукция, абстрагирование, историко-правовой, компаративистский, моделирование. *Результаты:* познание сущности пенитенциарной политики возможно через призму осмысления содержания ее структурных элементов, очерчивающих контуры данного концепта. Пенитенциарная доктрина, правовая регламентация мер уголовно-правового воздействия, порядка их исполнения, а также показатели пенитенциарной статистики наиболее полно характеризуют сущность национальной пенитенциарной политики. *Выводы:* в результате проведенного исследования были обоснованы сущность и методологическое значение признаков национальной пенитенциарной политики, которые определяют ее как целостный политико-правовой феномен, отличный от других смежных категорий, используемых в уголовно-правовой науке. Отмечается, что методологические контуры пенитенциарной политики оформились во второй половине XIX – первой четверти XX в. благодаря научным школам Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии и России.

Ключевые слова: пенитенциарная политика; меры уголовно-правового воздействия; уголовно-исполнительное законодательство; исполнение наказаний; пенитенциарная статистика.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Овчинников С. Н. Признаки национальной пенитенциарной политики и их методологическое значение // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003.

Original article

Features of National Penitentiary Policy and Their Methodological Significance

SERGEI N. OVCHINNIKOV
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8942-0244

© Овчинников С. Н., 2024

Abstract

Introduction: modern legal science has not sufficiently developed methodological foundations of penitentiary policy, which is understood as a socio-legal phenomenon explaining the patterns and processes of applying criminal law measures in order to ensure law and order in society and the state. *Purpose*: to formulate ontological features of national penitentiary policy, as well as to reveal their essence and methodological significance. *Tasks*: to study theoretical approaches to understanding the essence of penitentiary policy; determine vectors of development of scientific penitentiary thought; identify trajectories of the evolution of penitentiary policy features. *Methods*: induction and deduction, abstraction, historical and legal, comparative, modeling. *Results*: to comprehend the essence of penitentiary policy is possible through the prism of understanding the content of its structural elements outlining the contours of this concept. The penitentiary doctrine, legal regulation of measures of criminal legal impact, the procedure for their execution, as well as indicators of penitentiary statistics most fully characterize the essence of national penitentiary policy. *Conclusion*: the author substantiates the essence and methodological significance of features of national penitentiary policy, which determine it as an integral political and legal phenomenon, different from other related categories used in criminal law science. It is noted that methodological aspects of penitentiary policy took shape in the second half of the XIX century – the first quarter of the XX century, thanks to the scientific schools of England, France, Germany, Italy, Belgium and Russia.

Keywords: penitentiary policy; measures of criminal law impact; penal legislation; enforcement of punishments; penitentiary statistics.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ovchinnikov S.N. Features of national penitentiary policy and their methodological significance. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003.

Введение

В современной научной литературе отмечается определенный недостаток исследований, касающихся элементов пенитенциарной политики. Как показывает анализ документов стратегического планирования (например, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.), сохраняет свою актуальность запрос на развитие концептуальных положений уголовно-исполнительной политики. Несмотря на многообразие работ, посвященных отдельным вопросам в этой сфере, без должного внимания остаются методологически значимые аспекты, позволяющие глубже понять теоретические основы данного феномена.

Как правило, наибольший исследовательский интерес представляют такие теоретические конструкции, как сущность и содержание пенитенциарной политики, а также ее цели, задачи и принципы. Для любой конструкции указанные элементы являются фундаментальными, определяющими методологическую зрелость. Вместе с тем не получили достаточного научного рассмотрения признаки пенитенциарной политики, которые имеют не меньшее значение, чем вышеуказанные структурные категории. Их познание дает методологическую возможность рассуждать об эволюции пенитенциарной политики, что весьма важно при дифференциации ее моделей.

Кроме того, определение признаков пенитенциарной политики может продолжить конструктивную линию диалога о ее предметном статусе. Так, например, широко распространенным мнением в научной среде является признание пенитенциарной, иногда называемой уголовно-исполнительной, политики составной частью уголовной политики. Вместе с тем, несмотря на тесную взаимосвязь с уголовно-правовой материей, можно дискутировать о вспомогательной роли пенитенциарной политики.

Пенитенциарная политика в методологическом дискурсе

Методологическое значение признака весьма значимо в постмодернистской парадигме, для которой право представляет собой феномен, с одной стороны, являющийся отражением социальной реальности, а с другой – определяющий ее. Формулирование признаков того или иного феномена свидетельствует о степени или глубине познания его сущности. Основываясь на таких ключевых элементах, ученые предпринимают усилия по упорядочению знаний, что выражается в построении различных классификаций, определении периодизаций, конструировании моделей и т. д.

Эпистемология постмодерна основывается на релятивности знания и его субъективности. И. Л. Честнов, рассматривая юриспруденцию в традициях конструктивистской парадигмы, отмечает, что «для конструктивизма как парадигмы социальных наук характерны антиуниверсализм, контекстуализм социального мира, релятивизм всех социальных явлений, опровержение наивного реализма, замена объективизма интерсубъективностью (между индивидуализмом и холизмом). Одновременно социальному конструктивизму свойственны методологический индивидуализм и антропологизм: социальные явления и процессы суть ментальные представления и взаимодействия людей» [1, с. 65].

По мнению многих ученых-правоведов, восприятие постмодернистских идей способствовало преодолению догматизма, в том числе идеологического, в правовой науке. Расширение пределов научного поиска, критический взгляд на постулаты, опровер-

жение положений общепризнанных теорий и доктрин, без сомнения, позитивно влияют на продвижение познания окружающей реальности. Вместе с тем резкая смена научных парадигм может таить в себе опасность псевдонаучных утверждений, которые отвлекают научную мысль от достижения основной цели.

В этой связи уместно вспомнить дискуссии о позитивных и негативных началах юридических фикций. Выступая в роли научной гипотезы или предположения, фикции, с одной стороны, продуктивны при построении теоретических конструкций, которые в дальнейшем могут получить законодательное оформление. Так, А. И. Ситникова в качестве примера конструктивного влияния фикции на развитие правовой материи упоминает о теории стадий совершения преступления, которая была разработана советской уголовно-правовой наукой и послужила импульсом для конструирования смежных институтов в уголовном праве [2, с. 62].

В то же время фикции могут нести отрицательный заряд по причине того, что сформулированные положения зиждятся на необоснованных выводах, ошибочных расчетах или нарушении методики сбора эмпирических данных. Сконструированные на ошибочных утверждениях стратегии, концепции, доктрины, как правило, не отражают действительного положения вещей, ставят деструктивные цели и задачи, задают ошибочные векторы преобразований.

Однако эти два полюса не в полной мере представляют сущность юридических фикций. За их рамками остается широкий пласт научных идей, которые могут длительное время оставаться невостребованными, но вместе с тем это не уменьшает их научной ценности. Так, научный поиск нередко приводит к выводам, которые могут не иметь перспективы прикладной реализации по объективным причинам, например в силу господствующей доктрины, политической конъюнктуры, особенностей сложившейся правовой системы и т. д. Вместе с тем такого рода идеи весьма конструктивны, поскольку формируют конкурентную научную среду и выполняют диалогическую функцию.

Структурирование научного знания об исследуемом объекте представляет собой процесс «очищения» ее элементов от всевозможных «примесей». Например, известный австрийский позитивист Г. Кельзен использовал подобную формулировку для обоснования своего «чистого учения о праве», в котором он отождествлял право и закон, полагая, что истинным правом является правовая норма, данная в законе. Тем самым он сконструировал идеальную модель права, которая послужила методологической основой нормативистской школы права.

Современные политико-правовые исследования устремляют взор на объекты, формирующиеся на стыке взаимодействия социальной и правовой реальности. К таким объектам по праву можно отнести пенитенциарную политику, предметное поле которой формируется в процессе взаимного влияния двух вышеуказанных реальностей. При их взаимодействии социальные отношения трансформируются в правоотношения, регулируемые нормативными предписаниями. Право в этом случае выступает средством обеспечения баланса публичных и частных интересов, носителями которых выступают многочисленные акторы.

Постмодернистская парадигма, расширяя рамки методологических подходов, одновременно с этим порождает соблазн для размывания принципов, на которых основывается научный поиск, таких как объективность, достоверность, обоснованность, системность и т. п. Излишний субъективизм, контекстуальность умозаключений могут привести лишь к девальвации ценности научного знания, избыточной оценочности и ангажированности. В связи с этим определение атрибутов пенитенциарной политики должно предусматривать выявление ключевых элементов, характеризующих сущность исследуемого феномена.

Признаки национальной пенитенциарной политики и их сущность

Анализ эволюции пенитенциарной политики позволяет выделить следующие признаки, которые отражают ее внутреннее содержание:

– пенитенциарная доктрина;

– легальная система уголовно-правовых последствий;

– нормативно установленные правила применения мер уголовно-правового воздействия;

– пенитенциарная статистика.

Совокупность данных атрибутов дает возможность в полной мере говорить о сформировавшейся конструкции пенитенциарной политики того или иного государства, осуществляемой на основах научной обоснованности, целенаправленности, рациональности и сбалансированности применения мер уголовной репрессии.

Поскольку представленный подход к познанию пенитенциарной политики в науке уголовного и уголовно-исполнительного права не применялся, рассмотрим более подробно сущность каждого из выделяемых признаков.

Пенитенциарная доктрина. При изучении институционализации пенитенциарной политики принципиальное значение имеет наличие соответствующей научной доктрины. Основное место в ней занимает учение о наказании и его исполнении. Именно этот фокус позволяет сепарировать ее от уголовно-правовой доктрины, в недрах которой она первоначально развивалась.

Доктринальные основы современного понимания наказания были заложены в XVIII в. С. В. Познышев связывает появление пенитенциарной науки с именем английского филантропа Д. Говарда: «пенитенциарная наука – достижение нового времени. Она существует всего с небольшим столетие, что для научной отрасли составляет очень небольшой срок. Начало ей положили те описания ужасов и безобразий старых тюрем, с более или менее подробными указаниями на желательные их изменения, которые стали появляться с конца XVIII столетия. Почин литературе этого рода положил англичанин Джон Говард» [3, с. 7]. Однако в полном смысле работы Д. Говарда не имели доктринального характера, они представляли

собой описания тех тюремных заведений, которые он посещал по всему миру, и включали предложения по их реформированию.

Следует отметить, что важное значение для реформирования системы исполнения наказаний имела деятельность таких соотечественников Д. Говарда, как В. Веннинг и Э. Фрай, выступавших за гуманизацию пенитенциарной системы. Так, И. Я. Фойницкий указывает, что идея по созданию в России Попечительного общества о тюрьмах, реализованная в 1819 г., принадлежала В. Веннингу, который также предлагал «перестроить все тюрьмы, классифицировать заключенных по нравственным категориям и занять их обязательными работами с применением религиозно-нравственного воспитания» [4, с. 294–295].

На филантропических началах основывалась деятельность Э. Фрай, которая занималась благотворительностью в английских тюрьмах и высказывала прогрессивные для того времени идеи о гуманизации исполнения наказаний в отношении женщин и несовершеннолетних.

К этой же эпохе принадлежит творчество английского философа-утилитариста И. Бентам – автора таких работ, как «Введение в принципы морали и законодательства», «Деонтология, или Наука о морали», «Основные начала уголовного кодекса», «Паноптикум» и др. Идею паноптикума, которую впоследствии называли моделью идеальной тюрьмы, И. Бентам изложил в серии писем своему другу. С одной стороны, теоретическая модель представляла собой архитектурное решение по созданию специального заведения (тюрьма, работный дом, психиатрическая больница и т. д.), в котором возможно обеспечивать постоянный надзор за содержащимися в нем лицами. С другой – автор видел в такой организации пенитенциарного дела возможность реализации средств исправления осужденных, к которым относил «обязательный труд, неусыпный надзор и возбуждение воображения заключенных путем религиозных обрядов» [4, с. 290]. Также предлагаемая модель пенитенциарного учреждения предусматривала решение проблем, связанных с условиями содержания осужденных.

Концепция о рационализации наказания была также присуща французским философам эпохи Просвещения. Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, К. Гельвеций, П.-А. Гольбах, Д. Дидро и др., «ратовавшие за рационализацию правоохранительной деятельности государства, за кодификацию уголовно-процессуальных норм и смягчение уголовных наказаний, фактически подготавливали основания для появления более эффективной, чем власть монарха, системы социального контроля. В этой системе власть должна была утратить черты произвола и оказалась связана определенными правилами. Она вынуждена была признать в индивиде субъекта, наделенного определенными правами и свободами, и пользоваться наказаниями только в строго нормированной дозе» [5, с. 764].

Философы-просветители не отрицали систему государственного принуждения, которая выполняла репрессивные функции, назначая и исполняя наказания порой самыми жестокими способами. М. Фуко наглядно демонстрирует уголовное судопроизводство Франции того времени в описании казни Р.-Ф. Дамьена (солдат, нанесший удар ножом Людовику XV), которая состоялась 2 марта 1757 г.: «его надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фута в руках, затем в той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздирания раскаленными щипцами сосцов, рук, бедер и икр возвести на сооруженную плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавленного воска и расплавленной же серы, затем разодрать и расчленить его тело четырьмя лошадями, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру» [6, с. 7].

Такая иллюстрация судебной системы больше напоминает средневековую инквизицию, нежели Францию середины XVIII в., которую принято представлять, говоря о французских просветителях.

В этих условиях гуманистическая мысль искала обоснование новой роли человека, становящегося носителем неотчуждаемых прав, ограничение или лишение которых не могло быть осуществлено в безусловном порядке. Человек получил правовое измерение, и наказание, соответственно, должно применяться с учетом новых реалий. В частности, для Ш. Монтескье эффективность наказания измерялась не в его жесткости, а в неотвратимости. Кроме того, функция наказания состоит, прежде всего, в предупреждении последующих преступных деяний. Для этого преступность деяний должна быть установлена законом, в котором определяется соответствие меры наказания тяжести совершенного преступления. Ш. Монтескье так пишет о соразмерности наказания: «Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония; законодатель должен стремиться к тому, чтобы в первую очередь не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу большой вред, чем менее серьезные» [7, с. 238].

А. А. Герцензон, рассматривая влияние работ Ш. Монтескье и французских политических учений на формирование теории наказания, указывает, что «Монтескье высказывается за экономию карательных средств: недостатки борьбы с преступностью состоят не в слабости наказаний, а в безнаказанности преступлений. Он считает вместе с тем важным, чтобы “самая чувствительная часть наказания” состояла в “позоре быть подвергнутым стыду”» [8, с. 33].

Особенное значение имела концепция депенализации, в рамках которой в XVIII в. высказывались аргументы о необходимости сокращения практики применения смертной казни или вовсе ее отмены.

Несмотря на свой гуманизм Ш. Монтескье не отрицает необходимости и обоснованности применения смертной казни. Так, по его мнению, «смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осу-

дившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него» [7, с. 363].

Вместе с тем Вольтер был более категоричен в отношении смертной казни. В статьях «Смертные приговоры» и «Казни» он рассматривал смертную казнь как вид юридического убийства и разделял мысль о бесцельности и бесполезности таковой [8]. Основываясь на утилитарных позициях, Вольтер высказывает идею о том, что «вместо смертной казни было бы целесообразнее заставить осужденных сооружать большие дороги, проселочные пути, распахивать невозделанные земли и т. д.» [9, с. 203].

Просветительско-гуманистические идеи нашли своих сторонников и за пределами Франции. Их доктринальные положения были развиты в трудах известного итальянского философа Ч. Беккариа. А. А. Герцензон так оценивает влияние ученых-энциклопедистов на творчество итальянского гуманиста: «достаточно сопоставить труд Беккариа и труды Монтескье, даты появления первого и вторых, чтобы безоговорочно признать приоритет Монтескье над Беккариа. Беккариа развил, конкретизировал, систематизировал, популяризировал взгляды Монтескье в области уголовного права и процесса; в небольшой мере он воспринял, правда, и взгляды Руссо, но основное в области уголовного права он заимствовал у Монтескье» [8, с. 36]. Влияние просветителей отнюдь не было односторонним. Например, нельзя не отметить, что труд Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в свою очередь, повлиял на творчество Вольтера, побудив его к написанию и изданию в 1766 г. фундаментального произведения «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях», в котором он выразил свои уголовно-правовые взгляды.

Также было бы ошибкой редуцировать творчество Ч. Беккариа до уровня копирования прогрессивных идей своих предшественников и современников, насколько бы великими они не были. Например, он существенно расширил концепцию дифференциации наказаний в зависимости от характера преступлений. Так, Ч. Беккариа в работе «О преступлении и наказаниях» упоминает о «лестнице преступлений», которой соответствует «лестница наказаний», что представляет собой интерпретацию принципа справедливости в современном его понимании. В параграфе «Кража» он рассуждает об институте замены наказания. В частности, исходя из необходимости наказывать кражу только денежным взысканием, Ч. Беккариа предлагает назначать наказания, связанные с принудительным трудом, взамен штрафа, который взыскать весьма проблематично в силу того, что, как правило, причиной корыстных преступлений становится нужда.

Ч. Бекария изложил свой подход к сущности, цели и функциям наказания следующим образом: «Чтобы наказание не являлось насилием одного или многих над отдельным гражданином, оно должно непременно быть публичным, незамедлительным, необходимым, наименьшим из возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению, установленным в законах» [10, с. 411–412].

В этих словах видна эволюция пенитенциарной мысли. Примечательно, что автор признает необходимость публичного характера наказания. В этом проявилось сословное неравенство феодального общества. Здесь можно усмотреть определенную непоследовательность гуманистических идей философа, отдававшего приоритет рациональной идее предупреждения преступности, нежели устрашению. Публичность казней в большей степени была направлена на иллюстрацию возмездия и, по словам М. Фуко, напоминала церемониал, который детально прописывался в приговорах, где эпизоды казни «никогда не забывали перечислять, насколько важны они были для судебно-правового механизма: шествия, остановки на перекрестках, стояние у церковных ворот, публичное оглашение приговора, преклонение колен, принародное покаяние в прегрешении против Бога и короля» [6, с. 64].

Умеренный гуманизм также присущ рассуждениям Ч. Беккариа о проблеме смертной казни. Он, как и Ш. Монтескье, допускал возможность применения смертной казни, но только лишь в крайних случаях. К ним он относит обстоятельства, при которых сохранение жизни преступнику «угрожает безопасности нации и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления» [10, с. 316]. Решение вопроса о пределах применения смертной казни был оставлен последователям идей гуманизма, которые выделились в XIX в. в несколько научных направлений.

Доктринальные положения о сущности наказания были изложены в немецкой классической философии. И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте и А. Фейербах выражали различные взгляды на природу наказания, развивая тем самым начала абсолютной и относительной теорий наказания. Для немецкой философской традиции XVIII в. в большей степени характерен метафизический подход к познанию уголовно-правовой реальности и ее элементов, прежде всего истоков уголовной ответственности.

Учение И. Канта о наказании основывается на концепте о свободе воли, абсолютизирующей поведение человека как существа разумного. А. А. Пионтковский в своей докторской диссертации, которую он защитил в 1939 г., так писал о понимании И. Кантом практического разума: «Практический разум есть человеческая воля, действующая сообразно с понятием чистого разума. Область практического разума есть область поведения людей как разумных существ» [11, с. 25]. Автономность воли человека, основывающаяся на нравственном законе, не может быть детерминирована природными или иными факторами. Соответственно, согласно И. Канту, любой поступок человек совершает осознанно, понимая его последствия как для окружающих, так и для себя. Он не признавал правомерным деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости. Это подтверждается следующими словами: «необходимость, причинная обусловленность человеческого поведения для Канта, поэтому никогда не уничтожает трансцендентальную свободу человека, а следовательно, и свободы в области его практического поведения и вменения

ему совершенного поступка» [11, с. 32]. Однако в своей «Антропологии» немецкий философ уделяет внимание особенностям ответственности за деяние, совершенное невменяемым лицом.

И. Кант, основываясь на общем учении о человеке как «вещи в себе», выступает против утилитарных целей наказания, поскольку человек не может быть средством достижения чьих-либо целей. Вместе с тем результат применения наказания видится в достижении справедливости, которая возведена в абсолют. Например, И. Кант выступает сторонником смертной казни и считает ее требованием справедливости. В случае совершения изнасилования справедливость, по его мнению, может быть восстановлена лишь путем кастрации. «Осуществление требования карательной справедливости за скотоложство Кант видит в удалении преступника навсегда из гражданского общества, так как своими действиями он уничтожил свое человеческое достоинство» [11, с. 56].

Исходя из своей логики о свободе воли и неотвратимости справедливости, И. Кант отрицает возможность освобождения преступника от наказания или его помилования. Им допускается возможность помилования главой государства лишь в случае, если преступление было совершено в отношении него самого.

Более юридическую форму приобретают философские воззрения на природу наказания в трудах А. Фейербаха. Он в отличие от И. Канта отделяет мораль от права и наказанию придает правовую форму. Человек в уголовно-правовых воззрениях А. Фейербаха не ассоциируется с трансцендентным существом, лишенным каких-либо чувственных начал, а рассматривается им как «сосредоточение определенных страстей, пороков и добродетелей не в их конкретном единстве, а как некую арену, на которой борются между собой страсти, каждая из которых развивается по своим собственным законам» [11, с. 86]. Исходя из этого тезиса, задача наказания в учении А. Фейербаха состоит в воздействии «на рассудок, чтобы он мог одержать победу над страстями и стремлениями, влекущими к совершению преступлений» [11, с. 86].

В системном виде свои доктринальные взгляды на наказание как меру государственного принуждения А. Фейербах изложил в работе «Уголовное право», которое было опубликовано в России в 1810 г. (Первая книга) и 1812 г. (Вторая книга). Это было одно из первых произведений по уголовному праву, изданных в России. В Первой книге «Философическая или всеобщая часть уголовного права» представлена система уголовного права. Большое внимание уделяется цели, принципам и видам наказаний.

Говоря о цели наказания, А. Фейербах видит ее в том, что «всякое наказание имеет ту необходимую (главную) цель, чтобы, угрожая оным, отвратить всех от преступления» [12, с. 122]. При этом он указывает на «побочные цели» наказания, к которым относит непосредственное отвращение от преступления, обеспечение безопасности и законное исправление осужденного [12, с. 122].

Наказание основывается на таких принципах, как законодательная определенность, публичность, виновность, принудительность. При этом «простые наказания» могут применяться непубличко, в целях исправления самих осужденных. Также им категорически отрицается возможность коллективного наказания.

А. Фейербах систематизирует наказания, разделяя их первоначально на две группы: «именованные» и «неименованные». К последним он относит «лишение известных каких прав и привилегий, запрещение некоторых, впрочем, позволенных деяний и исправления дел, например, запрещение какого промысла, отрешение от стряпческой должности и проч.» [12, с. 130]. «Именованные» виды наказания, в свою очередь, разделяются на психологические и механические, или физические. Психологические наказания напрямую связаны с лишением чести и всех состояний либо с публичным покаянием, а также наказаниями, порочащими человека (привязывание к позорному столбу, клеймение и т. п.). К данной категории А. Фейербах относит также денежные штрафы и конфискацию.

Группа «механических» наказаний включает в себя смертную казнь (простую и квалифицированную), членовредительские и телесные наказания, наказания, связанные с лишением свободы (ссылка, заточение в крепость, заключение в тюрьму или смирительный дом). Следует отметить, что наказание «публичными работами… под строгим присмотром… на публичных местах в пользу Государства» [12, с. 134] также отнесены к наказаниям, связанным с лишением свободы.

Важной частью теории наказания А. Фейербаха является дифференциация строгости наказания. В основе такой иерархии находится тяжесть совершенного преступления. Как указывается в «Уголовном праве», «наказание бывает тем больше, чем более зла в себе содержит» [12, с. 139]. Соответственно, самым строгим является смертная казнь. За ней следуют пожизненное лишение свободы, членовредительские наказания, телесные наказания с лишением чести и прав состояния, порочащие наказания без применения телесного воздействия, конфискация имущества, пожизненная ссылка, легкие телесные наказания, лишение свободы на определенный срок, публичное раскаяние, денежный штраф [12, с. 139].

Основываясь на вышесказанном, можно заключить, что к концу XVIII – началу XIX в. сформировались несколько центров научной мысли, где развивались идеи о наказании и его применении. К ним можно отнести Англию, Францию, Италию и Германию (Пруссию). В последующем пенитенциарная доктрина существенно раздвинула географические рамки. Сформировавшиеся идеи получили самостоятельное развитие в США, Бельгии, России и других национальных научных школах. Огромную роль в этом сыграли развивающаяся система академических обменов в университетской среде и возникновение практики международных пенитенциарных конгрессов.

Следующим неотъемлемым признаком пенитенциарной политики, на наш взгляд, является наличие легальной системы уголовно-правовых последствий. Несмотря на эволюционный процесс формирования

правовых основ наказания, можно утверждать, что система наказаний в современном ее понимании берет свое начало с кодифицированных актов начала XIX в. Несложно догадаться, что это было в определенной степени следствием развития учения о наказании. Роль научных трудов была велика не только при систематизации уголовного законодательства, но и в судебной практике. На это указывает А. А. Герцензон, говоря о состоянии правовой системы Франции XVIII в.: «в качестве источника уголовного права пользовались и трудами ученых юристов. Таковы были многочисленные и весьма и весьма неопределенные источники французского уголовного права, которыми пользовались суды королевской юрисдикции» [8, с. 5]. Это подтверждает тезис об отсутствии в национальных юрисдикциях нормативно закрепленной системы уголовно-правовых последствий. В то же время множество нормативных актов, существовавших на территории различных государств, не позволяли преодолеть хаотичность правоприменения. Так, например, С. А. Васильева со ссылкой на английского историка Дж. Тревельяна характеризует состояние уголовного судопроизводства Англии XVIII в. как «нелогичный хаос законов», который возмущал общественность, мотивировал правоведов к поиску разрешения юридической коллизии, а интеллектуалов озадачивал моральной дилеммой [13, с. 131].

С возникновением первых уголовных законов закрепляется перечень мер уголовного реагирования, который первоначально состоял из наказаний, назначаемых за совершение преступного деяния. Как правило, весь спектр уголовных наказаний был ограничен с одной стороны смертной казнью, а с другой – денежным штрафом. Такая шкала наказаний в несколько трансформированном виде актуальна и для нынешнего времени. Именно этот концепт дает нам основание полагать, что система уголовно-правовых последствий в ее легальном закреплении как признак пенитенциарной политики сформировалась и была оформлена именно на рубеже XVIII–XIX в. преимущественно в странах Европы. В дальнейшем она претерпевала изменения под воздействием факторов различного порядка: научного переосмысления, социального запроса, политической конъюнктуры и т. д.

Иллюстрируя представленный тезис, можно опереться на наиболее изученные уголовные законы европейских государств той эпохи. Общая тенденция прослеживается на уголовном законодательстве Франции, Германии (Пруссии и иных германских государств) и Италии.

Подробное исследование этой проблемы провел в свое время профессор С. О. Богородский и опубликовал в 1862 г. на это тему «Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века». В ней он представил подробный анализ генезиса уголовного законодательства европейских стран, что весьма полезно для понимания процесса становления и нормативного установления системы уголовных наказаний.

Юридическая догматика повлияла на процесс систематизации норм, регулирующих публично-правовую сферу. Одними из первых уголовных кодифицированных актов стали уголовные законы Франции и Баварии. Известный французский криминолог М. Ансель отмечал, что они имели большое значение для дальнейшего развития уголовного законодательства европейских государств. Законотворческий процесс второй половины XIX в. он называет великим неоклассическим периодом, целью которого являлось сделать уголовные кодексы «более совершенными, чем те, которые послужили для них образцом, а именно чем французский и баварский кодексы начала века» [14, с. 61]. На это же указывает и профессор М. А. Чельцов-Бебутов, отмечая прогрессивность этих нормативных правовых актов для будущего построения уголовного законодательства [15, с. 29].

Одно из главных достоинств французского и баварского уголовных уложений состояло в том, что в них была предпринята попытка отделить общие положения от особенной части. Это свидетельствовало о системности подхода к применению наказания. Так, например, первая книга Уголовного уложения Франции (1810 г.) была посвящена наказаниям, разделявшимся на уголовные исправительные и полицейские. Были установлены общие правила их применения. Кроме того, в этой же части Уголовного уложения упоминается о постпенитенциарном надзоре, который устанавливается в отношении лиц, отбывших каторжные работы или освободившихся из смирительного дома. Также не лишним будет отметить, что данный уголовный закон просуществовал с определенными изменениями вплоть до вступления в силу в 1994 г. нового Уголовного кодекса Франции.

Баварское Уголовное уложение 1813 г. не менее значимо, хотя и действовало не так долго, как предыдущий французский уголовный закон. Проект данного уложения был составлен при непосредственном участии А. Фейербаха, который, основываясь на своих философских идеях, выстроил систему уголовного закона. Вместе с тем С. О. Богородский критически относился к системе наказаний, включавшей смертную казнь, телесные и позорящие наказания, преследовавшие весьма архаичную цель устрашения. В то же время профессор Потсдамского университета У. Хелльманн так характеризует значение Баварского Уголовного уложения 1813 г.: «А. Фейербах заложил основу для уголовного права, присущего правовому государству. Несмотря на все недостатки, Уголовное уложение А. Фейербаха стало образцом уголовного права того времени… Уголовное уложение Баварии оказало решающее влияние на дальнейшие кодификации в Германии» [16, с. 120].

В дальнейшем уголовное законодательство пошло именно по пути систематизации правовых норм, разделяя их на общую и особенную части. Тем самым в такой конструкции доктринальные положения о преступлении и наказании, ранее разрабатываемые философской догматикой, получили легальное закрепление и сформировали систему уголовно-правовых последствий, наступающих за совершение противоправных деяний. Данное обстоятельство позволяет отнести этот признак к числу системообразующих признаков пенитенциарной политики.

Другим методологически значимым признаком пенитенциарной политики можно назвать наличие

нормативно установленных правил применения мер уголовно-правового воздействия, определяющих положения, на которых основывается система исполнения наказаний (цели, принципы), правовое положение осужденных, а также правовой механизм реализации соответствующих мер государственного принуждения.

Анализ зарубежного и отечественного законодательства указывает на пестроту нормативных предписаний, которые имели место в XVIII в. и в более ранние времена. Они были достаточно казуистичны, поскольку предполагали нормативное закрепление отдельных аспектов организации исполнения наказаний, например регламентирование некоторых процедур, сопутствующих приведению смертной казни в исполнение, этапирование осужденных, клеймение или исполнение телесных наказаний, осуществление надзора за осужденными и многие другие стороны пенитенциарного дела. Это объяснялось существенными различиями социально-экономического развития, зрелостью политических институтов, ментальными и социокультурными особенностями населения, уровнем развития науки и образования, а также многими другими, более частными факторами.

Вместе с тем такое положение вещей характеризовало общую картину состояния правового регулирования исполнения уголовных наказаний, что, в свою очередь, уже свидетельствовало о наличии универсальной траектории эволюции пенитенциарного законодательства.

Не вызывает сомнений тот факт, что эволюция уголовно-исполнительного законодательства и практики исполнения уголовных наказаний происходила в определенном направлении. Этот вектор был задан идеями Просвещения о гуманизации уголовной юстиции, которые были нормативно закреплены в первых уголовных законах и в последующем получили свое развитие в ходе дальнейших реформ национальных уголовно-правовой систем. К таким системообразующим прогрессивным правовым постулатам можно отнести принципы законности и юридического равенства, запрет пыток и иного бесчеловечного обращения, а также исправления осужденного как основной цели исполнения наказания.

Формирование правового пространства происходило на основании обобщения национального и зарубежного опыта. Существенное значение имели внеправовые формы поиска передовых способов исполнения уголовных наказаний. Отсутствие жесткого регулирования пенитенциарной сферы давало широкие возможности для экспериментального подхода в данной сфере. Необходимость в преодолении негативных сторон тюремного заключения, таких как переполненность мест изоляции, ненадлежащие санитарно-гигиенические, отсутствие дифференциации осужденных и лиц, содержащихся под стражей, послужили импульсом для появления, например, пенсильванской и оборнской пенитенциарных систем, прогрессивной системы отбывания наказания, основанной на изменении условий отбывания наказания в зависимости от отбытого срока и поведения осужденного, а также внедрения многих других инноваций, направленных на гуманизацию и рационализацию уголовно-исполнительной практики.

Рассматривая процесс легитимизации пенитенциарной практики, нельзя обойти вниманием деятельность Международных пенитенциарных конгрессов, которые с 1872 г. начали регулярно проводить съезды, объединявшие представителей стран, приглашенных к участию, а также известных ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии. И. Я. Фойницкий так характеризовал цель их работы: «собирание данных тюремного опыта, сопоставление сведений о деятельности разных тюремных систем, а равно сравнение как карательного действия разных наказаний, так и иных способов, практикуемых в разных государствах для кары и для предупреждения преступных деяний» [17, с. 344].

Обобщение пенитенциарной практики и понимание необходимости реформирования уголовно-исполнительной сферы повлияли на процесс систематизации законодательства, который начался в первой четверти прошлого столетия. Именно в это время появляются первые законы, которые представляют собой систематизированные нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, например, в 1923 г. в Германии был принят «Закон об уголовной ответственности несовершеннолетних» (Jugendgerichtgesetz), «который не только предписал исполнение наказания в виде лишения свободы для несовершеннолетних в особых учреждениях, но также впервые объявил воспитание юных преступников основной целью исполнения наказания в виде лишения свободы» [18, с. 81]. При этом закона, который бы регламентировал общие правила исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, в Германии в первой четверти XX в. принято так и не было. По инициативе министра юстиции Веймарской республики Г. Радбруха 7 июня 1923 г. Рейхстагом были утверждены «Принципы исполнения наказаний в виде лишения свободы» (Grundsatze f r den Vollzug von Freiheitsstrafen), закреплявшие общие положения об исполнении наказаний.

Следует отметить, что Советская Россия в это время была в авангарде процесса становления пенитенциарного законодательства. В частности, Постановлением ВЦИК от 16.10.1924 был принят нормативный правовой акт «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР», закрепивший требования к системе исполнения уголовных наказаний.

Вместе с тем важно понимать, что значение законодательных актов заключалось не только в юридико-техническом оформлении правовых предписаний. Первостепенное их назначение виделось в сущностном определении пределов вмешательства государства в правовое положение человека, которое с помощью установления правовых ограничений, запретов и возложения специальных обязанностей могло оказывать воздействие на осужденного, дифференцируя тем самым степень уголовной репрессии.

Четвертым признаком, который придает пенитенциарной политике свойства системности и измеримости, является пенитенциарная статистика.

Формирование уголовной статистики у многих ассоциируется с фамилией бельгийского ученого Адольфа Кетле, пытавшегося на междисциплинарной основе найти статистические закономерности между рождаемостью и смертностью, преступлением и наказанием, а также между иными социальными явлениями. Позитивистская парадигма, центральным звеном которой был детерминизм в самых широких масштабах, позволила ученому сформулировать идею о бюджете преступности. Он, по его мнению, «уплачивается с поразительной правильностью – это бюджет темниц, каторги и эшафотов» [19, с. 7]. Говоря о прогнозируемости преступности, ученый отмечал, что «можно заранее вычислить сколько индивидуумов замарают руки в крови своих ближних, сколько явится делателей фальшивых бумаг, сколько отравителей и проч., почти также как можно вычислить количество будущих рождений и смертных случаев» [19, с. 7].

По мнению М. Н. Гернета, к числу первых ученых, работы которых относятся к отрасли уголовной статистики, можно добавить еще одного бельгийца Э. Дюкпетьо и француза А.-М. Герри. С их трудами он связывает развитие морально-статистической литературы, которое «начинается лишь с тридцатых годов девятнадцатого века, когда начали систематически собирать сведения о движении преступности сначала во Франции, потом в Бельгии и в других государствах» [20, с. 12–13]. Вместе с тем М. Н. Гернет упоминает о незаслуженно забытом имени академика Н. Ф. Германа, который первым среди российских ученых обратил внимание на закономерности в сфере преступности и изложил их в своем докладе 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г. «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы» [20, с. 13]. Однако, «когда Герман сделал свой доклад в заседаниях Академии Наук и прислал его А. С. Шишкову для напечатания, последний дал о нем самый резкий отзыв: “Статью о исчислении смертоубийств и самоубийств, приключившихся в два минувшие года в России, не почитаю к чему-нибудь нужною, но и вредною. … Мне кажется, подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтобы и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение”» [20, с. 14]. Такова была официальная позиция, повлиявшая во многом на будущее развитие в России уголовной статистики.

Появление пенитенциарной статистики происходило, как правило, позже, чем уголовной статистики. В то же время исключением из данного правила была Швейцария, где сведения о количестве осужденных и их движении появились раньше [19, с. 38]. Пионером в сфере тюремной статистики была Франция, где, как уже выше отмечалось, сформировались основы официальной уголовной статистики. Статистические данные об осужденных начали публиковаться в сборнике «Пенитенциарная статистика». В нем представлялись «сведения о движении населения тюрем за год, о делении его по полу, профессиям, национальности, религии, семейному состоянию, о заработке в тюрьме, обучении в местах заключения, преступлениях, там совершенных, самоубийствах, дисциплинарных наказаниях и проч.» [20, с. 39].

Наряду с этим М. Н. Гернет связывает становление тюремной статистики в России с созданием в 1879 г. Главного тюремного управления, опубликовавшего свой первый отчет в 1882 г. Вместе с тем нельзя оставлять без внимания тот факт, что первые статистические сведения публиковались уже в материалах по судебной реформе 1864 г.

В дальнейшем уголовная и пенитенциарная статистика по мере детализации собираемых данных и совершенствования методики их обработки стала важным инструментом пенитенциарной политики, поскольку предоставила возможность мониторинга результатов применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Кроме того, пенитенциарная статистика получила широкую востребованность в процессе совершенствования законодательства и правоприменительной практики, выработки концептуальных подходов к модернизации системы исполнения уголовных наказаний, прогнозирования потенциальных рисков принимаемых решений. Тем самым использование статистических данных является неотъемлемым элементом пенитенциарной политики.

Вывод

Резюмируя полученные результаты исследования признаков пенитенциарной политики, следует отметить, что они имеют важное методологическое значение, поскольку позволяют определить контуры пенитенциарной политики как политико-правового феномена. К таким признакам следует отнести пенитенциарную доктрину, легальную систему уголовно-правовых последствий, нормативно установленные правила исполнения мер уголовно-правового воздействия и пенитенциарную статистику. Их наличие наиболее полно характеризует конвергенцию социальной и правовой реальности, определяющую онтологическое содержание национальной пенитенциарной политики. Рассмотрение данных признаков через призму истоков пенитенциарной политики свидетельствует о том, что процесс ее становления приходится на вторую половину XIX – первую четверть XX в. Наиболее активное формирование основ пенитенциарной политики отмечается в таких странах Западной Европы, как Англия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, а также Россия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325). С. 62–93.

2. Ситникова А. И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60–67.
3. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 367 с.
4. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. 464 с.
5. Бачинин В. А. Социология. Академический курс. СПб., 2004. 871 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер с франц. В. Наумов. М., 2023. 416 с.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. 779 с.
8. Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. М., 1962. 320 с.
9. Вольтер Ф. М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу / пер. с франц. Н. Лапшина. М., 1956. 339 с.
10. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер с итал. М. М. Исаев. М., 1939. 463 с.
11. Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. 192 с.
12. Фейербах А. Уголовное право : в 3 кн. СПб., 1810. Кн. 1. 146 с.
13. Васильева С. А. Генезис и эволюция доктрины пенитенциаризма в англо-американском социокультурном пространстве (конец XVII – начало XIX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Рязань, 2022. 540 с.
14. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с франц. Н. С. Лапшиной. М., 1970. 312 с.
15. Чельцов-Бебутов М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. 112 с.
16. Хелльманн У., Сатолин В. Н. История немецкого Уголовного уложения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 118–124.
17. Фойницкий И. Я. Пенитенциарный конгресс в Риме // Вестник Европы. 1886. Т. II, кн. 3. С. 340–374.
18. Бурцев А. Н. Пенитенциарная система Германии в XVI – нач. XXI вв. (историко-юридическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 223 с.
19. Кетле А. Человек и развитие его способностей или Опыт общественной физики : в 2 т. СПб., 1865. Т. 1. 128 с.
20. Гернет М. Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922. 295 с.

REFERENCES

1. Chestnov I.L. Constructivist paradigm in law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2016, no. 2 (325), pp. 62–93. (In Russ.).
2. Sitnikova A.I. Fictions in criminal law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2008, no. 1, pp. 60–67. (In Russ.).
3. Poznyshev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 1923. 367 p.
4. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000. 464 p.
5. Bachinin V.A. *Sotsiologiya. Akademicheskii kurs* [Sociology. Academic course]. Saint Petersburg, 2004. 871 p.
6. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. by V. Naumov. Moscow, 2023. 416 p.
7. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1955. 779 p.
8. Herzenzon A.A. *Problema zakonnosti i pravosudiya vo frantsuz-skikh politicheskikh ucheniyakh XVIII veka* [The problem of legality and justice in French political teachings of the 18th century]. Moscow, 1962. 320 p.
9. Voltaire F.M. *Izbrannye proizvedeniya po ugolovnomu pravu i protsessu* [Selected works on criminal law and procedure]. Transl. from French by Lapshin N. Moscow, 1956. 339 p.
10. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Transl. from Italian by Isaev M.M. Moscow, 1939. 463 p.
11. Piontkovskii A.A. *Ugolovno-pravovye vozzreniya Kanta, A. Feierbakha i Fikhte* [Criminal law views of Kant, A. Feuerbach and Fichte]. Moscow, 1940. 192 p.
12. Feuerbach A. *Ugolovnoe pravo: v 3 kn. Kn. 1* [Criminal law: in 3 books. Book 1]. Saint Petersburg, 1810. 146 p.
13. Vasil'eva S.A. *Genezis i evolyutsiya doktriny penitentsiarizma v anglo-amerikanskom sotsiokul'turnom prostranstve (konets XVII – nacha-lo XIX vv.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Genesis and evolution of the doctrine of penitentiarism in the Anglo-American socio-cultural space (late 17th – early 19th centuries): Doctor of Sciences (History) dissertation]. Ryazan, 2022. 540 p.
14. Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike)* [New social protection (humanistic movement in criminal policy)]. Transl. from French by Lapshina N.S. Moscow, 1970. 312 p.
15. Chel'tsov-Bebutov M.A. *Prestuplenie i nakazanie v istorii i v sovetskom prave* [Crime and punishment in history and in Soviet law]. Kharkov, 1925. 112 p.
16. Hellmann U., Satolin V.N. The history of the German Criminal Code *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2019, no. 2, pp. 118–124. (In Russ.).
17. Foinitskii I.Ya. Penitentiary Congress in Rome. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, 1886, vol. II, no. 3, pp. 340–374. (In Russ.).
18. Burtsev A.N. *Penitentsiarnaya sistema Germanii v XVI – nach. XXI vv. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk* [The penitentiary system of Germany in the 16th – beginning of the 21st century (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2007. 223 p.
19. Ketle A. *Chelovek i razvitie ego sposobnostei ili opyt obshche-stvennoi fiziki: v 2 t. T. 1* [Man and development of his abilities or experience of general physics: in 2 vols. Volume 1]. Saint Petersburg, 1865. 128 p.
20. Gernet M.N. *Moral'naya statistika (ugolovnaya statistika i statistika samoubiistv)* [Moral statistics (criminal statistics and statistics of suicides)]. Moscow, 1922. 295 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОВЧИННИКОВ – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, mont80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8942-0244

SERGEI N. OVCHINNIKOV – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8942-0244

Статья поступила 13.12.2023

Научная статья
УДК 343
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.004

Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы)

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ
Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение: как известно, «значительное» и «малозначительное» – категории парные, ибо раскрытие сущности одной немыслимо без обращения к анализу другой. Данная статья (первая в серии) раскрывает социальную и правовую природу института малозначительности в уголовном праве. *Цель:* уяснение правовой природы и сущности института малозначительности в уголовном праве, анализ практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ и разработка научно-практических рекомендаций для правоприменителей. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, социологический и психологический, статистические методы, метод диалектического познания, абстрагирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции. *Результаты:* во-первых, констатируется, что категория «малозначительность уголовно-правового деяния» в российской уголовно-правовой науке надлежащим образом не разработана. Во-вторых, интенсификация практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в значительной мере обусловлена сначала возникновением, а затем и углублением пробела в нормах материального права, регламентирующих наступление ответственности за мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) и различные формы хищения, предусмотренные гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности». В-третьих, обозначается проблема неспособности основной массы правоприменителей (сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознавателей, следователей, прокуроров и судей) разобраться в сути другой парной философской и правой категории – «форма и содержание» (кризис правовой психологии и идеологии). Все отмеченные проблемы не способствуют ни экономии уголовной репрессии, ни уголовно-процессуальной экономии в целом. В-четвертых, растет число правоведов, которые предлагают проблему малозначительности деяния вынести на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В последующих статьях серии «Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ» читателю будут предложены предметный анализ рационального и иррационального в отнесении тех или иных действий к категории уголовно наказуемых деяний, результаты осуществляемого автором мониторинга практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Ключевые слова: малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); парные категории; уголовное право; фундаментальный принцип права; свобода судейского выбора; общественная опасность; наказательное право; правонарушение; правонарушение, предусмотренное КоАП РФ; уголовный проступок; виртуальная (предполагаемая) польза наказания; реальный социальный вред наказания; судебная практика; единство судебной практики.

5.1.1. Теоретико-исторические науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 32–42. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.004.

© Колоколов Н. А., 2024

Original article

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (General Description of the Problem)

NIKITA A. KOLOKOLOV
A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: it is known that "significant" and "insignificant" are paired categories, because revealing the essence of the one is unthinkable without referring to the analysis of the other. This article (the first in a series) reveals the social and legal nature of the institution of insignificance in criminal law. *Purpose*: to clarify the legal nature and essence of the institution of insignificance in criminal law and analyze the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and develop scientific and practical recommendations for law enforcement officers. *Methods*: historical, comparative legal, sociological and psychological, statistical methods, methods of dialectical cognition, abstraction, analysis and synthesis, induction and deduction. *Results*: first, it is stated that the category "insignificance of a criminal act" has not been properly developed in Russian criminal law science. Second, it is revealed that the intensification of the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation is associated with the emergence and further with the deepening of the gap in the norms of substantive law regulating the incurrence of liability for petty theft (Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation) and various forms of theft provided for in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes against property". Third, it is stated that law enforcement officers (employees of bodies engaged in operational investigative activities, interrogators, investigators, prosecutors and judges) cannot comprehend the essence of another paired philosophical and legal category – "form" and "comprehension" (crisis of legal psychology and ideology). All the noted problems do not contribute both to the economy of criminal repression and criminal procedural economy in general. Fourth, there is a growing number of legal experts arguing that the problem of the insignificance of an act should be brought up for discussion by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. In subsequent articles in the series "Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation", the reader will be offered a substantive analysis of the rational and irrational in classifying certain actions as criminally punishable acts and results of the author's monitoring of the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: insignificance of an act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.1. Theoretical and historical sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (general description of the problem). *Penitentiary Science,* 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 32–42. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.004.

Общественная опасность и малозначительность

Как известно, преступление от разных прочих порицаемых обществом в лице государства деяний человеческих отличается особой общественной опасностью, при этом, как правило, специально подчеркивается, что речь идет не столько о самой этой абстрактной общественной опасности, сколько о ее степени в каждой конкретной ситуации (количестве, значимости). Профессор А. В. Галахова, комментируя термин «общественная опасность» в издании, ориентированном в первую очередь на российский судейский корпус, утверждает, что речь идет о «материальном признаке преступления, раскрывающем его социальную сущность» [1, с. 71]. Не будем спорить, категория «преступление» придумана людьми и вне социума существовать не может. Возникает только

вопрос: насколько общественная опасность преступления, о которой законодатель вещает в ч. 1 ст. 14 УК РФ, на самом деле материальна? Из толкований А. В. Галаховой усматривается, что и сама эта общественная опасность, и ее материальность – категории суть «экономические, политические» [1, с. 71], мы же от себя добавим, что еще и исторические: преступное вчера (например, спекуляция) – сегодня почитаемый бизнес. Неслучайно законодатель уже в ч. 2 ст. 14 УК РФ пишет, что «материальность» общественной опасности порой ужимается до такой «малозначительности», которая уголовно наказуемой опасности общественности не представляет.

Нами уже неоднократно отмечалось, что обнаружить грань между преступным и непреступным, а тем более провести ее осознанно удается не сразу [2–4]. А. В. Галахова при отграничении преступления от прочих правонарушений (административных, дисциплинарных и др.) предлагает правоприменителю (следователю, прокурору и судье) руководствоваться определенными показателями деяния, попавшего в призму публичного разбирательства. При этом она, комментируя ст. 14 УК РФ, выделяет такие данные о преступлении, как: 1) качество – характер преступления и 2) его количество – степень, которая раскрывается путем отсылок к ст. 6 «Принцип справедливости» и ч. 3 ст. 60 УК РФ.

В данной норме говорится не только о личности виновного (случайный ли это правонарушитель или закоренелый преступник), но и упоминается об условиях жизни членов семьи лица, претерпевающего наказание, то есть о негативных обстоятельствах, обязательно сопутствующих назначению наказания как для самого виновного, так и для общества в целом. Впрочем, ниже в рамках анализа большинства конкретных судебных решений мы увидим, что важные перечисленные обстоятельства некоторыми судами (Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 16.02.2022 № 1-144/4-2022), в том числе и Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, не учитываются (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.07.2023 № 51-УД23-8-К8), а то и вовсе игнорируются.

Применением к закоренелым преступникам исключительно суровых наказаний, казалось бы, за пустяк славятся США. Например, Верховный суд США не увидел ничего необычного в наказании в виде 40 лет лишения свободы за кражу 15 рулонов туалетной бумаги. Причина жестокости репрессии объяснялась тем, что виновный осуждался в 89-й раз.

Сказанное однозначно свидетельствует о том, что «общественная опасность, трансформирующая деяние в преступление» и «малозначительность» – категории парные. Скажем больше, единые по форме деяния для кого-то правоприменитель, а вместе с ним и все общество могут расценить как дерзкое преступление, а для другого – как малозначительное деяние, не соответствующее требованиям, обозначенным в ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Особо следует остановиться на проблеме декларируемого теоретиками единства правовой практики в Российской Федерации. Наша принципиальная позиция: такого единства нет и быть не может, так как Россия большая по территории, многонациональная и многоконфессиональная страна [5].

В рамках личного участия в судебном контроле, осуществляемом конкретными составами Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, автору доводилось в течение одного дня принимать участие в проверке и пересмотре приговоров, вынесенных в разных субъектах страны, например в Псковской области и Республике Дагестан. При этом была очевидна разница в менталитете: то, что для северян – взятка, для южан – ни к чему не обязывающий мелкий подарок.

Упоминание в ст. 6 УК РФ о принципе справедливости, а в ч. 3 ст. 60 УК РФ еще и о том, что наказание справедливым будет только с учетом данных о личности осужденного, выступает свидетельством того, что кара в спорных ситуациях будет зависеть, например, только от места работы виновного. В частности, судью-водителя, попавшего в ДТП, при наличии обоюдной вины накажут, а другого водителя нет [6].

Суть этих рассуждений заключается в предложении правоприменителям не подменять содержание преступления (материальное) только формальным [7], не забывать о двойственности наказания как в прошлое виновного, так и в его будущее. При назначении наказания учитывается не только предстоящая жизнь какого-то одного конкретного виновного, но и всех членов его семьи. По давно сложившейся практике суды в своих приговорах, по крайней мере, обязаны об этом обмолвиться.

По этому поводу классик российской уголовно-правовой науки профессор Н. С. Таганцев подчеркивал, что уже «само наименование “преступление”», предполагает переход (фазовый переход) в нашем сознании за какой-то предел» [8, с. 24], то есть что-то до этого вполне обычное, дозволенное вдруг, «становится недозволенным» [8, с. 4] и «столь существенным» [8, с. 31].

В отличие от Н. С. Таганцева современные правоведы в понимании степени общественнй опасности преступления не столь уверены. Например, И. В. Ищенко в монографии «Общественная опасность как интегративное свойство преступления (понятие, характеристика)» [9], ссылается на Питирима Сорокина, который в первой половине прошлого века честно признавался, что понятия преступления до сих пор нет [10, с. 128], на профессора Н. Г. Иванова, для которого «преступление все еще остается трансцендентным феноменом», а «аморфность имеющихся определений» «решительно ничего не дает для определения преступного и возможности его отделения от непреступного» [11, с. 6–13, 15], на М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, которые утверждали, что «суть общественной опасности определяется множеством факторов», а главное – «той средой, в которой оно совершается» [12, с. 42–43].

Нам же применительно к избранной теме интересно следующее суждение И. В. Ищенко: «Формулировка малозначительности деяния, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяет вывести из нее два важ-

нейших обстоятельства: во-первых, законодатель упоминает об общественной опасности в целом, без акцентации на каких-либо ее показателях; во-вторых, для признания деяния малозначительным необходимо пусть и формальное, но все же наличие в нем признаков состава преступления» [9, с. 44]. Также ученый отмечает, что характер и степень общественной опасности нельзя исключить из личности виновного, а вред от преступления раскрывается через характер и степень общественной опасности [9, с. 46–47].

Для кого-то все вышесказанное – китайская грамота. В то же время большинство россиян наделено обостренным чувством справедливости, неслучайно по этому поводу мы писали, что уголовная политика – всегда загадочная очевидность [13].

Вышеприведенные рассуждения будут использованы в качестве методологического ключа в рамках анализа движения отдельных уголовных дел, получивших прецедентное значение.

Анализ категорий, используемых в процессе познания

Категории (categories) – фундаментальные понятия, позволяющие осмыслить бытие (Аристотель) [14, с. 274–248]. Пара – два явления, составляющих единое целое [15, Т. III, с. 19–20] (в нашем исследовании речь в первую очередь идет о парной конструкции категорий «значительное» и «малозначительное»).

Содержание – смысл, сущность чего-либо [15, Т. IV, с. 180] (в статье речь идет о содержании конкретных преступлений). Содержание (comprehension) – в логике и лингвистике «совокупность общих характеристик, свойственных одному и тому же явлению, служащих для его концептуального определения. В этом смысле содержание противостоит расширительному (экстенсиональному) толкованию. Чем богаче содержательное определение понятия, тем уже его объем [14, с. 558–559].

Форма – внешние очертания, внешнее выражение, обусловленное определенным содержанием, сущностью, способ проявления, видимость внешняя сторона, средство внешнего выражения [15, Т. IV, с. 577–578] (норма Особенной части УК РФ). Кроме того, форма (forme) в некоторых ситуациях – это еще и цель, достигнув пределы которой вещество останавливается. Форма может быть также сущностью и основным качеством. Таким образом, форма может быть и определяющим явлением, и явлением определяемым. Форма вовсе без материи – всего лишь идея [14, с. 665].

Формализм (formalisme) – суждение не о материальном содержании чего-либо, а о только его форме [14, с. 665–666]. Формальная причина (formelle causa) – со времен Аристотеля – это ответ на вопрос «Почему?» [14, с. 666]. Перечень формальных причин, выявление которых может явиться поводом для возбуждения уголовного дела, перечислен в ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, имманентно (всегда) стоит цель – выявление тех действий в поведении людей, в которых на каком-то этапе пусть пока и формально (суждение предварительное), но уже начинают просматриваться (проявляться) достаточные (материальные) данные, указывающие на признаки конкретного состава преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), предусмотренного Особенной частью УК РФ. Речь идет о всех необходимых и предусмотренных законом элементах его состава, в совокупности отвечающих понятию «преступление» (ч. 1 ст. 14 УК РФ). В ч. 2 ст. 14 УК РФ содержится императив – не является преступлением деяние, которое только по форме отвечает составу преступления, указанного в Особенной части УК РФ.

«Наказательственное право»

Совокупность норм права (законодательство), регламентирующих, во-первых, перечень деяний, запрещенных под угрозой применения наказания, во-вторых, виды и формы наказания, в юридической науке принято именовать «наказательственное право». Так, например, в ФРГ анализируемая отрасль права так и называется «Strafrecht» (нем. Straf – наказания, Recht – право) [16]. Соответствующие законы о преступлении и наказании сконцентрированы в уголовном кодексе Strafgesetzbuch (дословно «книга законов о наказании», общепризнанной является аббревиатура – StGB).

Такой же подход в выборе названия отрасли права мы видим во Франции (droit penal), Молдове (codul penal), Румынии (codul penal).

В английском языке используется сочетание «criminal law» (право о преступлениях). Данный путь в модернизации названия избрали и на Украине – Кримінальный кодекс України.

В русском языке закрепился термин «уголовное право», особого (специального) смысла в себе (кроме традиции) не несущий. Не исключено, что рано или поздно «кодекс уголовный» будет переименован в «кодекс о преступлении и наказании».

Отечественный законодатель в силу целого ряда причин (на которых отдельно останавливаться не будем) разделил единую по своей сути отрасль «наказательное право» на две относительно самостоятельные отрасли (фактически подотрасли): 1) право о правонарушениях, предусмотренных и караемых по правилам КоАП РФ, и 2) собственно право уголовное.

В частности, наказание за кражу (как и некоторые иные формы хищения) предусмотрено ст. 7.27 КоАП РФ и гл. 21 УК РФ. Аналогичный расклад просматривается и в регламентациях норм, предусматривающих ответственность за нанесение побоев, причинение легкого вреда здоровью: ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116.1 УК РФ соответственно.

Если деяния, например кража, по форме трудноразличимы, то что же заставляет законодателя использовать нечто единое при наказании разные отрасли права? Базовый принцип «права наказательного» – сначала применяется закон, устанавливающий минимально возможное наказание. В анализируемой ситуации – это ст. 7.25 КоАП РФ, по смыслу которой содеянное (за оговоренными в законе изъятиями) не может быть расценено как уголовное преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, если размер похищенного не превысил 2500 руб.

Согласно закону, если размер похищенного равен 2500 руб. + 1 коп. (вот он – фазовый переход), то, ка-

залось бы, формально речь заходит о необходимости возбуждения уголовного дела со всеми вытекающим из этого последствиями. В этом месте у вдумчивого читателя должен возникнуть вопрос в силу каких особых причин судьба правонарушителя будет определена уже по правилам закона, предусматривающим самую суровую ответственность – уголовную.

Судья Седьмого окружного Апелляционного суда США – известный американский теоретик Ричард А. Познер – к анализу уголовного права всегда подходил с позиции рационального выбора в мире, где ресурсы всегда ограничены по отношению к человеческим потребностям [17, с. 3]. В своих рассуждениях он обычно исходил из рационального: «Никто не совершит корыстного преступления, если ожидаемые выгоды не превысят издержки» [17, с. 302]. Впрочем, теоретик учитывал также и то обстоятельство, что рациональное в поведении людей превалирует далеко не всегда. В тех ситуациях, когда поиск рационального в уголовно-правовой реакции на поведение отдельных преступников заходит в тупик, то применяются «фиксированные цены» [17, с. 298].

Думается, что только такое обоснование может быть положено в основу вышеприведенных регламентов в ст. 7.27 КоАП РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ.

К вопросу о степени исследованности проблемы

Некоторые проблемы судейского усмотрения в части толкования норм уголовного права, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, уже были в призме внимания некоторых российских ученых, в частности Ю. В. Грачевой [18–22].

Профессор Ю. В. Грачева констатировала, что в уголовном законе невозможно да и не нужно предусматривать все правила его применения, конкретные ситуации, которые могут встретиться в реальном уголовном деле. Возникает «опасность мелочной опеки за решениями и действиями правоприменителя» [20, с. 3]. В связи с этим решение многих вопросов оставлено на усмотрение правоприменителя, в первую очередь речь идет о применении оценочных признаков [20, с. 3–34]. Также отмечала, что «состояние научных знаний о судейском усмотрении в применении уголовно-правовых норм в современной российской доктрине» «характеризуется как фрагментарное» [20, с. 4].

Другие исследователи в этом вопросе еще более конкретны. Например, Д. С. Волковой отмечает, что институт малозначительности деяния, несмотря на достаточно длительное его существование, является одним из наименее проработанных как de lege так и de lege ferenda институтов Общей части отечественного уголовного права [23].

Попытки исследовать категорию «малозначительность» на монографическом уровне, безусловно, предпринимались. В частности, в 1982 г. Н. М. Якименко была защищена кандидатская диссертация «Малозначительность деяния в советском уголовном праве» [24] и подготовлено учебное пособие «Оценка малозначительности деяния» [25].

Указанные работы не утратили актуальности и в наше время. В частности, трудно не согласиться с тем, что «форма и содержание находятся в неразрывной взаимосвязи: форма всегда содержательна, а содержание оформлено... Это единство проявляется, к примеру, в том, что уголовно-противоправными признаются только общественно опасные деяния, в свою очередь общественно опасными являются лишь такие деяния, которые предусмотрены уголовным законом. Поскольку в законе названы не все признаки, указывающие на общественную опасность, а лишь самые существенные, то состав отражает общественную опасность вида поступка, а не совершенного лицом конкретного деяния [25, с. 4].

Следовательно, возможно «возникновение противоречий между абстрактным требованием нормы и конкретными особенностями жизненной ситуации. В таких случаях это преодолевается посредством норм... специально предусматривающих то особое стечение обстоятельств, которое исключает уголовную ответственность», в том числе с помощью нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 7 УК РСФСР (ныне ч. 2 ст. 14 УК РФ) [25, с. 6].

В 2005 г. была защищена кандидатская диссертация «Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение» [26]. Некоторые результаты исследователя весьма спорны. Например, вынесенное на защиту положение о том, что «малозначительность – объективно-субъективная в том смысле, что она, в принципе являясь реальной, существует вне нашего сознания и одновременно субъективно воспринимается как законодателем, так и правоприменителем» [26, с. 4]. Здесь автор, анализируя право «материальное», скорее всего, просто запутался в философских категориях, что неудивительно, ибо теоретики до сих пор спорят о том, что такое право [27].

В 2019 г. под научным руководством профессора К. В. Ображиева Д. Ю. Корсуном была защищена кандидатская диссертация по теме «Малозначительность деяния в уголовном праве: проблемы теории и практики» [28]. По мнению диссертанта, «функциональное предназначение уголовно-правовых предписаний о малозначительности деяния призвано “сгладить” коллизии между формой (уголовной противоправностью) и содержанием (общественной опасностью) преступления. Их несовпадение обусловлено: неизбежным противоречием между абстрактностью уголовно-правовых норм и конкретностью запрещенных ими деяний; отставанием консервативной системы уголовно-правовых запретов от динамики социальных отношений; избыточной криминализацией деяний. В условиях избыточной криминализации деяний разрыв между формой (уголовной противоправностью) и содержанием (общественной опасностью) увеличивается, что неизбежно повышает “спрос” на применение ч. 2 ст. 14 УК РФ, делает ее очень востребованной» [28, с. 8–9].

Для нас особо важен следующий вывод Д. Ю. Корзуна: «Количественные показатели применения ч. 2 ст. 14 УК РФ следует рассматривать как один из индикаторов качества уголовного законодательства, который можно использовать в процессе мониторинга правоприменения» [28, с. 9].

Если же мы погрузимся в философские категории более глубоко и предметно, то вспомним, что про-

блему отделения «малозначительного» от «значительного» весьма точно определил К. Маркс в работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» (переведена на русский язык в 1852 г.) [29]. Классик, будучи возмущенным тем, что законодатель не в состоянии отграничить «сбор валежника» (малозначительное) от «порубки леса» (значительное), называет конкретный уголовный закон «великим лицедейством». Мы же с сожалением вынуждены констатировать, что проблема, обозначенная К. Марксом в середине XIX в. в Германии, актуальна в современной российской правоприменительной практике [6, с. 205–223].

Несмотря на то что тема малозначительности в уголовном праве хорошо известна в России, в продолжение тезиса о фрагментарности исследования данной категории вынуждены констатировать, что современной российской уголовно-правовой науке не известны фундаментальные работы, основанные на анализе солидной эмпирической базы, посвященные всестороннему анализу судейского усмотрения в реализации положений ч. 2 ст. 14 УК РФ о сущности малозначительности деяния [21; 22].

Отметим также, что не уделено должного внимания правоведами-материалистами в сфере уголовного правосудия и проблемам судейского усмотрения в рамках применения ч. 6 ст. 15 УК РФ [30].

И. В. Ищенко вообще ставит вопрос об исключении данной нормы из УК РФ [9, с. 37, 44, 142].

Речь идет о теоретических, законотворческих и практических проблемах, в числе которых вопросы юридической техники.

Объектом предпринятого нами исследования являются общественные отношения, включающие вопросы судейского усмотрения при реализации ч. 2 ст. 14 УК ПФ. Предмет познания охватывают доктрину уголовного права о значительности и малозначительности деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ, материалы судебной практики. Цель исследования: всесторонняя теоретическая разработка судейского усмотрения при применении ч. 2 ст. 14 УК РФ, что может иметь значение для совершенствования «наказательного» права в целом и действующего законодательства в частности. Достижение названной цели возможно путем решения следующих задач: 1) определения ролей законодателя и правоприменителя в части применения ч. 1 ст. 14 УК РФ; 2) выявления причин судейского усмотрения применительно к ч. 2 ст. 14 УК РФ; 3) определения характерных черт данного вида судейского усмотрения; 4) изучения легальных путей сужения пределов судейского усмотрения при применении ч. 2 ст. 14 УК РФ.

С. А. Маркунцов называет следующие источники уголовно-правового запрета: 1) собственно социальные; 2) социально-психологические; 3) морально-нравственные; 4) культурно-исторические; 5) экономические; 6) политические; 7) системно-правовые (международно-правовые и уголовно-правовые основания, основанные на оценках научно-экспертного сообщества) [31, с. 376–377].

Профессор В. В. Марчук, анализируя ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь (аналог ч. 2 ст. 14 УК РФ), пишет, что сам по себе состав преступления «далеко не всегда является юридическим выражением общественной опасности. То, что запрещено уголовным законом, не всегда может быть признано общественно опасным и, следовательно, быть преступным. В конкретной правовой ситуации отсутствие у деяния общественной опасности нейтрализует уголовную противоправность» [32, с. 32].

В некоторых странах (например, во Франции) умозаключение «summum jus, summa injuria» (точное соблюдение закона (максима)) иногда равно высшему бесправию, возведено в ранг общегосударственных принципов права [33]. Законодатель, как правило, не вдаваясь в детали, предоставляет правоприменителю свободу толкования. Ну а там, где толкование, как говорил Г. Ф. Шершеневич, нет никакой науки, только искусство [34, с. 724].

Мы же пока подчеркнем главное: «Право – это не то, что задумал автор закона и записал в норму законодатель. Право – это то, что прочитал конкретный судья!» [35, с. 175].

Формальный подход

«Формальный подход – зло российского уголовного процесса», – утверждал судья Конституционного Суда Российской Федерации В. Г. Ярославцев [36], который весьма трепетно относился к нравственной составляющей правосудия, всегда признавал реальность судейского правотворчества в сфере восполнения пробелов в законе [37]. Данная мысль получила развитие в правовых позициях (прецедентах), озвученных его коллегой К. В. Арановским, который однозначен в суждении: «Суды всегда создавали право и теперь его создают» [38].

Смелый образец такого правотворчества – дело «О проверке конституционности статей 416–417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» (докладчик – К. В. Арановский) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2021 № 53-П по делу о проверке конституционности статей 416–417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исхакова). Суть этого решения – повторение утверждения коллегии: «формальный подход – зло российского уголовного процесса». Суды не должны ждать милости от прокуратуры, в целях защиты прав личности в уголовном процессе им следует решительно брать власть в свои руки, естественно, в тех случаях, когда прокуратура (орган исполнительной власти) не в состоянии (не желает) эти права обеспечить [39].

Впрочем, далеко не все процессуалисты разделают эту принципиальную позицию. Например, Т. А. Алексеева отмечает, что максимум, на что имеет право Конституционный Суд Российской Федерации, так это только указать законодателю на пробел в законе [40]. Не будем забывать, что исполнение решений данного суда – дело небыстрое. Незаконный приговор в отношении Исхакова был отменен только спустя 64 года.

Как отмечает Д. С. Волковой, судья К. В. Арановский в своем особом мнении к решению Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституцион-

ности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа) писал, что «общественную опасность "нельзя точно измерить и вполне заранее выразить", поскольку она является еще и "человеческим субъективным состоянием, зависящим в этом смысле от того, как ее чувствуют представляют и выражают"» [23].

Суд восполняет пробелы в законе (УК РФ) и в уголовном праве

Отношения между людьми урегулированы в основном нормами морали и, когда таковых недостаточно, нормами реального позитивного права, которые могут быть (полно/неполно) прописаны в конкретных законах и прочих нормативных актах.

О роли и месте суда в восполнении пробелов в праве мы уже писали [41]. Возникает вопрос: вправе ли судьи игнорировать нормы морали? По этому поводу судья Верховного суда США Бенджамина Кардозо утверждал, что «норм права для организации судебной деятельности недостаточно, ибо правовое поле априори пробельно» [42], поэтому в поисках справедливости суды вынуждены «варить странную смесь, элементами которой являются право и мораль» [43].

Неслучайно многие современные российские исследователи едины в суждении, что деятельность суда и по содержанию, и по форме не должна быть строго формализована. Следовательно, суд может эффективно функционировать только при условии, что обладает достаточно широкой свободой усмотрения [44].

В своих рассуждениях мы всегда исходили из того, что суд – не только общепризнанный и эффективный способ разрешения социальных конфликтов, но еще и элемент государственного аппарата. Государство (как, впрочем, и право) – историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие общественные отношения [45], социальная природа которых заключается в потенциальной способности человека разумного посредством только одному ему ведомых средств речи, знаков и символов мобилизовать свои ресурсы ради достижения целей, как предопределенных на уровне простейших инстинктов, так и поставленных людьми осознанно, разрешать проблемы и напряжение в сфере управления [46], а равно в наличии у общества права принимать решения и добиваться их обязательного исполнения [47].

Судьи Верховного Суда Российской Федерации в рамках судейского правотворчества обозначили свое видение положений ч. 2 ст. 14 УК РФ

Констатируем, что суд не только может, но и должен творить право. Зачастую суды буквально вынуждают заниматься правотворчеством. Данной проблеме уже были посвящены многочисленные специальные исследования [48], в том числе и некоторые наши [49].

Судья Верховного Суда Российской Федерации Е. В. Пейсикова – автор одного из прецедентных решений по ч. 2 ст. 14 УК РФ, в публикации «Судебное правотворчество как неотъемлемая функция суда» [50] свое повествование начинает цитатой коллеги В. И. Анишиной: «Суд не может быть устранен от создания правовых норм, так как он является одним из властных элементов управления всем обществом, а значит, обладает функциями государства перед обществом, защищая его граждан» [51].

Сказанное трудно истолковать иначе, как алгоритм: суд не вправе ждать, пока законодатель соизволит предложить обществу тот или иной регламент поведения, ибо от суда народ требует взвешенного и четкого решения здесь и сейчас.

Утверждения ученых о том, что у суда нет правотворческих полномочий [52], расцениваем как ошибочные, ибо они опровергаются судебной практикой.

Особо значимо то обстоятельство, что судья Е. В. Пейсикова предлагает определиться с самой категорией «судейское правотворчество» [50], которое по форме принципиально отмечается от прочих его видов и форм. Однозначно: суды с парламентами не конкурируют, у них свое место в системе сдержек и противовесов.

Е. В. Пейсикова, рассматривая формы судебного правотворчества – правовые позиции (прецеденты), которые публикуются в разного рода официальных обзорах, упоминает о главном – «практикообразующих решениях» [50], некоторые из которых являются предметом нашего познания.

Применительно к избранной теме мы лишь напомним: любое уголовно наказуемое деяние (преступление), как правило, всего лишь частный случай (элемент) всего массива социальных отношений. Задача органов предварительного расследования, не упуская из вида общего контекста отношений, сложившихся между людьми (формальность такой оценки вторична, несущественна, поэтому не может служить достаточным основанием для юридической реакции на преступное намерение, требование и т.п.), – выявить только те из них, которые запрещены конкретной нормой уголовного закона (ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 146 УПК РФ), при наличии к тому достаточных оснований возбудить уголовное дело, принять меры, направленные на изобличение виновных.

Надзор за законностью и обоснованностью возбуждаемых уголовных дел возложен на соответствующих прокуроров (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), они же, утверждая обвинительное заключение, несут всю полноту ответственности за результаты предварительного расследования (ст. 221 УПК РФ).

Малозначительность в «рублях» и «копейках»

Проведенное исследование показало, что 82 % случаев применения ч. 2 ст. 14 УК РФ так или иначе связано с исчислением размера ущерба, причиненного различными формами хищения. Здесь уместным будет напомнить, что порог, с которого наступает в наши дни уголовная ответственность за хищение, искусственно занижен. Дело в том, что при советской власти уголовная ответственность за хищение государственного (общественного) имущества по общему правилу наступала, если размер похищенного превышал 50 руб. (то есть составлял 50 руб. + 1 коп.). Указанная сумма была соизмерима с минимальной заработной платой, размер которой только после

денежной реформы 1961 г. стал превышать 60 руб. в месяц.

Сейчас в России параллельно действуют два «наказательных» («карательных») кодекса: 1) КоАП РФ, предусматривающий, в частности, ответственность за мелкое хищение (ст. 7.27): ч. 1 до 1000 руб., и ч. 2 – свыше 1000 руб. и до 2500 руб.; 2) УК РФ.

Таким образом, автоматически за рамки уголовного процесса выведено большинство хищений на сумму 2500 руб. Уголовное дело за хищение на законных основаниях может быть возбуждено (порог наступления уголовной ответственности), если размер похищенного превысил 2500 руб. 1 коп.

При таких обстоятельствах мы вправе сделать вывод, что изначально существовавший в «наказательственном» праве пробел в наши дни стал стремительно углубляться. Наш вывод находит свое подтверждение в анализе практики работы Первого КСОЮ, и вывод этот неутешительный: с 2021 г. по середину 2023 г. суды увеличили частоту применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в десять раз.

Следующее замечание. Практики применения КоАП РФ и УК РФ – несообщающиеся сосуды. Органы предварительного расследования, выявив, например, факт хищения денег в сумме, превышающей лимиты, установленные ст. 7.27 КоАП РФ, возбуждают уголовное дело по ч. 3 ст. 160 УК РФ, как это было по делу Б., обвиненного в хищении дизельного топлива на сумму 2928 руб., и только суд приходит к выводу, что содеянное Б. малозначительно, следовательно, никакого внимания в рамках уголовного судопроизводства не заслуживает, а расхититель Б. подлежит реабилитации.

Ученые на данное противоречие в законе (по существу пробел не только в законе, но и в праве, так как правообразующий орган не определился с проблемами в отраслевом делении) давно обращают внимание:

– похитил на сумму 2500 руб. включительно – будешь наказан, в том числе и лишением свободы на полмесяца (административный арест на 15 суток);

– похитил на сумму 2928 руб. – тебя не только оправдают, но еще и реабилитируют, позволят тысяч пять взыскать с государства, полностью компенсируют расходы на адвоката [53].

Обозначенные нами вопросы – всего лишь маленькая толика проблем, обусловленных применением ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В следующих публикациях читателю будет предложен анализ результатов конкретной судебной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галахова А. В. Статья 14. Понятие преступления // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. Т. 1. 316 с.
2. Колоколов Н. А. Как нащупать грань между «преступным и непреступным» // Мировой судья. 2017. № 6. С. 3–9.
3. Колоколов Н. А. Малозначительность: как отделить преступное от непреступного (анализ спорных примеров из судебной практики по уголовным делам) // Мировой судья. 2018. № 11. С. 17–26.
4. Колоколов Н. А. Верховный Суд РФ прекратил дела о мошенничестве в связи с малозначительностью // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 92–97.
5. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017. 512 с.
6. Колоколов Н. А. Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к новой повестке дня в современной уголовной политике // Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса (к 200-летию со дня рождения К. Маркса) : сб. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2019. С. 205–223.
7. Колоколов Н. А. Формальный подход к оценке действительности – зло российского уголовного судопроизводства и необходимый стандарт? Анализ уголовно-правовой действительности на примере практики мировых судей // Мировой судья. 2020. № 4. С. 17–28.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
9. Ищенко И. В. Общественная опасность как интегративное свойство преступления (понятие, характеристика). М., 2023. 144 с.
10. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. 624 с.
11. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016. 80 с.
12. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 40–58.
13. Колоколов Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., 2014. 208 с.
14. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. 752 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 3-е. М., 1987.
16. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. М., 2013. 712 с.
17. Познер Р. А. Экономический анализ права : в 2 т. СПб., 2004. Т. 1. 524 с.
18. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.
19. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 199 с.
20. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 39 с.
21. Грачева Ю. В. Источники судейского усмотрения в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания. М., 2011. 240 с.
22. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве. М., 2021. 160 с.
23. Волковой Д. С. Институт малозначительности деяния как проявление максимы «summum jus, summa injuria» в отечественном уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 71–81.

24. Якименко Н. М. Малозначительность деяния в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 23 с.
25. Якименко Н. М. Оценка малозначительности деяния : учеб. пособие. Волгоград, 1987. 28 с.
26. Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 20 с.
27. Колоколов Н. А. Организация судебной деятельности в эпоху второго модерна // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина) : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2022. С. 282–290.
28. Корсун Д. Ю. Малозначительность деяния в уголовном праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 232 с.
29. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 30 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 119–160.
30. Колоколов Н. А. Изменение категории преступления судом // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 48–54.
31. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. М., 2015. 560 с.
32. Марчук В. В. Методологические основы квалификации преступления. М., 2016. 440 с.
33. Головко Л. В. Закрепление отраслевых принципов в кодифицированных актах: педагогический прием или правовой инструмент? // Закон. 2020. № 6. С. 21–33.
34. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Рига, 1924. 805 с.
35. Колоколов Н. А. Организация правосудия в постиндустриальном обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Д. Белла) : сб. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2020. С. 165–179.
36. Ярославцев В. Г. Одним из зол уголовного процесса стал формальный подход // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 24–30.
37. Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М., 2007. 304 с.
38. Арановский К. В. Право существует в человеке // Закон. 2019. № 12. С. 8–18.
39. Колоколов Н. А. Конституционный Суд РФ: у суда общей юрисдикции могут возникнуть основания для пересмотра уголовного дела в порядке ст. 416–417 УПК РФ, как это делает прокурор и следственный орган // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3. С. 2–8.
40. Алексеева Т. М. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: актуальные проблемы на примере конкретного дела // Уголовное судопроизводство. 2023. № 2. С. 33–37.
41. Колоколов Н. А. Восполнение пробелов в праве: роль и место суда // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : материалы VI Междунар. науч. конф. теоретиков права (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев. М., 2021. С. 236–244.
42. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 2019. 183 с.
43. Кардозо Б. Природа судейской деятельности. М., 2017. 110 с.
44. Солянко П. Б. Суд как субъект права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 25 с.
45. Атаманчук Г. В. Власть // Энциклопедия государственного управления в России : в 4 т. М., 2004. Т. 1. С. 140–141.
46. Розин В. М. Типы и дискурсы научного мышления. М., 2000. 246 с.
47. Смелзер Н. Социология. М., 1994. 688 с.
48. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2006. 510 с.
49. Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010. 400 с.
50. Пейсикова Е. В. Судебное правотворчество как неотъемлемая функция суда // Судья. 2023. № 11. С. 37–45.
51. Анишина В. И. Правотворчество в деятельности Верховного Суда Российской Федерации: форма и проблемы реализации // Российский судья. 2011. № 11. С. 4–8.
52. Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. 160 с.
53. Гаврилов Б. Я. Роль современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3 ноября 2023 г.) : в 2 ч. М., 2023. Ч. 1. 476 с.

REFERENCES

1. Galakhova A.V. Crime concept. In: Lebedev V.M. (Ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 t. T. 1* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Volume 1]. Moscow, 2017. 316 p. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. How to discover dividing line between “criminal and non-criminal”. *Mirovoi sud’ya = Justice of the Peace*, 2017, no. 6, pp. 3–9. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Insignificance: how to demarcate criminal from non-criminal (an analysis of disputable examples from the judicial practice in criminal cases). *Mirovoi sud’ya = Justice of the Peace*, 2018, no. 11, pp. 17–26. (In Russ.).
4. Kolokolov N.A. The Supreme Court of the Russian Federation dismissed cases of fraud due to insignificance. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2024, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.).
5. Prodi P. *Istoriya spravedlivosti: ot plyuralizma forumov k sovremennomu dualizmu sovesti i prava* [History of justice: from pluralism of forums to modern dualism of conscience and law]. Moscow, 2017. 512 p.
6. Kolokolov N.A. Dynamics of the grammar of law and order: from K. Marx’s early work “Debates on the Law on Thefts of Wood” to a new agenda in a modern criminal policy. In: Lazarev V.V. *Pravo, zakon i sud v rannikh trudakh Karla Marksa (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa)* [Law, legislation and the court in the early writings of Karl Marx (to the 200th anniversary of the birth of K. Marx)]. Moscow, 2019. Pp. 205–223. (In Russ.).
7. Kolokolov N.A. A formal approach to the evaluation of reality: evil of the Russian criminal proceedings and the necessary standard? an analysis of the criminal law reality on the example of the practice of justices of the peace. *Mirovoi sud’ya = Justice of the Peace*, 2020, no. 4, pp. 17–28. (In Russ.).

8. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' Obshchaya. V 2 t. T. 1* [Russian criminal law. Lectures. General Part. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, 1994. 380 p.
9. Ishchenko I.V. *Obshchestvennaya opasnost' kak integrativnoe svoistvo prestupleniya (ponyatie, kharakteristika)* [Public danger as an integrative property of crime (concept, characteristic)]. Moscow, 2023. 144 p.
10. Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii ehtyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward: sociological study of key forms of social behavior and morality]. Moscow, 2006. 624 p.
11. Ivanov N.G. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii* [Public danger of an act as an ontological basis for criminalization]. Moscow, 2016. 80 p.
12. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminology and criminal law: interaction as a way of survival. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2016, no. 4, pp. 42–43. (In Russ.).
13. Kolokolov N. A. *Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost'* [Criminal policy: mysterious evidence]. Moscow, 2014. 208 p.
14. Comte-Sponville A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2012. 752 p.
15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow, 1987.
16. Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Germany. General Part]. Moscow, 2013. 712 p.
17. Pozner R.A. *Ekonomicheskii analiz prava: v 2 t. T. 1* [Economic analysis of law: in 2 volumes. Volume 1]. Saint Petersburg, 2004. 524 p.
18. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial discretion in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2002. 25 p.
19. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial discretion in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2002. 199 p.
20. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v realizatsii ugolovno-pravovykh norm: problemy zakonotvorchestva, teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Judicial discretion in the implementation of criminal law norms: problems of lawmaking, theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 39 s.
21. Gracheva Yu.V. *Istochniki sudeiskogo usmotreniya v institutakh osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i ot nakazaniya* [Sources of judicial discretion in institutions of exemption from criminal liability and punishment]. Moscow, 2011. 240 p.
22. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave* [Judicial discretion in criminal law]. Moscow, 2021. 160 p.
23. Volkova D.S. The institution of insignificance of an act as a manifestation of the maxim "summum jus, summa injuria" in the Russian criminal law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2022, no. 6, pp. 71–81. (In Russ.).
24. Yakimenko N.M. *Maloznachitel'nost' deyaniya v sovetskom ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificance of an act in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (law) dissertation abstract]. Moscow, 1982. 23 p.
25. Yakimenko N.M. *Otsenka maloznachitel'nosti deyaniya: ucheb. posobie* [Assessing insignificance of an act]. Volgograd, 1987. 28 p.
26. Bagirov Ch.M. *Maloznachitel'nost' deyaniya i ee ugolovno-pravovoe znachenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificance of the act and its criminal legal significance: Candidate of Sciences (law) dissertation abstract]. Tyumen, 2005. 20 p.
27. Kolokolov N.A. Organization of judicial activity in the era of the second modern. In: Lazarev V.V. (Ed.). *Pravotvorchestvo v XXI veke: evolyutsiya doktriny i praktiki (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pigolkina): sb. nauch. tr.* [Lawmaking in the XXI century: evolution of doctrine and practice (to the 90th anniversary of the birth of A.S. Pigolkin): collection of scientific works]. Moscow, 2022. Pp. 282–290. (In Russ.).
28. Korsun D.Yu. *Maloznachitel'nost' deyaniya v ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificance of an act in criminal law: problems of theory and practice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2019. 232 p.
29. Marx K. Debates on the law on thefts of wood. In: Marx K., Engels F. *Sobr. soch.: v 30 t. T. 1* [Collected works: in 30 volumes. Volume 1]. Moscow, 1955. Pp. 119–160. (In Russ.).
30. Kolokolov N.A. Changing the category of crime by the court. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2012, no. 8, pp. 48–54. (In Russ.).
31. Markuntsov S.A. *Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta* [Theory of criminal law prohibition]. Moscow, 2015. 560 p.
32. Marchuk V.V. *Metodologicheskie osnovy kvalifikatsii prestupleniya* [Methodological foundations of crime qualification]. Moscow, 2016. 440 p.
33. Golovko L.V. Branch principles in codes: a pedagogical tool ora legal instrument? *Zakon = Law*, 2020, no. 6, pp. 21–33. (In Russ.).
34. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Riga, 1924. 805 p.
35. Kolokolov N.A. Organization of justice in a post-industrial society. In: Lazarev V.V. (Ed.). *Pravo i zakon v programmiruemom obshchestve (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya D. Bella): sb. st.* [Law and legislation in a programmable society (to the 100th anniversary of the birth of D. Bell): collection of articles]. Moscow, 2020. Pp. 165–179. (In Russ.).
36. Yaroslavtsev V.G. One of the evils of the criminal process was a formal approach. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2020, no. 2, pp. 24–30. (In Russ.).
37. Yaroslavtsev V.G. *Nravstvennoe pravosudie i sudeiskoe pravotvorchestvo* [Moral justice and judicial law-making]. Moscow, 2007. 304 p.
38. Aranovskii K.V. Law exists in man. *Zakon = Law*, 2019, no. 12, pp. 8–18. (In Russ.).
39. Kolokolov N.A. Constitutional Court of the Russian Federation: a court of general jurisdiction may have grounds for reviewing a criminal case in accordance with Articles 416–417 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, as the prosecutor and the investigative body do. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2023, no. 3, pp. 2–8. (In Russ.).

40. Alekseeva T.M. Resumption of criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances: actual problems on the example of a specific case. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2023, no. 2, pp. 33–37. (In Russ.).
41. Kolokolov N.A. Filling a gap in law: the role and place of the court. In: Khabrieva T.Ya., Lazarev V.V. *Probely v pozitivnom prave: doktrina i praktika: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. teoretikov prava (Moskva, 20–21 fevralya 2020 g.)* [Gaps in positive law: doctrine and practice: materials of the VI International scientific conference of legal theorists (Moscow, February 20–21, 2020)]. Moscow, 2021. Pp. 236–244. (In Russ.).
42. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and ways to eliminate them]. Moscow, 2019. 183 p.
43. Cardozo B. *Priroda sudeiskoi deyatel'nosti* [The nature of judicial activity]. Moscow, 2017. 110 p.
44. Solyanko P.B. *Sud kak sub"ekt prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The court as a subject of law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2021. 25 p.
45. Atamanchuk G.V. Power. In: *Entsiklopediya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: v 4 t. T. 1* [Encyclopedia of Public Administration in Russia: in 4 volumes. Volume 1]. Moscow, 2004. Pp. 140–141. (In Russ.).
46. Rozin V.M. *Tipy i diskursy nauchnogo myshleniya* [Types and discourses of scientific thinking]. Moscow, 2000. 246 p.
47. Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, 1994. 688 p.
48. Marchenko M.N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo* [Judicial lawmaking and judicial law]. Moscow, 2006. 510 p.
49. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast': ot lozunga k ponimaniyu real'nosti* [Judicial power: from the slogan to understanding reality]. Moscow, 2010. 400 p.
50. Peisikova E.V. Judicial law-making as an integral function of the court. *Sud'ya = Judge*, 2023, no. 11, pp. 37–45. (In Russ.).
51. Anishina V.I. Lawmaking in the activities of the Supreme Court of the Russian Federation: form and problems of implementation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2011, no. 11, pp. 4–8. (In Russ.).
52. Nersesyants V.S. Russian courts do not have law-making powers. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow, 2000. 160 p.
53. Gavrilov B.Ya. The role of modern criminal and criminal procedure legislation in ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen. In: *Ugolovnyi protsess i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.Ya. Gavrilova): sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 3 noyabrya 2023 g.): v 2 ch. Ch. 1* [Criminal procedure and criminalistics: legal foundations, theory, practice, didactics (to the 75th anniversary of the birth of Professor B.Ya. Gavrilov): collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 3, 2023)]. Moscow, 2023. 476 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, председатель редакционных советов журналов «Мировой судья» и «Уголовное судопроизводство», nikita_kolokolov@mail.ru

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the editorial boards of the journals "Justice of the Peace" and "Criminal Judicial Proceeding", nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 18.01.2024

Научная статья
УДК343.2/.7
doi 10.46741/26869764.2024.65.1.005

Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия
vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

Реферат
Введение: в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года поставлена задача существенного увеличения числа осужденных, отбывающих принудительные работы. *Цель:* анализ перспектив выполнения указанной задачи, возможности изменения установленных уголовным законодательством правил назначения принудительных работ. *Результаты:* проанализированы предложения о ликвидации колоний-поселений как своеобразного конкурента принудительных работ, аргументируется вывод о преждевременности такого шага. Рассмотрены риски поспешного расширения применения принудительных работ, связанные с ухудшением правопорядка в местах дислокации исправительных центров. Сделан вывод о том, что расширение судебной практики применения принудительных работ может осуществляться двумя этапами. На первом этапе следует ограничиться, во-первых, устранением альтернативности в назначении данного вида уголовного наказания, во-вторых, увеличением числа составов преступлений, предусматривающих в качестве санкции наряду с лишением свободы принудительные работы. Судебная практика получит возможность более широкого усмотрения при назначении принудительных работ, что повлечет увеличение численности осужденных в исправительных центрах и сокращение численности осужденных в колониях-поселениях. На втором этапе возможна реформа колоний-поселений, которая не может заключаться лишь в решении судьбы исключительно колоний-поселений, а должна проводиться в комплексе, в рамках оптимизации всей системы уголовных наказаний и учреждений, их исполняющих. На данном этапе реформы принудительные работы должны лишиться своего специализированного статуса наказания только для трудоспособных осужденных. Соответственно потребуется корректировка названия этого наказания, с тем чтобы оно охватывало все карательное содержание данного института.

Ключевые слова: принудительные работы; уголовное наказание; исправительные центры; осужденные; колонии-поселения; ограничение свободы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Селиверстов В. И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 43–50. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.005.

© *Селиверстов В. И., 2024*

Original article

Forced Labor: Prospects, Limits and Risks of Development

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

Abstract
Introduction: The Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030 sets the task to significantly increase a number of convicts serving forced labor. *Purpose:* to analyze prospects for the fulfillment of this task, the possibility of changing rules for the appointment of forced labor established by criminal law. *Results:* the proposals on liquidation of penal settlements as a kind of competitor to forced labor are analyzed, and the conclusion about the prematurity of such a step is argued. Risks of hasty expansion of the use of forced labor associated with the deterioration of law and order in the locations of correctional centers are considered. It is concluded that the expansion of judicial practice of the use of forced labor can be carried out in two stages. At the first stage, it should be limited, first, to eliminating the alternative in assigning this type of criminal punishment, and second, to increasing a number of crimes providing for forced labor as a sanction along with imprisonment. Judicial practice will be given the opportunity for wider discretion in the appointment of forced labor, which will entail an increase in the number of convicts in correctional centers and a reduction in the number of convicts in penal colonies. At the second stage, it is reasonable to reform penal settlements complexly, within the framework of optimizing the entire system of criminal penalties and institutions that execute them. As part of this stage of the reform, forced labor should lose its specialized status of punishment only for able-bodied convicts. Accordingly, it is necessary to adjust the name of this punishment, which would cover all the punitive content of this punishment.

Keywords: forced labor; criminal punishment; correctional centers; convicts; penal settlements; restriction of freedom.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 43–50. doi 10.46741/26869764.2024.65.1.005.

Введение

Принудительные работы как вид уголовного наказания были введены в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Этим же законом в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации были регламентированы условия и порядок исполнения (отбывания) данного вида наказания. Можно сказать, что самое «молодое» уголовное наказание, пополнившее перечень российской системы уголовных наказаний.

Несмотря на свою молодость, принудительные работы привлекли к себе внимание законодательной и исполнительной властей, поскольку обладают положительным потенциалом в плане обеспечения осужденных трудом. Дело в том, что в местах лишения свободы довольно большая часть спецконтингента не занята трудом. Как показали результаты Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в декабре 2022 г. (далее – перепись осужденных 2022 г.), из 92,8 % полностью и ограниченно трудоспособных осужденных в местах лишения свободы обеспечены трудом 66,9 %. Более четверти осужденных не работают, при этом 14 % из-за отсутствия фронта работ, а 9,6% из-за постоянных отказов от работы. В то же время в исправительных центрах, согласно результатам той же переписи, трудом обеспечены 97,6 %, не работают по причине отсутствия работы 1,4 %, отказываются от работы 0,6 %.

Между тем экономика России нуждается в притоке рабочих рук. В январе 2024 г. зафиксирован самый низкий уровень безработицы в стране (2,9%), при этом почти половина предприятий нуждается в пополнении трудовых коллективов. Экономисты отмечают, что причины напряженности на рынке труда в России не уникальны. Прежде всего, это естественная убыль населения, которая не компенсируется иммиграцией: в ближайшие пять лет даже с учетом иммиграции число людей в самой производительной когорте – от 20 до 39 лет – уменьшится на 4–5 млн чел., от 15 до 65 лет – на 2,5 млн чел. [1]. Кроме того, проведение специальной военной операции отвлекло и будет отвлекать часть трудовых ресурсов от производительного труда. Одновременно встает задача наращивания выпуска оружия, военной техники

и боеприпасов. Еще большие экономические задачи предстоит решать в соответствии с озвученным 29 февраля 2024 г. ежегодным Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Основная часть

Учитывая прогноз дефицита трудовых ресурсов, а также иные социально-экономические факторы, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция-2030), были предусмотрены кратное увеличение числа исправительных центров и количества осужденных, отбывающих принудительные работы, а также участие бизнес-сообщества в их трудоустройстве на предприятиях, в том числе при строительстве крупных объектов, а также привлечение к работам по очистке территории Арктической зоны Российской Федерации от загрязнения (отходов производства и потребления).

Исходя из указанных выше политических установок, количество осужденных, отбывающих принудительные работы, постепенно увеличивалось. Соответственно росло и число исправительных центров и их участков, открытых как при промышленных предприятиях, так и при исправительных учреждениях.

Согласно статистическим данным ФСИН России на 1 января 2023 г. функционировало 46 исправительных центров и, 321 участки исправительных центров, изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях. На начало года в них отбывало принудительные работы свыше 20 тысяч осужденных, а количество мест для размещения превысило 40 тысяч. Более того, в планах ФСИН России и Минюста России в 2024 г. довести данный показатель до 80 тысяч мест [2].

Как нам представляется, достичь указанных показателей в 2024 г. едва ли возможно, однако давайте проанализируем такие возможности применительно к разным категориям осужденных, отбывающих принудительные работы. Согласно уголовно-исполнительным законодательству, все осужденные, отбывающие принудительные работы, имеют одинаковый правовой статус. В то же время это не означает, что они не отличаются по своим демографическим, уголовно-правовым и уголовно-исполнительным характеристикам.

Так, по уголовно-правовым признакам можно выделить три категории осужденных, отбывающих принудительные работы. Для этих же категорий существуют свои уголовно-правовые механизмы пополнения исправительных центров и их участков осужденными:

1. Лица, осужденные судами к принудительным работам за совершенные преступления (ст. 53-1 УК РФ).

2. Лица, которым лишение свободы заменено более мягким наказанием – принудительными работами – в соответствии со ст. 80 УК РФ.

3. Лица, отбывающие принудительные работы по иным основаниям, указанным в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

После введения принудительных работ в действие законодатель оставил без внимания регламентацию порядка назначения данного наказания по приговору суда и сосредоточился на том, чтобы в большей степени усовершенствовать основания и порядок направления осужденных в исправительные центры из исправительных учреждений.

Так, Федеральным законом от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» была разрешена замена лишения свободы принудительными работами при ранее назначенном судом наказании в виде лишения свободы на срок более пяти лет. Кроме того, оставшийся при такой замене срок принудительных работ мог быть более пяти лет. Этим же законом в ст. 8 0 УК РФ были предусмотрены более краткие сроки для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами.

Федеральным законом от 28.06.2022 № 200-ФЗ «О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации» в целях стимулирования осужденных к лишению свободы на замену данного наказания на принудительные работы было предусмотрено, что осужденному, неотбытая часть наказания которому была заменена более мягким видом наказания, срок наказания, после фактического отбытия которого может быть применено условно-досрочное освобождение, исчисляется с момента начала срока отбывания наказания, назначенного по приговору суда (ч. 3.2 ст. 79 УК РФ).

Поскольку все эти изменения (особенно последнее) стимулировали желание осужденных к отбыванию принудительных работ вместо лишения свободы, то судебная практика замены лишения свободы принудительными работами была существенно расширена. В результате, перепись осужденных 2022 года зафиксировала, что в исправительных центрах и участках 66,9 % составляли лица, которым лишение свободы было заменено принудительными работами. Чуть больше четверти (26,4 %) составляли осужденные к принудительным работам по приговору суда, остальным осужденным (6,7 %) принудительные работы были назначены по иным основаниям. Представляется, что такое соотношение не изменилось и по настоящее время.

Если положение дел с заменой наказания в виде лишения свободы принудительными работами в количественном отношении демонстрировало положительную динамику, то доля осужденных к принудительным работам по приговору суда оставалась почти неизменной. В федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, предложили комплексное решение создавшейся ситуации. Соответствующие проекты федеральных законов об изменениях УК РФ и УИК РФ были вынесены на обсуждение специалистов в сентябре 2023 г.

В проекте об изменении УК РФ вполне обоснованно была предложена корректировка порядка назначения наказания в виде принудительных работ. На наш взгляд, в настоящее время основным тормозом для назначения судьями принудительных работ является предусмотренный в УК РФ «экзотический» порядок назначения принудительных работ. В соответствии с ч. 2 ст. 53.1 вначале суд должен назначить (а значит, и обосновать в приговоре это назначение) наказание в виде лишения свободы, а затем прийти к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. При этом этот последний вывод также должен быть обоснован. Такой алгоритм следует из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 29.11.2016 № 56, от 18.12.2018 № 43). В соответствии с п. 22.2 указанного документа при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить вопрос о том, имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в случаях и порядке, установленных ст. 53.1 УК РФ. При наличии таких оснований суд должен привести мотивы, по которым пришел к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы и применения положений ст. 531 УК РФ. В резолютивной части приговора вначале следует указать на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем – на замену лишения свободы принудительными работами.

Такое противоречивое раздвоение судейского усмотрения в отношении одного и того же подсудимого и одного и того же преступного деяния, с наличием одних и тех же смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств сдерживает назначение принудительных работ, так как судьи опасаются отмены приговора суда со всеми вытекающими для их служебной карьеры негативными последствиями. Поэтому следует поддержать содержащиеся в представленном законопроекте изменение ч. 1 и признание утратившей силу ч. 2 ст. 53-1 УК РФ, в результате чего будет устранена альтернативность назначения принудительных работ. Следует отметить, что альтернативность назначения принудительных работ неоднократно критиковалась в юридической литературе [3, с. 15–16; 4].

Одновременно рассматриваемым законопроектом предлагается включить в санкции довольно большого числа статей Особенной части УК РФ наказание в виде принудительных работ. Как видится, перечень таких статей можно было бы расширить, предусмотрев в нем не только преступления небольшой и средней тяжести, но и тяжкие преступления. Вместе с тем вполне оправдано, одновременное исключение наказания в виде лишения свободы из этих же санкций. Во-первых, это сужает возможности индивидуализации наказания, что негативно будет воспринято как судейским сообществом, так и правоохранительными структурами. Во-вторых, такая обширная компания по гуманизации наказания (предлагается исключить лишение свободы из 50 составов преступлений) едва ли будет позитивно воспринята общественным мнением. Если и решать вопрос об исключении лишения свободы, то это необходимо делать после обсуждения по каждому отдельному составу преступления, а не по 50 составам сразу. Например, предусматривается исключение возможности назначения лишения свободы за клевету (ч. 2–5 ст. 128.1 УК РФ). Между тем вопрос наказания, особенно за квалифицированные случаи клеветы, в свое время вызвал довольно острую общественную полемику. Учитывая негативный общественный резонанс на пляски «PussyRiot» перед алтарем, имевшие место в 2012 г. в Москве в Храме Христа Спасителя, аналогичная ситуация может возникнуть при исключении наказания в виде лишения свободы за нарушение права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ). Такие примеры можно привести почти по каждому составу преступлений, из санкций которых предлагается исключить наказание в виде лишения свободы.

Законопроектами о внесении изменений в УК РФ и УИК РФ предусматривалась весьма радикальная, можно сказать для сегодняшнего дня революционная, мера, а именно – ликвидация колоний-поселений, которые являются своеобразными конкурентами исправительных центров.

Аргументом такого решения, кроме экономических интересов государства и самих осужденных, выступило то, что в теории уголовного и уголовно-исполнительного права (в советское время в теории исправительно-трудового права) активно обосновывалась точка зрения о том, что в колонии-поселении нет изоляции от общества, поэтому в ней исполняется не лишение свободы, а иное наказание без изоляции осужденных от общества. Одни ученые считали, что это должно быть наказание в виде ограничения свободы [5, с. 169–173], квалифицируя принудительные работы как своеобразное «пятое колесо в телеге», имея в виду под телегой систему уголовных наказаний в целом [6, с. 23]. Вторые давали этому наказанию новое название, например «направление в исправительный центр» [7, с. 125]. Третьи считали оправданным существование и колоний-поселений, и исправительных центров, предлагая лишь перераспределить между ними категории осужденных [8, с. 15]. Четвертые отстаивали необходимость сохранения колоний поселений в неизменном виде [9, с. 18–19]. Пятые, особенно после введения в действие с 1 января 2017 г. уголовного наказания в виде принудительных работ, полагали, что это должны быть именно принудительные работы [10, с. 49–50; 11, с. 131–135] и именно они должны вобрать в себя наказание, исполняемое в колониях-поселениях. Отдавая дань уважения указанным позициям ученых, в то же время следует учитывать то, что между теоретическими выводами и их практической реализацией достаточно большая и тернистая дистанция. И это наглядно демонстрирует идея ликвидации колоний-поселений в

исполнении инициаторов и авторов указанных выше законопроектов.

Во-первых, согласно результатам переписи осужденных 2022 года в колониях-поселениях отбывают наказание около 27 тысяч осужденных: примерно 45 % – переведенные в колонию-поселение из исправительных учреждений за положительное поведение; 43 % – осужденные впервые за преступления небольшой и средней тяжести, а также за тяжкие преступления, 12 % – за преступления, совершенные по неосторожности. Предлагалось ввести в действие представленные законопроекты с 1 января 2025 г. Однако в законопроектах ответа на вопрос, куда исчезнет к 1 января 2025 г. такая масса осужденных, нет. Конечно, часть осужденных освободится по отбытию срока, условно-досрочно или по другим основаниям, но часть останется, так как не будет подпадать под досрочное освобождение по формальным или материальным основаниям. Кроме того, до 1 января 2025 г. будет осуществляться наполнение колоний-поселений (запрета судам назначать в это время лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении в законопроектах нет). Можно неофициально скорректировать судебную практику, доведя до судей рекомендацию неназначать наказание в виде лишения свободы с его отбыванием в колониях-поселениях. Одновременно аналогичная рекомендация могла бы быть адресована судьям в отношении неприменения перевода из исправительных колоний в колонии-поселения. Однако такая возможность фактически означает запрет судьям осуществлять правосудие по действующему уголовному законодательству, что вызывает большое сомнение в ее осуществлении.

Во-вторых, также вызывает сомнение исключение из системы исправительных учреждений колоний-поселений без дополнительного регулирования ряда вопросов в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Следует учитывать специализированный характер наказания в виде принудительных работ, а именно то, что они рассчитаны на трудоспособных осужденных. Колонии-поселения не обладают таким качеством. Поэтому возникает вопрос: например, в какие исправительные учреждения будут направляться осужденные, ранее отбывавшие наказание в колонии-поселения, но не подлежащие направлению в исправительные центры по причинам их ограниченной или полной нетрудоспособности? А такие осужденные есть, причем они не являются исключениями. Согласно результатам переписи осужденных 2022 года в колониях-поселениях среди осужденных, переведенных из исправительных учреждений за положительное поведение, было 4,5 % нетрудоспособных, среди осужденных за умышленные преступления – 4,6 %, а среди осужденных за неосторожные преступления – 7,6%. Причем среди последней категории почти половина (3,4%) инвалиды, что неудивительно, поскольку в места лишения свободы они попали, как правило, в результате совершения дорожно-транспортных происшествий нередко с тяжкими последствиями для здоровья не только для потерпевших, но и для себя. При ликвидации колоний-поселений эти лица будут направляться в закрытые исправительные учреждения, в зависимости от наличия факта повторного отбывания лишения свободы в исправительные колонии общего или строгого режима. Для такой дифференциации осужденных в зависимости от их трудоспособности нужны дополнительные аргументы, особенно в плане обеспечения принципа равенства осужденных перед законом.

В-третьих, есть экономические проблемы ликвидации колоний-поселений. В силу специфики производства и места расположения значительной части данных учреждений едва ли удастся повсеместно вместо колоний-поселений открыть исправительные центры. Поэтому закрытие колоний-поселений потребует экономической экспертизы, переобучения осужденных новым профессиям, так как распределение осужденных в колониях-поселениях и в исправительных центрах не совпадает. Так, согласно результатам переписи осужденных 2022 года, каждый третий в колониях-поселениях работает по хозяйственному обслуживанию исправительных учреждений, в то время как в исправительных центрах подобной трудовой деятельностью занят лишь каждый тридцатый. В колониях-поселениях в строительстве занят каждый тридцатый осужденный, а в исправительных центрах – каждый седьмой.

Общее направление расширения применения уголовного наказания в виде принудительных работ предусмотрено в Концепции-2030. При выполнении данного положения директивного документа необходимо учитывать риск осложнения криминальной обстановки в местах дислокации исправительных центров. Следует вспомнить советский опыт применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (1970–1993 гг.) и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду на стройках народного хозяйства (1964–1993 гг.). Первоначально на данные меры уголовно-правового воздействия возлагались большие надежды, численность осужденных на стройках народного хозяйства росла в геометрической прогрессии. Однако после жалоб граждан, проживающих в районах дислокации специальных комендатур, на отсутствие должного надзора за поведением условно осужденных (освобожденных) в 1984 г. практику условного осуждения и особенно условного освобождения с обязательным привлечением к труду существенно сократили.

Имеется такая опасность и при форсированном увеличении численности осужденных в исправительных центрах. Как нами ранее отмечалось [12, с. 228–229], на риск компрометации принудительных работу же обращают внимание правозащитники.

Так, в ежегодном докладе за 2021 г. Уполномоченный по правам человека в Московской области специально обратил внимание на жалобы граждан, проживающих в населенных пунктах, где размещены исправительные центры. Местные жители высказывают обоснованные опасения, связанные с правом

осужденных выходить за пределы исправительного центра, возможностью совершения ими правонарушений. Шокирующий случай, о котором сообщили федеральные СМИ, произошел в начале декабря 2021 г. в подмосковном Чехове. Отбывающий там в исправительном центре наказание в виде принудительных работ ранее неоднократно судимый, в том числе и за совершение тяжких преступлений, гр. Г., находясь за пределами центра, приехал в Москву и надругался над девочкой. Учитывая уже имеющиеся факты противоправных действий со стороны данной категории осужденных, необходимо рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений в законодательство: не применять наказание в виде принудительных работ в отношении лиц, совершивших преступления, при рецидиве умышленных преступлений; не применять возможности, предусмотренные ст. 80 УК РФ в части замены оставшейся не отбытой части наказания более мягким видом наказания, в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, преступления при рецидиве умышленных преступлений и преступления в отношении несовершеннолетнего в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности» [13]. Впоследствии новые опасения в связи с расширяющейся судебной практикой применения принудительных работ были озвучены на Всероссийском координационном совещании российских уполномоченных по правам человека 24 ноября 2021 г.

Выводы

При реализации положений Концепции-2030 следует придерживаться определенной последовательности, в противном случае издержки поспешного подхода могут скомпрометировать саму идею более частого применения судами принудительных работ.

Представляется, что расширение судебной практики применения принудительных работ может осуществляться двумя этапами. На первом этапе следует ограничиться, во-первых, устранением альтернативности в назначении данного вида уголовного наказания, во-вторых, расширением составов преступлений, предусматривающих в качестве санкции наряду с лишением свободы принудительные работы. Судебная практика получит возможность более широкого усмотрения в назначении принудительных работ, что повлечет увеличение численности осужденных в исправительных центрах и сокращение численности осужденных в колониях-поселениях.

На втором этапе возможна реформа колоний-поселений, которая не может заключаться лишь в решении судьбы исключительно колоний-поселений, а должна проводиться в комплексе, в рамках оптимизации всей системы уголовных наказаний и учреждений, их исполняющих. В рамках данного этапа реформы принудительные работы должны лишиться своего специализированного статуса наказания только для трудоспособных осужденных. Соответственно потребуется корректировка названия этого наказания, которое бы охватывало все карательное содержание данного наказания. Наиболее удачное название – это ограничение свободы в исправительном центре. В этом случае привлечение к труду трудоспособных осужденных могло бы осуществляться через установление в порядке отбывания этого наказания обязанности трудиться, как это регламентировано в настоящее время применительно к лишению свободы. Только тогда можно будет ставить вопрос об объединении исправительных центров и колоний-поселений.

Предусмотренное в настоящее время в УК РФ ограничение свободы может остаться в неизменном виде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Перемитин Г. Экономисты оценили перегрев на российском рынке труда в 0,7 млн человек. URL: https://www.forbes.ru/finansy/507438-ekonomisty-ocenili-peregrev-na-rossijskom-rynke-truda-v-0-7-mln-celovek?ysclid=ltedrjjn85555972688 (дата обращения: 05.01.2024).

2. Соколов М. Во ФСИН России рассказали о серьезном спросе бизнеса на труд осужденных. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989384-vo-fsin-rasskazali-o-sprose-biznesa-na-trud-osuzhdennih?ysclid=lr1u (дата обращения: 05.01.2024).

3. Благов Е. Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 15–18.

4. Корягина С. А., Кравченко И. О. Принудительные работы: реальность и перспективы // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 2. С. 21–31.

5. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.

6. Геранин В. А., Мальцева С. Н. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2021. № 1. С. 10–27.

7. Уткин В. А. Осужденные в колониях-поселениях: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 года / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2011. 128 с.

8. Дроздов А. И. Оптимизация механизма реализации наказания в виде принудительных работ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3 (39). С. 12–15.

9. Южанин В. Е. Исправительная колония-поселение – разновидность лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 18–25.

10. Зубова А. О., Симагин А. О. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1 (37). С. 44–50.
11. Каданева Е. А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 131–135.
12. Селиверстов В. И. Перспективы изменения уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации: анализ эволюционных и революционных рисков развития // Преступление, наказание, исправление : материалы VI Междунар. пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Рязань, 2023. С. 224–230.
13. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Московской области в 2021 году. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_moskovsk/doklad_v_moskovskweb (дата обращения: 15.08.2023).

REFERENCES

1. Peremitin G. *Ekonomisty otsenili peregrev na rossiiskom rynke truda v 0,7 mln chelovek* [Economists estimated overheating in the Russian labor market at 0.7 million people]. URL: https://www.forbes.ru/finansy/507438-ekonomisty-ocenili-peregrev-na-rossijskom-rynke-truda-v-0-7-mln-celovek?ysclid=ltedrjjn85555972688 (accessed January 5, 2024).
2. Sokolov M. *Vo FSIN Rossii rasskazali o ser'eznom sprose biznesa na trud osuzhdennykh* [The Federal Penitentiary Service of Russia told about the serious demand of business for the labor of convicts] Available at: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989384-vo-fsin-rasskazali-o-sprose-biznesa-na-trud-osuzhdennih?ysclid=lr1u (accessed January 5, 2024).
3. Blagov E. Forced labor. *Ugolovnoe parvo = Criminal Law*, 2012, no. 2, pp. 15–18. (In Russ.).
4. Koryagina S.A., Kravchenko I.O. Forced labor: reality and prospects. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 21–31. (In Russ.).
5. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
6. Geranin V.A., Mal'tseva S.N. Problems of functioning of correctional centers and colony settlements in the system of criminal penalties. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2021, no. 1, pp. 10–27. (In Russ.).
7. Utkin V.A. *Osuzhdennye v koloniyakh-poseleniyakh: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhei, 12–18 noyabrya 2009 goda* [Convicts in penal settlements: based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2011. 128 p.
8. Drozdov A.I. Optimization of the mechanism of realization of forced labour penalties. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: crime, punishment, correction*, 2017, no. 3 (39), pp. 12–15. (In Russ.).
9. Yuzhanin V.E. Penal colony-settlement – a kind of imprisonment. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: crime, punishment, correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 18–25. (In Russ.).
10. Zubova A.O., Simagin A.O. The problems of punishment execution as a compulsory work in the Russian Federation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 1 (37), pp. 44–50. (In Russ.).
11. Kadaneva E.A. Competition of criminal penalties and other measures of penal liability. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2018, no. 11, pp. 131–135. (In Russ.).
12. Seliverstov V.I. Prospects for changing penal enforcement policy in the Russian Federation: analysis of evolutionary and revolutionary development risks. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: materialy VI Mezhdunar. penitentsiarnogo foruma, priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii"* [Crime, punishment, correction: materials of the VI International penitentiary forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 "On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation]. Ryazan, 2023. Pp. 224–230. (In Russ.).
13. *Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Moskovskoi oblasti v 2021 godu* [Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Moscow Oblast in 2021]. Available at: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_moskovsk/doklad_v_moskovskweb (accessed August 15, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия, vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

Статья поступила 02.02.2024

Научная статья
УДК 343.241
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.006

Социально-политические факторы, влияющие на достижение цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ АКИМЕНКО
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nochnoy_patrul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1886-2752

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с установлением и анализом социально-политических факторов, влияющих на достижение такой цели уголовного наказания, как предупреждение совершения новых преступлений. *Цель:* дать краткую характеристику указанной цели уголовного наказания, ее основных признаков и условий достижения на примере формирования и анализа предложений по недопущению вовлечения в криминальную среду ветеранов боевых действий. *Методы:* общенаучный диалектический метод познания, метод правового прогнозирования, системно-структурный, сравнительно-правовой, социологический, формально-юридический. *Результаты:* дана характеристика основных признаков цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений, рассмотрены пути ее достижения, отдельные законодательные изменения в данной сфере. Проанализировано влияние посттравматического стрессового расстройства, свойственного ветеранам боевых действий, на их послевоенную адаптацию в обществе. Делается попытка прогнозирования возможных причин роста криминального поведения среди данной категории граждан, что является дополнительным препятствием на пути достижения цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений. *Вывод:* по результатам проведенного анализа предлагаются конкретные мероприятия, способствующие недопущению вовлечения ветеранов боевых действий в криминальную среду, что является одним из важных условий на пути достижения обозначенной цели уголовного наказания. Автор приходит к выводу о необходимости организации специфической психокоррекционной, социальной и т. п. работы с лицами, участвовавшими в специальной военной операции, в особенности из числа бывших осужденных, а также более избирательного подхода к выбору категорий осужденных, привлекаемых для участия в военных действиях.

Ключевые слова: цель наказания; уголовное наказание; предупреждение совершения новых преступлений; социоадаптивность; реабилитация; волевой признак; интеллектуальный признак.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Акименко П. А. Социально-политические факторы, влияющие на достижение цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 51–57. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.006.

Original article

Socio-Political Factors Influencing Achievement of the Criminal Punishment Goal to Prevent New Crime Commission

PAVEL A. AKIMENKO
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nochnoy_patrul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1886-2752

© Акименко П. А., 2024

Abstract

Introduction: the article is devoted to the consideration of problems related to the establishment and analysis of socio-political factors influencing the achievement of such a criminal punishment goal as prevention of the commission of new crimes. *Purpose*: to give a brief description of the specified purpose of criminal punishment, its main features and conditions of achievement on the example of the formation and analysis of proposals to prevent the involvement of combat veterans in criminal environment. *Methods*: general scientific dialectical method of cognition, system-structural, comparative legal, sociological, formal legal methods. *Results*: key features and elements of the specified purpose of criminal punishment, criteria and ways to achieve it are characterized and some legislative changes are considered. The impact of post-traumatic stress disorder, characteristic of combat veterans, on their post-war adaptation in society is analyzed. An attempt is made to forecast possible causes of a significant increase in criminal behavior among this category of citizens, which is an additional obstacle to achieving the stated goal of criminal punishment. *Conclusion*: based on the analysis results, specific measures are proposed to prevent the involvement of combat veterans in criminal environment, which is one of the important conditions for achieving the goal of criminal punishment. The author concludes that it is necessary to organize specific psychocorrective, social, etc. work with persons who participated in the special military operation, especially from among former convicts, as well as determine a more selective approach to choosing categories of convicts involved in military operations.

Keywords: punishment goal; criminal punishment; prevention of new crimes; social adaptivity; rehabilitation; volitional sign; intellectual sign.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Akimenko P.A. Socio-political factors influencing achievement of the criminal punishment goal to prevent new crime commission. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 51–57. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.006.

Предупреждение совершения новых преступлений – одна из основополагающих целей наказания, которая закреплена в нормах как уголовного, так и уголовно-исполнительного закона, что обусловлено ее социально-исторической природой. В этой связи следует согласиться с мнением Е. В. Курочки, согласно которому цели исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений являются межотраслевыми категориями уже только потому, что закрепляются в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве [1, с. 85]. При этом в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, такая цель, как предупреждение совершения новых преступлений, вообще никак не отражена, а в качестве целей уголовно-исполнительного законодательства названы исправление осужденных, а также их ресоциализация и социальная адаптация. Указанное обстоятельство может вызвать недоумение, поскольку предупреждение совершения новых преступлений в качестве одной из основных целей наказания закреплено как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном законодательстве, что является абсолютно логичным и соответствует существующим тенденциям научной мысли в данной области познания.

При этом еще Аристотель особое внимание уделял предупредительной роли наказания. Большинство людей воздерживаются от нарушения закона не из высоких побуждений, а из страха перед наказанием [2].

Ч. Беккариа правильно утверждал, что лучше предупреждать преступления, чем карать за них [3]. Поэтому, по его мнению, наказание должно быть направлено, прежде всего, на предупреждение совершения новых преступлений [4].

Согласно теории, разработанной Л. А. Фейербахом, людей удерживает от совершения преступления страх наказания [5].

Вместе с тем существует и иная точка зрения. Так, норвежский ученый Н. Кристи отрицает саму возможность превенции преступности через наказание, а единственное назначение наказания заключается в причинении боли [6, с. 34].

С другой стороны, общепринятой точкой зрения в советском уголовном праве являлось признание превенции в качестве одной из основных целей уголовного наказания, что также в порядке преемственности нашло отражение и в действующем российском законодательстве. При этом в нем отсутствует какая-либо дефиниция указанной цели, что вызывает некоторую озабоченность, поскольку является основой для многочисленных споров о ее признаках и критериях оценки возможности ее достижения. Вместе с тем следует помнить, что точная интерпретация правовой природы цели наказания выступает важнейшей основой для научной разработки оптимальных и эффективных методов по ее достижению, форм ее дальнейшего фактического применения, от чего зависит успех проводимой уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики в том или ином государстве.

Исходя из анализа российского законодательства, можно заключить, что только в ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» дается определение профилактики правонарушений, под которой понимается «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на

оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Указанную дефиницию с некоторой долей условности можно попытаться спроецировать и на предупреждение преступлений. При этом можно предположить, что законодатель, не расшифровав категорию предупреждения преступлений, руководствовался прежде всего тем, что она носит довольно условный и относительно декларативный характер и, с одной стороны, обладает чертами для общедоступного понимания, а с другой – законодательное закрепление дефиниции данного термина может отрицательно сказаться на возможностях по ее достижению.

Следует отметить, что исходной точкой нужно считать справедливость вступившего в законную силу приговора суда, на основании которого назначено то или иное наказание. Нельзя не согласиться с утверждением, что «справедливость назначенного наказания, основанная на справедливости уголовного закона, играет важную роль в исправлении осужденного и предупреждении совершения им новых преступлений» [7, с. 151]. При этом необходимо обратить внимание на то, что несправедливо назначенное наказание, как правило, негативно влияет на восприятие действительности тем или иным лицом, что может привести к необратимым последствиям в виде неконтролируемой озлобленности на всех и вся, что будет являться триггером для дальнейшего формирования устойчивой линии девиантного поведения.

Переходя к рассмотрению признаков, детерминирующих процесс достижения указанной цели уголовного наказания, обратим внимание на мнение, высказанное С. В. Познышевым, согласно которому наказание назначается не в интересах пострадавшего лица, а в интересах всего государства. Возникшая в душе вслед за идеей преступления мысль о наказании должна тушить преступное желание либо парализовать преступное стремление. Общее и частное предупреждение преступлений составляют лишь моменты этой цели. Уголовное наказание воздействует как на самих преступников, так и на других граждан. Представление о пользе от преступления вытесняется только представлением о неблагоприятных последствиях наказания. Психология учит нас, что одно представление может быть вытеснено из сознания лишь другим. Только при условии, что случаи безнаказанности составляют редкое исключение, у граждан может образоваться уверенность в неизбежности наказания. Если наоборот, то мысль об угрозе наказания не будет оказывать такого воздействия на волю. Наказание должно обладать в достаточной мере репрессивной силой, т.е. способностью подавлять стремление к преступной деятельности, как неизбежно следующее за преступлением зло. Вместе с тем, наказание не должно причинять никаких ненужных для предупреждения преступлений страданий [8].

Можно выделить три основных условия, оказывающих непосредственное влияние на достижение цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений, – это неотвратимость самого наказания, его суровость, а также скорость назначения и последующего применения. Только взаимосвязь названных условий может свидетельствовать об эффективности проводимой в государстве уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики.

Так, Д. Локк впервые сформулировал идею неотвратимости наказания, отмечая, что только санкция может быть гарантией порядка в обществе [9].

И. И. Карпец отмечал, что наказание является составной частью предупредительных мер. Об общем предупреждении как специфическом свойстве наказания в юридической литературе существует две точки зрения. Первая говорит о том, что общее предупреждение уголовного закона (следовательно, и наказания) воздействует на всех членов общества. Вторая, разделяемая подавляющим большинством юристов, сводится к тому, что общепредупредительная сила наказания затрагивает лишь неустойчивых людей. В деятельности органов правосудия находит выражение принцип неотвратимости наказания – одна из гарантий его предупредительной силы. Общепредупредительная сила уголовного права (как и наказания) достигается не только и не столько суровостью, тяжестью наказания, сколько практическим обеспечением его неотвратимости, самим фактом наличия закона, грозящего карой за совершение преступления, а самое главное – полной осведомленностью населения как о самих законах, так и о последствиях их нарушения. Частнопредупредительная сила наказания достигается прежде всего его неотвратимостью. Частное предупреждение при назначении наказания достигается, во-вторых, психическим воздействием на преступника [10, с. 112–115, 137–138, 153, 157].

Указанное суждение носит довольно точный и логичный характер. При этом следует сделать акцент на том, что общепредупредительная сила наказания в большей степени теряет свое значение, превращаясь в продекларированный государством запрет, без возможности реального государственного принуждения.

Вызывает неподдельный интерес в контексте предыдущего суждения также мнение И. Анденеса, согласно которому общепредупредительное значение имеет не только сам факт угрозы наказания, но и размеры, относительная суровость этого последнего. Ученый полагал, что, если потенциальный преступник принимает в расчет возможность наказания, он может учитывать не только риск разоблачения, но и суровость грозящей ему кары. По общему правилу, из которого есть исключения, общепредупредительное действие уголовного закона возрастает вместе с усилением наказания. Можно сказать, что наказание обладает общепредупредительным действием трех видов: оно может иметь эффект устрашения, может усиливать моральные запреты (моральный эффект) и стимулировать привычное законопослушное поведение. Индивидуальное предупреждение имеет место тогда, когда наказание делает наказанного безвредным либо навсегда, путем применения смертной казни или изгнания, либо временно, посредством

вынесения приговора к тюремному заключению на определенный срок [11, с. 13–14, 29–31].

Э. Дюркгейм справедливо полагал, что для выяснения причин преступности необходимо исследовать не состояния отдельных людей, а условия, в которых находится «социальное тело в целом» [5].

В связи с изложенным вызывают некоторые опасения возможные последствия от принятия относительно недавно ряда законодательных изменений на фоне проведения специальной военной операции на территории Украины (СВО), которые в определенной степени имеют прямое (непосредственное) или косвенное (опосредованное) влияние на перспективы достижения законодательно установленных целей уголовного наказания, в частности предупреждение совершения новых преступлений.

Так, на наш взгляд, негативным примером является принятие Федерального закона от 04.11.2022 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации"», согласно которому призыву на военную службу по мобилизации не подлежат теперь только граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276–280, 282.1–282.3, 360, 361 УК РФ, в отличие от предыдущей редакции закона, где призыву на военную службу по мобилизации не подлежали граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение любого тяжкого преступления. В связи с чем любой осужденный за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, не относящегося к перечисленным в законе категориям, потенциально может быть освобожден от отбытия назначенного ему приговором суда наказания ранее установленного в таком приговоре срока только лишь по той причине, что он будет мобилизован, несмотря ни на какие иные обстоятельства уголовного дела, касающиеся характера и степени общественной опасности совершенного им преступления, мотивов его совершения, личности виновного, возмещения причиненного преступлением вреда.

Так, например, осужденный за убийство известного правозащитника А. Политковской был помилован в результате добровольного участия в СВО, а впоследствии даже стал командиром батальона разведки [12].

Впоследствии был принят Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», согласно которому предусмотрены основания для освобождения от уголовной ответственности и наказания для участников специальной военной операции, совершивших преступления, за некоторым исключением.

Можно предположить, что в связи со сложной военно-политической ситуацией в стране в ходе принятия указанных законодательных изменений во главу угла был поставлен вопрос о дополнительном пополнении мобилизационных людских резервов, однако на тот момент, видимо, никто не задумывался о возможных негативных последствиях принимаемых решений, поскольку при указанных обстоятельствах сложно вообще говорить о какой-либо более или менее ясной перспективе достижения такой цели уголовного наказания, как предупреждение совершения новых преступлений в отношении лиц, ранее судимых и не отбывших срок назначенного им наказания, а также лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. При этом право потерпевшего на защиту вообще остается за скобками, что создает непосредственную угрозу правопорядку, и в данном случае ни о каком предупреждении совершения новых преступлений не может идти и речи.

Указанный вывод подтверждается на основании следующего научного суждения о том, что при дифференциации населения по соответствующим категориям удерживающий эффект наказания действует в отношении промежуточной категории – категории потенциальных преступников [11, с. 123–125].

В средствах массовой информации периодически появляются новости о совершении преступлений бывшими осужденными, возвратившимися из зоны СВО, но эти сообщения не носят массового характера.

При этом, как стало известно из публичного выступления замминистра труда и социальной защиты Российской Федерации О. Ю. Баталиной, «более 133 тысяч участников СВО имеют статус ветерана боевых действий» [13]. Конечно, нельзя говорить о том, что все участники СВО – это потенциальные преступники, однако необходимо заранее задуматься об их будущей адаптации к условиям послевоенной жизни, что должно включать комплекс социально ориентированных, целенаправленных и последовательных мероприятий, в частности, по оказанию психологической помощи и моральной поддержке, по предоставлению дополнительных социально-экономических гарантий и льгот, по повышению размера и ежегодной индексации так называемого ветеранского пособия и др.

В этом контексте следует обратить внимание на то, что, по мнению вице-президента российского подразделения Международного комитета защиты прав человека, с бывшими заключенными, возвращающимися из зоны СВО, к данной работе должны привлекаться психологи, иначе можно ожидать роста преступности [14].

Исходя из вышеизложенного, необходимо учитывать, что мы опираемся на способность волевого контроля своего поведения со стороны нормальных психически уравновешенных людей без каких-либо патологий и отклонений, не исключающих вменяемости. При этом, как видится, само понятие «воля» является производной от процесса воспитания индивидуума, его социально-нравственных установок, которые формируются на протяжении всей жизни под влиянием семьи, общества и государства. Следует отметить и роль самой личности, которая не является аморфным образованием, а имеет навыки саморазвития.

С другой стороны, следует также интеллектуальную составляющую сознания человека, которая также

оказывает определенное влияние на его поведение, поскольку опосредуется его ценностно-ориентированным мышлением, уровнем образованности и развитости, что в своей совокупности может способствовать предупреждению совершения преступлений.

Возвращаясь к рассматриваемой проблематике, связанной с военнослужащими, участвующими в СВО, заслуживает внимания точка зрения, согласно которой, по мнению психиатров, люди повинуются закону, поступая тем или иным образом не из-за страха перед уголовным правом, а в силу моральных запретов или интернализованных норм. Если внутреннее ограничение отсутствует, угрозы наказания мало, поскольку преступники не делают рационального выбора, взвешивая риск наказания и возможность выигрыша. Они действуют в состоянии эмоциональной неустойчивости, отсутствия самоконтроля или потому, что усвоили ценности криминальной субкультуры [14].

Военные действия, как правило, оставляют неизгладимый след на психическом состоянии любого лица, принимавшего в них участие, исключением не является и проводимая СВО. Профессионалы в области психиатрии называют это посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Нередко военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях, сталкиваются с проявлениями агрессии и аутоагрессии [15]. Протекающие психические процессы зачастую очень сложно поддаются контролю и своевременному купированию, что может привести к трагическим последствиям как для самого участника боевых действий, так и для окружающего его общества. Как правило, боевое ПТСР с психотическими симптомами отличается значительной тяжестью [16].

В США после вьетнамской войны сложности интеграции в гражданском социуме вытеснили комбатантов (ветеранов боевых действий) на периферию социального пространства, в результате чего большой процент из них оказался в местах лишения свободы. При этом психологические проблемы участников войны со временем только обострялись. Поэтому одной из специфических программ организации «Ветераны Вьетнамской войны» в США является поддержка заключенных на государственном уровне. Кроме того, государство компенсировало те психические, физические и социальные затраты, которые были принесены военнослужащими во имя патриотизма и воинского долга [17].

В нашей стране ветеранов боевых действий затронули те же самые процессы деструктивного психического отклонения от нормального поведения, которые получили такое обозначение, как «афганский синдром», «чеченский синдром», в зависимости от участия в том или ином вооруженном конфликте.

Именно затруднительная адаптация к мирным условиям жизни в результате упущений в работе по восстановлению социального и психологического статуса ветерана боевых действий на сегодняшний день приводит к тому, что в местах лишения свободы находится большое количество осужденных, участвовавших в боевых действиях и совершивших правонарушения в период адаптации к мирным условиям жизни. У перенесших боевой опыт людей наблюдаются нарушения, затрагивающие всю их личностную структуру: изменяются когнитивная (отношение к процессу познания и восприятия окружающего мира) сфера и восприятие, трансформируется мотивационно-личностная система, в том числе и морально-этическая ее составляющая, меняются отношение к себе и другим, способы и содержание межличностного взаимодействия, особенности организации деятельности. Все эти нарушения приводят к реальной криминализации поведения. При этом следует учитывать то, что совершенствование методов совершения тяжких преступлений и профессионализм самих исполнителей таких преступлений напрямую связаны с привлечением в криминальную среду по всей России большого количества высокопрофессиональных и социально ущемленных ветеранов боевых действий, оставшихся без работы после службы в армии и спецподразделениях, а также тех ветеранов, кто, отсидев срок, вышли на свободу [18].

В связи с изложенным, можно прийти к выводу, что события экстремального характера, сильно травмировавшие психику, могут повлечь за собой переформатирование сознания путем трансформации существующей системы морально-нравственных ценностей, включающей в себя процесс искажения самоидентификации личности в окружающем мире, что при несвоевременной локализации и ненадлежащей социоадаптации путем оказания необходимой помощи с высокой долей вероятности может привести к становлению устойчивой модели криминального поведения.

При этом для ветеранов боевых действий, все же оказавшихся в местах лишения свободы, в целях предупреждения совершения ими новых преступлений на государственном уровне должен быть разработан эффективный механизм, состоящий из комплекса последовательных социально-адаптивных мероприятий, направленных на их полноценную интеграцию в общество. В противном случае в обозримом будущем мы получим неконтролируемый рост преступности и социальной напряженности в обществе, что будет являться дестабилизирующим фактором на пути поддержания законности и правопорядка.

Таким образом, в ходе анализа социально-политических факторов, влияющих на достижение цели уголовного наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений, были сделаны следующие выводы.

Во-первых, справедливость назначенного наказания, основанная на справедливости уголовного закона, является основополагающим обстоятельством, влияющим на предупреждение совершения новых преступлений.

Во-вторых, можно выделить три основных условия, которые непосредственно влияют на способность достижения рассматриваемой цели уголовного наказания: неотвратимость наказания, его суровость, а также скорость назначения и последующего применения.

В-третьих, в поведении любого человека можно выделить волевую и интеллектуальную составляющие, которые оказывают непосредственное влияние на выбор последним криминального или правопослушного поведения.

В-четвертых, в ходе принятия любых изменений нормативно-правовых актов законодателю необходимо задумываться не только о ближайших перспективах их реализации, но и о возможных негативных последствиях в обозримом будущем, сбалансированно взвешивая все положительные и отрицательные стороны.

В-пятых, для недопущения роста криминализации общества, то есть по факту в целях предупреждения совершения преступлений, на государственном уровне заблаговременно и в долгосрочной перспективе необходима комплексная разработка программ, в том числе по предоставлению всей необходимой помощи в целях реабилитации и ресоциализации военнослужащих – ветеранов боевых действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 156 с.
2. Гнеушева Т. Б. Проблема наказания в античной философии // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ, 2017. С. 124–127.
3. Чезаре Б. О преступлении и наказании. URL: https://royallib.com/read/bekkaria chezare/o_prestuplenii_i_nakazanii.html#0 (дата обращения: 27.07.2022).
4. Пилипенко А. С. Представление Чезаре Беккариа о сущности наказания // Юриспруденция и право в современном обществе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 11–13.
5. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. № 15, № 2 (54). С. 247–259.
6. Куликов М. В. Генезис понятия «наказание» в истории философии: новое и новейшее время : учеб. пособие. Новокузнецк, 2022. 48 с.
7. Цели уголовного наказания : моногр. / под ред. А. В. Наумова, Е. Н. Карабановой. М., 2021. 192 с.
8. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании : Исслед. приват-доц. Император. Моск. ун-та. М., 1904. 407 с.
9. Рогозин Д. Д. Философский смысл наказания в европейской философии // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. С. 175–178.
10. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. 287 с.
11. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1979. 264 с.
12. Организатор убийства Анны Политковской помилован. URL: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17866147.shtml (дата обращения: 23.11.2023).
13. В Минтруде назвали количество имеющих статус ветерана боевых действий участников СВО. URL: https://iz.ru/1529498/2023-06-16/v-mintrude-nazvali-kolichestvo-imeiushchikh-status-veterana-boevykh-deistvii-uchastnikov-svo (дата обращения: 25.10.2023).
14. Правозащитники ждут роста преступности после возвращения экс-зеков из зоны СВО. URL: https://nsn.fm/society/pravozaschitniki-zhdut-rosta-prestupnosti-posle-vozvrascheniya-eks-zakluchennyh-iz-zony-svo (дата обращения: 17.10.2023).
15. Военный психолог рассказал про боевые психические травмы. URL: https://www.mk.ru/social/2022/05/18/voennyy-psikholog-rasskazal-pro-boevye-psikhicheskie-travmy.html (дата обращения: 20.10.2023).
16. Резник А. М. Шизофрения и бредовые расстройства у ветеранов локальных войн // Психиатрия. 2013. № 2 (58). С. 38–43.
17. Суркова И. Ю. Социальный статус ветеранов вьетнамской войны: отношение общества и социальная защита // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 4. С. 164–180.
18. «Ветераны-осужденные» – новое понятие в истории России. URL: https://bfveteran.ru/publikacii/533-veterany-osuzhdennye-novoe-ponyatie-v-istorii-rossii.html (дата обращения: 20.10.2023).

REFERENCES

1. Kurochka E.V. *Problemy nakazaniya v ugolovnom protsesse Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of punishment in the criminal process of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2000. 156 p.
2. Gneusheva T.B. Problem of punishment in ancient philosophy. In: *Sotsial'no-kul'turnye protsessy v usloviyakh integratsii i dezintegratsii: materialy vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Socio-cultural processes in the context of integration and disintegration: materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Ulan-Ude, 2017. Pp. 124–127. (In Russ.).
3. Cesare B. *O prestuplenii i nakazanii* [On crimes and punishments]. Available at: https://royallib.com/read/bekkaria chezare/o_prestuplenii_i_nakazanii.html#0 (accessed July 27, 2022).
4. Pilipenko A.S. Cesare Beccaria's presentation on the essence of punishment. In: *Yurisprudentsiya i pravo v sovremennom obshchestve: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Jurisprudence and law in modern society: collection of articles of the international scientific and practical conference]. Penza, 2020. Pp. 11–13. (In Russ.).
5. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
6. Kulikov M.V. *Genezis ponyatiya "nakazanie" v istorii filosofii: novoe i noveishee vremya: ucheb. posobie* [Genesis of the concept "punishment" in the history of philosophy: new and modern times: textbook]. Novokuznetsk, 2022. 48 p.
7. *Tseli ugolovnogo nakazaniya: monogr.* [Goals of criminal punishment: monograph]. Ed. by Naumov A.V., Karabanova E.N. Moscow, 2021. 192 p.

8. Poznyshev S.V. *Osnovnye voprosy ucheniya o nakazanii: issled. privat-dots. Imperator. Mosk. un-ta* [Key questions of the punishment doctrine: research of the associate professor at the Imperial Moscow University]. Moscow, 1904. 407 p. (In Russ.).
9. Rogozin D.D. Philosophical meaning of punishment in European philosophy. In: *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee: sb. st. XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science and education: preserving the past, creating the future: collection of articles of the 18th International scientific and practical conference]. Penza, 2018. Pp. 175–178. (In Russ.).
10. Karpets I.I. *Nakazanie. Sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment. Social, legal and criminological problems]. Moscow, 1973. 287 p.
11. Andenes I. *Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenii* [Punishment and prevention of crimes]. Ed. by Nikiforov B.S. Moscow, 1979. 264 p.
12. The organizer of the murder of Anna Politkovskaya has been pardoned. *Gazeta.Ru: sait* [Gazeta.Ru: website]. Available at: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17866147.shtml (In Russ.). (Accessed November 23, 2023).
13. The Ministry of Labor named the number of participants with the status of a SVO combat veteran. *Izvestiya: sait* [News: website]. Available at: https://iz.ru/1529498/2023-06-16/v-mintrude-nazvali-kolichestvo-imeiushchikh-status-veterana-boevykh-deistvii-uchastnikov-svo (In Russ.). (Accessed October 25, 2023).
14. *Pravozashchitniki zhdut rosta prestupnosti posle vozvrashcheniya eks-zekov iz zony SVO* [Human rights defenders expect an increase in crime after the return of ex-convicts from their detention zone]. Available at: https://nsn.fm/society/pravozaschitniki-zhdut-rosta-prestupnosti-posle-vozvrascheniya-eks-zakluchennyh-iz-zony-svo (accessed October 17, 2023).
15. *Voennyi psikholog rasskazal pro boevye psikhicheskie travmy* [A military psychologist told about combat mental injuries]. Available at: https://www.mk.ru/social/2022/05/18/voennyy-psikholog-rasskazal-pro-boevye-psikhicheskie-travmy.html (accessed October 20, 2023).
16. Reznik A.M. Schizophrenia and delusional disorders in veterans of local wars. *Psikhiatriya = Psychiatry*, 2013, no. 2(58), pp. 38–43. (In Russ.).
17. Surkova I.Yu. The social status of Vietnam War veterans: the attitude of society and social protection. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, vol. 14, no. 4, pp. 164–180. (In Russ.).
18. *"Veterany-osuzhdennye" – novoe ponyatie v istorii Rossii* ["Convicted veterans" is a new concept in the history of Russia]. Available at: https://bfveteran.ru/publikacii/533-veterany-osuzhdennye-novoe-ponyatie-v-istorii-rossii.html (accessed October 20, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ АКИМЕНКО – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nochnoy_patrul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1886-2752

PAVEL A. AKIMENKO – Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher at the Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nochnoy_patrul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1886-2752

Статья поступила 31.10.2023

Научная статья
УДК 343.292
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.007

Проблемные вопросы, возникающие при реализации института помилования

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОНОМАРЕВ
Академия ФСИН России, Рязань, Россия, sergey_ponomariov@mail.ru

ВАЛЕРИЯ ВИКТОРОВНА СКОПИНЦЕВА
Академия ФСИН России, Рязань, Россия, kucher22v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9530-2574

Реферат

Введение: статья посвящена анализу проблемных вопросов реализации прав на помилование и разработке практико-ориентированных рекомендаций, способствующих повышению эффективности института помилования. *Цель:* анализ проблемных вопросов при реализации института помилования в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России и разработка рекомендаций, направленных на повышение эффективности данного института. *Предмет:* проблемные вопросы, возникающие при реализации института помилования в практической деятельности. *Методы:* общенаучные, а также сравнительный, сравнительно-правовой, статистический. *Результаты:* анализ свидетельствует о необходимости решения вопроса о правовой природе института помилования. Целесообразно более четко сформулировать его цели, которые должны в полной мере соотноситься с нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. *Выводы:* рассматриваемый институт нуждается в расширении круга лиц, имеющих право подавать ходатайства о помиловании, разработке подробных инструкций для работы территориальных комиссий по помилованию, специальных правил помилования для военнослужащих и заключенных, желающих участвовать в специальной военной операции, установлении дополнительных гарантий защиты прав потерпевших от преступлений в случае принятия решения о предоставлении помилования. Выводы, полученные в статье, могут быть использованы в учебной и правоприменительной практике, а также при оценке эффективности реализации института помилования.

Ключевые слова: гуманизм; институт помилования; исправление осужденных; правовая природа; предотвращение повторной преступности; преступление; уголовно-исполнительная политика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Пономарев С. Н., Скопинцева В. В. Проблемные вопросы, возникающие при реализации института помилования // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 58–66. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.007.

Original article

Problematic Issues when Granting a Pardon

SERGEI N. PONOMAREV
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, sergey_ponomariov@mail.ru

VALERIYA V. SKOPINTSEVA
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kucher22v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9530-2574

© Пономарев С. Н., Скопинцева В. В., 2024

Abstract

Introduction: this article considers problematic issues of granting a pardon and proposes practice-oriented recommendations that boost effectiveness of the pardon institution. *Purpose*: to analyze problematic issues of granting a pardon in Russian criminal and penal legislation and to develop recommendations that contribute to improving this institution effectiveness. *Subject*: problematic issues arising in the implementation of pardon in practice. *Methods*: general scientific methods, as well as comparative, comparative legal, statistical methods. Results: the stated above indicates the need to resolve the issue of the legal nature of the institution. It seems advisable to formulate its goals more clearly, which should fully correlate with the norms of criminal and penal legislation. *Conclusion*: it is reasonable to expand a circle of persons entitled to apply for a pardon, develop detailed instructions for the work of territorial pardon commissions, elaborate special pardon rules for military personnel and prisoners wishing to participate in the special military operation, and work out additional guarantees to protect the crime victims' rights in case a pardon is granted. The conclusions obtained in the article can be used in educational and law enforcement practice, as well as when assessing effectiveness of the implementation of the pardon institution.

Keywords: humanism; pardon institution; correction of convicts; legal nature; prevention of repeat crime; crime; penal policy.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ponomarev S.N., Skopintseva V.V. Problematic issues when granting a pardon. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 58–66. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.007.

Введение

Институт помилования – это законно гарантированный способ изменить судьбу людей, совершивших преступление и подвергнутых уголовной ответственности и наказанию. Применение данного института должно быть согласовано с принципами справедливости и гуманизма, а также с целями уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Исследование этой проблемы возможно с различных позиций, но главное внимание следует уделять, на наш взгляд, достижению основных целей, закрепленных в национальном законодательстве о назначении и исполнении уголовных наказаний. Процесс принятия решения о помиловании не регулируется уголовным законодательством. Он полностью зависит от решения компетентного должностного лица – Президента Российской Федерации – и выполняется вне рамок судебной системы.

Основная часть

Изучению юридической природы института помилования и его применению посвящены работы многих ученых, включая А. Я. Гришко, А. В. Попова, Ю. В. Саженкова, В. И. Селиверстова. Они внесли существенный вклад в раскрытие данной проблематики. Тем не менее вопросы, связанные с применением этого института в России, остаются предметом споров и дискуссий.

Помилование осужденных в России опирается на юридическую основу, закрепленную в Конституции Российской Федерации и УК РФ, ряде дополнительных подзаконных актов. Президент периодически издает указы о помиловании определенных лиц. Все эти нормативные акты в совокупности определяют процедуру и общее содержание понятия помилования осужденных при его практическом применении.

Проведя краткий анализ юридической сущности данного механизма и оценив его соответствие уголовно-исполнительным целям, попытаемся показать возможные пути и направления его совершенствования.

Статья 50 Конституции Российской Федерации предоставляет возможность каждому осужденному, который был признан виновным в совершении преступления, обратиться с просьбой о помиловании. Согласно ст. 89 прерогатива по решению этого вопроса полностью принадлежит Президенту Российской Федерации.

В 2001 г. внесены значительные изменения в процесс рассмотрения прошений о помиловании. Был принят Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2001 № 1500 (ред. от 14.12.2020) «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации». Предыдущая комиссия, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12.01.1992 № 17, в течение десяти лет возглавлялась писателем и общественным деятелем А. И. Приставкиным. В нее входили видные юристы и общественные деятели страны. За время своего существования она удовлетворила около 70 тысяч прошений, которые были поданы осужденными. Против чего выступало руководство пенитенциарной службы, усматривая в этом необоснованность в формулировании выводов для принятия решений Президентом страны.

Изменения, внесенные в Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в 2020–2021 гг., привели к расширению круга лиц, влияющих на принятие решения по существу ходатайств. Действующее положение также устанавливает, что помилование может быть применено к освобожденным условно-досрочно (в течение оставшейся неотбытой части наказания), условно осужденным и лицам, которые получили отсрочку от отбывания наказания. Таким образом, перечень лиц, в отношении которых Президент Российской Федерации имеет право вынести указ о помиловании, был расширен [1, с. 224].

В соответствии с Положением о процедуре рассмотрения прошений о помиловании в Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Рос-

сийской Федерации от 14.12.2020 № 787 (ред. от 15.11.2021) «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации», помилование применяется по отношению к следующим категориям лиц:

– лица, которые были осуждены судами Российской Федерации и отбывают наказание на территории страны в соответствии с уголовным законом;

– лица, которые были осуждены судами иностранных государств, но отбывают свои наказания на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на условиях взаимности;

– лица, которые были освобождены условно-досрочно, но должны отбыть оставшуюся неотбытую часть наказания;

– лица, которые были условно осуждены или получили отсрочку отбывания наказания судами Российской Федерации;

– лица, которые отбыли свои назначенные судами наказания, но имеют неснятую или непогашенную судимость.

В этом же нормативном правовом акте устанавливается процедура предварительного рассмотрения ходатайств о помиловании комиссиями, действующими на территориях различных субъектов Российской Федерации. Суть помилования заключается в том, что Президент Российской Федерации может вынести указ о помиловании на основе соответствующего ходатайства, поданного самим осужденным или лицом, которое уже отбыло наказание, но имеет неснятую или непогашенную судимость.

В настоящее время в перечень обстоятельств, которые комиссия может учесть при вынесении своего решения, входят не только прошения о помиловании, полученные от самих осужденных, но также от любых других лиц, включая их родственников, адвокатов и представителей общественных объединений. При этом важным считается обязанность комиссии учитывать мнения потерпевших и их родственников, которые могут быть положительного и негативного характера. В то же время необходимо оценивать шансы на реабилитацию осужденного. В таком случае институт помилования в большей степени будет соответствовать целям и задачам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

При рассмотрении ходатайства о помиловании принимаются во внимание:

– характер и степень общественной опасности совершенного преступления;

– поведение осужденного во время отбывания или исполнения наказания;

– срок отбытого (исполненного) наказания;

– совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения;

– применение ранее в отношении осужденного акта об амнистии, акта помилования или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания;

– возмещение материального ущерба, причиненного преступлением;

– данные о личности осужденного: состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст, возможность ресоциализации;

– обращения о помиловании, поступившие от родственников, адвокатов осужденных, представителей общественных организаций, а также от иных лиц;

– мнения потерпевших или их родственников относительно возможности помилования;

– другие существенные для рассмотрения ходатайства о помиловании обстоятельства.

Многие исследователи поддерживают идею расширения круга лиц, которые имеют право подавать прошение о помиловании [2]. Например, Л. П. Дубровицкий предлагает логичный подход, который заключается в предоставлении осужденным возможности обращаться к Президенту Российской Федерации через администрацию исправительного учреждения не только лично, но и при помощи адвоката или своего законного представителя [3, с. 64]. Он аргументирует это тем, что не всегда осужденные способны самостоятельно и компетентно составить ходатайство о помиловании, представив все необходимые обстоятельства для их рассмотрения.

На практике в комиссию по вопросам помилования, а также в Администрацию Президента часто поступают прошения от родственников, друзей и коллег осужденных о помиловании осужденных. Это может происходить даже тогда, когда осужденные не признают свою вину и не обращаются с просьбой о помиловании. Это может привести к ситуации, когда понижается или даже исключается предупредительная функция наказания. Несмотря на это, есть случаи, когда Президент Российской Федерации миловал осужденных по просьбе других лиц [4].

Многие ученые поддерживают идею о том, что ограничение круга лиц, которые могут обратиться с ходатайством о помиловании, имеет определенный смысл [5, с. 284]. Например, В. А. Орлов отмечает, что помилование предполагает прошение, следовательно, ходатайство о помиловании должно быть направлено от имени самого человека, который просит о нем [6, с. 48]. В то же время обращения родственников, адвокатов и других лиц о помиловании учитываются, когда дело доходит до рассмотрения вопроса о помиловании для лица, совершившего преступление и находящегося в процессе отбывания или уже отбытого наказания. Но стоит подчеркнуть еще раз, что комиссия не рассматривает такие обращения без явного запроса о помиловании со стороны самого осужденного.

Следует отметить, что процедура помилования многоступенчата и сложна: ходатайство о помиловании сначала рассматривается комиссией на уровне региона, затем высшим должностным лицом в регионе, и только после этого оно может быть передано на рассмотрение Президенту Российской Федерации.

Помилование может быть отклонено по причинам юридического свойства, например, если не прошло

половины срока, установленного судом в приговоре, если ранее осужденный уже был условно освобожден или если у него есть отрицательные характеристики из места лишения свободы. Этот процесс также свидетельствует о том, как оценивается способность осужденного к исправлению и его возможность полноценно вернуться в общество. На практике часто бывает так, что комиссии, занимающиеся помилованием, рассматривают случаи, когда наказание, назначенное судом, явно не соответствует тяжести преступления и его общественной опасности. Однако институт помилования не должен заменять судебные оценки и исправлять ошибки судов. Суды должны при вынесении приговоров строго соблюдать принципы уголовного права, установленные в ст. 3–7 УК РФ. Если суды будут следовать этим принципам, осужденным не придется обращаться с просьбами о помиловании из-за несоответствия наказания тяжести совершенного преступления [7, с. 98].

Практика последних лет свидетельствует о значительном сокращении случаев применения института помилования в России. Это объясняется некоторыми авторами потерей его роли, важности и значения в настоящее время [8, с. 72]. Однако роль помилования, как представляется, может возрасти, если будут более четко определены юридический статус и цели рассматриваемого института, основанного на ценности прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции России [9, с. 31]. Помилование является частью уголовного права и связанных с ним правовых областей, включая уголовно-исполнительное право.

Исторически помилование является прерогативой единоличного правителя. Как указывал еще Чезаре Беккариа, «милосердие – это добродетель, которая иногда дополняет обязанности, взятые на себя престолом. Однако в законодательстве, где наказания умеренны, а судебный процесс справедлив и быстр, для милосердия может не быть места» [10, с. 155]. Это означает, что в нормальных условиях, когда уголовное законодательство развито, такие внесудебные средства решения вопросов не требуются.

В то же время представляет интерес позиция А. Я. Гришко, которая свидетельствует о возможной вероятности возникновения обстоятельств, которые приведут к увеличению использования рассматриваемого института. Это связано, в частности, с различными переходными периодами в обществе, революциями, войнами. Власти, как правило, активно применяют подобные внесудебные инструменты [11, с. 15].

О. Г. Донская (Кавелина) отмечает, что процесс помилования в России в последние годы становится все более политизированным. Это означает, что решение о помиловании принимается с учетом политических мотивов, включая возможность обмена заключенных между странами. Например, российских заключенных освобождают для обмена на иностранных осужденных, таких как украинцы Юрий Солошенко, Геннадий Афанасьев и Надежда Савченко, литовцы Аристидас Тамошайтис и Евгений Матайтис, а также эстонцы Суси Райво и Эстон Кохвер [12, с. 199].

Эту тенденцию подтверждает недавнее помилование американской гражданки Бритни Грайнер [13]. Такое решение включает в себя и юридические, и политические, и гуманитарные соображения. Это подтверждает то, что институт помилования в России используется и в политических целях.

В последние месяцы в средствах массовой информации все больше стало сообщений об участии осужденных в специальной военной операции, которым дается шанс на помилование после шести месяцев боевой службы [14]. Эти материалы не являются официальными или научными источниками, но они актуализируют проблемные вопросы процедуры помилования.

Исторически так сложилось, что помилование представляет собой акт милосердия со стороны главы государства в отношении конкретного лица, которое было осуждено за совершение уголовно наказуемых деяний. В России, в постсоветский период, этот институт нашел свое закрепление, прежде всего, в конституционных нормах, а именно в ст. 50 и 89 Конституции Российской Федерации. В соответствии со ст. 89 право на помилование принадлежит Президенту Российской Федерации. Каждое осужденное лицо в России имеет право обратиться к главе государства с просьбой о помиловании, независимо от тяжести совершенного уголовного преступления и обстоятельств его совершения.

В уголовном праве право на помилование, которое обеспечивается Основным законом, закреплено в ст. 85 УК РФ. В УИК РФ определены основания для освобождения от наказания, включая возможность помилования (ст. 172), процедура освобождения через помилование (ст. 173), а также порядок, по которому осужденные могут обращаться с ходатайством о помиловании (ст. 176). Лицо, приговоренное к реальному лишению свободы, может воспользоваться своим правом на помилование, представив соответствующее ходатайство через администрацию учреждения, где оно отбывает наказание.

Конституционно гарантировано каждому гражданину, приговоренному к уголовному наказанию, право на просьбу о прощении. Однако существуют определенные ограничения этого права. Они описаны в указах Президента Российской Федерации от 28.12.2001 № 1500, от 14.12.2020 № 787, где устанавливаются правила рассмотрения таких просьб, категории лиц, для которых не предусмотрено прощение. В частности, это лица:

а) совершившие умышленное преступление в период назначенного судами испытательного срока условного осуждения;

б) злостно нарушающие установленный порядок отбывания наказания;

в) ранее освобождавшиеся от отбывания наказания условно-досрочно;

г) ранее освобождавшиеся от отбывания наказания по амнистии;

д) ранее освобождавшиеся от отбывания наказания актом помилования;

е) которым ранее производилась замена назначенного судами наказания более мягким наказанием.

Однако это правило не является обязательным, оно не имеет юридической силы, а просто указывает на возможность отказа в помиловании по этим основаниям.

Лица, совершившие более одного преступления, имеют серьезные трудности в отношении своего исправления. В этой связи правоприменителям сложно достичь целей уголовного наказания. Подробно процесс рассмотрения ходатайств о помиловании изложен в Инструкции об организации работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по ходатайствам осужденных о помиловании, утвержденной приказом Минюста России от 08.04.2015 № 83.

Когда Президент Российской Федерации рассматривает прошение осужденного о помиловании, он принимает решение о том, будет ли это прошение удовлетворено или отклонено. Важно отметить, что, если просьба о помиловании принимается, это не всегда означает полное освобождение осужденного от наказания; иногда может быть решено заменить его на более легкое наказание. Более мягкое наказание, которое рассматривается в контексте помилования, не следует рассматривать как санкцию за совершенное преступление, а скорее как акт милосердия по отношению к осужденному.

В этой связи суды обычно отказывают в удовлетворении жалоб на указы президента, которые заменяют смертную казнь пожизненным лишением свободы, когда осужденные ссылаются на то, что такое наказание не соответствует ранее действовавшим нормам уголовного закона [15; 16].

Следует также отметить, что в России современная система уголовной юстиции активно совершенствуется в соответствии с мировыми стандартами, несмотря на сложные политические условия и различия в правовых подходах с некоторыми европейскими странами. Уголовная политика России продолжает стремиться к высоким стандартам гуманизации условий заключения и ресоциализации осужденных лиц, что является результатом конституционного признания приоритета прав человека [15, с. 42].

Гуманизация и частичная либерализация уголовной и уголовно-исполнительной политики должны учитывать потенциальные негативные последствия изменения уровня преступности в стране. Необходимо сохранить баланс между уважением прав осужденных и безопасностью законопослушной части населения. Это позволит снизить уровень преступности в российском обществе исключительно за счет мер, направленных на уменьшение криминализации.

Право на помилование, которое осуществляется главой государства, не является однозначным юридическим институтом, несмотря на то что оно закреплено в Конституции Российской Федерации и существует в законодательстве многих демократических стран. Акт помилования представляет собой самое высшее выражение гуманизма среди всех форм преждевременного освобождения осужденных. Гуманизм стремится выявить в человеке его лучшие качества и делает это достоянием всех. Гуманист признает, что жизнь и благополучие каждого человека имеют высший приоритет, и он готов бороться за них, если существует даже малейшая вероятность улучшения ситуации.

Исследование данных о повторных преступлениях показывает, что уровень рецидива в России довольно высок и имеет тенденцию к увеличению (составляя от 25 % до 40 % в различных регионах). Это указывает на то, что система предотвращения повторных преступлений не достаточно эффективна. Кроме того, по данным ФСИН России, не менее 45 % лиц, которым были вынесены приговоры, ранее были судимыми, и до 84 % лиц, освобожденных из тюрем, снова совершают правонарушения (вторичные и последующие) [17].

Кроме того, анализ обобщенных данных о повторных преступлениях показывает, что в 85 % случаев рецидив происходит в первые три года после освобождения [17]. Эти статистические данные указывают на наличие определенных проблем, особенно в области социальной поддержки бывших заключенных после их освобождения. В настоящее время общество в целом недостаточно эффективно справляется с существующей проблемой. От принятия законодательства о пробации и достижения эффективной работы всех задействованных структур в этой области справедливо ожидаются положительные результаты.

Это означает, что нужно установить конкретные стандарты, которые определяют, насколько эффективно наказание в уголовном праве. Эти стандарты могут учитываться при использовании освобождения от наказания, включая помилование.

В обществе ведется активное обсуждение вопросов, связанных с изменением методов содержания осужденных, реорганизацией охраняемых учреждений, расширением перечня уголовных наказаний, которые исключают изоляцию осужденных от общества, и сокращением их числа.

Следует согласиться с мнением Ю. В. Голика о том, что применение института помилования может способствовать появлению позитивного поведения у людей, попавших под действие уголовного закона [18, с. 51].

Для достижения целей уголовной и уголовно-исполнительной политики важно эффективно использовать институт помилования. Согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ цель наказания заключается в исправлении осужденных и предотвращении совершения новых преступлений как самими осужденными, так и другими лицами.

Установленные цели достигаются через выполнение таких задач, как:

– урегулирование порядка и условий исполнения приговоров и отбытия уголовных наказаний, назначенных судом;

– определение средств, способствующих исправлению осужденных;

– защита прав, свобод и законных интересов осужденных;

– предоставление помощи осужденным в их социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ).

Суть социально-нравственного аспекта помилования заключается в том, что государство, когда уменьшает наказание для лиц, которые признаны виновными в совершении преступлений, проявляет веру в их способность к будущему соблюдению закона.

Действия сотрудников, отвечающих за применение закона в сфере наказаний, направлены на достижение указанных выше задач и целей. Важно отметить, что независимо от неопределенности цели процесса помилования и отсутствия ограничений на мотивацию при подаче прошения о помиловании это является конституционным правом каждого осужденного.

Полагаем, что доказать необходимость в прощении человека, которому вынесен справедливый приговор согласно закону, является сложной задачей. Проблему помилования следует рассматривать и оценивать в контексте общей уголовной политики как важную ее составляющую, а также как инструмент развития демократии и соблюдения законности. Тем не менее необходимо учесть точку зрения профессора Ю. М. Антоняна, который подчеркивает, что нельзя рассматривать вопрос о помиловании лиц, которые могут совершить новые преступления [19, с. 14].

Вопрос заключается в моральной стороне его использования – заслуживает ли преступник такого акта снисхождения. Одним из ключевых аргументов является то, что в тюрьмах, например, содержатся очень разные категории осужденных, включая тех, кто нуждается в медицинской помощи, пожилых, имеющих больных родителей или детей, жалкое материальное положение и т. п. Для некоторых из них целесообразно применение процедуры помилования, особенно если есть основания полагать, что цели уголовного наказания уже в значительной степени достигнуты и их дальнейшее лишение свободы является нецелесообразным.

И если в практической целесообразности данного аргумента нет особых сомнений, то с теоретической точки зрения ситуация становится менее очевидной. Это происходит в большей степени из-за отсутствия явных законодательных критериев для помилования, и вопрос оказывается полностью в ведении компетентного должностного лица.

Заключительная часть

Результаты исследования показывают, что процесс обработки прошений о помиловании становится более совершенным с течением времени. Однако, несмотря на это, система все еще не обеспечивает полной эффективности. Большинство ходатайств осужденных отвергается посредством вынесения представления о нецелесообразности применения акта помилования еще на этапе работы региональных комиссий. Кроме того, этот процесс полностью не прозрачен, что означает, что реальные механизмы принятия решений по делам о помиловании не доступны для исследования.

Также в условиях перегруженности судов и тюремной системы помилование может быть применено для решения проблемы переполненности тюрем путем освобождения некоторых осужденных. Помилование также может быть использовано в качестве инструмента управления уголовным процессом, позволяет сконцентрировать усилия правоохранительных органов на более серьезных преступлениях или на осужденных, требующих особого внимания.

Иногда помилование может быть задействовано в целях достижения политических или социальных целей, таких как укрепление мира и содействие примирению в обществе.

Для достижения целей, которые перед нами ставит отечественное уголовно-исполнительное законодательство касательно института помилования, представляется необходимым улучшение нормативного регулирования в следующих направлениях:

– расширение круга лиц, имеющих право подавать ходатайства о помиловании, включая не только самого осужденного, но и его законного представителя, близких родственников, органы, ответственные за наказание, трудовые коллективы, общественные организации, а также федеральных и региональных омбудсменов. Если поступит мотивированное ходатайство о помиловании от любого из перечисленных субъектов, необходимо получить письменное согласие от самого осужденного на использование помилования в его отношении;

– необходимо разработать подробные инструкции для работы территориальных комиссий по помилованию;

– разработка специальных правил помилования для военнослужащих и заключенных, участвующих в специальной военной операции;

– разработка дополнительных гарантий защиты прав потерпевших от преступлений в случае принятия решения о предоставлении помилования.

Необходимо обсуждение правовой основы процедуры помилования на новом уровне [20, с. 38].

Рассматриваемый институт нуждается в более детальном нормативном урегулировании и принятии мер, направленных на совершенствование практики реализации возможностей, которые он предоставляет. Предложенные по результатам настоящего исследования меры по нормативному урегулированию отдельных аспектов института помилования помогут сделать этот институт более понятным и открытым для общества, что в свою очередь улучшит эффективность уголовного наказания.

Не будет преувеличением сказать, что в уголовно-исполнительном законодательстве помилование рассматривается как средство достижения определенных целей по нескольким причинам. Во-первых, помилование выражает гуманитарные принципы и позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства дела, что делает его возможным в случаях, когда наказание может показаться несоразмерным или несправедливым относительно характера преступления или личности осужденного. Во-вторых, помилование может применяться с целью поощрения реабилитации осужденных, включая смягчение наказания или предоставление второго шанса для лиц, которые продемонстрировали позитивные изменения или явное желание и готовность к исправлению.

Таким образом, помилование – это многогранное юридическое явление, которое охватывает различные формы санкционированного государством милосердия и прощения [21, с. 125].

Этот акт гуманизма представляет собой своеобразное проявление прощения от государства в отношении людей, которые совершили преступления, и он свидетельствует о том, что общество, представленное как минимум государственными органами, готово принять тех, кто совершил общественно опасные поступки, но потом раскаялся и стремится вернуться к законопослушному и полноправному статусу гражданина. Это также предоставляет возможность эффективной реабилитации таких лиц в обществе.

Все эти факторы в совокупности помогают понять, почему помилование рассматривается как инструмент достижения целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Этот инструмент, грамотно и вдумчиво используемый, позволяет оптимистичнее и легче как исполнять, так и отбывать уголовное наказание, при этом учитывая различные жизненные обстоятельства, что может способствовать более эффективной и справедливой процедуре его исполнения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селиверстов В. И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 222–228.
2. Михлин А. С., Селиверстов В. И., Яковлева Л. В. Помилование в России // Закон. 2002. № 3. С. 135–140.
3. Дубровицкий Л. П. Некоторые вопросы подготовки материалов о помиловании // Указ Президента Российской Федерации № 1500 от 28 декабря 2001 года «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации) : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 24–25 октября 2002 г.). Брянск, 2002. С. 60–64.
4. Лидеров «Меджлиса» помиловали по просьбе крымского муфтия. URL: https://ria.ru/20171025/1507546655.html (дата обращения: 05.08.2023).
5. Скопинцева В. В., Пономарев С. Н. Институт помилования при исполнении уголовного наказания: вопросы теории и практики // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 3. С. 280–286.
6. Орлов В. А. [Доклад] // Российско-французский коллоквиум «Помилование, амнистия, исполнение наказаний, смертная казнь». Владимир, 18–19 марта 2002 г. М., 2002. С. 47–52.
7. Гурбанов К. В. Проблема реализации института помилования // Молодой ученый. 2021. № 28. С. 97–99.
8. Чередниченко Е. Е. К вопросу о необходимости существования института помилования в России // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 72–74.
9. Сморчков А. И. К вопросу о правовой природе помилования // Законность. 2016. № 4. С. 30–35.
10. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2023. 183 с.
11. Гришко А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М., 2023. 187 с.
12. Донская (Кавелина) О. Г. Институт помилования в России: современный этап // Юридические науки. 2020. № 4. С. 198–206.
13. ТАСС: Бута и Грайнер помиловали перед обменом. URL: https://rg.ru/2022/12/08/tass-buta-i-grajner-pomilovali-pered-obmenom.html?ysclid=lptg5nlhlc485023394 (дата обращения: 05.08.2023).
14. Таиров Р. Кремль ответил на сообщения о помиловании заключенных за участие в «спецоперации». URL: https://www.forbes.ru/society/483521-kreml-otvetilna-soobsenia-o-pomilovanii-zaklucennyh-za-ucastie-v-specoperacii?ysclid=li37za41w6841027576 (дата обращения: 05.08.2023).
15. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : моногр. / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2019. 560 с.
16. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2020 № АКПИ20–560. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/HfpMIPdgir6s/ (дата обращения: 05.08.2023).
17. Бабаян С. Л., Анфиногенов В. А. Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 44 (1). С. 4–9.
18. Голик Ю. В. Помилование как способ стимулирования позитивного поведения // Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации) : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 24–25 октября 2002 г.). Брянск, 2002. С. 51–54.
19. Антонян Ю. М. Помилование как криминологическая проблема // Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 года № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской

Федерации (теоретические и практические аспекты реализации) : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 24–25 октября 2002 г.). Брянск, 2003. С. 13–15.
20. Зейналбдыева А. В. Проблемные вопросы реализации институтов амнистии и помилования в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 2. С. 37–42.
21. Kobil D. T. The Quality of Mercy Strained: Wresting the Pardoning Power from the King // University of St. Thomas Law Journal. 2012. Vol. 69, no. 4. Pp. 89–135.

REFERENCES

1. Seliverstov V.I. Pardons in the Russian Federation: innovations of 2020 and their impact on the expansion of the use of pardon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 475, pp. 222–228. (In Russ.).
2. Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Yakovleva L.V. Pardons in Russia. *Zakon = Law*, 2002, no. 3, pp. 135–140. (In Russ.).
3. Dubrovitskii L.P. Some issues of preparing materials on pardons. In: *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 1,500 ot 28 dekabrya 2001 goda "O komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 24–25 oktyabrya 2002 g.)* [Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories of the Subjects of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. (Bryansk, October 24–25, 2002)]. Bryansk, 2002. pp. 60–64]. Bryansk, 2002. Pp. 60–64. (In Russ.).
4. *Liderov "Medzhlisa" pomilovali po pros'be krymskogo muftiya* [Leaders of the "Mejlis" were pardoned at the request of the Crimean Mufti]. Available at: https://ria.ru/20171025/1507546655.html (accessed August 5, 2023).
5. Skopintseva V.V., Ponomarev S.N. Institute of pardon in the execution of criminal punishment: issues of theory and practice. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2020, no. 3, pp. 280–283. (In Russ.).
6. Orlov V.A. *Rossiisko-frantsuzskii kollokvium "Pomilovanie, amnistiya, ispolnenie nakazanii, smertnaya kazn"* [Russian-French colloquium "Pardon, amnesty, execution of punishments, death penalty"]. Moscow, 2002. Pp. 47–52.
7. Gurbanov K.V. The problem of implementing the institute of pardon. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2021, no. 28, pp. 97–99. (In Russ.).
8. Cherednichenko E.E. On the question of the need for the existence of the institution of pardon in Russia. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*, 2018, no. 1, pp. 72–74. (In Russ.).
9. Smorchkov A.I. On the question of the legal nature of pardon. *Zakonnost' = Legality*, 2016, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.).
10. Beccaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, 2023. 183 p.
11. Grishko A.M. *Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost'* [Amnesty. Pardon. Criminal record]. Ed. by Grishko A.M. Moscow, 2023. 187 p.
12. Donskaya (Kavelina) O.G. Institute of pardons in Russia: present stage. *Yuridicheskie nauki = Legal Sciences*, 2020, no. 4, pp. 198–206. (In Russ.).
13. *TASS: Buta i Grainer pomilovali pered obmenom* [TASS: Booth and Griner were pardoned before the exchange]. Available at: https://rg.ru/2022/12/08/tass-buta-i-grajner-pomilovali-pered-obmenom.html?ysclid=lptg5nlhlc485023394 (accessed August 5, 2023).
14. Tairov R. *Kreml' otvetil na soobshcheniya o pomilovanii zaklyuchennykh za uchastie v "spetsoperatsii"* [The Kremlin responded to reports of pardoning prisoners for participating in the "special operation"]. Available at: https://www.forbes.ru/society/483521-kreml-otvetilna-soobsenia-o-pomilovanii-zaklucennyh-za-ucastie-v-specoperacii?ysclid=li37za41w6841027576 (accessed August 5, 2023).
15. Golovastova Yu.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiiskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema: monogr.* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system: monograph]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2019. 560 p.
16. *Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 22.09.2020 No. AKPI20–560* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI20–560 of September 22, 2020]. Available at: https://sudact.ru/vsrf/doc/HfpMlPdgir6s/ (accessed August 5, 2023).
17. Babayan S.L., Anfinogenov V.A. Analysis of the re-criminality of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from society and measures for its prevention. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 44 (1), pp. 4–9. (In Russ.).
18. Golik Yu.V. Pardons as a way to stimulate positive behavior. In: *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 1,500 ot 28 dekabrya 2001 goda "O komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 24–25 oktyabrya 2002 g.)* [Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories of the Subjects of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. (Bryansk, October 24–25, 2002)]. Bryansk, 2002. Pp. 51–54. (In Russ.).
19. Antonyan Yu.M. Pardons as a criminological problem. In: *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 1,500 ot 28 dekabrya 2001 goda "O komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 24–25 oktyabrya 2002 g.)* [Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories

of the Subjects of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. (Bryansk, October 24–25, 2002)]. Bryansk, 2003. Pp. 13–15. (In Russ.).
20. Zeinalbdyeva A.V. Problematic issues of implementing amnesty and pardon institutions in the Russian Federation. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2020, no. 2, p. 38. (In Russ.).
21. Kobil D.T. The quality of mercy strained: wresting the pardoning power from the king. *University of St. Thomas Law Journal*, 2012, vol. 69, no. 4, pp. 89–135.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОНОМАРЕВ – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, Рязань, Россия, sergey_ponomariov@mail.ru
ВАЛЕРИЯ ВИКТОРОВНА СКОПИНЦЕВА – адъюнкт Академии ФСИН России, Рязань, Россия, kucher22v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9530-2574

SERGEI N. PONOMAREV – Candidate of Sciences (Law), Professor, professor at the Penal Law Department of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, sergey_ponomariov@mail.ru
VALERIYA V. SKOPINTSEVA – Adjunct at the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kucher22v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9530-2574

Статья поступила 08.11.2023

Научная статья
УДК 343.83
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.008

Проблемы, возникающие при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками для проведения режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, rumyantsevn.v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0958-8539

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА ПРИХОЖАЯ
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, lyudmila_prikhozhaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5547-9678

Реферат

Введение: статья посвящена выявлению проблем, возникающих при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками для проведения режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Цель:* показать проблемы использования специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении режимных мероприятий на территориях учреждений ФСИН России, сформулировать направления их возможного решения. *Методы:* общенаучные (анализ, синтез, индукция и т. д.), частнонаучные и специальные методы познания (сравнительно-правовой, социологический, статистический, правового моделирования). *Результаты:* анализ данных, полученных в ходе анкетирования 2217 сотрудников в 2023 г., позволил сформулировать проблемы, возникающие при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками к проведению режимных мероприятий, а также сформулировать предложения по совершенствованию механизма взаимодействия кинологических и режимных подразделений. *Выводы:* привлечение специалистов-кинологов является эффективной мерой сдерживания противоправных действий со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Основными проблемами, возникающими при проведении рассматриваемых мероприятий, являются недостаточная численность специалистов-кинологов, а также отсутствие необходимого обучения как сотрудников, так и служебных собак с учетом специфики службы отделов режима и надзора (безопасности) учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации; кинологические подразделения; кинологическая служба; специалист-кинолог; служебные собаки; режимные мероприятия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Для цитирования: Проблемы, возникающие при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками для проведения режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 67–74. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.008.

© Румянцев Н. В., Прихожая Л. Е., 2024

Original article

Problems Arising when Dog Handlers with Service Dogs are Engaged in Security Procedures in Penitentiary Institutions of the Russian Federation

NIKOLAI V. RUMYANTSEV
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0958-8539

LYUDMILA E. PRIKHOZHAYA
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, lyudmila_prikhozhaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5547-9678

Abstract
Introduction: the article is devoted to the identification of problems that arise when engaging specialist dog handlers with service dogs in carrying out security procedures in the territories of institutions of the penal system of the Russian Federation. *Purpose:* to show problems of using dog handlers with service dogs during security procedures in penitentiary institutions, to formulate directions for their possible solution. *Methods:* general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, sociological, statistical, legal modeling). *Results:* the analysis of data obtained during the survey of 2,217 employees in 2023 made it possible to formulate problems that arise when involving dog handlers with service dogs in security procedures, as well as make proposals to improve the mechanism of interaction between cynological and security units. *Conclusions:* the involvement of dog handlers is an effective measure to deter illegal actions on the part of the suspected, accused and convicted persons. The main problems that arise during activities under consideration are the insufficient number of dog handlers, as well as the lack of necessary training for both employees and service dogs, taking into account the specifics of service of units of regime and supervision (security) of penitentiary institutions.

Keywords: penitentiary system of the Russian Federation; cynological units; cynological service; dog handler; service dogs; security procedures.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

For citation: Rumyantsev N.V., Prikhozhaya L.E. Problems arising when dog handlers with service dogs are engaged in security procedures in penitentiary institutions of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 67–74. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.008.

Введение

Федеральной службой исполнения наказаний проводится большая работа по совершенствованию служебной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Обеспечение надежной изоляции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, является одним из основных направлений деятельности ФСИН России, для реализации которого в учреждениях созданы соответствующие подразделения и службы. Кинологическая служба, обладая организованной системой управления, позволяет результативно решать поставленные перед ней задачи, а также выполняет немаловажную роль в механизме обеспечения правопорядка и законности [1, с. 102].

В настоящее время кинологическими подразделениями учреждений уголовно-исполнительной системы выполняется значительный объем служебных задач. В соответствии с Наставлением по организации кинологической службы Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденным приказом ФСИН России от 29.04.2005 № 336, данные подразделения используются при обеспечении охраны учреждений, конвоировании осужденных и лиц, содержащихся под стражей; обеспечении правопорядка и законности, безопасности работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях учреждений; в оперативно-розыскных мероприятиях по розыску и задержанию бежавших осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обнаружению наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов. Применение собак в служебной деятельности ФСИН России представляет собой согласованные и быстрые действия специалиста-кинолога со служебной собакой в составе караулов и служебных нарядов при выполнении поставленных задач [2, с. 101].

Также в сферу деятельности кинологических подразделений УИС включаются организация подготовки служебных собак по направлениям их служебного предназначения; организация и проведение племен-

ной работы по разведению и выращиванию служебных собак; обеспечение своевременного проведения мероприятий по уходу и сбережению служебных собак [3, с. 139–140].

Следует отметить, что применение служебной собаки имеет важное значение для обеспечения безопасности как учреждения ФСИН России, так и сотрудников [4, с. 65]. В условиях модернизации инженерно-технического оснащения охраняемых объектов, внедрения интегрированных систем безопасности, создания новых приборов обнаружения и средств защиты [1, с. 104] роль человека и животного снижается. Однако в ряде случаев собака является приоритетным средством решения служебных задач [5, с. 20]. Это объясняется тем, что собака как биологический датчик имеет значительное количество природных преимуществ, не свойственных ни одному типу технологий, что позволяет ей своевременно распознавать и реагировать на возникающие происшествия [6, с. 324]. Для этого в соответствии с Порядком обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденным приказом ФСИН России от 31.12.2019 № 1210, в рамках специального курса дрессировки служебную собаку приучают к выполнению задач по определенному направлению службы: по розыскной службе; по поиску наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; по поиску взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов; по караульной службе. Также применение служебных собак является гуманным, в сравнении с оружием, профилактическим и сдерживающим фактором совершения правонарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Своим видом и поведением служебные собаки оказывают немаловажное психологическое влияние на правонарушителей, заставляя их отказаться от преступных намерений [7, с. 37]. Случаи применения служебных собак как специального средства регламентированы ст. 30 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Указанные обстоятельства обусловливают привлечение специалистов-кинологов со служебными собаками к проведению режимных мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах [8, с. 546]. Применение служебных собак позволяет повысить надежность изоляции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, режима их содержания, способствуя снижению уровня преступности в исправительных учреждениях [9, с. 124–125].

Привлечение специалистов-кинологов со служебными собаками к проведению режимных мероприятий подкреплено положениями ведомственных нормативных актов, а также служебной необходимостью, вызванной спецификой их деятельности, навыками и умениями обнаружения отдельных видов запрещенных предметов, а также ввиду того, что служебные собаки позволяют сдерживать и предупреждать совершение противоправных деяний со стороны осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

В соответствии с положениями ведомственных нормативных правовых актов специалисты-кинологи со служебными собаками могут привлекаться для выполнения следующих обязанностей:

– в составе дежурной смены исправительного учреждения – при приеме и сдаче дежурств в запираемых помещениях, штрафных изоляторах (ШИЗО), помещениях камерного типа (ПКТ), единых помещениях камерного типа (ЕПКТ), обеспечении сопровождения больших групп осужденных при режимных мероприятиях, в том числе при прогулке в ШИЗО и ПКТ;

– в составе обысково-маневренной группы исправительного учреждения при проверке территории, прилегающей к внутренней и внешней запретным зонам, с целью обнаружения подкопов, схронов, тайников, запрещенных предметов. Служебную собаку используют для поиска запаха по его носителям или по их источнику, поиска одних носителей запаха по запаху других носителей, поиска некоторых объектов, веществ со специфическим запахом;

– в составе дежурной смены СИЗО и тюрем – при массовых выводах обвиняемых и осужденных на прогулку, обыске, в ночное время при открытии камер, при конвоировании подозреваемых, обвиняемых, осужденных для пресечения преступлений и иных правонарушений.

Таким образом, значительная часть режимных мероприятий может проводиться посредством привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками. Но на практике использование кинологов ограничено. Это связано, во-первых, со снижением численности данных сотрудников. Так, за последние пять лет количество сотрудников кинологической службы по штату подразделений охраны снизилось на 0,9 %, составляя 9084 чел. [10, с. 472] (2018 г. – 9163) [11, с. 257], при этом фактическая численность сократилась на 5,4 %, составляя 8011 чел. [10, с. 473] (2018 г. – 8468) [11, с. 258]. Во-вторых, несмотря на закрепление задач для данной категории сотрудников, порядок их привлечения к проведению режимных мероприятий нормативно не определен. В практической деятельности остаются вопросы, касающиеся принадлежности специалистов-кинологов к конкретному отделу, подчиненности при несении службы в режимных мероприятиях и др.

Указанные обстоятельства обусловливают существование проблем в рассматриваемой сфере, устранение которых возможно путем проведения научно-исследовательской работы, направленной на анализ информации о привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы.

Целью исследования является сбор, изучение и анализ информации о применении специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении режимных мероприятий на территориях учреждений ФСИН России.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция

и т. д.), частнонаучные и специальные методы познания (сравнительно-правовой, социологический, статистический, правового моделирования).

Основная часть

В рамках анализа современного состояния служебной деятельности специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы в 2023 г. было проведено анкетирование действующих сотрудников из всех территориальных органов ФСИН России.

В анкетировании было задействовано 2217 сотрудников, из которых 1401 – сотрудники подразделений режим и надзора (безопасности), 816 – сотрудники отделов охраны, а именно:

– дежурные помощники начальников исправительных колоний (ДПНК) – 883 чел.;

– дежурные помощники начальников СИЗО (ДПСИ) – 276 чел.;

– руководители отделов безопасности в исправительном учреждении – 178 чел.;

– руководители отделов режима и надзора в СИЗО – 64 чел.;

– заместители начальников учреждений – начальники отделов охраны в исправительном учреждении – 328 чел.;

– заместители начальников учреждений – начальники отделов охраны в СИЗО – 117 чел.;

– руководители кинологических отделений (групп) в исправительном учреждении – 272 чел.;

– руководители кинологических отделений (групп) в СИЗО – 99 чел.

В рамках исследования изучался вопрос об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении режимных мероприятий, анализировались мнения сотрудников отделов режима и надзора (безопасности) по данному вопросу в рамках конкретных режимных мероприятий. Для этого нами был задан вопрос: «К каким видам режимных мероприятий привлечение специалиста-кинолога со служебной собакой в Вашем учреждении Вы считаете наиболее эффективным?» (диаграммы 1–9).

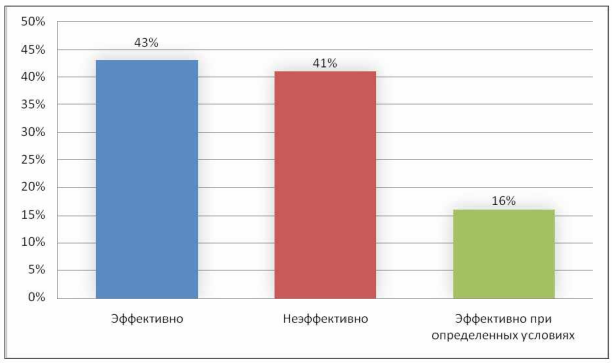

Диаграмма 1. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при приеме и сдаче дежурств

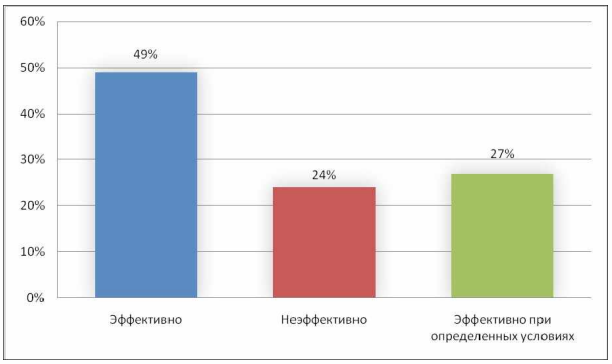

Диаграмма 2. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при прогулке

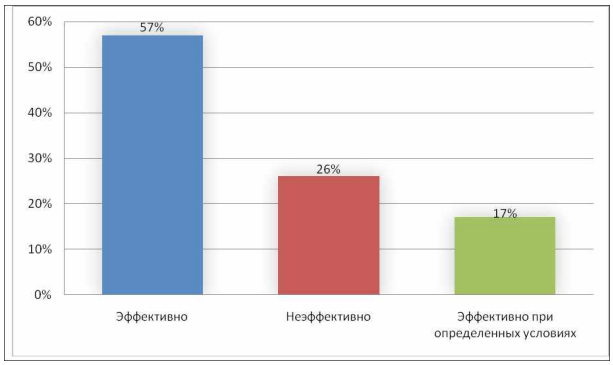

Диаграмма 3. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении отбоя и подъема

Привлечение специалистов-кинологов со служебными собаками при проведении режимных мероприятий в запираемых помещениях, ШИЗО, ПКТ чаще всего рассматривается респондентами как эффективная мера (диаграммы 1–3). При этом более половины опрошенных (57 %) считают, что именно проведение отбоя и подъема наиболее значимое мероприятие для привлечения рассматриваемой категории сотрудников. Мнения об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при приеме и сдаче дежурств разделились (диаграмма 1). Так, 43 % респондентов считают, что это целесообразно, а 41 % – что нет.

Далее, приведем данные об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками для патрулирования внутренней запретной зоны, в составе обысково-маневренной группы и для досмотра посылок, передач, бандеролей (диаграммы 4–6).

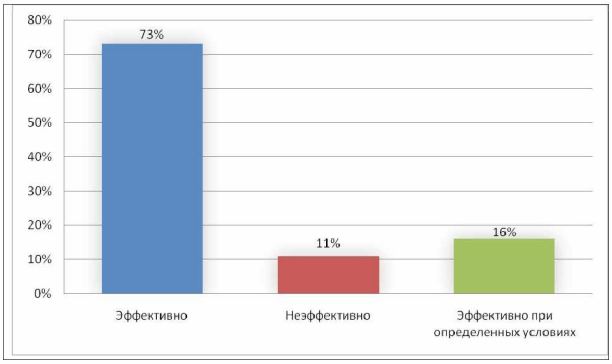

Диаграмма 4. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при патрулировании внутренней запретной зоны

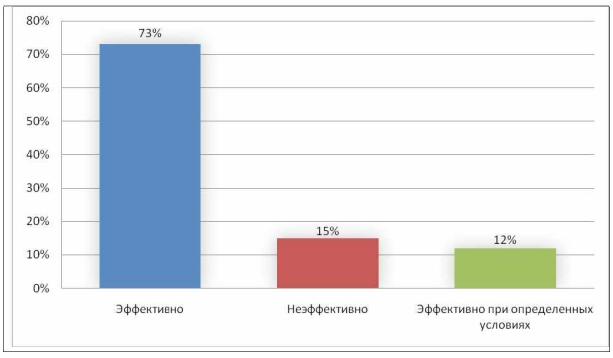

Диаграмма 7. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при открытии камер в ночное время

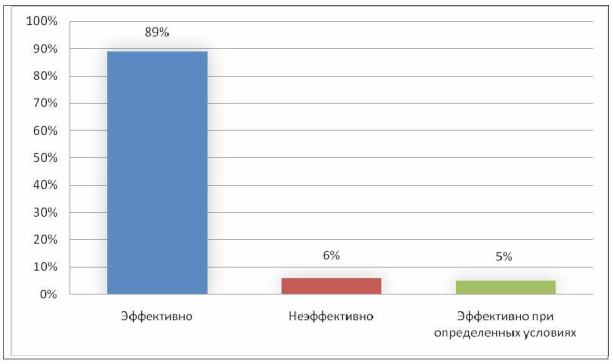

Диаграмма 5. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при участии в составе обысково-маневренной группы

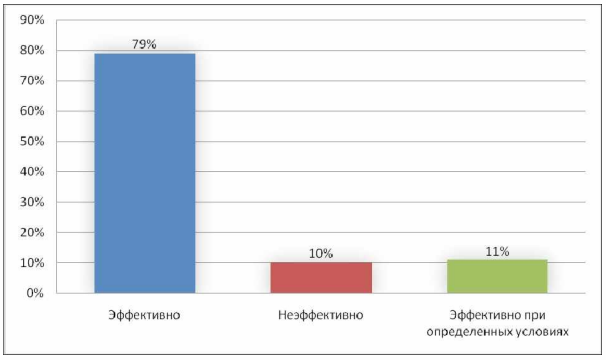

Диаграмма 8. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при обысках в камерах

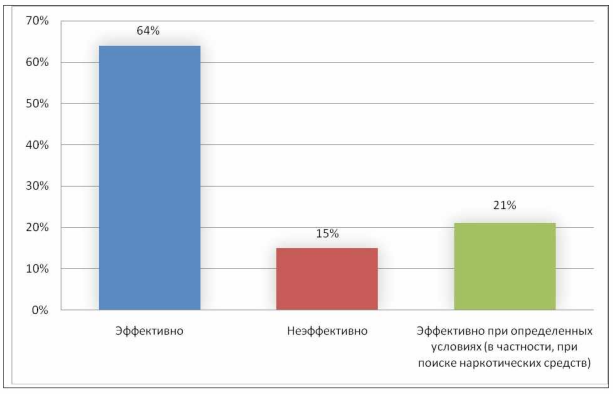

Диаграмма 6. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при досмотре посылок, передач, бандеролей

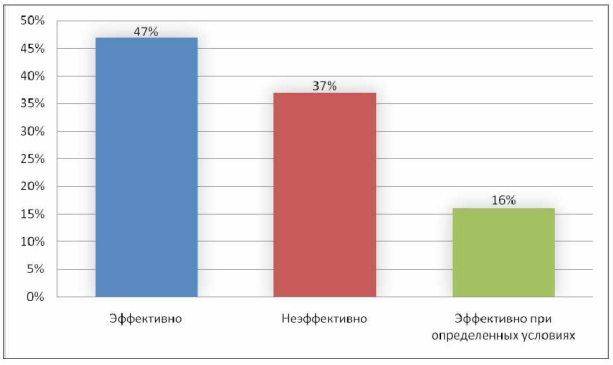

Диаграмма 9. Мнение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы об эффективности привлечения специалистов-кинологов со служебными собаками при осуществлении прогулки в составе дежурной смены

На диаграмме 7–9 представлены данные об эффективности применения специалиста-кинолога со служебной собакой в составе дежурной смены СИЗО.

Таким образом, можно сделать вывод, что, по мнению сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, привлечение специалиста-кинолога со служебной собакой при проведении отдельных

видов режимных мероприятий является эффективной мерой. Наиболее целесообразно их привлечение при проведении отбоя и подъема в запираемых помещениях, ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ (57 %), при патрулировании внутренней запретной зоны (73 %), в составе обысково-маневренной группы (89 %), при досмотре посылок, передач, бандеролей (64 %), при открытии камер в ночное время (73 %), а также при обыске в камерах (79 %).

В рамках анкетирования сотрудникам было предложено сформулировать проблемные вопросы, возникающие при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками к проведению режимных мероприятий. Данный вопрос был адресован сотрудникам как отделов охраны учреждений территориальных органов ФСИН России, так и подразделений режима и надзора (безопасности) учреждений уголовно-исполнительной системы. Приведем их ответы:

1) по мнению сотрудников отделов охраны, проблемными вопросами являются:

– непредназначенность розыскных (патрульно-розыскных) собак для поиска наркотических средств;

– слабая организация проведения режимных мероприятий;

– подозреваемые, обвиняемые, осужденные из числа верующих, исповедующих ислам, выражают недовольство при использовании служебных собак в камерах;

– отсутствие мест временного содержания служебных собак, мест дислокации специалиста-кинолога при выполнении ими служебных задач в составе дежурной смены;

– недостаточное количество дней, отводимых для привлечения закрепленных специалистов-кинологов со служебными собаками по поиску наркотических средств в конкретном учреждении (необходимо проводить данные мероприятия с понедельника по пятницу);

– градация руководителей для кинологических групп (младший начальствующий состав) снизила роль руководящего звена в кинологическом подразделении, отвечающего за подготовку специалистов-кинологов, закрепленных за ними собак и поддержание в надлежащем состоянии объектов учебно-материальной базы кинологических подразделений;

2) по мнению сотрудников отделов режима и надзора (безопасности), к проблемным вопросам относятся:

– нехватка служебных собак;

– невозможность применения служебной собаки при досмотре продуктов питания;

– невыполнение мер безопасности при использовании служебной собаки в учреждении;

– сложность в применении служебной собаки как специального средства, невозможность предусмотреть и минимизировать степень повреждения здоровья при необходимости применения;

– согласно графикам применения служебных собак в режимных мероприятиях на обысковые мероприятия, досмотр передач и посылок инструкторы-кинологи могут привлекаться один раз в неделю, что неэффективно;

– агрессивное поведение собак в отношении сотрудников и осужденных.

Сотрудникам было предложено самостоятельно *сформулировать конкретные меры, которые позволят решить данные проблемы*. Приведем полученные ответы:

1) предложения по повышению эффективности применения служебных собак при проведении режимных мероприятий, полученные от сотрудников отделов охраны:

– чаще проводить дрессировку (тренировку) служебных собак по специальному курсу;

– модернизировать учебно-материальную базу городка для содержания служебных собак;

– организовывать обмен опытом между учреждениями как конкретного территориального органа ФСИН России, так и учреждениями других субъектов Российской Федерации;

– организовывать обмен опытом с другими ведомствами и службами в вопросах применения и дрессировки собак;

– предусмотреть проведение дополнительных занятий со специалистами-кинологами;

– организовывать взаимодействие с оперативно-режимными службами;

– предусмотреть проведение дополнительного обучения специалистов-кинологов в качестве «фигурантов» для обеспечения более качественной подготовки служебных собак в разделе «защитно-караульная служба».

Следует отметить, что некоторые сотрудники высказали позицию, что применение служебных собак в режимных мероприятиях нецелесообразно из-за увеличения объема службы, а также использования в большинстве учреждений розыскных и патрульно-розыскных служебных собак;

2) предложения по повышению эффективности применения служебных собак при проведении режимных мероприятий, полученные от сотрудников отделов режима и надзора (безопасности):

– увеличить количество часов на дрессировку собак;

– улучшить подготовку служебных собак по поиску наркотических средств;

– необходимо чаще привлекать специалистов-кинологов со служебными собаками к участию в режимных мероприятиях;

– организовывать проведение практических занятий со служебными собаками в местах выполнения режимных мероприятий;

– предусмотреть заступление на службу специалиста-кинолога со служебной собакой ежесменно в составе дежурной смены отдела безопасности и в период службы находиться в оперативном подчинении ДПНУ;

– проводить закладки имитаторов запрещенных веществ во время проведения режимных мероприятий для проверки качества несения службы специалиста-кинолога и эффективности применения служебной собаки;

– разработать нормативную правовую базу по порядку применения служебных собак при проведении режимных мероприятий.

Заключение

Подводя итоги исследования, сформулируем следующие выводы:

1) привлечение специалистов-кинологов со служебными собаками к проведению режимных мероприятий является эффективной мерой для сдерживания противоправных действий со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также соблюдения требований установленного порядка отбывания наказания;

2) не все обязанности, предписанные специалистам-кинологам ведомственными нормативными правовыми актами, выполняются на территории учреждений ввиду объективных обстоятельств, выраженных в отсутствии необходимых для их выполнения сотрудников и служебных собак;

3) даже при наличии необходимого количества специалистов-кинологов со служебными собаками существует потребность в их дополнительном обучении с учетом специфики службы отделов режима и надзора (безопасности).

Для решения проблем, возникающих при привлечении специалиста-кинолога со служебной собакой для проведения режимных мероприятий, предлагается:

– в штатных расписаниях учреждений уголовно-исполнительной системы структурно выделить должности специалистов-кинологов в «группу по проведению режимных мероприятий» в составе кинологического отделения отдела охраны учреждения;

– предусмотреть заступление специалиста-кинолога в состав дежурной смены без привлечения в течение службы к мероприятиям по охране учреждений и выполнению несвойственных ему функций и обязанностей;

– разрешение проблемы наделения специалистов-кинологов значительным объемом служебных задач станет возможным путем их привлечения к проведению режимных мероприятий по указанию ДПНУ, исходя из реальной потребности учреждения;

– разработать должностную инструкцию для данной категории сотрудников, в рамках которой предусмотреть положение о знании задач дежурной смены, порядка применения (использования) служебной собаки, уязвимых в побеговом отношении мест и объектов, расположенных в пятнадцатиметровой полосе, прилегающей к внутренней запретной зоне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Масленников Е. Е. Обеспечение правопорядка и законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием служебных собак // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2 (23). С. 102–104.
2. Ширяев Д. А., Шуманский И. И. Применение служебных собак в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний России // Закон и право. 2019. № 12. С. 100–102.
3. Филиппов А. С. Особенности применения служебных собак при выполнении оперативных задач в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов круглого стола с междунар. участием (Псков, 26 апреля 2019 г.). Псков, 2019. С. 139–142.
4. Васильковская С. А. Роль и значение кинологической службы ФСИН России на современном этапе развития УИС // Потенциал социально-гуманитарного знания в решении актуальных проблем системы исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом : сб. материалов III Междунар. конкурса науч. разработок на рус. и англ. языках (Пермь, 1 декабря 2021 года – 28 февраля 2022 года). Пермь, 2022. С. 63–66.
5. Голдырев А. А., Шеремета Т. В. История формирования кинологической службы уголовно-исполнительной системы // Сборник научных трудов по кинологии. Том 6 : сб. ст. / отв. ред. О. С. Попцова, Т. В. Шеремета. Пермь, 2020. С. 8–21.
6. Цаплин И. С. Совершенствование правовых и организационных основ функционирования кинологической службы в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25 октября 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 323–328.
7. Астахова Л. А. Кинолог – интересная и нужная профессия // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 1 (128). С. 36–41.
8. Соловьева Е. А. Общие принципы использования служебных собак, предназначенных для обеспечения проведения режимных и обыскных мероприятий на территориях учреждений УИС // Пермский период : сб. материалов V Междунар. науч.-спортив. фестиваля курсантов и студентов. Пермь, 2018. С. 546–548.
9. Цаплин И. С., Сайфуллин Р. Р. Социально-правовые вопросы функционирования кинологической службы в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 124–127.
10. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2022 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2023. 538 с.
11. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2018 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2019. 328 с.

REFERENCES

1. Maslennikov E.E. Law enforcement and legality in the institutions of penal system using service dogs. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2015, no. 2 (23), pp. 102–104. (In Russ.)
2. Shiryaev D.A., Shumanskii I.I. The use of service dogs in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Zakon i parvo = Law and Legislation*, 2019, no. 12, pp. 100–102. (In Russ.).

3. Filippov A.S. Features of the use of service dogs when performing operational tasks in institutions of the penal system. In: *Aktual'nye voprosy rezhima i operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: sb. materialov kruglogo stola s mezhdunar. uchastiem (Pskov, 26 aprelya 2019 g.)* [Topical issues of the regime and law intelligence in the penal system: collection of materials of the round table with international experts (Pskov, April 26, 2019)]. Pskov, 2019. Pp. 139–142. (In Russ.).
4. Vasil'kovskaya S.A. The role and importance of the cynological service of the Federal Penitentiary Service of Russia at the present stage of the development of the penal system. In: *Potentsial sotsial'no-gumanitarnogo znaniya v reshenii aktual'nykh problem sistemy ispolneniya ugolovnykh nakazanii v Rossii i za rubezhom : sb. materialov III Mezhdunar. konkursa nauch. razrabotok na rus. i angl. yazykakh (Perm', 1 dekabrya 2021 goda – 28 fevralya 2022 goda)* [Potential of social and humanitarian knowledge in solving urgent problems of the system of execution of criminal penalties in Russia and abroad: collection of materials of the III International competition of scientific developments in Russian and English (Perm, December 1, 2021 – February 28, 2022)]. Perm, 2022. Pp. 63–66. (In Russ.).
5. Goldyrev A.A., Sheremeta T.V. The history of the formation of the cynological service of the penal enforcement system. In: Poptsova O.S., Sheremeta T.V. *Sbornik nauchnykh trudov po kinologii. Tom 6: sb. st.* [Collection of scientific papers on cynology. Volume 6: collection of articles]. Perm, 2020. Pp. 8–21. (In Russ.).
6. Tsaplin I.S. Improving the legal and organizational foundations of the functioning of the cynological service in the context of reforming the penal enforcement system. In: *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* (Voronezh, 25 oktyabrya 2018 g.) [Topical problems of the activities of units of the penal system: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Voronezh, October 25, 2018)]. Voronezh, 2018. Pp. 323–328. (In Russ.).
7. Astakhova L.A. Cynologist is an interesting and necessary profession. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 1 (128), pp. 36–41. (In Russ.).
8. Solov'eva E.A. General principles of the use of service dogs designed to ensure the conduct of routine and search measures on the territories of institutions of the criminal code. In: *Permskii period: sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-sportiv. festivalya kursantov i studentov* [Perm period: collection of materials of the V International Scientific and Sports festival of cadets and students]. Perm, 2018. Pp. 546–548. (In Russ.).
9. Tsaplin I.S., Saifullin R.R. Socio-legal issues of the functioning of the cynological service in modern conditions of the development of the penal enforcement system. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 5, pp. 124–127. (In Russ.).
10. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2022 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2022): information-analytical collection]. Tver, 2023. 538 p.
11. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2018 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2018): information-analytical collection]. Tver, 2019. 328 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, rumyantsevn.v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0958-8539

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА ПРИХОЖАЯ – научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, lyudmila_prikhozhaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5547-9678

NIKOLAI V. RUMYANTSEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Department for Improving the Methodologies of Regime, Security and Escort of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0958-8539

LYUDMILA E. PRIKHOZHAYA – Researcher at the Department for Improving the Methodologies of Regime, Security and Escort of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, lyudmila_prikhozhaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5547-9678

Статья поступила 05.02.2024

Научная статья
УДК 343.231:342
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009

Конституционные ценности и аксиологические аспекты понимания общего объекта преступления в доктрине уголовного права

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАРЯЕВ
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, zaryaew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3884-5266

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ СОЛОДОВЧЕНКО
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, solodovchenko.dmitriy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7003-739X

Реферат

Введение: в статье рассматривается проблема конституционных ценностей, составляющих основу аксиологического понимания общего объекта преступления, предпринимается попытка осмыслить категорию «общий объект преступления» с ценностных позиций. *Цель:* проанализировать существующие в юридической науке подходы к определению общего объекта преступления как правового блага, то есть аксиологические аспекты общего объекта преступления. *Методы:* диалектический, позволивший уточнить понятия «конституционная ценность», «общий объект преступления»; сравнительно-правовой, использовавшийся для сравнения понятий «конституционная ценность», «общий объект преступления». *Результаты:* исследования конституционных ценностей направлены в основном на обоснование их фундаментального значения и решение теоретических проблем воплощения конституционных ценностей в форме норм-принципов, норм-целей и т. д. Конституционные ценности являются основой для определения общего объекта преступления как правовой ценности. Рассмотрение общего объекта преступления с ценностных позиций позволяет установить, какие ценности, интересы или правовые блага признаются обществом настолько значимыми, что их нарушение является преступлением. *Выводы:* категория «общий объект преступления» охватывает индивида, пострадавшего от преступного деяния, и его правовые интересы, такие как жизнь, здоровье, собственность. Положения Уголовного кодекса Российской Федерации в целом отражают ценностный подход к определению общего объекта преступления.

Ключевые слова: правовая ценность; конституционная ценность; преступление; общий объект преступления.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Заряев В. А., Солодовченко Д. Д. Конституционные ценности и аксиологические аспекты понимания общего объекта преступления в доктрине уголовного права // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 75–82. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009.

Original article

Constitutional Values and Axiological Aspects of Understanding a General Object of Crime in the Criminal Law Doctrine

VYACHESLAV A. ZARYAEV
Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, zaryaew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3884-5266

© *Заряев В. А., Солодовченко Д. Д., 2024*

DMITRII D. SOLODOVCHENKO
Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, solodovchenko.dmitriy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7003-739X

Abstract
Introduction: the article considers a problem of constitutional values that form the basis for axiological understanding of a general object of crime and a category "general object of crime" from a value standpoint. *Purpose:* to analyze current approaches to the definition of the general object of crime as a legal good, i.e. axiological aspects of the general object of crime. *Methods:* a dialectical method is used to clarify concepts "constitutional value" and "general object of crime"; a comparative legal method – to compare the concepts discussed. *Results:* current scientific works are aimed mainly at substantiating their fundamental importance and solving theoretical problems of embodying constitutional values in the form of norms-principles, norms-goals, etc. Constitutional values are the basis for defining the general object of crime as a legal value. Considering the general object of crime from a value standpoint allows us to determine which values, interests or legal benefits are recognized by society as so significant that their violation is a crime. *Conclusion:* the category "general object of crime" covers an individual who has suffered from a criminal act and his legal interests, such as life, health, property. Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, in general, reflect a value-based approach to determining the general object of crime.

Keywords: legal value; constitutional value; crime; general object of crime.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Zaryaev V.A., Solodovchenko D.D. Constitutional values and axiological aspects of understanding a general object of crime in the criminal law doctrine. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 75–82. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009.

Введение

В настоящее время в России наблюдается рост интереса к аксиологическим проблемам как в научной среде, в том числе и во многих областях юридического научного знания, так и со стороны публичной власти.

Ускорение темпов жизни, с которым человечество еще не сталкивалось, усложнение социальной структуры, приводящее к новому психологическому состоянию человека и всего общества, цифровизация всех сфер общественных отношений, возникновение новых вызовов и угроз цивилизационному развитию России обусловливают необходимость поиска новых подходов к анализу и оценке существующей системы ценностей и их охране. Это подтверждается и социальным запросом, сформулированным Президентом России в Указе от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В указе подчеркивается, что «осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность».

В условиях современных социальных трансформаций возникает необходимость в юридической рефлексии существующих аксиологических проблем с целью описания новой ценностной легитимации.

Конституционные ценности как аксиологическая основа определения понятия «общий объект преступления»

В настоящее время единые подходы к пониманию содержания понятия «конституционные ценности» не сложились. Отсутствует единство мнений по вопросам их сущности, теоретической и правовой природы, содержания, правовой регламентации, реализации в иных отраслях национальной системы права.

В юридической науке существуют различные взгляды на систему конституционных ценностей, их соотношение, иерархию и баланс. В связи с этим, прежде всего, необходим анализ основных подходов к понятию конституционных ценностей.

С. С. Алексеев конституционные ценности справедливо видит в самых разнообразных элементах права и механизмах правового регулирования. По его словам, правовые ценности представляют собой конкретные социально-правовые явления, правовые средства и механизмы (все то, что называется юридическим инструментарием, который обеспечивает ценность права и его гарантии), а также «институты, выражающие оптимальное соотношение нормативного и индивидуального регулирования» [1, с. 167]. Отметим, что подобный перечень практически единодушно принимается конституционалистами в качестве фундаментальных универсальных правовых ценностей [2–4].

Как справедливо отмечает Т. Я. Хабриева, любая конституция исходит из базовых положений, которые признаются не только собственно творцами документа, но и самыми широкими слоями общества в качестве «ценности данной цивилизации» [5].

В. И. Крусс говорит о «нормативности конституционных ценностей», выделяя соответствующие формы ее выражения: прямое действие конституционных положений ценностного характера; непосредствен-

ное «ценностно-регулирующее воздействие прав и свобод человека»; «ценностная коннотация конституционных принципов»; «аксиологическая определенность юридических гарантий» и принципиально значимый для нашего исследования «модельно и ситуационно определенный баланс» конституционных интересов и ценностей [6].

Конституционную ценность принципа сочетания частных и публичных интересов отмечает Л. А. Нудненко. По ее мнению, частные интересы должны быть сбалансированы с публичными и «вписываться в контекст коллективных ценностей», обеспечить «консенсус для сбалансированного удовлетворения» индивидуальных и общественных потребностей [6].

Н. Е. Таева рассматривает конституционные ценности как «сложную конституционно-доктринальную, юридико-логическую и нормативную конструкцию, возникающую как результат реализации аксиологической функции конституции» [7], в процессе которой происходит своеобразный отбор устойчивых социальных ценностей-идеалов с их последующим закреплением в виде конституционных провозглашений: норм-принципов, норм-целей, норм-задач [8].

С точки зрения О. Снежко, под конституционными ценностями следует понимать основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), лежащие в основе российской государственности [9].

Е. И. Клочко определяет конституционные ценности как идеи, идеалы, ориентиры, имеющие положительную значимость для всего народа и являющиеся основой всей правовой системы, общественного и государственного развития. Они могут быть выражены как в абстрактных, неформализованных конституционных принципах, так и закреплены в конституции при помощи конкретных норм, которые в данном случае будут являться завершающим элементом, конечной правовой формой выражения ценностей, пронизывающих все содержание конституции [10].

А. А. Кондрашов в авторском определении так раскрывает сущность конституционных ценностей, их функциональное назначение: «конституционные ценности представляют собой общесоциальные принципы (догматы) с правовой коннотацией, закрепленные в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия» [11, с. 22].

Д. А. Авдеев отмечает, что конституционными ценностями являются идеи, явления или социально значимые обстоятельства, закрепляемые в последующем в конституции (или же приравниваемых к ней иных правовых документах), выступающие в качестве ориентирующих положений, предопределяющих содержание норм текущего законодательства, в основе которого лежит приоритет конституционных ценностей при регулировании общественных отношений [12].

А. П. Алексеев указывает на то, что конституционные ценности представляют собой идеи, цели, принципы и институты, сформулированные в результате конституционного правотворчества или осуществления конституционного правосудия и закрепленные в конкретных нормативно-правовых актах или судебных решениях конституционного характера и являющиеся руководящей основой поведения большинства субъектов конституционных правоотношений [13].

И. А. Карасева рассматривает конституционные ценности как основополагающие правовые принципы, определяющие приоритеты развития и защиты общественных отношений в различных сферах жизни, закрепленные в конституции и выводимые из ее содержания путем официального толкования [14].

С. П. Маврин под конституционными ценностями понимает конституционно-правовую фиксацию тех или иных ценностей, как правило, принадлежащих сфере идей, в конечном счете призванных материализовать в рамках реального конституционного правопорядка их качества полезности, важности, значимости и в целом благотворности, как правило, для всех субъектов общественных отношений, которые подпадают под действие конституции либо для какой-то одной или нескольких категорий этих субъектов в определенных случаях [15].

Н. В. Витрук определяет конституционные ценности как объекты реальной действительности, признанные в качестве основных ценностей и нашедшие свое закрепление и гарантирование в использовании, реализации, охране и защите [16].

По мнению С. Э. Несмеяновой, конституционные ценности – это прямо предусмотренные конституцией государства, признаваемые или вытекающие из ее сути наиболее значимые характеристики разных явлений, способствующие развитию личности, общества и государства [17].

А. Г. Тиковенко отмечает, что конституционные ценности можно обозначить как «основополагающие (базовые) предельно обобщенные начала (цели, общие принципы)... выполняющие роль правообразующего ориентира» [18, с. 16].

Е. С. Аничкин и Ю. А. Рудт полагают, что конституционные ценности – это «конституированные публичные и частные интересы участников конституционных правоотношений» [19, с. 88], имеющие значение для развития государства на определенном конкретно-историческом этапе его развития и закрепленные в конституции.

Краткий обзор изученных мнений позволяет сделать вывод о том, что большинство исследований конституционных ценностей затрагивает обоснование их фундаментального значения и направлено на решение теоретических проблем воплощения конституционных ценностей в форме норм-принципов, норм-целей и т. д.

Проблема конституционных ценностей не остается без внимания и теоретиков уголовного права. Они рассматривают ее в ходе исследования понятия «общий объект преступления».

Теория уголовного права о ценностях как общем объекте преступления

Понятие «общий объект преступления» как один из ключевых элементов уголовного права, обеспечивающих его системность и целостность, может быть рассмотрено как правовая ценность. Оно позволяет установить и конкретизировать объекты, которые защищены уголовным законодательством и служат основой для определения составов преступлений. Рассмотрение общего объекта преступления с ценностных позиций дает возможность определить, какие ценности, интересы или правовые блага признаются обществом настолько значимыми, что их нарушение является преступлением.

Определение общего объекта преступления имеет практическое значение при применении уголовного законодательства. Оно влияет на квалификацию преступлений, определение наказания, принятие решений о возбуждении или прекращении уголовного дела.

Как верно отмечает В. Н. Борков, в условиях кризисных и конфликтных событий, геополитической напряженности, новых вызовов для безопасности граждан и государства возрастает влияние этатистской идеологии на уголовную политику, формирование ее цели, направлений, приоритетов [20].

В этой связи в настоящее время аксиологические подходы в уголовном праве получили новый импульс развития, а осмысление категории «общий объект преступления» с ценностных позиций приобрело актуальность и оправданность.

В науке уголовного права продолжает оставаться господствующим восприятие объекта преступлений как совокупности общественных отношений. В частности, А. И. Рарог указывает на то, что объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается непосредственная угроза причинения вреда. Л. Д. Гаухман определяет общий объект преступления как общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения. В. А. Авдеев отмечает, что юридическое содержание объекта преступления образуют охраняемые уголовным законом общественные отношения [21, с. 63]. Однако он указывает, что объектом преступления признаются общественные отношения, содержание которых составляют общепризнанные социальные ценности морального, нравственного, политического и иного характера.

Ряд исследователей указывают на необходимость пересмотра подобного подхода. Так, А. Н. Карханов, А. В. Бриллиантов отмечают, что, в частности, обращаясь к проблеме преступлений против личности, например к убийству, ранее принято было считать, что объектом убийства является жизнь не как таковая, а именно в смысле совокупности общественных отношений [22, с. 140]. По их мнению, подобное понимание жизни принижает абсолютную ценность человека как биологического явления, превращает человека в носителя общественных отношений, подменяет жизнь человека отношениями, обеспечивающими его существование.

Социальные ценности, декларируемые Конституцией Российской Федерации, как справедливо отмечает Е. Н. Карабанова, это аксиологическая концепция объекта преступления, закрепляющая обязанность государства охранять эти ценности согласно сложившимся в правоприменительной практике тенденциям [23].

С юридической точки зрения объект преступления как аксиологическое понятие – это поставленное под уголовно-правовую охрану благо, терпящее вред при посягательстве [24].

Согласно теории объекта преступного деяния как правового блага объектами преступного посягательства становятся жизнь, здоровье, собственность и другие ценности (блага), на которые посягает преступление и которые поэтому охраняются уголовным законом [25–28]. Подтверждение этому мы находим у В. Я. Тация, который указывает, что объектом преступления является «общественно определенная ценность (благо), которой причиняется вред от конкретного преступного деяния», «то благо, которому преступлением наносится реальный ущерб или создается угроза причинения такого вреда» [29, с. 101].

В доктрине уголовного права нашла отражение идея о том, что категория «общий объект преступления» объединяет одновременно и самого человека, который подвергается причинению вреда в результате преступного посягательства, и правовые блага (жизнь, здоровье, собственность и т. д.) [30–32].

Таким образом, на наш взгляд, при определении содержания общего объекта преступления следует опираться на положения ч. 1 ст. 2 УК РФ, устанавливающей, что задачами УК РФ являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений, что возможно оценить как важнейшие правовые ценности.

В зарубежной науке уголовного права аксиологические подходы при исследовании общего объекта преступления также довольно распространены. Так, Р. Дворкин анализирует роль ценностей, справедливости и общественной морали в определении объекта преступления и формировании уголовного правосудия [33]. Он подчеркивает значимость учета баланса индивидуальных прав и ценностей в определении общего объекта преступлений, аргументирует, что преступления должны рассматриваться в контексте их воздействия на права и интересы людей, а также на ценности всего общества и государства. К составным частям общего объекта преступления исследователь относит такие ценности, как жизнь, свобода, безопасность, справедливость и достоинство.

Одним из британских юристов, исследовавших общий объект преступления, является Х. Л. Харт. Ключевой в его работах является идея о том, что общий объект преступления связан с нарушением общественных норм и ценностей и его определение должно основываться на объективных стандартах, которые признаются обществом [34].

Среди итальянских правоведов весьма распространен тезис о взаимосвязи общего объекта преступления с системой конституционных ценностей. В частности, Э. Контьери полагает, что при анализе содержания общего объекта преступления следует учитывать «социокультурный контекст и нравственные ценности общества» [35, с. 203].

В румынской уголовно-правовой доктрине исследователи обращают внимание на необходимость перехода от понимания общего объекта преступления как системы общественных отношений к доминирующим в обществе и закрепленным в праве ценностям [36].

В уголовной доктрине Китайской Народной Республики длительное время обсуждается «теория действия», в соответствии с которой общественно опасное деяние в уголовном праве означает не только фактическое, но и оценочное суждение [37]. Так, некоторые китайские исследователи уголовного права полагают, что фактическая основа общественно опасного деяния включает психологические, биологические, социальные и личностные факторы, которые являются его естественными характеристиками [38].

Как видим, аксиологический подход к пониманию общего объекта преступления становится все более распространенным в зарубежной науке уголовного права. В рамках аксиологического подхода общий объект преступления рассматривается как нечто более абстрактное и широкое, чем просто физический объект или личность, подвергшиеся преступному посягательству.

Выводы

Сегодня вопросы о конституционных ценностях для науки уголовного права становятся особенно важными, поскольку они служат ориентиром для разработки аксиологического подхода к пониманию общего объекта преступления как ценности.

Общий объект преступления как ценность представляет собой ключевой аспект уголовного права. Он включает такие ценности, как жизнь, свобода, собственность и безопасность, а также интересы общества и государства. Подразумевает нанесение ущерба этим ценностям в результате преступного деяния.

Ценности как общий объект преступления служат основой для развития уголовного законодательства. Важной чертой ценностей как общего объекта преступления является их универсальность. Такие ценности, как человек, его права и свободы, признаются всеми обществами в мире и формируют основу международных правовых норм.

Конечно, вопросы, связанные с формированием охраняемой системы ценностей подвержены изменениям с течением времени и эволюции общества. Поэтому уголовное право должно постоянно адаптироваться к новым вызовам и изменениям в общественных ценностях, чтобы обеспечить эффективное пресечение преступлений. Ценности как общий объект преступления олицетворяют основу уголовной системы, защищая права и интересы граждан, обеспечивая справедливость и поддерживая нравственные и культурные стандарты общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. 320 с.
2. Чиркин В. Е. О базовых ценностях российской конституции // Государство и право. 2013. № 12. С. 18–25.
3. Чиркин В. Е. Единство государственной власти и разделение ее ветвей в ценностном измерении // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы междунар. науч.-теоретич. конф. (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 159–169.
4. Правосудие в современном мире : моногр. / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2019. 784 с.
5. Хабриева Т. Я. Парадигмы конституционной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5. С. 820–830.
6. Нудненко Л. А. Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации (международная научно-теоретическая конференция) // Государство и право. 2009. № 10. С. 103–105.
7. Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 2–5.
8. Каштанова Е. А. К вопросу о конституционных ценностях как аксиологической и юридической категории // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 148–152.
9. Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 7–14.
10. Клочко Е. И. Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2015. № 2. С. 115–124.
11. Кондрашов А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 21–29.
12. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2 (22). С. 73–91.
13. Алексеев А. П. Ценности в российском конституционном праве // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 30–35.

14. Карасева И. А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 9–13.
15. Маврин С. П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3 (27). С. 1–13.
16. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2009. С. 270–274.
17. Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Вестник Волгоградского государственного университета. Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 71–74.
18. Тиковенко А. Г. Конституционные ценности: теория и практика их защиты Конституционным Судом Республики Беларусь // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. (14 марта 2013 г.). Минск, 2013. С. 13–18.
19. Аничкин Е. С., Рудт Ю. А. Соотношение универсальных и национальных конституционных ценностей в странах Европейского союза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 2 (29). С. 86–88.
20. Борков В. Н. Уголовная политика и функции государства // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 23–30.
21. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А. И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 625 с.
22. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. 1185 с.
23. Карабанова Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 69–77.
24. Мадина М. Д. Цифровой объект преступления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 253–260.
25. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. СПб., 1908. 385 с.
26. Познышев С. В. Учебник уголовного права: очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Общая часть. М., 1923. 283 с.
27. Наумов А. В. Объект преступления // Российское уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. А. В. Наумова. М., 1994. 460 с.
28. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. 560 с.
29. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. 198 с.
30. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1875. Т. 1. Общая часть. 438 с.
31. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 419 с.
32. Загородников Н. И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права : межвуз. сб. науч. тр. М., 1994. С. 5–22.
33. Dworkin R. Justice for Hedgehogs. Harvard, 2011. 528 p.
34. Hart H. L. The Concept of Law. Oxford, 2012. 315 p.
35. Contieri E. Dialettica del bene giuridico: per il recupero di una prospettiva costituzionalmente orientate. Pisa, 2019. 280 p.
36. Popa N. D. The Concept Of Material Object Of The Crime In The Romanian Criminal Doctrine // Juridical Current. 2010. Vol. 13, no 3. Pp. 118–130.
37. Shuhong Z. Die Bedeutung der deutschen Strafrechtsdogmatik für die Reform der chinesischen Strafrechtswissenschaft // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 2018. Vol. 130, Nr. 4. Pp. 1264–1280.
38. Xiong X. Death Penalty System Reform in China // The China Legal Development Yearbook. 2009. Vol. 3. Pp. 83–94.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow, 1995. 320 p.
2. Chirkin V.E. On basic values of the Constitution of the Russian Federation (to the 20th anniversary of the Russian Constitution). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no 12, pp. 18–25. (In Russ.).
3. Chirkin V.E. The unity of state power and the separation of its branches in the value dimension. In: *Konstitutsionnye tsennosti: soderzhanie i problemy realizatsii: materialy mezhdunar. nauch.-teoretich. konf. (4–6 dekabrya 2008 g.): v 2 t.* T. 1 [Constitutional values: content and problems of implementation: materials of the International scientific and theoretical conference (December 4–6, 2008): in 2 volumes. Volume 1]. Moscow, 2010. Pp. 159–169. (In Russ.).
4. Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya., Avtonomov A.S. *Pravosudie v sovremennom mire: monogr.* [Justice in the modern world: monograph]. Ed. by Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. Moscow, 2019. 784 p.
5. Khabrieva T.Ya. Paradigms of constitutional reform. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2015, no. 5, pp.820–830. (In Russ.).
6. Nudnenko L.A. Constitutional values: the content and the problems of realization (international scientific-theoretical conference). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 10, pp.103–105. (In Russ.).
7. Taeva N.E. Norms of the Constitution of the Russian Federation as a form of expression of social values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 5, pp. 2–5. (In Russ.).
8. Kashtanova E.A. To a question on the constitutional values as axiology and a legal category. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1, pp. 148–152. (In Russ.).
9. Snezhko O. Legal nature of the constitutional values of modern Russia. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2005, no. 2 (51), pp. 7–14. (In Russ.).

10. Klochko E.I. Approaches to the definition of "constitutional values" in theory of constitutional law of foreign countries and Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2015, no. 2, pp. 115–124. (In Russ.).
11. Kondrashov A.A. The conflict of constitutional values in the theory and practice of constitutional justice in Russia. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2018, no. 4 (33), pp. 21–29. (In Russ.).
12. Avdeev D.A. Constitutional legal values: concept, types, and hierarchy. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2020, vol. 6, no. 2 (22), pp. 73–91. (In Russ.).
13. Alekseev A.P. Values in Russian constitutional law. *Vestnik Volgogradskoi Akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (32), pp. 30–35. (In Russ.).
14. Karaseva I.A. Abuse of law as one of reasons of phantom competition of constitutional values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2013, no. 7, pp. 9–13. (In Russ.).
15. Mavrin S.P. Constitutional values and their role in the Russian Legal System. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2012, no. 3, pp. 1–13. (In Russ.).
16. Vitruk N.V. The Constitution of the Russian Federation as a value and constitutional values. In: Zor'kin V.D. (Ed.). *Materialy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 15-letiyu Konstitutsii RF i 60-letiyu Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka, Sankt-Peterburg, 13–14 noyab. 2008 g*. [Proceedings of the research and practice conference dedicated to the 15th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 60th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights, Saint Petersburg, November 13–14, 2008]. Moscow, 2009. Pp. 270–274. (In Russ.).
17. Nesmeyanova S.E. Revisiting the hierarchy of constitutional values. *Vestnik VoLGU. Pravovaya paradigm = Science Journal of Volgograd State University. Legal Concept*, 2017, vol. 16, no 4, pp. 71–74. (In Russ.).
18. Tikovenko A.G. Constitutional values: theory and practice of their protection by the Constitutional Court of the Republic of Belarus. In: *Tsennostnaya paradigma Osnovnogo zakona Respubliki Belarus': mater. resp. nauch.-prakt. konf., 14 marta 2013 g.* [Value paradigm of the Basic Law of the Republic of Belarus: proceedings of the Republican science and practice conference, March 14, 2013]. Minsk. Pp. 13–18. (In Russ.).
19. Anichkin E.S., Rudt Yu.A. Correlation of universal and national constitutional values in the countries of the European Union. *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2013, no 2 (29), pp. 86–88. (In Russ.).
20. Borkov V.N. Criminal policy and state functions. *Zhurnal rossiiskogo prava= Journal of Russian Law*, 2023, no. 1, pp. 23–30. (In Russ.).
21. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. Ed. by Rarog A.I. Moscow, 2018. 625 p.
22. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: ucheb.* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook]. Ed. by Brilliantov A.V. Moscow, 2015. 1,185 p.
23. Karabanova E.N. The concept of the crime object in modern criminal law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no 6, pp. 69–77. (In Russ.).
24. Madina M.D. Digital crime object. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no 483, pp. 253–260. (In Russ.).
25. Sergievskii N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya. Posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General Part. Handbook for lectures]. Saint Petersburg, 1908. 385 p.
26. Poznyshev S.V. *Uchebnik ugolovnogo prava. Obshchaya chast'* [Textbook of criminal law. General part]. Moscow, 1923. 283 p.
27. Naumov A.V. Object of the crime. In: Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Russian criminal law. General part: textbook]. Moscow. 1994. 460 p. (In Russ.).
28. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsii* [Russian criminal law. General part. Course of lectures]. Moscow, 1996. Pp. 146–150. (In Russ.).
29. Tatsii V.Ya. *Ob"ekt i predmet prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave* [Object and subject of crime in Soviet criminal law]. Kharkov, 1988. 198 p.
30. Kistyakovskii A.F. *Elementarnyi uchebnik obshchego ugolovnogo prava. T. 1. Obshchaya chast'* [Elementary textbook of general criminal law. Volume 1. General part]. Kiev, 1875. 438 p.
31. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. T. I* [Russian criminal law. Lectures. Part two. Volume 1]. Moscow, 1994. 419 p.
32. Zagorodnikov N.I. The object of crime: from the ideologization of content to a natural concept. In: *Problemy ugolovnoi politiki i ugolovnogo prava: mezhvuz. sb. nauch tr.* [Problems of criminal policy and criminal law: International collection of scientific works]. Moscow, 1994. Pp. 5–22. (In Russ.).
33. Dworkin R. *Justice for hedgehogs*. Harvard, 2011. 528 p.
34. Hart H. L. The concept of law. Oxford, 2012. 315 p.
35. Contieri E. *Dialettica del bene giuridico: per il recupero di una prospettiva costituzionalmente orientate*. Pisa, 2019. 280 p.
36. Popa N.D. The concept of material object of the crime in the Romanian criminal doctrine. *Juridical Current*, 2010, vol. 13, no. 3, pp.118–130.
37. Shuhong Z. Die Bedeutung der deutschen Strafrechtsdogmatik für die Reform der chinesischen Strafrechtswissenschaft. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, 2018, vol. 130, no. 4, pp. 1,264–1,280.
38. Xiong X. Death penalty system reform in China. In: *The China Legal Development Yearbook. Volume 3*. 2009. Pp. 83–94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАРЯЕВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, zaryaew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3884-5266

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ СОЛОДОВЧЕНКО – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, solodovchenko.dmitriy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7003-739X

VYACHESLAV A. ZARYAEV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, zaryaew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3884-5266

DMITRII D. SOLODOVCHENKO – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, solodovchenko.dmitriy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7003-739X

Статья поступила 13.11.2023

Научная статья
УДК 159.9.072
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

Психодиагностика и критерии дифференцированного подхода в пенитенциарной психологии

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА СОБЧИК
Институт прикладной психологии, Москва, Россия, luniso@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4963-5915

Реферат

Введение: проблема выявления агрессивности и криминальных наклонностей остается актуальной в современной пенитенциарной науке. Многие практические психологи используют методы диагностики уже много лет, но теоретических работ в области психологии личности преступника пока мало. В статье автор делится своим опытом изучения личностных характеристик осужденных в процессе определения степени агрессивных проявлений и антисоциальной направленности. *Цель:* описание ряда психодиагностических методик, позволяющих выявить личностные особенности у различных групп осужденных, предложение психодиагностических критериев, позволяющих отличить контингент криминально настроенных осужденных от неагрессивных. *Результаты и обсуждение:* гуманизация пенитенциарной системы требует применения педагогических мер по отношению к надзирающему составу кадров ФСИН России. В помощь психологам на основании изученных референтных групп разработан комплекс компьютеризированных методик, позволяющих определить выраженность индивидуальной агрессивности и способность самоконтроля в служебных ситуациях. *Вывод:* автор на основе многолетнего опыта работы предлагает психодиагностические критерии, которые помогут психологам и педагогам осуществить дифференцированный подход к отбывающим наказание и применить его в целях повышения исправительной функции системы исполнения наказаний.

Ключевые слова: методы психологической диагностики; гуманизация; личность; патология; акцентуация; исправительная функция; педагог.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Собчик Л. Н. Психодиагностика и критерии дифференцированного подхода в пенитенциарной психологии // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 83–93. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010.

Original article

Psychodiagnostics and Differentiated Approach Criteria in Penitentiary Psychology

LYUDMILA N. SOBCHIK
Institute of Applied Psychology, Moscow, Russia, luniso@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4963-5915

© Собчик Л. Н., 2024

Abstract

Introduction: the problem of identifying aggressiveness and criminal inclinations remains relevant in modern penitentiary science. Many psychologists have been using psychological diagnostic methods for many years, however, the number of works in the field of criminal personality psychology is insufficient. The author presents her own experience of studying personal characteristics of convicts in the process of determining the degree of aggressive manifestations and antisocial orientation. *Purpose:* description of a number of psychodiagnostic techniques that allow identifying personality traits in various groups of offenders, determination of psychodiagnostic criteria to distinguish the contingent of criminally inclined offenders from non-aggressive and non-antisocial ones. *Results and discussion:* humanization of the penitentiary system requires application of pedagogical measures in relation to the supervisory staff of the Federal Penitentiary Service. Based on the studied reference groups, the author has developed a set of computerized techniques to determine the severity of individual aggressiveness and the ability of its self-control in office situations. *Conclusion:* relying on many-year experience, the author proposes psychodiagnostic criteria that will help psychologists and educators to implement a differentiated approach to those serving sentences, thus improving the correctional function of the penitentiary system.

Keywords: psychological diagnosis methods; humanization; personality; pathology; accentuation; correctional function; teacher.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 83–93. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010.

Введение

Сфера изучения личностных особенностей спецконтингента с преступным поведением, антисоциальными формами проявления агрессивности является важнейшим аспектом исследовательского направления пенитенциарной науки [1–4]. Внимание, которое вызвали более ранние публикации о криминальных наклонностях [5–7], побудило нас подробно изложить психологические критерии противоправной агрессивности. Эта тема представляется важной, поскольку число психологов, применяющих психодиагностику в своей научно-исследовательской и практической работе (психолого-психиатрическая экспертиза), значительно возросло [8].

Многолетнее изучение личностных свойств, мотивации, специфики сферы межличностных отношений, последствий выявленной социальной дезадаптации и искажения когнитивных конструктов, сотрудничество с Институтом предупреждения преступности (А. Р. Ратинов [9], С. Н. Ениколопов [10], психологическая лаборатория ГНЦССП им. В. П. Сербского) показали, что психодиагностика привносит важный дополнительный материал, заслуживающий серьезного внимания со стороны психологов, юристов, социологов, профайлеров-полиграфистов, психиатров и правозащитных органов государства.

В первую очередь необходимо понять, что дает психодиагностика, если рассматривать саму проблему преступления с точки зрения личности. Есть ли такое явление, как личность преступника? Может ли быть генетически унаследована пре-диспозиция к антисоциальному, разрушительному, агрессивному поведению, а если может, то как ее диагностировать? Все ли равны пред законом? Должны ли правозащитные органы и сотрудники ФСИН России развивать дифференцированный подход к режиму и условиям содержания лиц, подлежащих заключению в местах отбывания наказания?

Методы и цели исследования

Исследования на разных группах осужденных проводилось с помощью наиболее эффективных методов психологической диагностики и их компьютеризированных версий, разработанных и адаптированных автором статьи [11–15]. Это стандартизированный метод многофакторного исследования личности (СМИЛ) [16; 17], MMPI [18–20]), индивидуально-типологический опросник (ИТО) [21], цветовой тест МЦВ (модификация теста М. Люшера [22]), вербальный фрустрационный тест (ВФТ) [18; 23], метод портретных выборов (МПВ) [24] (модификация теста Л. Сонди), рисованный апперцептивный тест (РАТ) [25] (адаптированный), тест Роршаха [26]. Исследование проводилось в Институте предупреждения преступности и на материалах психолого-психиатрических экспертиз, которые проводились в 1980–2008 гг. в НМИЦПН (ГНЦССП) им. В. П. Сербского. Поскольку психологи в большинстве своем знакомы с этими методиками и применяют их в своей практической и научно-исследовательской работе, мы рассмотрим психодиагностические критерии, позволяющие отграничить контингент криминально настроенных преступников от неагрессивных, не имеющих антисоциальной направленности, преимущественно молодых осужденных, к которым могут быть успешно применены педагогические меры исправительного характера.

Результаты исследования показали, что в основе большинства преступлений лежит высокий уровень агрессивности. Как психологический феномен агрессия – это всего лишь высвобожденная активность, направленная на самоутверждение и достижение эгоцентрической цели. Спровоцирована она окружающими или спонтанна, контролируется ли она рассудком, или рассудок отступает и даже оправдывает агрессию? Она может вспыхивать в ответ на задетое кем-то самолюбие или на угрозу собственной жиз-

ни, но может подпитываться надуманными обидами и подозрениями, может лежать в основе корыстных поступков, когда, скажем, присвоение чужой собственности совершается путем жестокой расправы над жертвой.

Рассмотрим критерии разграничения и дифференцированного подхода к правонарушителям.

Как показывают данные психодиагностического исследования разных групп правонарушителей, особо опасной является агрессивность при психопатологии (шизофрения, алкоголизм, органическое поражение ЦНС, эпилепсия). У психически больных агрессия брутальна, то есть *не корригируема социальными и психотерапевтическими методами*, с трудом поддается смягчению лечебно-медицинскими средствами. В контексте дифференциально-диагностического исследования она четко выявляется данными психодиагностического тестирования: высокими пиками по 6-й (враждебность), 8-й (иррациональность) и 4-й (спонтанность) шкалам СМИЛ, по данным самой высокой 3-й шкалой (агрессивность) теста ИТО, избыточным фактором s+!!! (садизм, склонность к жестокости, насилию) по методу портретных выборов (тест Сонди), оппозиционными ответами S (садизм) по тесту Роршаха, преобладанием внешне-обвиняющей реакции по данным вербального фрустрационного теста, цветовым рядом теста МЦВ с 7-м эталоном на I позиции в сочетании с 3-м стоящим на одной из первых или на самой последней позиции (3 7 5 4 6 1 0 2 или 7 5 4 6 1 0 2 3).

Проявление повышенной агрессивности в судебно-экспертной практике часто наблюдается у психопатических личностей круга возбудимых, эксплозивных, импульсивных, а также у паранойяльных и эпилептоидных личностей. У психопатической личности признаки слабо интегрированного «Я» и эмоциональной незрелости проявляются низким контролем сознания над эмоциями. В первую очередь поведение диктуется сиюминутными желаниями, в иерархии ценностей преобладает ориентировка на реализацию эгоистических потребностей, тенденция к доминированию и самоутверждению зиждется на болезненно заостренном самолюбии. Эго-защитный тип реагирования – внешне-обвиняющий. Общим для психопатических паттернов является рисунок профиля СМИЛ с заметным преобладанием шкал «сильного» регистра – импульсивности, ригидности, пониженной критичности в связи с завышенной самооценкой (4-й, 6-й и 9-й шкал) при низких показателях 2-й (фактор, ограничивающий спонтанность), 7-й (тревожность как признак осторожности и страха перед наказанием) и 0-й (шкала ограничения общительности). В МЦВ на первых позициях выявляются наиболее яркие цветовые эталоны вперемежку с ахроматическим, чаще всего 7-м, цветом (реакция противопоставления своего «Я» социуму). По данным МПВ (Сонди) характерны реакции жестокости s+!, e–!, истерическое сужение сознания hy0, k0p+! или избыточное самоутверждение k+!p+!, черты гипертимного реагирования d+m–! при выраженности субъективного одиночества. По данным теста Роршах наблюдается высокий процент ответов с хорошей формой, но множество C (цветовых) ответов выявляет избыточную эмоциональность; мало цвето-формовых, то есть таких, где образ четкий, хотя и связан с цветом (признак упорядоченного мышления). Может встречаться хаотичная сукцессия (последовательность), много оппозиционных ответов S, больше ответов Dd, чем W, увеличение по сравнению с нормой образов животных и растений, M < C (экстра-тензивный, то есть правополушарный тип реагирования). По данным РАТ фиксируется идентификация с агрессивными персонажами сюжета (в частности, по 6-й картинке).

У возбудимых и импульсивных психопатических личностей преобладают характеристики неустойчивости – пики по 4-й и 9-й шкалам в профиле СМИЛ, не столь наглядны показатели агрессивности и оппозиционности по другим данным, жесткость и ригидность выражены слабее, чем у взрывных и эпилептоидных психопатических личностей, у которых в профиле СМИЛ доминируют пики по 6-й и 8-й шкалам (иррациональность агрессивных вспышек). Однако в спокойном состоянии, когда когнитивная сфера не захвачена эмоциями и эмоции не доминируют в состоянии, мышление психопатической личности находится в достаточно упорядоченном состоянии, агрессивность в поведении не доминирует.

Что касается противоправного поведения у лиц со склонностью к сексуальному насилию, то среди них наибольшую опасность представляют лица с патологией влечения. При этом наряду с жестокими, потерявшими всякие моральные установки насильниками и маньяками (с паранойяльной идеей, создающей криминальную установку), встречаются лица профессионально успешные с сохранным интеллектом, у которых алкогольное опьянение или наркотики провоцируют противоправное поведение.

Случаи скрытой тенденции к извращениям и насилию у лиц, не вызывавших в своем окружении каких-либо опасений, могут служить камнем преткновения для самых опытных следователей и представлять большие трудности по изоляции преступников, когда насилие и убийство совершаются под воздействием алкоголя или наркотиков. Например, обследуемый А-в, 45 лет, образование – высшее техническое, в прошлом – нераскрытое преступление (сексуальное насилие в извращенной форме с последующим убийством – удушением жертвы), в дальнейшем – брак с женщиной, которая знала о патологии влечения А-ва, но успешно контролировала его в течение многих лет. И все же спустя десять лет, в состоянии алкогольного опьянения, А-в вновь совершил аналогичное преступление. Экспериментально-психологическое обследование обнаружило сохранность мышления, высокий уровень обобщения, четкость восприятия, хорошую память, богатство ассоциаций без отрыва от реальности. Словом, никаких нарушений в сфере мыслительных функций обнаружено не было. Обследуемый критически оценивал содеянное, понимал степень своей ответственности, не находил никако-

го оправдания себе, кроме того, что «в тот момент не владел собой», то есть не мог обуздать непреодолимое влечение. Профиль СМИЛ с высокими (выше 90Т) пиками по 6-й и 8-й шкалам при «утопленной» 2-й и повышенных 1-й и 4-й свидетельствовал о том, что испытуемый переживает свое состояние как некую болезненную одержимость, противиться которой не в его силах. По данным теста Роршаха: имеем обилие сексуальных ассоциаций при достаточно высоком и сохранном интеллекте, сниженный самоконтроль при аффективной насыщенности переживаний и ситуативно обусловленном повышении уровня тревожности, что говорит о парциальном нарушении в сфере сексуального влечения. При этом злоупотребления алкоголем не отмечено, так же как не выявлено сколько-нибудь заметного снижения профессиональных навыков (А-в на работе характеризуется как успешный сотрудник конструкторской лаборатории одного из ведущих НИИ). В беседе с этим человеком психолог не увидит черт насильника и преступника. Он и сам вне воздействия алкоголя не видит в себе патологических наклонностей. Но прием алкоголя, который снимает блокировку императивного влечения к насилию, приводит к растормаживанию сексуального инстинкта и снимает блокаду нравственных запретов. Состояние одержимости делает человека неподвластным своей воле и нравственным установкам, что и приводит к преступлению.

Личности с патологически заостренным истероэпилептоидным радикалом отличаются профилем СМИЛ, в котором ведущими (выше 80Т) являются пики по 3-й (истероидные черты), 4-й (импульсивность), 6-й (соперничество и враждебность) и 8-й (ослабление инстинкта самосохранения и иррациональность) шкалам при низкой 2-й (сдерживание импульсивности) и 7-й (тревожность и осторожность), что характерно для психопатов, склонных к самовзвинчиванию. Склонность к соперничеству и ревнивым подозрениям легко перерастает в параноидную концепцию с выраженной агрессией. Ситуация, задевающая их самолюбие, занижающая самооценку, вызывает сужение сознания и ослабление самоконтроля над эмоциями, что формирует аффективную вспышку, чреватую антисоциальным поведением, агрессивными разрушительными акциями вплоть до убийства (чаще всего на почве соперничества или ревности).

Приведенные выше психодиагностические показатели, максимально выраженные в рамках психопатий, несколько слабее намечены у акцентуированной личности, в то время как при патологических расстройствах на эндогенной или органической почве с выраженной дезинтеграцией личности они избыточны. Между показателями, отражающими характерологические особенности лиц психической нормы, и психопатическими проявлениями существует целый ряд переходных личностных рисунков, но все же можно провести дифференциацию между уже патологическим паттерном девиантной личности и нормой, но с наметившимися чертами неуравновешенности с помощью количественных показателей психодиагностических тестов. Однако при этом необходимо также учитывать влияние окружающей среды и силу воздействия конкретной ситуации, дезорганизующей психику человека. Словом, это не злодеи по своим установкам, а рабы избыточных проявлений своего характера.

При хроническом алкоголизме хорошо выявляет портрет личности лаконичный тест Мини-СМИЛ (65 пунктов опросника). Профиль методики, близкий по параметрам тесту СМИЛ, показывает по шкалам достоверности выраженную ложь и не-откровенность, эго-защитную реакцию на обследование, механизм защиты сознания от нежелательной информации путем вытеснения (высокие шкалы лжи и коррекции, 1-й и 3-й при низкой 2-й), а также неконтролируемую импульсивность, асоциальную направленность (высокая 4-я шкала), легко возникающие вспышки гнева и агрессивности (6-я), завышенную самооценку и отсутствие критики в отношении своих высказываний и поступков, анозогнозию (отрицание алкоголизма как заболевания).

Если говорить о личностной предиспозиции к противоправному поведению вне грубой патологии, то в первую очередь следует обратить внимание на изначально избыточную агрессивность как врожденное свойство. Если агрессивность является одной из ведущих тенденций в структуре личности, то она лежит в основе тех антисоциальных форм реагирования, которые могут привести к преступным действиям. Здесь необходимо подчеркнуть, что именно психодиагностика способна как прогнозировать такую предрасположенность, так и ретроспективно обнаружить склонность к такого рода действиям [27]. Своевременно выявленные базисные свойства личности позволяют понять, где можно ожидать «прорыва» неадекватных реакций, а также подсказать варианты возможного усиления контроля у данной конкретной личности с помощью продуманных мер воспитательного характера и психологической коррекции. В связи с этим необходимо применение нескольких психодиагностических тестов, направленных на исследование разных уровней самосознания индивида, а главное – использование глубинных, проективных тестов. Именно такой подход даст возможность получить достоверные данные и убедительно покажет, с каким типом личности мы имеем дело.

Психодиагностические критерии предиспозиции к криминальным тенденциям

Показатели психодиагностических методик являются информативными и прогностически значимыми, так как они не только проливают свет на особенности поведения человека в спокойном состоянии, но и позволяют судить о том, какая тенденция может оказаться симптомо-образующей в экстремальных ситуациях [28; 30]. Так, личности с повышенной тревожностью склонны преувеличивать опасность ситуации. Состояние страха в сложной ситуации может вылиться в блокировку активности, в ограничительное поведение или паническое бегство. В то же

время в межличностных отношениях тревожные личности, как правило, совестливы, законопослушны и, даже оказавшись в силу обстоятельств в криминальной среде, лишь вынужденно подчиняются общим правилам сосуществования; могут добросовестно выполнять роль хранителей общих ценностей, помогать в осуществлении разных мер предосторожности, но сами на смелые или жестокие поступки не способны. Индивидуально-личностный опросник ИТО позволяет выявить данный тип личности с помощью высоких баллов по 7-й шкале(тревожность), так же значимы показатели тревожности по СМИЛ, в формуле теста МПВ (Сонди) – h+, s–, k–, hy– (сензитивность), психастенические (тревожно-мнительные) черты, противоположные свойствам сильного «Я», то есть личности, противопоставляющей окружающему миру свои стремление к самореализации и наступательность. Если же свойства сильного типа реагирования выражены избыточно и не уравновешены осторожностью, предостерегающей от опрометчивых поступков, то активность такого человека с большей степенью вероятности может проявляться криминальными действиями. Значимые признаки агрессивности – экстрапунитивный тип реагирования по данным ВФТ, s+! (садистические наклонности) в формуле теста МПВ, высокая шкала агрессивности по ИТО, S-ответы в тесте Роршаха, 7-й цвет на любой из первых трех позиций в МЦВ, высокие пики по 6-й шкале (враждебность, паранойяльность) в профиле СМИЛ.

Сензитивность, выявляемая 6-й шкалой СМИЛ и ИТО, по 5-й шкале в мужском профиле СМИЛ, h+, hy–, s– в формуле МПВ, 5-м цветовым эталоном на первых позициях МЦВ, тесно связана с повышенной и тонко дифференцированной чувствительностью человека в отношении различных нюансов средового воздействия, с реакцией на эмоциональную теплоту или холодность психологического микроклимата. Это индивидуально-типологическое свойство формирует зависимый паттерн характера и включено в структуру слабого типа реагирования, для которого характерна выраженная зависимость от поведения более сильной личности или реакций толпы. Поэтому личность данного типа, будучи вовлеченной в криминальную деятельность, ведет себя по отношению к группе конформно, даже если общая активность группы антисоциальна.

Напротив, спонтанность – это свойство, проявляющееся высокой поисковой активностью, лидерскими чертами и импульсивностью. Неконтролируемая спонтанность в экстремальной ситуации может привести к необдуманным и рискованным действиям, а в сочетании с агрессивностью представляет собой наиболее выраженный тип неконформного поведения и почву для формирования антисоциальных действий. Наблюдаются высокие баллы по 2-й шкале (спонтанность) в результатах обследования ИТО, высокая 4-я шкала в профиле (импульсивность) СМИЛ, p+ в формуле МПВ (склонность к паранойяльной доминанте враждебности), C > M (эмоции доминируют над мыслительной активностью) в данных теста Роршаха.

Интроверсия представляет собой типологическое свойство, проявляющееся внешней пассивностью при высокой интрапсихической активности, и отражает стремление индивида к уходу в себя, мир своего «Я». У личности этого типа по данным психодиагностического исследования выявляются высокие баллы по шкале интроверсии ИТО, высокая 0-я шкала (чаще вместе с повышенной 8-й) в профиле СМИЛ, мало или отсутствуют цветоформовые ответы по данным теста Роршаха, по МПВ (Сонди) – реакции k+p–!, в цветовом выборе 0-й цвет на I позиции, часто в сочетании с 5-м или 7-м. Личности этого круга скорее асоциальны, чем антисоциальны (то есть без враждебного компонента). В состоянии социально-психологической дезадаптации их реакции характеризуются иррациональным, непредсказуемым поведением или аутичностью, что чаще всего наблюдается среди наркоманов и бомжей [29].

Экстраверсия – противоположное интроверсии свойство, связанное с высокой внешней реактивностью и низкой интрапсихической активностью. Без адекватного баланса, который придает умеренная интровертированность по ИТО, избыточная экстраверсия проявляется неразборчивой и поверхностной общительностью, отсутствием опоры на опыт и суетливым, неконструктивным поведением. Проступки личностей данного типа большей частью связаны с подражательной активностью, для которой примером может служить настоящий преступник, умело манипулирующий настроением и поведением преданных ему инфантильных личностей (как лидер среди подростков) [29].

Эмоциональная лабильность – индивидуально-типологическое свойство, в основе которого лежит нервно-психическая неустойчивость, проявляющаяся изменчивостью эмоционального настроя и активности в зависимости от установок референтной группы. Личности данного типа склонны драматизировать ситуацию и тем самым оказывать эмоциональное воздействие на окружающих. Их преступления чаще носят аморальный характер. Артистизм и умение перевоплощаться являются основой их криминальной активности. Психодиагностические признаки – пик по 3-й шкале СМИЛ, высокие баллы по шкале эмоциональной лабильности в ИТО, преобладание образов животных и игрушек в тесте Роршаха при C > M, 4-й цвет в сочетании с 5-м на первых позициях цветового выбора, hy+, m+! в формуле МПВ.

Ригидность представляет собой субъективный и самоутверждающийся тип реагирования. В противовес эмоциональной лабильности ригидность базируется на тугоподвижности нервных процессов вне стресса и взрывных реакциях в ситуации, вызывающей раздражение и гнев. Поведение ригидных личностей характеризуется отсутствием гибкости в сложных ситуациях, легко вспыхивающей враждебностью, трудностью переключения в быстро меняющихся условиях. К совершению наиболее жестоких

и корыстных преступлений чаще всего оказываются причастны именно личности с высокой ригидностью в сочетании с иррациональностью. Профиль СМИЛ у них отличается высокими пиками по 6-й шкале, чаще всего в сочетании с высокими 8-й и 4-й шкалами; наблюдаются высокие баллы по шкале ригидности (ИТО), e–! в сочетании с s+ в формуле МПВ, оппозиционность и стереотипия в ответах по тесту Роршаха.

Природно заложенные базовые свойства характера заостряются и становятся причиной затрудненной социально-психологической дезадаптации в подростковый период развития личности. Едва наметившиеся контуры цельной личности подвергаются двустороннему воздействию – изнутри и снаружи. Мощный всплеск выбрасываемых в кровоток гормонов, бурное развитие признаков половой принадлежности, пробудившийся сексуальный интерес при отсутствии привитой культуры любовных отношений приводят порой к уродливым формам поведения при контактах с противоположным полом.

Представители тормозимого типа замыкаются в себе, отгораживаются, ведут себя угловато, неуклюже, проявляют негативизм в присутствии особ другого пола, испытывают комплекс неполноценности. Гипертимные, возбудимые личности, напротив, ведут себя в этой ситуации то нарочито нагло и демонстративно, то агрессивно и запальчиво. Их сексуальная озабоченность принимает иногда уродливые формы. У них нет опыта правильного понимания смысла и ценности интерсексуальных контактов, а также их физиологических и социальных последствий. Таково же их отношение к курению и алкоголю: чем более запретным представляется им это занятие, тем сильнее их к нему тянет. Изменение очертаний фигуры и лица, ломка голоса, характерные для 13–15 лет, нарушают привычный образ «Я». Уже не ребенок, еще не взрослый, подросток мучительно ищет образ своего нового «Я» – и не скоро его находит. Избыток физической энергии, высокая поисковая активность с тенденцией к самореализации сталкиваются с проблемой освоения новой социальной роли, связанной со вступлением во взрослую жизнь, представление о которой зиждется на книжных сведениях, на «истинах», почерпнутых из кинофильмов и с телеэкранов, и на той модели социума, которую подросток видит в своем окружении, – семье, школе, дворе. Еще только вступая во взрослую жизнь, на ее пороге подросток испытывает на себе противоречивость существующей в его сознании «идеальной» модели мира и реальной действительности. Чем больше различаются они между собой, тем больше проявляется тот когнитивный диссонанс, который по-разному переживается различными по своим личностным особенностям подростками. У большинства этот стресс сопровождается горькими разочарованиями, ломкой самосознания, изменением или обновлением субъективного образа «Я» в связи с новым пониманием своего места в окружающем мире, протестными реакциями против авторитарного тона взрослых, тенденциями к низвержению идеалов старшего поколения.

В эпоху перемен и социальных пертурбаций, когда прежняя идеология и ценности рушатся, а новые идеалы еще не сформированы, модель социально желательной личности оказывается разрушенной и искаженной. У молодого, нарождающегося поколения особенно остро проявляются разочарованность, нигилизм, негативное отношение к окружающим взрослым, бунтарские тенденции с отрицанием любых авторитетов. Фиксируется высокий профиль по шкалам импульсивности, индивидуалистичности, ригидности, противоречивое сочетание надежды на успех и амбициозности с пессимистичностью в методике СМИЛ (шкалы, показатели которых выше верхней границы нормативного разброса, закодированный профиль, показывающий высокие пики по шклам, *49826'–/0), что говорит о неустойчивой самооценке, воинствующем индивидуализме и обостренном упрямстве; выбор цветов 7-го и 3-го на первых позициях; s+!! – (склонность к жестокости) и m–!! – (неадекватная самооценка) по МПВ (Сонди). Эти данные предупреждают о возможности непредсказуемых поступков. В такой момент героем в глазах подростка может стать антисоциальная личность, а ценности уличной группы сверстников могут обрести наибольшую значимость и увести его в сферу противоправных действий.

На фоне жестокой ломки привычных с детства стереотипов и столкновения с правдой реальной жизни могут возникнуть мысли о самоубийстве (закодированный профиль СМИЛ 2"4'—/9; выбор МЦВ 6 0 7 5 2 3 4 1 или 7 0 6 5 4 1 3 2; s–!!!, негативный выбор портретов вектора S (мазохизм, самоуничижение), hy–!! (истерические проявления), k–! (повышенная внушаемость), d–m±, m–! (признаки депрессии) в формуле МПВ (Сонди), могут появиться пагубные привычки и пристрастия, а также совершаться поступки, которые подпадают под дефиницию антисоциальных. Эти данные подтверждают мнение о том, что девиантное поведение подростков в своей основе – результат неправильного воздействия на них социального окружения. Дисгармоничные отношения в семье, недостаток внимания к проблемам формирующейся личности подростка, отсутствие тепла и понимания, репрессивный характер воспитательных мер, карательный подход в выборе педагогических методов воздействия нередко приводят к тому, что подросток и в семье, и в школе оказывается «плохим». Заниженная самооценка – состояние, невыносимое для нормального существования личности, его развития, что и вынуждает подростка идти туда, где он «хороший», где ему говорят: «Славный парень, здорово играет на гитаре!», «Молодец, пьешь и куришь – как мы!», «Здорово, что стянул у отца сотню, пойдем, выпьем пива!». Это льстит самолюбию подростка, и он идет в дворовую компанию, где его поощряют и многому научат.

Следует иметь в виду, что проступки подростков инициируются не столько стремлением нарушить правила жизни, сколько спонтанным, неконтролируемым самоутверждением без учета тех последствий, к которым такая самореализация ведет. Это обяза-

тельно должно приниматься во внимание и служить смягчающим обстоятельством при решении дальнейшей судьбы нарушившего закон подростка. Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что агрессивность как личностная особенность не является генетически предопределяющим фактором преступного криминально опасного поведения. К антисоциальным тенденциям в определенных условиях приводит неустойчивость эмоциональной сферы слабо интегрированной личности при повышенной спонтанности (импульсивности) в сочетании с агрессивностью; чаще всего при незрелой структуре личности, у которой не сформировался самоконтроль и осталась неразвитой эгоцентрично-примитивная иерархия ценностей, когда моральные устои окружения не оказывают должного влияния на личность, так как воспринимаются как лицемерие и ложь, а внутриличностная нравственность еще не сформирована.

Психодиагностические критерии криминальных наклонностей

Работа по изучению криминальных наклонностей проводилась совместно с лабораторией профессора А. Р. Ратинова [9] (Институт предупреждения преступности). Обобщенные (усредненные) данные психодиагностических исследований отдельных лиц, объединенных в репрезентативные группы по типу совершенных преступлений, позволили выделить типичные для каждой группы личностные паттерны. Условные обозначения обследованных групп были связаны с характером преступления: «хулиганы», «грабители», «разбойники», «убийцы» и «расхитители государственной собственности». Усредненный профиль группы «хулиганов» (4''9'–/270) почти полностью совпадал с профилем, типичным для подростков с гипертимной акцентуацией, что в общих чертах соответствует жизненным наблюдениям: именно подростки чаще всего хулиганят, а хулиганство как вид противоправного поведения характерно для индивидов с гипертимным типом реагирования при выраженной эмоциональной незрелости.

Средний профиль группы «грабителей» отличался от «хулиганского» меньшей импульсивностью, но большей корыстностью и враждебностью (профиль СМИЛ 64'98–/5, 6''4'98–/5). Усредненные профили «разбойников» проявляли сходство с группой как «грабителей», так и «убийц», по высоте занимая также промежуточное место (68''4'9–/75). Средние данные СМИЛ в группе «убийц» отличались еще более выраженной агрессивностью, иррациональностью, эмоциональной жесткостью (профиль *8''64'9–/75). В связи с крайне заостренным индивидуализмом, проявляющимся в основном чрезвычайно низкой психологической совместимостью с другими людьми, эмоциональной холодностью при легко загорающейся враждебности, перерастающей в разрушительную агрессию, они не тяготеют к объединению в группы.

Для всех групп правонарушителей, по данным СМИЛ, оказалась характерной завышенная позитивная самооценка (каждый из них к себе как к личности относился без всякого уничижения), а свои агрессивные действия по отношению к другим они полностью оправдывали тем, что окружающий мир жесток и несправедлив и что их действия носили характер самозащиты или мести за все те злоключения, которые выпали на их долю. Это психология «степного волка», так убедительно очерченная Г. Гессе в его одноименном романе. Проблемы этого типа людей уходят корнями в те социальные условия, которые на определенном этапе фрустрировали насущную для стеничных личностей потребность в положительной самооценке при отсутствии необходимых позитивных атрибутов, позволяющих им утвердиться в данном мнении. Не имея реальной возможности в социально приемлемом самоутверждении, они используют антисоциальный путь самореализации, разрушительный «путь Герострата». По типологии это личности гипертимного типа с эксплозивными чертами, высокой спонтанностью и свойствами экспансивно-шизоидной акцентуации (или с аналогичными психопатическими чертами, так как именно психопатические личности больше склонны к дезадаптации по антисоциальному типу, особенно при наличии патологии влечений; тогда агрессия несет на себе отпечаток избыточной или извращенной сексуальности). В основе формирования такого рода тенденций часто обнаруживались органически измененная почва (травмы головного мозга, ранняя алкоголизация – иногда еще в утробе матери, наркомания, инфекции, производственная интоксикация) и дефицит эмоционального тепла в раннем детстве.

Интересные результаты дало изучение той группы правонарушителей, которая обозначена как «расхитители государственной собственности». Если на имущество и жизнь людей покушаются слабо интегрированные, эмоционально незрелые психопатические личности, то государственное имущество растаскивают совершенно нормальные люди, усредненный профиль которых более спокойный, чем средние данные по России в целом. Он весь находится в коридоре сбалансированной нормы, и лишь незначительное повышение 6-й шкалы СМИЛ (в пределах 58–60Т) в профиле, лишенном признаков дезадаптации и стресса, говорит о том, что это не просто «нормальные» личности, это тот тип сверхадаптивного обывателя, который хорошо приспосабливается к любым условиям. При этом их лишенный богатого воображения и фантазии, однако весьма практичный ум помогает все хорошо просчитать и, используя накопленный опыт и знания, найти в законодательстве те «щели», которые позволят долгое время обходить законы и набивать собственные карманы, нисколько не опасаясь возмездия. Бесстрашие их до ареста и беззаботность после разоблачения обусловлены тем, что они все спланировали надолго вперед. Размеры награбленного позволяют рассчитывать на безбедное существование семьи «расхитителя» после его ареста, а ему самому – на вполне сносное отбывание срока с богатыми передачами, которых хватит на ближайшее окружение и (вполне возможно)

на досрочное освобождение. А после освобождения его ждут сбереженные членами семьи «накопления», что гарантирует успешную социальную реадаптацию. Самоуважение у личностей данного типа прямо пропорционально их представлению о собственном материальном благосостоянии, поэтому у них сохраняется позитивная самооценка. Сооциально-правовая база каждой эпохи невольно формирует определенный стиль противоправной деятельности. Если агрессивные преступления по своей социально-психологической сущности обнаружили сходство с теми же проблемами за рубежом, то противоправные действия, связанные с законами экономики страны, достойны этих законов и этой эпохи. В данную группу оказались включенными также те расторопные хозяйственники 1980–1989 гг. – уравновешенные, гармоничные личности с легким налетом авантюризма (ведущие в линейном профиле шкалы – 4-я, 9-я и 6-я), которые проявляли предприимчивость, вытаскивая свое производство из статуса убыточного, пытаясь подправить неразумное законодательство и самостоятельно выйти на межпроизводственные экономически выгодные контакты, минуя государственный контроль. Те из них, кому довелось дожить до наших дней, теперь, скорее всего, преуспевают в качестве предпринимателей.

Связь противоправного поведения с социальными условиями

Выявляя причины противоправного поведения, следует учитывать некоторые факторы, которые связаны с кругом общения (особенно это относится к подросткам), особенности семейных условий, экономическое положение, наличие судимости у отца или матери. В этих случаях психодиагностика отражает черты одиночества, безлюбного детства, комплекса неполноценности (фактора в минусе, повышенная 2-я и 7-я шкалы СМИЛ, высокие 6-я и 7-я шкалы в ИТО). Данные психодиагностического исследования в сравнительном анализе с эмпирическими наблюдениями со всей очевидностью показывают связь (или даже обусловленность) противоправного поведения с влиянием социального фактора как в виде ближайшего окружения, так и созвучно общим тенденциям в разные эпохи, что позволяет в ряде случаев рассматривать преступление не только по последствиям, но и с точки зрения психологических особенностей развития и становления личности в своем социальном окружении.

Заключение

Материалы научных исследований на достоверном уровне показывают, что преступники с явно выраженными криминальными наклонностями в условиях отбывания наказания находят среду обитания во многом соответствующей их потребностям (проявление высвобожденных примитивных влечений, отреагирование агрессивных эмоций, торжествующий беспредел и хамство в межличностных отношениях), в то время как другая группа осужденных, с преобладанием личностных черт не-агрессивной окраски, тревожностью, уступчивостью по природе, готовая к исправлению, привыкшая к другим нормам социальных отношений, оказывается порабощенной, униженной, забитой физически и морально.

Естественно, закон пишется, исходя из общих правил и положений. Существует формальная сторона этой ситуации, не имеющая в своем арсенале таких нюансированных подходов, которые бы учитывали психологические оттенки человеческих ситуаций и переживаний. Но, если общество находится на гуманной позиции, если во главе угла стоит задача оградить правопослушное население от преступности, значит ли это, что гуманизм кончается, кода речь идет о переходе людей из одной категории (правопослушных) в противоположную (правонарушители)? Сразу ли их следует записывать в злодеи и обрушивать на них всю силу карательных служб? А оно так и происходит. Укравший (с голоду) булку и просчитавшийся бухгалтер, понюхавшая впервые марихуану девушка и превысивший необходимую степень обороны хозяин дома, избивший грабителя попадают в исправительные учреждения с закоренелыми преступниками с искаженой моралью и представлением о нормах межличностного взаимодействия с позиции мести человечеству за судьбу, в которой они винят всех, кроме себя.

Научно доказанный гомеостаз – это обеспеченная природой синхронность взаимодействия всего организма, согласованная работа всех органов человека. Нарушение в одном из них приводит к нарушению деятельности всей содружественной деятельности органов и обмена веществ (метаболизма). В ряде случаев в основе противоправного поступка лежат стечение неблагоприятных условий, возрастные особенности (подростковые реакции незрелой личности), угроза жизни или общий фон эпохи, что создает криминогенные предпосылки поведению человека, нарушающего закон. Таких случаев немало, не говоря уже о преднамеренных провокациях со стороны злоумышленников и мошенников, что должно быть поводом к дифференцированному размещению правонарушителей в местах отбывания наказания.

Когда органы исполнения наказаний решают судьбу осужденных, следовало бы чаще принимать во внимание разницу между преступником, преднамеренно и жестоко осуществляющим криминальные действия, и личностью, не по собственной воле, не преднамеренно преступившей закон, по глупости, по чужой вине или в силу неудачного совпадения обстоятельств, когда поведение обусловлено искаженными или извращенными социальными отношениями. Ведь их совместное существование в колониях вместе с убийцами, грабителями и рецидивистами не принесет ни раскаяния, ни исправления, а только ожесточит, пробудит в них агрессию и сформирует криминальную направленность. То же можно сказать о юных преступниках, для которых первая судимость переживается как крушение всей жизни, перспектив карьеры, семьи и т. д. Но это редко учитывается, и

отношение к любому осужденному исходит из формулировки приговора, в котором далеко не всегда упоминаются особые обстоятельства. А это не справедливо и не гуманно. Особенно чревата негативными последствиями ситуация, когда надзирающий состав и некоторые руководители используют осужденных, потерявших человеческий облик, как своих помощников в укрощении общей массы заключенных. Тюрьма не должна быть кузницей криминализации общества. Преступники с разрушенной позитивной самооценкой, с утратой чувства собственного достоинства вряд ли найдут в себе силы восстановиться. Как сказал великий психолог и психотерапевт К. Роджерс, человек не может чувствовать себя полноценным членом социума, если он не обладает позитивной самооценкой. Педагоги готовы усилить влияние на заключенных в целях исправления их криминальной направленности. Но эти усилия принесут больше пользы, если их направить на *воспитание надзирающего состава.* Им нужно объяснить, что осужденные – это несчастные люди, обреченные на длительную изоляцию и ограничения, которым нужна моральная поддержка и человеческое обращение, чтобы раскаяться в содеянном и сохранить свое «Я» во имя будущего.

В заключение отметим, что человечество заинтересовано в избавлении от криминала путем улучшения службы исполнения наказаний. Результаты усилий отдельных стран (преимущественно по улучшению санитарно-гигиенических условий) в какой-то мере позитивно сказываются на общем микроклимате тюремного сообщества. Но этого мало. Если пенитернциарные службы по-прежнему будут сосредоточены на карательных мерах, то это не даст снижения уровня криминальности в обществе (возможно даже наоборот). По нашему мнению, дифференцированный подход к лицам, преступившим закон, с учетом их индивидуально-личностных особенностей, степени криминальной опасности проступка и вреда, нанесенного социальному окружению, должен лежать в основе определения срока и условий отбывания наказания. В этом видим миссию психолога уголовно-исполнительной системы и готовы вместе с сотрудниками Института прикладной психологи повышать уровень профессиональной подготовки практических психологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М., Бовин Б. Г., Чернышкова М. П. Работа с осужденными за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на основе их социально-демографических, уголовно-правовых и индивидуально-психологических характеристик : метод. рекомендации. М., 2016. 71 с.
2. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психологические особенности коррупционных преступников // Психология и право. 2018. Т. 8, № 2. С. 15–34.
3. Собчик Л. Н., Спасенников Б. А., Кулакова С. В. Криминологические аспекты агрессивности // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 209–225.
4. Мятяш М., Сопов В. Моральна шкода. Киев, 2018. 79 с.
5. Собчик Л. Н., Ефремова Г. Х. Личность и криминальные наклонности // Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. М., 1979. С. 57–62.
6. Собчик Л. Н., Славинская Ю. В. Психодиагностические критерии оценки криминальных наклонностей // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 6–23.
7. Собчик Л. Н. Психодиагностика криминальных наклонностей // Коченовские чтения «Психология и право в современной России» : сб. тезисов участников всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием. М., 2016. 339 с.
8. Собчик Л. Н. Концептуальный подход в психодиагностике личности // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса : сб. материалов III Всерос. конф. по психодиагностике : в 2 т. Челябинск, 2015. Т. 1. С. 283–286.
9. Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования : моногр. Красноярск, 1988. 256 с.
10. Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
11. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2018. 489 с.
12. Собчик Л. Н. Диагностика психологической совместимости. СПб., 2002. 75 с.
13. Собчик Л. Н. Психодиагностика в профориентации и кадровом отборе. СПб., 2003. 66 с.
14. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики : практ. руководство. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. 599 с.
15. Собчик Л. Н. Управление персоналом и психодиагностика : практ. руководство. М., 2008. 184 с.
16. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ – адаптированный тест MMPI. Методы психологической диагностики : метод. пособие. М., 1990. 74 с.
17. Собчик Л. Н. Стандартизированное многофакторное исследование личности СМИЛ (MMPI) : моногр. СПб., 2022. 191 с.
18. Dahlstrom W. G., Welsh G. S. An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research. Minneapolis, 1960. 559 p.
19. Собчик Л. Н. Многофакторный личностный тест MMPI // Физиологические корреляты психической деятельности : материалы науч. конф. Курск, Вып. 1. 1971. С. 115–118.
20. Собчик Л. Н. Пособие по применению психологической методики MMPI : метод. пособие. М., 1971. 61 с.
21. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник : практ. руководство. М., 2010. 59 с.
22. Собчик Л. Н. Метод цветовых выборов : практ. руководство. М., 2009. 100 с.
23. Собчик Л. Н. Практическое руководство по психодиагностике. Вербальный фрустрационный тест. СПб., 2002. 20 с.

24. Собчик Л. Н. Метод портретных выборов, модифицированный тест восьми влечений Л. Сонди. М., 2006. 118 с.
25. Собчик Л. Н. Рисованный апперцептивный тест. СПб., 2002. 16 с.
26. Белый Б. Т. Тест Роршаха. Практика и теория. СПб., 1992. 200 с.
27. Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений. М., 2010. 52 с.
28. Собчик Л. Н. Искусство психологической диагностики // Психологическая диагностика. 2014. № 2. С. 76–95.
29. Клинико-психологические особенности легких форм реактивных состояний / Л. Н. Собчик, Б. В. Шостакович, Я. Е. Свириновский, З. С. Гусакова, Н. К. Харитонова // Невропатология и психиатрия. 1985. № 4. С. 579–583.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Bovin B.G., Chernyshkova M.P. *Rabota s osuzhdennymi za ubiistva i umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu na osnove ikh sotsial'no-demograficheskikh, ugolovno-pravovykh i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik: metod. rekomendatsii* [Work with convicts convicted of murder and intentional infliction of serious harm to health on the basis of their socio-demographic, criminal law and individual psychological characteristics: methodological recommendations]. Moscow, 2016. 71 p.
2. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psychological features of corruption criminalsю *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 15–34. (In Russ.).
3. Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V. Criminological Aspects of Aggression. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 209–225. (In Russ.).
4. Myatyash M., Sopov V. *Moral'na shkoda* [Moral wild child]. Kiev, 2018. 79 p.
5. Sobchik L.N., Efremova G.Kh. Personality and criminal tendencies. In: *Lichnost' prestupnika kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya: sb. nauch. tr.* [Criminal personality as an object of psychological research: collection of scientific]. Moscow, 1979. Pp. 57–62. (In Russ.).
6. Sobchik L.N. Slavinskaya Yu.V. Psychodiagnostic criteria for assessing criminal tendencies. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).
7. Sobchik L.N. Psychodiagnostics of criminal tendencies. In: *Kochenovskie chteniya: vseros. konf. po yurid. psikhologii s mezhdunar. uchastiem* [Kochenov readings: All-Russian conference on legal psychology with international participation]. Moscow, 2016. 339 p. (In Russ.).
8. Sobchik L.N. Conceptual approach in personality psychodiagnostics. In: *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: sb. materialov III Vserossiiskoi konferentsii po psikhodiagnostike. Ch. 3* [Modern psychodiagnostics of Russia. Crisis resolution: proceedings of the 3d All-Russian conference on psychodiagnostics. Part 3]. Chelyabinsk, 2015. Pp. 283–286. (In Russ.).
9. Efremova G.Kh., Ratinov A.R. *Pravovaya psikhologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya: monogr.* [Legal psychology and criminal behavior. Theory and methodology of research: monograph]. Krasnoyarsk, 1988. 256 p.
10. Enikolopov S.N. Aggression concept in modern psychology. *Prikladnaya psikhologiya = Applied Psychology*, 2001, no. 1, pp. 60–72. (In Russ.).
11. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics]. Saint Petersburg, 2018. 489 p.
12. Sobchik L.N. *Diagnostika psikhologicheskoi sovmestimosti* [Diagnosis of psychological compatibility]. Saint Petersburg, 2002. 75 p.
13. Sobchik L.N. *Psikhodiagnostika v proforientatsii i kadrovom otbore* [Psychodiagnostics in career guidance and personnel selection]. Saint Petersburg, 2003. 66 p.
14. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki: prakt. rukovodstvo* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics: practice guideline]. Saint Petersburg, 2018. 599 p.
15. Sobchik L.N. *Upravlenie personalom i psikhodiagnostika: prakt. rukovodstvo* [Personnel management and psychodiagnostics: practice guideline]. Moscow, 2008. 184 p.
16. Sobchik L.N. *Standartizirovannyi mnogofaktornyi metod issledovaniya lichnosti SMIL – adaptirovannyi test MMRI. Metody psikhologicheskoi diagnostiki: metod. posobie* [Standardized multifactorial method of personality research SMPI – adapted MMRI test. Methods of psychological diagnosis: methodological guideline]. Moscow, 1990. 74 c.
17. Sobchik L.N. *Standartizirovannoe mnogofaktornoe issledovanie lichnosti SMIL (MMPI): monogr.* [Standardized multifactorial personality study of SMPI (MMPI): monograph]. Saint Petersburg, 2022. 191 p.
18. Dahlstrom W.G., Welsh G.S. *An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research*. Minneapolis, 1960. 559 p.
19. Sobchik L.N. Multifactorial personality test MMRI. In: *Fiziologicheskie korrelyaty psikhicheskoi deyatel'nosti: materialy nauch. konf. Vyp. 1* [Physiological correlates of mental activity: materials of scientific conference. Issue 1]. Kursk, 1971. Pp.115–118. (In Russ.).
20. Sobchik L.N. *Posobie po primeneniyu psikhologicheskoi metodiki MMRI: metod. posobie* [Handbook on the application of the psychological methodology MMRI: teaching aid]. Moscow, 1971. 61 p.
21. Sobchik L.N. *Individual'no-tipologicheskii oprosnik: prakt. ruk.* [Individual Typological Questionnaire: practice guideline]. Moscow, 2010. 34 p.
22. Sobchik L.N. *Metod tsvetovykh vyborov: prakt. rukovodstvo* [Color Selection Method: practice guideline]. Moscow, 2009. 100 p.
23. Sobchik L.N. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhodiagnostike. Verbal'nyi frustratsionnyi test* [Practical guide to psychodiagnostics. Verbal Frustration Test]. Saint Petersburg, 2002. 20 p.
24. Sobchik L.N. *Metod portretnykh vyborov, modifitsirovannyi test vos'mi vlechenii L. Sondi* [Portrait Choice Method, modified Test of Eight Drives by L. Szondi]. Moscow, 2006. 118 p.
25. Sobchik L.N. *Risovannyi appertseptivnyi test* [Drawn Apperceptive Test]. Saint Petersburg, 2002. 16 p.

26. Belyi B.T. *Test Rorshakha. Praktika i teoriya* [Rorschach test. Practice and theory]. Saint Petersburg, 1992. 200 p.
27. Sobchik L.N. *Diagnostika mezhlichnostnykh otnoshenii* [Diagnostics of interpersonal relations]. Moscow, 2010. 52 p.
28. Sobchik L.N. The art of psychological diagnostics. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2014, no. 2, pp. 76–95. (In Russ.).
29. Sobchik L.N., Shostakovich B.V., Svirinovskii Ya.E. et al. Clinical and psychological features of mild forms of reactive states. *Nevropatologiya i psikhiatriya = Neuropathology and Psychiatry*, 1985, no. 4, pp. 579–583. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА СОБЧИК – доктор психологических наук, профессор, академик Московской психотерапевтической академии, член-корреспондент Международной академии информатизации, почетный профессор Всероссийского сообщества психологов, социологов и психотерапевтов, генеральный директор Института прикладной психологии, Москва, Россия, luniso@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4963-5915

LYUDMILA N. SOBCHIK – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Academician of the Moscow Psychotherapeutic Academy, Corresponding Member of the International Academy of Informatization, Honorary Professor of the All-Russian Community of Psychologists, Sociologists and Psychotherapists, Director General of the Institute of Applied Psychology, Moscow, Russia, luniso@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4963-5915

Статья поступила 05.01.2024

Научная статья
УДК 159.9.075
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.011

Личностные особенности осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением

ДАРЬЯ АНАТОЛЬЕВНА КУЗНЕЦОВА
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, d_dobrova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9591

Реферат
Введение: статья посвящена анализу результатов исследования личностных особенностей осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением и разработке рекомендаций по работе с данной категорией лиц. *Цель:* на основе данных описать особенности осужденных с демонстративно-шантажным поведением и сформулировать основные направления коррекции. *Методы:* анализ научных источников, диагностический (опрос), методы математической обработки данных. *Результаты:* осужденные с демонстративно-шантажным поведением в сравнении с осужденными, не находящимися на профилактическом учете, обладают более выраженной отрицательной направленностью, склонны к обману, нарушению установленных правил, проявлению агрессии, направленной как на себя, так и на окружающую среду, манипулированию другими людьми. В связи со сниженной способностью к саморегуляции и самоконтролю осужденным с демонстративно-шантажным поведением свойственны импульсивные действия в стрессовых ситуациях, необдуманные поступки. *Вывод:* выявленные личностные особенности осужденных с демонстративно-шантажным поведением должны учитываться как при организации психологической работы, так и при взаимодействии с ними всех сотрудников учреждения.

Ключевые слова: демонстративно-шантажное поведение; осужденные мужчины; личностные особенности; демонстративный суицид.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Кузнецова Д. А. Личностные особенности осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 94–101. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.011.

Original article

Personal Characteristics of Convicted Men with Demonstrative Blackmail Behavior

DAR'YA A. KUZNETSOVA
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, d_dobrova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9591

Abstract
Introduction: the article analyzes results of the study of personal convicts with demonstrative blackmail behavior and proposes recommendations for working with this category. *Purpose*: based on the data, to describe characteristics of convicts with demonstrative blackmail behavior and formulate on their basis key directions of correction activities. *Methods*: analysis of literary sources, diagnostic (survey), methods of mathematical data processing. *Results*: convicts with demonstrative blackmail behavior, in comparison with convicts who are not on preventive registration, have a more pronounced negative orientation, are capable of deception, prone to violating established rules,

© Кузнецова Д. А., 2024

capable of aggression both against themselves and the environment, more prone to manipulating other people. Having a reduced ability to self-regulation and self-control, convicts with demonstrative blackmail behavior are prone to impulsive actions in stressful situations, thoughtless actions. *Conclusion*: the identified personal characteristics of convicts with demonstrative blackmail behavior should be taken into account both when organizing psychological work with them and when organizing interaction with all employees of the institution.

Keywords: demonstrative blackmail behavior; convicted men; personality traits; demonstrative suicide.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kuznetsova D.A. Personal characteristics of convicted men with demonstrative blackmail behavior. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 94–101. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.011.

В связи с распространением идей гуманизма усиливается контроль за деятельностью исправительных учреждений со стороны как прокуратуры, так и общественных организаций. Все больше внимания уделяется развитию психологической службы пенитенциарных учреждений. Подчеркивается роль воспитательной и социальной работы, которая направлена одновременно в том числе на профилактику провокационных действий со стороны осужденных. Препятствуя администрации, они используют демонстративно-шантажное поведение, последствиями которого становятся несчастные случаи, в целом нарушение работы исправительного учреждения.

Иногда подобные демонстративные попытки получают широкое освещение, негативно сказываются на имидже всей системы исполнения наказаний [1; 2]. При этом распространенность аутоагрессивных действия осужденных достаточно велика: в исследованиях А. М. Сысоева доля суицидентов составила до 19 % контингента [3], анализ официальной статистики по данным уголовно-исполнительной системы за 2013–2022 гг. показывает, что, несмотря на отдельные колебания, в среднем показатель уровня суицидов в расчете на тысячу подозреваемых, обвиняемых и осужденных имеет тенденцию к снижению, но остается равным примерно 0,56 [4]. Количество осужденных в исправительных учреждениях снижается, тем не менее в отдельные годы наблюдается рост суицидов (2020 г. – рост на 20,4 %) [5, с. 148], в последние два года их снижение (число совершенных суицидов в 2021 г. – 252, в 2022 г. – 257). Зарубежные авторы приводят еще более высокие показатели: 37 % осужденных с суицидальным поведением [6], 25 % осужденных с суицидальными попытками [7], коэффициент риска суицида молодых осужденных мужчин превышает подобный коэффициент мужчин этого возраста больных шизофренией [8], число самоубийств осужденных в десять раз превышает суицидальность в общей популяции [9]. Подобные данные позволяют выделять проблему аутоагрессивного поведения осужденных с крайним проявлением его в форме суицида как одну из актуальных проблем медицинской и психологической служб уголовно-исполнительной системы [10], находящейся в кризисном состоянии во всем мире [11].

Причинами аутогрессивного поведения могут быть разные процессы: развитие конфликта с другими осужденными и притеснения со стороны недоброжелателей (в том числе из-за неуплаты долга), реакция на факт ареста и помещения в следственный изолятор, страх по поводу длительного срока наказания, отсутствие жизненной перспективы. Его также могут вызвать действия сотрудников исправительных учреждений, такие как некорректное проведение обысков, неправомерное применение спецсредств, грубое обращение с осужденными сотрудников отдела режима [12–14].

В ряде исследований изучены личностные проявления осужденных, склонных к суициду: синдром гиперактивности и дефицита внимания, акцентауции личности импульсивного, демонстративного типа, высокий уровень агрессии и раздражительности [15], повышение риска суицидального поведения при сочетании психастении с шизоидностью [16], импульсивность, аффективность, демонстративность, временная дезорганизованность [17], зависимость от психоактивных веществ [18].

При этом среди осужденных наиболее распространенными аутоагрессивными действиями становятся варианты демонстративно-шантажного поведения [1; 19]. Ими могут являться аутоагрессивные действия (нанесение порезов, демонстративное употребление вредных веществ и т. д.) и бездействия (отказ от приема пищи, лекарственных препаратов, невыполнение приказов сотрудников и т. д.). Существует необходимость в рассмотрении указанных проблем для дальнейшего описания личностных особенностей осужденных, отличающихся демонстративно-шантажным поведением.

Демонстративно-шантажные аутоагрессивные действия – осознанные, преднамеренные поступки, направленные на получение каких-либо выгод от демонстрации намерений лишить себя жизни. Их характер суицидоподобный, а не собственно суицидный, потому как лишение себя жизни не является их основной целью. Демонстративно-шантажные суицидальные действия в случае недостаточного учета реальной опасности их совершения могут привести к смерти, что в данном случае может квалифицироваться как несчастный случай [20, с. 31].

В качестве цели таких попыток обычно выступает оказание психологического давления на окружающих, направленного на изменение конфликтных ситуаций для получения суицидентом нужных результатов (вызвать чувство жалости, сочувствия, избавиться от грозящих неприятностей и т. п.) [21, с. 24].

Целью может быть и наказание обидчика, чтобы обратить на него внимание и доставить ему серьезные неприятности. При проявлении демонстративно-шантажного поведения у осужденных присутствует понимание, что целью их действий не является лишение себя жизни, поэтому обычно они принимают все меры предосторожности. Большинство действий происходит в присутствии окружающих. Одним из показателей демонстративно-шантажного характера поведения является способ его реализации, где преобладающим становится нанесение множественных и поверхностных порезов [22, с. 23]. Кроме того, признаком таких попыток может быть преобладание одиночных и простых по механизму повреждений [23, с. 25]. При этом в исследовании А. В. Диденко и его соавторов показан преимущественно демонстративный характер суицидального поведения осужденных, не имеющих личностных патологий, в отличие от осужденных, имеющих аномальные личностные черты [24].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осужденные, совершающие попытки суицида, не всегда имеют цель лишить себя жизни. Чаще всего это происходит для привлечения внимания либо получения определенной выгоды. Это могут быть как спонтанные, так и обдуманные действия, в большинстве случаев не приводящие к летальному исходу. Но нередко бывает так, что осужденные не рассчитывают свои силы либо не учитывают всех деталей суицидальных действий, что приводит к трагедии. При помощи демонстративных действий лица, отбывающие наказания, пытаются поддерживать свои статус и значимость перед осужденными и администрацией исправительного учреждения. Манипуляции могут проявляться в психологическом давлении на окружающих, нанесении самопорезов, демонстративном отказе от приема пищи и необходимых лекарственных препаратов и т. п.

Для изучения личностных особенностей осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением на базе ИК-3 УФСИН России по Самарской области под нашим руководством Е. С. Новоселовой было организовано исследование, в котором приняли участие 60 мужчин, впервые отбывающих наказание в условиях строгого режима. Были сформированы экспериментальная (30 человек, состоящих на профилактическом учете как склонные к суициду и членовредительству) и контрольная (30 осужденных, не состоящих на профилактическом учете) группы. В первую группу вошли те осужденные, которые, по мнению работающих с ними специалистов, демонстрировали аутоагрессивное поведение, не имея цели лишить себя жизни. В исследовании использовались следующие методики: Опросник суицидального риска (ОСР) А. Г. Шмелева (модификация Т. Н. Разуваевой), «Комплексное исследование личности осужденного (КИЛО)» Е. А. Чебаловой. Для математической обработки данных (выявления статистически значимых различий между двумя группами испытуемых) применялся U-критерий Манна – Уитни.

С целью выявления особенностей аутоагрессивного поведения осужденных мужчин, в том числе и для подтверждения преобладания демонстративно-шантажного поведения, а не истинного суицида, в экспериментальной группе использовалась методика ОСР.

При сравнении двух групп осужденных можно сделать вывод о том, что осужденные в контрольной группе меньше подвержены желанию нанести вред своей жизни и здоровью, который может привести к смерти. Осужденные экспериментальной группы чаше используют действия суицидального характера, но при этом принимают меры предосторожности, продумывая все до мелочей.

Результаты значимости различий по критерию U-критерию Манна – Уитни представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение значений, полученных по опроснику суицидального риска (ОСР), в контрольной и экспериментальной группах

Шкалы	Средние значения		Значимость различий по U-критерию Манна – Уитни
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	
Демонстративность	4,5	4,7	–
Аффективность	4,9	4,3	≤ 0,01
Уникальность	4,5	4,2	–
Несостоятельность	4,5	4	p ≤ 0,01
Социальный пессимизм	5	4,6	–
Слом культурных барьеров	4,3	4,9	p ≤ 0,05
Максимализм	5,6	4,2	p ≤ 0,01
Временная перспектива	4,3	3,4	p ≤ 0,05
Антисуицидальный фактор	5	4,2	p ≤ 0,05
Суицидальный риск	4,3	4	–

Исходя из результатов, можно сделать вывод о том, что осужденные обеих групп имеют значительные различия по шкале «Аффективность» ($p \leq 0,01$), что позволяет говорить о том, что осужденные экспериментальной группы больше подвержены доминированию эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации, то есть способны реагировать на психотравмирующую ситуацию непосредственно эмоционально. Различия по шкале «Несостоятельность» ($p \leq 0,01$) свидетельствуют о том, что осужденные, состоящие на профилактическом учете как склонные к суициду, имеют отрицательную концепцию собственной личности чаще, чем осужденные контрольной группы, что может мешать их самоутверждению и самореализации социально приемлемыми способами.

По шкале «Слом культурных барьеров» ($p \leq 0,05$) выявленные различия позволяют говорить о том, что для осужденных суицид является привлекательным, они не исключают возможности самоубийства, что и обусловило их попадание на профилактический учет и, по-видимому, суицидальные тенденции сохраняются. Высокие показатели по шкале «Максимализм» ($p \leq 0,01$) у состоящих на профилактическом учете показывают значимость и гиперболизацию их ценностных установок больше, чем у осужденных контрольной группы. Гиперболизация может приводить к неадекватному оцениванию жизненных ситуаций, их излишней драматизации, которая демонстрируется окружающим в том числе через попытки суицида. Результаты по шкале «Временная перспектива» ($p \leq 0,05$) позволяют говорить о том, что осужденные контрольной группы способны конструктивно планировать свое будущее, имеют перспективы на дальнейшую жизнь после освобождения, что значительно слабее представлено у испытуемых экспериментальной группы. Также выявлены различия по шкале «Антисуицидальный фактор» ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о том, что осужденные контрольной группы имеют глубокое понимание ответственности за свою жизнь, чувство долга, что нельзя сказать о респондентах с попыткой суицида.

Для более глубокого анализа личностных особенностей осужденных экспериментальной и контрольной групп использовалась методика КИЛО (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение значений, полученных по опроснику «Комплексное исследование личности осужденного», в экспериментальной и контрольной группах

Шкалы	Средние значения		Значимость различий по U-критерию Манна – Уитни
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	
Тревожность	4	3,5	–
Отчуждение	4,8	3,6	$p \leq 0,01$
Ригидность	4,8	3,9	–
Импульсивность	5	4	$p \leq 0,01$
Уязвимость в межличностных контактах	4,7	3,4	$p \leq 0,01$
Сила эго	6,3	6,8	–
Склонность к преодолению норм и правил	5,2	4,2	$p \leq 0,01$
Склонность ко лжи	5,2	5	$p \leq 0,01$
Склонность к агрессии	4,9	4	$p \leq 0,05$
Аутоагрессия	5,2	3,5	$p \leq 0,01$
Гедонистические установки	4,4	2,8	$p \leq 0,01$
Склонность к риску	4,5	4	–
Макиавеллизм	5,4	4,3	$p \leq 0,01$
Принятие криминальной субкультуры	5,2	5	–

По шкале «Отчуждение» сильно выражены различия между осужденными экспериментальной и контрольной групп ($p \leq 0,01$). Высокие показатели отчуждения у респондентов, состоящих на профилактическом учете, свидетельствуют о том, что они недостаточно усвоили общественные нормы, с трудом принимают ответственность за свои поступки, чувство вины у них не развито. Такие характеристики могут провоцировать и само преступное поведение, и демонстративное поведение, ориентированное на получение выгод в настоящем без учета окружения, общества и своих будущих перспектив.

Различия по шкале «Импульсивность» ($p \leq 0,01$) позволяют говорить о том, что осужденные экспериментальной группы имеют более слабый волевой контроль эмоциональных реакций, то есть способны

к необдуманным действиям под влиянием момента. Они более возбудимы, имеют высокую склонность к риску.

Осужденные экспериментальной группы более чувствительны к критике со стороны других лиц, у них могут возникать проблемы с установлением эмоциональных отношений, которые они, возможно, решают с помощью демонстративно-шантажного поведения. Об этом свидетельствуют данные по шкале «Уязвимость в межличностных контактах» ($p \leq 0,01$).

По шкале «Склонность к преодолению норм и правил» выявлены различия при $p \leq 0,01$. Такие данные позволяют говорить о том, что осужденные экспериментальной группы, состоящие на профилактическом учете, имеют склонность к отрицанию общепринятых норм и ценностей и тенденцию к их нарушению, что проявляется в том числе в демонстративно-шантажных попытках суицида.

Рассматривая различия по шкале «Склонность ко лжи» ($p \leq 0,01$), можно констатировать, что осужденные экспериментальной группы более склонны к обману, манипулированию людьми, что может проявляться и в демонстративных суицидальных попытках с целью решения своих проблем.

По полученным результатам по шкале «Склонность к агрессии» ($p \leq 0,05$) можно сказать о том, что осужденные контрольной группы значительно меньше склонны к проявлению агрессии. Значения по шкале «Аутоагрессия» ($p \leq 0,01$) позволяют говорить о том, что респонденты, состоящие на профилактическом учете, склонны проявлять агрессию не только на среду, но и на себя. Данное поведение может рассматриваться как склонность к суициду, в том числе в варианте демонстративного проявления.

Различия между контрольной и экспериментальной группами по шкале «Гедонистические установки» ($p \leq 0,01$) позволяют говорить о готовности осужденных с демонстративно-шантажным поведением реализовать аддитивное поведение, что определяет предрасположенность к изменению своего психического состояния различными способами, ориентацию на получение удовольствие, в том числе с использованием разных способов для его достижения.

По результатам сравнения данных по шкале «Макевиаллизм» ($p \leq 0,01$) осужденные экспериментальной группы имеют большую предрасположенность к манипулированию людьми в межличностных отношениях, в том числе с использованием агрессивных способов манипуляции.

В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что у лиц с демонстративно-шантажным поведением в сравнении с осужденными контрольной группы более выражена отрицательная направленность, они способны к обману, склонны к нарушению установленных правил, к проявлению агрессии, направленной как на себя, так и на окружающую среду, манипулированию другими людьми.

Диагностируемая низкая способность к саморегуляции и самоконтролю осужденных с демонстративно-шантажным поведением приводит к тому, что они часто импульсивны, особенно в стрессовых ситуациях, могут осуществлять необдуманные действия.

Часто у осужденных с демонстративно-шантажным поведением сиюминутные желания становятся преобладающими, что может провоцировать поведение, связанное с риском для жизни, слабой оценкой возможных отрицательных последствий.

Еще одна тенденция изучаемой группы осужденных – личностная отгороженность, приводящая к отрицанию ими помощи, хотя именно суицидальное поведение становится своеобразным криком о помощи. Они умеют привлечь внимание к своим проблемам и негативным переживаниям только таким образом, при этом часто оправдывают самоубийство, позиционируя его как единственно возможный и позитивный выход из сложившейся ситуации.

Результаты исследования позволяют сформулировать основные предложения по профилактике демонстративно-шантажного поведения осужденных мужчин, которые могут заключаться в следующем:

1. Разносторонняя диагностика осужденных для выявления лиц, склонных к саморазрушающему поведению, в том числе отдельное выделение группы осужденных с демонстративно-шантажным поведением.

2. Индивидуальная работа с анализом кризисной ситуации, поиском целей, проработкой проблем за счет их переоценки и трансформации, общего подчеркивания нормальности негативных переживаний, связанных с нахождением в местах лишения свободы, и поиском возможностей их отреагирования.

3. Работа по поиску смысла жизни, актуализации экзистенциальных ценностей, планированию на короткие и длительные сроки с позитивной, но реальной оценкой перспектив. Акцент внимания на настроение и эмоциональное состояние осужденного, так как чаще всего осужденные с демонстративно-шантажным поведением имеют нечеткие перспективы на дальнейшую жизнь и пессимистическое отношение к будущему.

4. Так как осужденные с демонстративно-шантажным поведением имеют тенденцию к повышенной возбудимости, агрессии, то для таких лиц важно формирование навыков психоэмоциональной саморегуляции.

5. Проведение работы по формированию адекватной самооценки, повышению статуса осужденного путем привлечения к общественной жизни отряда и колонии с учетом его способностей и интересов.

6. Воспитание чувства ответственности за себя перед своей семьей и обществом.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют конкретизировать работу с осужденными мужчинами с демонстративно-шантажным поведением, которую следует начинать с диагностического этапа, позволяющего отделить эту группу от лиц с истинным суицидом. Работа с данными лицами преимущественно носит индивидуальный характер, так как в группе они могут продолжать использовать демонстративный тип поведения.

Процесс индивидуально-коррекционной работы должен включать анализ критической ситуации, в которой оказались осужденные, работу с их переживаниями, в том числе связанными с особенностями режима исправительного учреждения.

Выделенное в качестве рекомендации оказание помощи в формировании смысла жизни, планов на ближайшее будущее и обучение долгосрочному планированию осужденных с демонстративно-шантажным поведением связано с необходимостью коррекции их пессимистического отношения к будущему и построением перспектив на будущее, в том числе ориентированное на жизнь после выхода из исправительного учреждения.

Акцент на проблемах с саморегуляцией осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением определяет построение психологической работы в данном направлении, а также учет этих характеристик при ежедневных контактах с осужденными, разъяснение этих особенностей всем сотрудникам, которые непосредственно взаимодействуют с ними.

Таким образом, взаимодействие с осужденными мужчинами с демонстративно-шантажным поведением необходимо строить с учетом их личностных особенностей. Организовывать такую работу в первую очередь должны психологи, но учитывать эти особенности – все сотрудники, непосредственно контактирующие с осужденными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Землин Д. Н. Индивидуально-психологические особенности осужденных с высоким уровнем суицидального риска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 3. С. 52–54.
2. Землин Д. Н. Психология демонстративно-шантажного поведения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 3. С. 32–35.
3. Сысоев А. М. Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002. 24 с.
4. Ежова О. Н., Соколова Ю. А. Сущность аутоагрессивного поведения и особенности его проявления у осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1 (52). С. 107–113.
5. Пронина О. В. Профилактика совершения суицидов среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, как способ обеспечения личной безопасности осужденных // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 41, № 1. С. 147–153.
6. Caponetti T., Caponetti R., Fierro A. Autolesionismo e syndrome ansioso-depressiva in pazienti afferent alla Medicina Protetta dell`Ospedale Sandro Pertini di Roma // Clinical Therapeutics. 2010. Vol. 161, no. 2. Pp. 139–141.
7. Putnins A. L. Correlates and predictors of selfreported suicide attempts among incarcerated youths // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2005. Vol. 49, no. 2. Pp. 143–157.
8. Mortality in young offenders: retrospective cohort study / C. Coffey, F. Veit, R. Wolfe, E. Cini, G.C. Patton // The BMJ. 2003. No. 326. Pp. 1064–1067.
9. O`Driscol C., Samuels A., Zacka M. Suicide in New South Wales prisons, 1995-2005. Towards a better understanding // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 2007. Vol. 41, no. 6. Pp. 519–524.
10. Point prevalence of mental disorder in unconvicted male prisoners in England and Wales / D. Brooke, C. Taylor, J. Gunn, A. Maden // The BMJ. 1996. No. 313. Pp. 1524–1527.
11. Brown S., Day A. The role of loneliness in prison suicide prevention and management // Journal of Offender Rehabilitation. 2008. Vol. 47, no. 4. Pp. 433–449.
12. Казберов П. Н., Дикопольцев Д. Е. Выявление, предупреждение и психологическая коррекция деструктивно-агрессивных форм поведения осужденных в исправительных учреждениях : учеб. пособие. М., 2011. 54 с.
13. Кузнецов П. В. Суицидальные попытки следственно-арестованных мужчин: способы и средства // Тюменский медицинский журнал. 2013. № 3. С. 30–32.
14. Кузнецова Т. И. Методические рекомендации по работе с суицидальными намерениями сотрудников и осужденных. Самара, 2001. 162 с.
15. Масагутов Р. М., Пронина М. Ю., Николаев Ю. М. Распространенность и факторы риска суицидального поведения осужденных мужчин // Суицидология. 2012. № 2 (7). С. 43–49.
16. Сергеева М. А., Фурси Л. Ф., Кубекова А. С. Связь индивидуально-психологических особенностей осужденных со склонностью к аутоагрессивному поведению // Вестник университета. 2020. № 10. С. 187–192.
17. Ахметзянова А. И. Специфические особенности суицидального поведения лиц, находящихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказания строгого режима // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 8. С. 104–110.
18. Зотов П. Б. Суицидальное поведение заключенных под стражу и осужденных // Суицидология. 2017. № 2 (27). С. 60–69.
19. Соломенцев В. В., Станевич Е. В. К вопросу о самоповреждениях и суицидальном поведении осужденных // Царскосельские чтения. 2013. № XVII. С. 44–48.
20. Заломова В. М. Выявление и предупреждение суицидальных состояний в условиях пенитенциарных учреждений : метод. рекомендации. М., 2001. 58 с.
21. Моховиков А. Н. Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах : моногр. М., 2013. 569 с.
22. Пилягина Г. Я. К вопросу о клинико-патогенетической типологии аутоагрессивного поведения // Таврический журнал психиатрии. 2000. Т. 4, № 1. С. 22–24.

23. Умышленное причинение осужденными мужчинами, отбывающими наказание, вреда своему здоровью: особенности и объем оказанной медицинской помощи / [К. А. Григоров, А. В. Смирнова, У. В. Ветошкина и др.] // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2022. № 3. С. 21–26.
24. Особенности суицидального (аутоагрессивного) поведения у осужденных с расстройствами личности в период отбывания наказания в местах лишения свободы / [А. В. Диденко, О. М. Писарев, М. М. Аксенов и др.] // Суицидология. 2019. № 3 (36). С. 59–73.

REFERENCES

1. Zemlin D.N. Individual psychological characteristics of convicts with a high level of suicidal risk. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2008, no. 3, pp. 52–54. (In Russ.).
2. Zemlin D.N. Psychology of demonstrative blackmail behavior of convicts. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2009, no. 3, pp. 32–35. (In Russ.).
3. Sysoev A.M. *Psikhologiya autoagressivnogo povedeniya osuzhdennykh i ego preduprezhdenie: avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk* [Psychology of autoaggressive behavior of convicts and its prevention: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Ryazan, 2002. 44 p.
4. Ezhova O.N., Sokolova Yu.A. The essence of autoaggressive behavior and the peculiarities of its manifestation in convicts serving sentences in penitentiary institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2023, no. 1 (52), pp. 107–113. (In Russ.).
5. Pronina O.V. Prevention of committing suicide among persons serving sentences in correctional institutions as a way to ensure the personal safety of convicts. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 41, no. 1, pp 147–153. (In Russ.).
6. Caponetti T., Caponetti R., Fierro A. Autolesionismo e syndrome ansioso-depressiva in pazienti afferent alla Medicina Protetta dell`Ospedale Sandro Pertini di Roma. *Clinical Therapeutics*, 2010, vol. 161, no. 2, pp. 139–141.
7. Putnins A.L. Correlates and predictors of selfreported suicide attempts among incarcerated youths. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2005, vol. 49, no. 2, pp. 143–157.
8. Coffey C., Veit F., Wolfe R., et al. Mortality in young offenders: retrospective cohort study. *The BMJ*, 2003, no. 326, pp. 1,064–1,1067.
9. O`Driscol C., Samuels A., Zacka M., et al. Suicide in New South Wales prisons, 1995–2005. Towards a better understanding. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 2007, vol. 41, no. 6, pp. 519–524.
10. Brooke D., Taylor C., Gunn J. et al. Point prevalence of mental disorder in unconvicted male prisoners in England and Wales. *The BMJ*, 1996, no. 313, pp. 1,524–1,527.
11. Brown S., Day A. The role of loneliness in prison suicide prevention and management. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2008, vol. 47, no. 4, pp. 433–449.
12. Kazberov P.N., Dikopol'tsev D.E. *Vyyavlenie, preduprezhdenie i psikhologicheskaya korrektsiya destruktivno-agressivnykh form povedeniya osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: ucheb. posobie* [Identification, prevention and psychological correction of destructive aggressive forms behavior of convicts in correctional institutions: textbook]. Moscow, 2011. 54 p.
13. Kuznetsov P.V. Suicidal attempts of investigative arrested men: ways and means. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen Medical Journal*, 2013, no. 3, pp. 30–32. (In Russ.).
14. Kuznetsova T.I. *Metodicheskie rekomendatsii po rabote s suitsidal'nymi namereniyami sotrudnikov i osuzhdennykh* [Methodological recommendations for working with suicidal intentions of employees and convicts]. Samara, 2001. 162 p.
15. Masagutov R.M. Pronina M.Yu., Nikolaev Yu.M. Prevalence and risk factors of suicidal behavior in convicted men. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2012, no. 2 (7), pp. 43–49. (In Russ.).
16. Sergeeva M.A., Fursi L.F., Kubekova A.S. Relationship of individual psychological peculiarities of convicts with a tendency to auto-aggressive behavior. *Vestnik GUU = Bulletin of the University*, 2020, no. 10, pp. 187–192. (In Russ.).
17. Akhmetzyanova A.I. Specific features of suicidal behavior of people in high security institutions of the Federal Penitentiary Service. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2017, no. 8, pp. 104–110. (In Russ.).
18. Zotov P.B. Suicide behavior of detained in custody and convicted prisoners. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017, no. 2 (27), pp. 60–69. (In Russ.).
19. Solomentsev V.V., Stanevich E.V. On the issue of self-harm and suicidal behavior of convicts. *Tsarskosel'skie chteniya =Tsarskoye Selo readings*, 2013, no. 17, pp. 44–48. (In Russ.).
20. Zalomova V.M. *Vyyavlenie i preduprezhdenie suitsidal'nykh sostoyanii v usloviyakh penitentsiarnykh uchrezhdenii: metod. rekomendatsii* [Identification and prevention of suicidal states in conditions of penitentiary institutions: methodological recommendations]. Moscow, 2001. 58 p.
21. Mokhovikov A.N. *Suitsidologiya: Proshloe i nastoyashchee: Problema samoubiistva v trudakh filosofov, sotsiologov, psikhoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstakh: monogr.* [Suicidology: past and present: the problem of self-murder in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts: monograph]. Moscow, 2013. 569 p.
22. Pilyagina G.Ya. On the issue of the clinical and pathogenetic typology of auto-aggressive behavior. *Tavricheskii zhurnal psikhiatrii = Tauride Journal of Psychiatry*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 22–24. (In Russ.).

23. Grigorov K.A., Smirnova A.V., Vetoshkina U.V. et al. Intentional infliction of harm to their health by convicted men serving sentences: features and scope of the medical assistance provided. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of the National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko*, 2022, no. 3, pp. 21–26. (In Russ.).
24. Didenko A.V., Pisarev O.M., Aksenov M.M. et al. Characteristics of suicidal (auto-aggressive) behavior in convicts with personality disorders in the period of serving the sentences in places of imprisonment. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2019, no. 3 (36), pp. 59–73. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАРЬЯ АНАТОЛЬЕВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, d_dobrova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9591

DAR'YA A. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Psychology and Probation Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, d_dobrova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9591

Статья поступила 24.01.2024

Научная статья
УДК 378.1
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.012

Образ образовательной среды ведомственной организации и профессиональная идентичность будущего сотрудника

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, kovtunenkolv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5113-1735

АНТОН БОРИСОВИЧ КОВТУНЕНКО
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, kovtunenkoab123@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6594-1258

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме профессиональной средовой идентичности сотрудника (курсанта), обучающегося в ведомственном учебном заведении. Актуальность исследования обусловлена трудностями профессионального самоопределения будущего сотрудника. Профессиональная сформированность и зрелость ценностной ориентации и убеждений курсантов обеспечат им в будущем не только успешную психологическую адаптацию к службе, но и эффективность выполняемой профессиональной деятельности. *Цель:* провести анализ профессиональной идентичности сотрудника, выявить статус профессиональной средовой идентичности будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы в период обучения в ведомственном вузе. *Методы:* теоретические (анализ, сравнение, обобщение, систематизация психолого-педагогической литературы) и эмпирические (наблюдение, опрос, интерпретация результатов) методы исследования. *Результаты:* выявлено, что курсанты первого и четвертого курсов имеют существенные различия в статусе профессиональной идентичности. Если у первокурсников он предрешенный, сформированный под воздействием социальной среды и внешних обстоятельств, то у выпускников преимущественно достигнутый: они осмысленно определяют значимость своей профессиональной деятельности, имеют позитивную направленность на предстоящую службу. Уровень «мораторий» выявлен у 16 % выпускников. *Выводы:* профессиональная идентичность сотрудника имеет нестабильный, временный характер, реагирует на изменения, происходящие в профессиональной среде и личной жизни. В связи с этим возникает потребность в формировании профессиональной средовой идентичности у курсантов в период обучения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; сотрудник; ведомственная организация; курсант; образовательная среда; профессиональная средовая идентичность.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Ковтуненко А. Б. Образ образовательной среды ведомственной организации и профессиональная идентичность будущего сотрудника // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 102–107. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.012.

© Ковтуненко Л. В., Ковтуненко А. Б., 2024

Original article

Image of the Educational Environment of a Departmental Organization and Professional Identity of a Future Employee

LYUBOV' V. KOVTUNENKO
Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunen-kolv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5113-1735

ANTON B. KOVTUNENKO
Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunen-koab123@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6594-1258

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of professional identity of an employee (cadet) studying at a departmental educational institution. The study is relevant due to the difficulties of professional self-determination of a future employee. Professional formation and maturity of value orientations and beliefs of cadets will further ensure not only successful psychological adaptation to the service, but also the effectiveness of their professional activities. *Purpose:* to analyze professional identity of an employee, to identify the status of the professional environmental identity of a future employee of the penal system during the study at a university. *Methods:* theoretical (analysis, comparison, generalization, systematization of psychological and pedagogical literature) and empirical (observation, survey, interpretation of results) research methods. *Results:* it is revealed that first and fourth-year cadets have significant differences in the status of professional identity. If first-year students have a predetermined one, formed under the influence of social environment and external circumstances, then graduates have an achieved one: they meaningfully determine the importance of their professional activities, have a positive focus on the future service. The "moratorium" level is found in 16% of the graduates. *Conclusion:* professional identity of an employee has an unstable, temporary character, reacts to changes occurring in the professional environment and personal life. In this regard, there is a need for the formation of professional environmental identity among cadets during the training period.

Key words: penal system; employee; departmental organization; cadet; educational environment; professional environmental identity.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kovtunenko L.V., Kovtunenko A.B. Image of the educational environment of a departmental organization and professional identity of a future employee. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 102–107. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.012.

Одним из важнейших компонентов построения образа мира для человека служит представление о взаимоотношениях с событиями окружающей действительности. Проблема идентичности определяется не только в соответствии с традиционными представлениями о ее групповой идентичности в настоящем, но и в различиях групповой принадлежности в прошлом и представлениях в будущем.

Единство таких идентичностей определяет особенности процесса формирования возможных «Я» человека. Определенно можно предположить, что этот процесс во многом определяется мотивацией. Каждый индивид в оценке своей идентичности стремится к позитивным характеристикам как со своей стороны, так и со стороны окружающих. В случае неудачи индивид попытается в будущем избежать негативной оценки или выбрать другую среду, общество, микромир.

Ряд исследователей, занимающихся данной проблематикой, о чем информирует нас в своем исследовании «Психология социального познания» Г. М. Андреева, полагают, что «механизмы формирования возможных идентичностей очень плотно привязаны к социальному контексту, в большинстве случаев – к межгрупповому контексту» [1, с. 169].

Приведем некоторые примеры, основываясь на анализе зарубежных исследователей [2–7], рассматривающих данную проблему:

– «поскольку в индивидуалистических культурах больший акцент делается на "Я", а в коллективистических – на группу, для последних характерно допущение большего количества возможных "Я";

– в индивидуалистических культурах, где выше уровень социальной мобильности, "возможные идентичности" допускаются и с другими группами (например, в будущем);

– при фиксированном групповом членстве "возможная идентичность" – проекция "судьбы" существующей группы;

– члены группы убеждают других подтвердить "возможные идентичности", т. е. принять позитивное видение того, что может произойти с группой в будущем;

– "возможные идентичности" поддерживаются актуальной идентичностью. Если "возможная идентич-

ность" кажется "опасной", ее отводят (или уходят в другую группу)» [1, с. 178].

В настоящее время существует множество подобных гипотез, однако следует отметить, что проблема идентичности личности с привязанностью к социальному и межгрупповому контексту исследуется активно, границы исследования постоянно расширяются, изучаются механизмы формирования возможных идентичностей.

Рассмотрим определение понятия идентичность. В Толковом словаре С. И. Ожегова идентичный – «тождественный, полностью совпадающий» [8, с. 193].

В Большой психологической энциклопедии идентичность – Ваш Я-образ или Я-концепция. Кем вы себя считаете. Целостность вашего существа [9].

Содержательно наиболее полно определение данного понятия, с нашей точки зрения, представлено в энциклопедии истории философии: «идентичность (лат. identificare – отождествлять, позднелат. identifico – отождествляю) – соотнесенность чего-либо ("имеющего бытие") с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве "наблюдателем", рассказывающим о ней» [10].

В настоящее время отсутствует единое определение идентичности, которое удовлетворяло бы требованиям всех наук, хотя данное понятие изучается во многих отраслях науки: философии, психологии, социологии, педагогике и др. Это отражает не только его многоаспектность, но и сложность и многофакторность.

Дж. Мид рассматривает идентичность как совокупность существующих установок, ценностей, норм, которые заимствуются у других, а с течением времени становятся его собственными. Рефлексируя, личность начинает рассматривать себя как Я-социальное и примеряет на себя различные общественные роли [11].

Э. Эриксон определяет идентичность как «принимаемый индивидом образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным "Я" независимо от изменений "Я" и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [12, с. 12].

К. Г. Юнг вводит понятие персоны, считая самость бессознательным центром психики, вокруг которого формируются личностно-индивидуальные характеристики человека [13].

В настоящее время в формировании идентичности в науке выделяют статичный и динамичный пути. Если статичный путь рассматривает типы личности, то динамичный связан с постановкой акцента на этапы развития личности, на каждом из которых социальные установки и поведение индивида – это лишь один из этапов формирования его идентичности [14]. Кроме того, согласимся с позицией Ю. В. Ставропольского, что в современном мире появляется дополнительная возможность осознанно выбирать свою принадлежность к социальной, культурной и этнической группам [14].

Рассматривая образовательную среду ведомственной организации как некий социум, формирующий будущего сотрудника-профессионала, и учитывая специфические характеристики образа «образовательная среда ведомственной организации», выявим, как они влияют на профессиональную идентичность сотрудника. Для этого рассмотрим особенности образовательной среды ведомственной организации.

Проблема среды и ее влияния на развитие личности рассматривалась в исследованиях зарубежных (К. А. Гельвеций, Я. А. Коменский, Р. Оуэн и др.) и отечественных (П. Ф. Каптерев, Н. М. Борытко, Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин и др.) ученых.

Как фактор социализации личности феномен среды и ее влияние на развитие не потеряли своей актуальности и сегодня (А. В. Мудрик Л. И. Новикова, Н. Е. Щуркова и др.).

Анализ исследований среды в различных областях науки показывает, что «среда рассматривается исследователями в качестве одного из ведущих факторов развития личности. Под средой ведомственной образовательной организации мы понимаем "социально ориентированный микросоциум с определенными взаимосвязями и отношениями, обеспечивающий формирование у обучающихся профессиональных знаний, умений, компетенций, социально одобряемых ценностных ориентаций и профессионально значимых качеств, развивающийся во времени и пространстве, детерминирующий их субъектную активность и создающий возможности для самореализации"» [15, с. 154].

Среди особенностей образовательной среды ведомственного вуза выделены нормативно-правовая и организационно-управленческая регламентация жизни и деятельности; субординационные, дисциплинарные отношения в служебной деятельности (несение службы в нарядах, закрытость, режим секретности, неукоснительное выполнение требований уставов, знание традиций, ограниченность контактов с близкими и друзьями, высокие требования к физической подготовке и т. д.), которые оказывают существенное влияние на формирование профессиональных компетенций и значимых качеств сотрудника, готовность его к выполнению служебного долга; практико-ориентированное обучение и воспитание с учетом специфики будущей профессиональной деятельности, характеризующейся особыми условиями несения службы, и др.

Выявленные особенности профессиональной среды ведомственной организации как фактора, влияющего на идентичность сотрудника, амбивалентны. Феномен амбивалентности является антропологическим основанием бытия человека и выражается в сосуществовании исключающих друг друга логик. С одной стороны, попадая в отличную от прежнего образа жизни среду ведомственной организации, обучающийся ощущает дискомфорт, который он стремится преодолеть (особенно в период адаптации и на начальном этапе обучения), с другой – организация жизни согласно распорядку дня, погружение в историю правоохранительной

службы, изучение традиций, следование ритуалам и т. п. формируют существенно противоположные эмоции, мнения, возникает положительное отношение к новой среде.

Противоречия в жизни неизбежны, их невозможно уничтожить, их приходится постоянно разрешать, более того, они составляют динамическую основу жизни. Преодоление противоречия разрешает амбивалентность и рождает гармонию. Благодаря перманентно возникающим и разрешаемым противоречиям гармоничное рождается и живет в человеке.

Профессиональное и личностное развитие обучающегося определяется богатством окружающей среды ведомственной организации, его собственным внутренним миром, совокупность которых определяет восприятие окружающего мира, интериоризацию его норм личностью, идентификацию со средой. Амбивалентность образа профессиональной среды ведомственной организации и лично-социальной жизни курсанта требует педагогического внимания и профессионального мастерства преподавателей и сотрудников вуза. В каждом человеке неизбежно противостояние двух сторон человеческой природы: биологического и социального, образов Я и Другой. Научить курсантов разрешению противоречий, находящихся на противоположных полюсах личного и социально-профессионального, соблюдая меру и воспитывая в человеке «быть человеком» и «быть профессионалом, сохраняя в себе человека» – одна из ведущих идей формирования профессиональной средовой идентичности сотрудника.

Способом педагогического разрешения данного противоречия может быть сопряжение принципов культуро- и природосообразности.

Результатом разрешенного противоречия должно стать формирующееся в ходе практической деятельности осознание необходимости социально-ценностных и профессиональных норм, которые носят деонтологический характер. Обретая личностный смысл значимости будущей профессиональной деятельности, сотрудник, в свою очередь, приобретает способность управлять своим эмоционально-волевым состоянием. Развитие субъектности как способности независимо от других делать выбор в профессиональной ситуации, осуществляется на основе ценностных ориентаций, учета интересов Другого, их уважения, понимания, что лишь единение «всех» сохраняет жизнь индивидуальному Я. Преодолению данного противоречия способствуют сформированные морально-нравственные качества и этические правила общения, поэтому так важно воспитывать и прививать моральные и этические нормы взаимодействия в профессиональной среде.

Согласимся с Н. Л. Ивановой, Т. В. Румянцевой, что «наблюдается явный дефицит в описании психодиагностических методик, позволяющих выявить и проанализировать проявления идентичности» [16, с. 7].

Т. П. Емельянова в своей работе «Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества» описывает результаты анализа исследований «социальных представлений в рамках различных теоретических парадигм, предлагая в качестве инструмента методику измерения социальных представлений» [17].

Для выявления уровня сформированности и зрелости профессиональной идентичности курсантов ведомственных образовательных организаций мы взяли за основу «Опросник диагностики профессиональной идентичности студентов», разработанный А. А. Озериной [18].

Модификация опросника диагностики профессиональной идентичности курсантов позволила нам выявить «учебно-профессиональные планы (определенные/неопределенные; собственные/заимствованные); отношение к выбранной профессии (эмоциональное принятие/отвержение; рациональное принятие/отвержение), представление о будущей профессии (внутреннее/поверхностное; целостное/фрагментарное), сформированность образа профессионала (четкий/размытый; осознанный/стереотипный), профессиональную позицию (активная/пассивная; автономная/зависимая), профессиональную самооценку (адекватная/неадекватная; как результат собственной рефлексии/результат оценки других), профессиональную мотивацию (положительная/отрицательная; интринсивная/экстринсивная)» [18, с. 19].

Выявление сочетания субкатегорий соответствует одному из четырех статусов профессиональной идентичности курсантов: достигнутому (сформирована определенная совокупность личностно значимых целей, ценностей и убеждений, переживаемых их как личностно значимые, обеспечивающие чувство направленности и осмысленности предстоящей профессиональной деятельности), мораторию (отказ или отсрочка на неопределенный срок от выбора своего жизненного пути), диффузному (потеря интереса к своему внутреннему миру, нежелание меняться (ригидность Я-концепции), заниженной самооценке, компоненты идентичности отсутствуют), предрешенному (принимается готовое решение под воздействием социальной среды и внешних обстоятельств) [18].

В результате анализа проведенного исследования среди курсантов первого (25 чел.) и четвертого (23 чел.) курсов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний были получены следующие результаты.

На первом курсе учебно-профессиональные планы неопределенные (54,1 %); заимствованные, как правило, рекомендованные родителями или знакомыми семьи (34 %). Отношение к выбранной профессии основано на эмоциональном принятии будущей профессии, хотя четких представлений о будущей профессиональной деятельности, ее специфике не сформировано (67,1 %), что позволяет сделать вывод о поверхностном и фрагментарном представлении о будущей профессии, основанном на стереотипах, сформированных при просмотре фильмов об уголовно-исполнительной системе, рассказах сотрудников. Профессиональная позиция еще не сформирована, профессиональная мотивация у подавляющего большинства участников опроса положительная, экстринсивная (78,6 %).

На четвертом курсе выявлены существенные различия по сравнению с первокурсниками, что вполне закономерно, так как сформированы профессиональные компетенции, обучающиеся прошли учебную и производственную практики в учреждениях ФСИН России. Здесь учебно-профессиональные планы определенные, собственные (75,7 %), отношение к выбранной профессии основано на рациональном принятии (71,1 %), представление о будущей профессии целостное (63,5 %), профессиональная позиция активная, автономная (82,3 %), профессиональная самооценка у большинства еще основывается на результате собственной рефлексии (69 %), профессиональная мотивация положительная, интринсивная (54 %), хотя выявлена и отрицательная, экстринсивная (24 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что у курсантов первого курса статус профессиональной идентичности предрешенный, то есть принимаемый как готовое решение, принятое не ими лично, а под воздействием социальной среды и внешних обстоятельств (родители, друзья, жизненная ситуация), однако эмоциональное принятие будущей профессии более высокое, хотя четких представлений о будущей профессиональной деятельности нет, оно носит поверхностный и фрагментарный характер. У курсантов четвертого (выпускного) курса статус профессиональной средовой идентичности преимущественно достигнутый, присутствует осмысление значимости и специфики профессиональной деятельности, осознание собственных целей, ценностей и убеждений, соотнесение с профессионально значимыми, обеспечивающими позитивную направленность и осмысленность жизни факторами (56 %), а также статус профессиональной идентичности, соответствующий уровню «мораторий», при котором курсант на неопределенный срок отказывается осознанно делать выбор своего профессионального пути или берет отсрочку для окончательного решения, исполняя служебные обязанности в силу сложившихся жизненных обстоятельств, но не испытывая удовлетворенности от сделанного выбора (16,05 %).

Таким образом, конструирование границ идентичности в процессе идентификации происходит на границе с социальным окружением и принципиально не завершено. Профессиональная идентичность сотрудника во многом определяется сформированным образом будущей профессиональной среды в период обучения в ведомственной организации.

Противоречия в профессиональной среде должны быть представлены вниманию обучающихся, раскрыты для осмысления и указаны основные направления их разрешения в будущей профессиональной деятельности. На этапе обучения в ведомственном вузе важно сформировать у курсантов умения и навыки разрешения противоречий, чтобы они смогли самостоятельно принимать адекватные профессиональные решения, одновременно обретая профессиональную средовую идентичность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Г. М. Психология социального познания : учеб. пособие. М., 2004. 288 с.
2. Cinirella M. The Concept of Possible Social Identities // European Journal of Social Psychology. 1998. № 2. Pp. 227–248.
3. Dannon W. Social Cognition and Child Development. Washington, 1978. 352 p.
4. Doise W. Levels of Explanation in Social Psychology. Cambridge, 1986. 183 p.
5. Fiske S. Schema-triggered Affect: Application to Social Perception // Affect and Cognition. The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition : collection of reports / ed. Clark M., Friske S. N.Y., 1982. 357 p.
6. Fiske S., Taylor Sh. Social Cognition. N.Y., 1994. 632 p.
7. Flavell J. H., Ross Le. Social Cognitive Development. Cambridge, 1981. 322 p.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1981. 917 с.
9. Большая психологическая энциклопедия / А. Б. Альмуханова и др. URL: https://rus-big-psyho.slovaronline.com (дата обращения: 20.12.2023).
10. Энциклопедия по истории философии. URL: https://velikanov.ru/philosophy/identichnost'.asp (дата обращения: 20.12.2023).
11. Мид Д. Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко. М., 1994. 495 с.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
13. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 2010. 352 с.
14. Ставропольский Ю. В. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 112–118.
15. Ковтуненко Л. В. Концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии : дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2018. 430 с.
16. Иванова Н. Л., Румянцева Т. В. Социальная идентичность: теория и практика. М., 2009. 453 с.
17. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
18. Озерина А. А. Разработка опросника диагностики профессиональной идентичности студентов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2 (15). С. 15–22.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: ucheb. posobie* [Psychology of social cognition: study guide]. Moscow, 2004. 288 p.

2. Cinirella M. The concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*, 1998, no. 2, pp. 227–248.
3. Dannon W. *Social cognition and child development*. Washington, 1978. 352 p.
4. Doise W. *Levels of explanation in social psychology*. Cambridge, 1986. 183 p.
5. Fiske S. Schema-triggered affect: application to social perception. In: Clark M., Friske S. (Eds.). *Affect and cognition: the seventeenth annual Carnegie symposium on cognition: collection of reports*. New York, 1982. 357 p.
6. Fiske S., Taylor Sh. *Social cognition*. New York, 1994. 632 p.
7. Flavell J. H., Ross Le. *Social cognitive development*. Cambridge, 1981. 322 p.
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. by Shvedova N.Yu. Moscow, 1981. 917 p.
9. Al'mukhanova A.B. et al. *Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [Great psychological encyclopedia]. Available at: https://rus-big-psyho.slovaronline.com (accessed December 20, 2023).
10. *Entsiklopediya po istorii filosofii* [Encyclopedia of the history of philosophy]. Available at: https://velikanov.ru/philosophy/identichnost'.asp (accessed December 20, 2023).
11. Mead D. Internalized others and the self. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, 1994. 495 p. (In Russ.).
12. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, 1996. 344 p.
13. Jung C.G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, 2010. 352 p.
14. Stavropol'skii Yu.V. Models of ethnocultural identity in modern American psychology. *Voprosy psikhologii* = *Issues of Psychology*, 2003, no. 6, pp. 112–118. (In Russ.).
15. Kovtunenko L.V. *Kontseptsiya resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v pedagogicheskoi srede vospitatel'noi kolonii: dis. ... d-ra ped. nauk* [The concept of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2018. 430 p.
16. Ivanova N.L., Rumyantseva T.V. *Sotsial'naya identichnost': teoriya i praktika* [Social identity: theory and practice]. Moscow, 2009. 453 p.
17. Emel'yanova T.P. *Konstruirovanie sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Constructing social representations in the conditions of transformation of Russian society]. Moscow, 2006. 400 p.
18. Ozerina A.A. Development of a questionnaire for the diagnosis of professional identity of students. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki* = *Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2011, no. 2 (15), pp. 15–22. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, kovtunenkolv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5113-1735

АНТОН БОРИСОВИЧ КОВТУНЕНКО – аспирант кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, kovtunenkoab123@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6594-1258

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkolv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5113-1735

ANTON B. KOVTUNENKO – Postgraduate Student at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkoab123@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6594-1258

Статья поступила 01.02.2024

Научная статья
УДК 378.126
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.013

Конкурсы профессионального мастерства как средство повышения квалификации и самореализации преподавателей высшей школы

ОКСАНА СЕРГЕЕВНА БАТОВА
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oksana.batova77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9458-6553

Реферат

Введение: статья посвящена теоретическому анализу правовых актов, регламентирующих проведение конкурсов профессионального мастерства преподавателей высшей школы, также рассмотрены конкретные управленческие и педагогические конкурсные практики. Определена классификация конкурсов профессионального мастерства в зависимости от содержания, способа проведения, охвата по территории и категории участников. Исследуется ценность конкурсного движения как для преподавателя, так и для системы высшего образования в целом, определяется значимость участия в конкурсе для подтверждения экспертности педагога, а также включения кандидатуры участника в резерв на вышестоящие должности. Автор, имея успешный опыт участия в конкурсах профессионального мастерства различного уровня, а также в качестве эксперта в конкурсных комиссиях, предлагает рекомендации по организации конкурсных мероприятий и участию педагогов в целях повышения мотивации к дальнейшему профессиональному росту. *Цель:* на основе проведенного теоретического и эмпирического исследования определить участие преподавателя высшей школы в конкурсах профессионального мастерства как неформальный способ повышения квалификации. *Методы:* поставленная цель определила необходимость использования методов обобщения, анализа, в том числе сравнительного, систематизации, прогнозирования и моделирования. *Выводы:* выявлены достоинства профессиональных конкурсов в части осмысления педагогами собственного опыта, что необходимо для последующей самореализации; определено, что участие в конкурсах профессионального мастерства не только обеспечивает педагогу высшей школы выполнение обязательного требования о повышении квалификации, но и позволяет выстраивать индивидуальную траекторию профессионального развития с учетом полученного опыта проектной деятельности и приобретенных мягких навыков; современные конкурсы профессионального мастерства позволяют получить практический опыт работы, как правило командной, в условиях ограниченности ресурсов и времени.

Ключевые слова: повышение квалификации; профессиональные конкурсы; высшая школа; педагог; педагогическое мастерство; профессиональная компетенция.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Батова О. С. Конкурсы профессионального мастерства как средство повышения квалификации и самореализации преподавателей высшей школы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 108–114. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.013.

Original article

Professional Skill Contests as a Means of Professional Development and Self-Realization of Higher School Teachers

OKSANA S. BATOVA
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, oksana.batova77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9458-6553

© Батова О. С., 2024

Abstract

Introduction: the article is devoted to the theoretical analysis of legal acts regulating the conduct of professional skill contests of higher school teachers, as well as specific managerial and pedagogical competitive practices. Professional skill contests are classified according to the content, method of conducting, coverage by territory and category of participants. Significance of the competitive movement for the teacher and for the higher education system as a whole is studied, the importance of participation in contests is determined to confirm the expertise of the teacher, as well as to include the participant in a personnel reserve to a higher position. The author, having successful experience of participating in professional skill contests of various levels, as well as being an expert in competition commissions, proposes recommendations on organization of competitive events and participation of teachers in order to increase motivation for further professional growth. *Purpose*: based on the theoretical and empirical research conducted, to determine participation of a higher school teacher in professional skill contests as an informal way of professional development. *Methods*: generalization, analysis, including comparative; systematization, forecasting and modeling. *Conclusion*: the advantages of professional competitions are revealed in terms of teachers' understanding of their own experience, which is necessary for subsequent self-realization. It is determined that taking part in professional skill competitions helps a higher school teacher meet a mandatory requirement for advanced training, build an individual trajectory of professional development, taking into account the experience gained in project activities and acquire soft skills. Modern professional skill contests give a person an opportunity to gain practical experience, usually in a team and in conditions of limited resources and time.

Keywords: professional development; professional contests; higher school; teacher; pedagogical skills; professional competence.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Batova O.S. Professional skill contests as a means of professional development and self-realization of higher school teachers. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 108–114. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.013.

Введение

В современных условиях меняется роль преподавателя высшей школы, который не только должен обладать соответствующим уровнем педагогической квалификации (иметь высокий уровень владения эффективнми технологиями, средствами обучения, контроля и диагностики [1, с. 222]), но и быть профессионалом по соответствующему направлению подготовки (специальности) квалифицированных кадров. От ресурса адаптивности педагога зависит его готовность трансформировать и обновлять пул собственных социально-профессиональных компетенций [2, с. 208].

В современной системе высшего образования акцент делается на развитии обучающихся как личностей, передача знаний осуществляется как сопровождающий элемент [3, с. 51], обязательным требованием к выпускникам вузов становится наличие широкого спектра навыков, аналитического мышления, творческих способностей, а главное, умения быть готовым к переменам в стремительно меняющемся мире.

Широкий спектр компетенций, необходимых выпускнику по окончании учебного заведения, может сформировать только профессорско-преподавательских состав, обладающий профессиональными компетенциями [4].

Основные положения

В соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования профессиональная деятельность преподавателя вуза, независимо от специфики высшего учебного заведения, включает в себя следующие составляющие: учебно-педагогическую, учебно-методическую, научную, воспитательную и организационно-управленческую.

Сегодня происходит изменение роли педагога, что напрямую связано с модернизацией образовательного процесса, применением цифровых технологий в обучении. Педагог превращается в наставника, консультанта, методиста [5, с. 124].

Участие преподавателя высшей школы в конкурсах профессионального мастерства позволяет решать ряд важных задач:

1) оперативно и эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям образовательного процесса [6, с. 29];

2) осуществлять обмен опытом между мотивированными участниками профессионального сообщества;

3) формировать способность к постоянным изменениям в профессиональной деятельности на протяжении всей жизни с целью подготовки конкурентно способных кадров для рынка труда;

4) обеспечивать стремление к самообразованию, совершенствованию, формированию активной жизненной позиции [7, с. 7].

Участие профессорско-преподавательского состава в профессиональных испытаниях в первую очередь направлено на формирование компетентности в части гибких или мягких навыков (softskills):

1. 4К (коммуникативность, умение работать в команде, критическое мышление).
2. Лидерские качества.
3. Эмоциональный интеллект.
4. Стрессоустойчивость.
5. Стратегическое мышление.
6. Адаптивность и гибкость мышления и др.

Опыт участия в конкурсах профмастерства позволяет преподавателям вузов, в том числе ведомственных, применять практико-ориентированный подход в обучении, который не только способствует качественной подготовке, формированию необходимых в служебной деятельности универсальных, профессиональных и специальных компетенций для самостоятельного несения службы в подразделениях учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, но и в последующем оптимизирует профессиональную адаптацию молодых сотрудников к службе в пенитенциарной системе [8, с. 581].

Все конкурсы профессионального мастерства, направленные на повышение квалификации преподавателя высшей школы, можно классифицировать по содержанию на две большие группы:

1) профессиональные конкурсы на определение лучшего по профессии;

2) профессиональные конкурсы педагогического мастерства.

Также конкурсы дифференцируются по территориальному признаку на муниципальные, региональные, всероссийские, международные; по способу проведения: очные, дистанционные, с применением онлайн-технологий, а также смешанные.

Рассмотрим конкурсы по отдельным категориям участников на примере ведомственных образовательных организаций высшего образования, подведомственных Федеральной службе исполнения наказаний. Например, в Вологодском институте права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний проводится конкурс «Лучший преподаватель вуза», где оценка деятельности преподавателя носит интегрированный характер и включает анализ:

1) конкурсного аудиторного занятия;

2) учебно-методического комплекса;

3) профессиональных и личностных качеств преподавателя.

Таким образом, данный конкурс по содержанию является комплексным, так как содержит как испытания для определения уровня профессионального мастерства, так и оценку учебных методических программ.

Победитель конкурса «Лучший преподаватель года» определяется по сумме полученных баллов за три показателя с учетом их весовых коэффициентов. В соответствии с заявленными критериями оценивания определяются победители в номинациях: «Лучшее аудиторное занятие», «Лучший учебно-методический комплекс» и «Лучший преподаватель глазами курсантов».

Аналогичные конкурсы проводятся и в других ведомственных вузах ФСИН России. Например, в Академии ФСИН России оценка конкурсанта также состоит из трех блоков, два из которых совпадают с ВИПЭ ФСИН России, – это конкурсное (аудиторное) занятие и общественная оценка профессиональных и личностных качеств, а третьим критерием выступает оценка деятельности преподавателя за прошедший учебный год [9, с. 112].

Ежегодно проводится конкурс профессионального мастерства педагогических работников образовательных организаций высшего образования ФСИН России, участники которого, как правило, формируются на основании внутривузовских конкурсов.

С позиции работодателя конкурсы профессионального мастерства позволяют выявлять наиболее подготовленные кадры, продемонстрировать их потенциал широкому профессиональному сообществу, использовать информацию, получаемую в рамках конкурсов, для оценки профессиональных достижений других, а также для прогноза профессионально-личностного роста [10, с. 228].

Следует отметить, что само понятие «конкурс» (от лат. «concursus») означает соревнование, имеющее целью выявить лучших из числа участников [11]. Определение победителей осуществляется путем качественного (экспертизы) и (или) количественного исследования (голосования) [12, с. 296]. Конкурсы профессионального мастерства являются наиболее востребованной и актуальной формой совершенствования профессиональной подготовки кадров и повышения эффективности их деятельности, а также выступают в роли действенного метода оценки уровня сформированных профессиональных компетенций.

Рассмотрим особенности организации профессиональных конкурсов и участия в них на примере преподавателя высшей школы по юридическим дисциплинам.

На сегодняшний день конкурсов профессионального мастерства с высоким индексом доверия для преподавателя-юриста немного. В качестве основных показателей, которые определяют уровень конкурсного мероприятия, выступают:

– профессиональный состав членов жюри;

– масштабы охвата по количеству участников и субъектов Российской Федерации;

– прозрачность оценивания;

– креативная, инновационная и логичная механика проведения конкурса.

Указанным выше требованиям полностью соответствует Всероссийский профессиональный конкурс «Правовая Россия», организатором которого выступает некоммерческая организация Российская ассоциация правовой информации ГАРАНТ [13]. В 2024 г. конкурс проводится уже в 19-й раз, традиционно старт объявляется в День Конституции – 12 декабря.

Механика проведения включает два этапа: отборочный и основной. Первый этап – это тестирование из 15 вопросов по всем сферам российского законодательства. В следующий этап проходят участники, которые набрали 80 % (12 и выше правильных ответов). Самое интересное в этом конкурсе – это основной тур, в котором предлагается решить два кейса по выбранной номинации, при этом практические ситуации не имеют заранее единственно правильного решения.

Так, в 2021 г. в номинации «Конституционное право» для рассмотрения конкурсантам были предложены задания на основании поправок к Конституции Российской Федеации, которые были внесены в 2020 г. Участие в данном конкурсе помогает оценить

свои силы как юриста-профессионала, так как участниками являются представители юридического сообщества России, а опыт решения кейсов впоследствии можно использовать при подготовке фондов оценочных средств по преподаваемым дисциплинам в рамках федеральных образовательных стандартов высшего образования 40.03.01 Юриспруденция, 40.04.01 Юриспруденция, 40.05.02 Правоохранительная деятельность.

А. А. Малютин предлагает классифицировать педагогические конкурсы по способам организации и видам педагогической деятельности:

1) на конкурсы предметно-развивающей среды;

2) конкурсы методических, учебно-методических материалов;

3) конкурсы педагогического мастерства [14].

Рассмотрим всероссийские конкурсы педагогического мастерства, которые учитывают такую категорию участников, как преподаватель высшей школы. Для этого полезно воспользоваться новым ресурсом – «Образовательный календарь» [15]. Единый календарь образовательных событий был создан в 2023 г., который был объявлен Указом Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 Годом педагога и наставника. Оператором Единого календаря педагога является Академия Минпросвещения России, формируется он ежеквартально и предназначен для информирования о проводимых в России образовательных мероприятиях разного уровня: международного, всероссийского, межрегионального, муниципального.

В 2023 г. проводилось большое количество профессиональных педагогических конкурсов всероссийского уровня. Среди них особое место занимают «Флагманы образования», организатором которого является АНО «Россия страна возможностей» [16].

В качестве главной цели конкурса заявлено формирование кадрового резерва для системы образования Российской Федерации. Конкурсные испытания определены для двух целевых аудиторий: педагоги и управленцы в сфере образования и студенты. Конкурсные испытания включали прохождение трех этапов для первой категории: дистанционный этап, очный региональный полуфинал и очный финал, а для студентов не был предусмотрен полуфинал, поэтому победители дистанционного этапа сразу выходили в финал.

Электронная регистрация на платформе «Россия – страна возможностей» стартовала в марте 2023 г. и продлилась до августа, сначала участники конкурса прошли входную комплексную оценку уровня сформированности надпрофессиональных и специальных (профессиональных) знаний. Итоговый отчет в расшифрованном виде был предоставлен каждому участнику в личном кабинете, с учетом этой информации конкурсанты строили личную траекторию при прохождении образовательного марафона.

Так, например, в ходе вебинара с М. В. Бывшевой, проректором по научно-методической работе и академическому взаимодействию Уральского государственного педагогического университета, по теме «Рецепты развития функциональной грамотности» были озвучены не только задачи, которые позволяют измерять функциональную грамотность и ситуации, ее формирующие, но и дана возможность бесплатного доступа к образовательной платформе для прохождения заданий разной направленности для улучшения функциональной грамотности [17].

По окончании образовательного марафона состоялась оценка сформированности специальных (профессиональных) знаний. В сентябре конкурсная комиссия утвердила результаты дистанционной оценки профессионального конкурса «Флагманы образования» 2023 г. К дистанционному этапу были допущены 14 195 управленцев в сфере образования, 57 635 педагогов и 34 385 студентов. Только 2183 педагога и управленца в сфере образования, набравшие наибольшее количество баллов на дистанционном этапе, прошли в очные региональные полуфиналы. Среди педагогического сообщества, прошедшего первый этап, был небольшой процент преподавателей высших учебных заведений.

Полуфинал в каждом регионе проходил в очной форме и состоял из трех конкурсных испытаний:

1. Личное выступление конкурсанта с самопрезентацией по теме «Я – флагман образования», направленное на демонстрацию профессионального и личностного профиля – педагогического (управленческого) опыта, ключевых профессиональных достижений, а также уникальных авторских идей, технологий, методик. Самое сложное в этом конкурсном испытании было уложится в отведенное время – не более 3 минут.

2. «Чемпионат управленческих решений» – командное решение управленческих кейсов в сфере образования.

3. Стратегическая сессия, в ходе которой участники в малых группах разрабатывали и презентовали проекты развития системы образования, как правило, на примере конкретного региона с заданными параметрами.

По итогам всех этапов участник однозначно приобретает возможности для профессионального роста в части:

1) управленческого опыта работы в незнакомой команде при решении различных стратегических и практических задач в ограниченное количество времени;

2) новых знаний в сфере развития системы образования, воспитательной деятельности и др.;

3) новых подходов в реализации проектной деятельности;

4) возможности выйти из зоны комфорта для решения нетипичных кейсов;

5) публичной защиты командного решения и приобретение навыка коммуникаций с экспертным сообществом.

В качестве основного недостатка в части проведения всероссийского конкурса «Флагманы образования» хочется отметить, что конкурс позиционируется для всех, кто осуществляет педагогическую деятельность (для тех, кто учит) или работает в сфере управления образовательной организацией. Но более 80 % заданий при тестировании (дистанционный этап) и на

очном полуфинале были ориентированы на систему общего образования, около 20 % – на системы профессионального (только среднее) и дополнительного образования. В оценочных материалах практически отсутствовали вопросы и задания, которые бы касались системы высшего образования, регламентированной ст. 10 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Также выделим конкурсы педагогического мастерства всероссийского уровня, которые направлены исключительно на профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений. Самым значимым и масштабным здесь является Всероссийский конкурс «Золотые Имена Высшей Школы», который проводится Лигой преподавателей высшей школы при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Фонда Президентских грантов. В 2023 г. конкурс организовывался в шестой раз.

Конкурсанты представляют расширенное портфолио и эссе в соответствии с выбранной номинацией в электронном виде на платформе согласно положения о конкурсе [18].

В эссе по практико-ориентированному подходу в высшем образовании (одна из популярных номинаций) необходимо раскрыть технологии, которые использовались при обучении курсантов и студентов. Нами был представлен опыт практических занятияй по теме «Избирательное право и избирательная система» учебной дисциплины «Конституционном право России», где курсанты и студенты работают с цифровыми сервисами Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и обучаются навыкам:

– поиска своего избирательного участка по адресу места жительства;

– получения информации о включении в список на избирательном участке, участке референдума;

– использования процедуры подачи заявления о включении в список избирателей по месту нахождения и др.

Участие в таком масштабном мероприятии однозначно решает для преподавателя такие задачи личностного роста, как:

– возможность продемонстрировать преимущества инновационных технологий в решении практических образовательных задач;

– раскрытие творческого и профессионального потенциала через профессиональную оценку достижений;

– неформальное повышение уровня квалификации;

– повышение мотивации к профессиональному росту;

– возможность стать частью экспертного сообщества преподавателей образовательных организаций высшего образования Российской Федерации.

Существуют профессиональные конкурсы для преподавателей высшей школы методической направленности, к которым можно отнести конкурс в рамках реализации федерального проекта «Кадры для цифровой экономики».

В 2021 г. на базе АНО ВО «Иннополис» проходила масштабная программа повышения квалификации «Цифровые технологии в преподавании профильных дисциплин» для педагогов высшей школы и среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Конечным результатом при обучении по программе являлась подготовка и защита актуализированной рабочей программы по преподаваемой дисциплине.

В 2022 г. для всех педагогов, прошедших обучение по программам повышения квалификации на площадке университета «Иннополис», с целью выполнения отдельных показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» был объявлен и проведен конкурс на выявление лучших практик реализации актуализированных рабочих программ дисциплин или основных профессиональных образовательных программ высшего образования, ориентированных на формирование у выпускников актуальных для цифровой экономики компетенций.

На конкурс необходимо было представить целый комплект учебно-методических материалов, состоящих:

– из заявления на участие в конкурсе;

– актуализированной рабочей программы дисциплины в электронном виде в соответствии с выбранной отраслью и по направлению подготовки в рамках одной из одиннадцати отраслей экономики;

– мотивационного эссе;

– видеоролика, демонстрирующего факт проведения практического занятия по актуализированной рабочей программе дисциплины.

На конкурс было предложено большое количество практик по разным отраслям экономики, в качестве авторской методики по направлению «Городское хозяйство» было представлено практическое занятие по теме «Органы государственной власти Российской Федерации» с применением метода «case-study». Целью кейса являлось формирование представлений об элементах цифрового государства в России и информационной открытости деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Кейс-задание выполнялось в малых группах, каждая команда должна была оценить по заданным критериям открытость сайтов органов публичной власти в соответствии с требованиями Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (конкретный орган публичной власти определялся в порядке жребия). В конце практического занятия была осуществлена публичная защита оценки открытости сайтов органов государственной власти и местного самоуправления.

Победа в данном конкурсе обеспечивала преподавателям высшей школы возможность повышения квалификации в форме тренинга по теме «Практико-ориентированные подходы к цифровизации образовательного процесса» на базе одного из ведущих вузов страны в соответствии с выбранным профилем.

Выводы

Участие и победы в конкурсных мероприятиях – это еще и доказательство экспертности педагога. На сегодня у государства есть большой запрос и потребность именно в таких профессиональных кадрах, готовых делиться своими знаниями и опытом как волонтеры-эксперты для оценивания детских и молодежных проектных инициатив, грантовых конкурсов.

Конкурс профессионального мастерства – это не столько соревнование, сколько возможность включиться в активную инновационную деятельность, нетворкинг, возможность продемонстрировать свои результаты и достижения в профессиональной деятельности. Как правило, участие в конкурсе дает импульс к последующему профессиональному развитию. Включившись в конкурсное движение, педагог переходит на новую стадию профессионального развития.

Механика современных конкурсных мероприятий устроена таким образом, что, проверяя свои компетенции и знания на актуальность, педагог осуществляет неформальное повышение квалификации, начиная еще со стадии подготовки.

Полагаем, что победа в конкурсах профессионального мастерства должна быть основанием для включения мотивированного преподавателя высшей школы в кадровый резерв образовательной организации на вышестоящие должности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ридель Р. А. Инновационные формы и методы работы по профессиональному развитию педагога высшей школы // Человек. Общество. Культура. Социализация : материалы XIX Междунар. молодежной науч.-практ. конф. (Уфа, 20 апреля 2023 г.). Уфа, 2023. С. 221–224.

2. Ефимова Г. З., Сорокин А. Н., Грибовский М. В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 202–230.

3. Гварлиани Т. Е., Фролова Н. Е. Передовой российский опыт в современной системе образования // Лучшие практики победителей Всероссийского конкурса «Золотые Имена Высшей школы» : сб. науч. ст. VI Нац. науч.-практ. сессии. М., 2023. С. 49–55.

4. Shimada S. The mutual transmission of knowledge and competencies between generations: An enabler of dynamic capabilities // Proceedings of the 12th European Conference on Knowledge Management (ECKM 2011). URL: ECKM_2011-booklet.pdf (дата обращения: 19.01. 2024).

5. Танцура Т. А. Преобразование структуры профессиональных компетенций преподавателя вуза в аспекте требований современной эпохи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 2. С. 122–125.

6. Шафоростова Е. Н. Основные компоненты профессиональных компетенций педагогов // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 20 апреля 2022 г.). Челябинск, 2022. С. 28–33.

7. Ковшова А. А. Конкурсы педагогического мастерства как инструмент профессионального развития педагога // Концепт. 2021. № 7. С. 1–12.

8. Зауторова Э. В., Бодрова Е. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 3 (55). С. 575–584.

9. Лунькова Н. В. Положительный педагогический опыт проведения аудиторных занятий профессорско-преподавательским составом Академии ФСИН России в рамках конкурса «Преподаватель года» // Подготовка кадров в системе ведомственного профессионального образования ФСИН России: от истории к современности (к 50-летию высшего учебного заведения) : сб. материалов науч.-метод. конф. (Рязань, 19–20 марта 2020 г.). Рязань, 2020. С. 111–116.

10. Конкурс профессионального мастерства как средство оценки профессиональных достижений сотрудника / В. В. Морозов, А. А. Виноградов, Т. С. Купавцев, А. Д. Тяпков // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2021. № 7(197). С. 225–229.

11. Большая советская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/bse/Конкурс (дата обращения: 19.01.2024).

12. Протасевич Д. И., Тарасова И. В. Актуальные проблемы современного отечественного конкурсного проектирования // Новые идеи нового века : материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. 2013. Т. 3. С. 295–301.

13. Положение о XIX Всероссийском профессиональном Конкурсе «Правовая Россия». URL: https://www.garant.ru/konkurs/main_page/condition (дата обращения: 20.01.2024).

14. Малютин А. А. Конкурсы профессионального мастерства как средство творческой самореализации педагогических работников. URL: урок.рф/ library/konkursi_professionalnogo_masterstva_kak_sredstvo_073000 (дата обращения: 27.01.24).

15. Образовательный календарь. URL: https://kalendar.apkpro.ru/ (дата обращения: 19.01.2024).

16. Проект «Флагманы образования». URL: https://project.rsv.ru/flagmany(дата обращения: 23.01.2024).

17. Бывшева М. В. Рецепты развития функциональной грамотности. URL: https://vk.com/wall-188741291_7454 (дата обращения: 23.01.2024).

18. Положение о Всероссийском конкурсе «Золотые Имена Высшей Школы». URL : https://www.spbume.ru/file/news/5444/Polozhenie%20%282%29.pdf (дата обращения: 23.01.2024).

REFERENCES

1. Ridel' R.A. Innovative forms and methods of work on the professional development of a higher school teacher. In: *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Sotsializatsiya: materialy XIX Mezhdunar. molodezhnoi nauch.-prakt. konf. (Ufa, 20 aprelya 2023 goda)* [Man. Society. Culture. Socialization: proceedings of the XIX International youth scientific and practical conference (Ufa, April 20, 2023)]. Ufa, 2023. Pp. 221–224. (In Russ.).

2. Efimova G.Z., Sorokin A.N., Gribovskii M.V. Ideal teacher of higher school: personal qualities and socio-professional competencies. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 202–230. (In Russ.).
3. Gvarliani T.E., Frolova N.E. Advanced Russian experience in the modern education system. In: Lyapuntsova E.V., Belozerova Yu.M. (Eds.). *Luchshie praktiki pobeditelei Vserossiiskogo konkursa "Zolotye Imena Vysshei shkoly": sb. nauch. st. VI Nats. nauch.-prakt. sessii* [Best practices of the winners of the All-Russian contest "Golden Names of Higher Education": collection of scientific articles of the VI national scientific and practical session]. Moscow, 2023. Pp. 49–55. (In Russ.).
4. Shimada S. The mutual transmission of knowledge and competencies between generations: an enabler of dynamic capabilities. In: *Proceedings of the 12th European Conference on Knowledge Management (ECKM 2011)*. Available at: ECKM_2011-booklet.pdf (accessed January 19, 2024).
5. Tantsura T.A. Transformation of the university teachers' professional competencies structure in the aspect of the modern era requirements. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 122–125. (In Russ.).
6. Shaforostova E.N. The main components of professional competencies of teachers. In: *Integratsiya metodicheskoi (nauchno-metodicheskoi) raboty i sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov: materialy XXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Chelyabinsk, 20 aprelya 2022 goda)* [Integration of methodological (scientific and methodological) work and the personnel training system: materials of the XXIII International scientific and practical conference (Chelyabinsk, April 20, 2022)]. Chelyabinsk, 2022. Pp. 28–33. (In Russ.).
7. Kovshova A.A. Pedagogical competitions as a tool for the professional development of a teacher. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept" = Scientific-Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2021, no. 7, pp. 1–12 (In Russ.).
8. Zautorova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 575–584. (In Russ.).
9. Lun'kova N.V. Positive pedagogical experience of classroom teaching by the teaching staff of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia within the framework of the Teacher of the Year competition. In: *Podgotovka kadrov v sisteme vedomstvennogo professional'nogo obrazovaniya FSIN Rossii: ot istorii k sovremennosti (k 50-letiyu vysshego uchebnogo zavedeniya): sb. materialov nauch.-metod. konf. (Ryazan', 19–20 marta 2020 goda)* [Personnel training in the system of departmental professional education of the Federal Penitentiary Service of Russia: from history to the present (to the 50th anniversary of the higher educational institution): collection of materials of the scientific and methodological conference, (Ryazan, March 19–20, 2020)]. Ryazan, 2020. Pp. 111–116. (In Russ.).
10. Morozov V.V., Vinogradov A.A., Kupavtsev T.S. et al. Competition of professional skills as a means of evaluating the professional achievements of employee. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the Lesgaft National State University*, 2021, no. 7 (197), pp. 225–229. (In Russ.).
11. *Bol'shaya sovetskaya ehntsiklopediya: ofits. sait* [The Great Soviet Encyclopedia: official website]. Available at: https://gufo.me/dict/bse/ (accessed January 19, 2024).
12. Protasevich D.I., Tarasova I.V. Current problems of contemporary russian design competition. In: *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunar. nauch. konf. FAD TOGU. T. 3* [New ideas of the new century: materials of the international scientific conference of the Pacific State University. Vol. 3]. 2013. Pp. 295–301. (In Russ.).
13. *Polozhenie o XIX Vserossiiskom professional'nom Konkurse "Pravovaya Rossiya"* [Regulations on the XIX All-Russian professional contest "Legal Russia"]. Available at: https://www.garant.ru/konkurs/main_page/condition (accessed January 20, 2024).
14. Malyutin A.A. *Konkursy professional'nogo masterstva kak sredstvo tvorcheskoi samorealizatsii pedagogicheskikh rabotnikov* [Professional skill contests as a means of creative self-realization of teaching staff]. Available at: urok.rf/library/konkursi_professionalnogo_masterstva_kak_sredstvo_073000 (accessed January 27, 2024).
15. *Obrazovatel'nyi kalendar'* [Educational calendar]. Available at: https://kalendar.apkpro.ru/ (In Russ.). (Accessed January 19, 2024).
16. *Proekt "Flagmany obrazovaniya"* [Project "Flagships of Education]. Available at: https://project.rsv.ru/flagmany (accessed January 23, 2024).
17. Byvsheva M.V *Retsepty razvitiya funktsional'noi gramotnosti* [Recipes for the development of functional literacy]. Available at: https://vk.com/wall-188741291_7454 (accessed January 23, 2024).
18. *Polozhenie o Vserossiiskom konkurse "Zolotye imena vysshei shkoly"* [Regulations on the All-Russian contest "Golden Names of Higher Education"]. Available at: https://www.spbume.ru/file/news/5444/Polozhenie%20%282%29.pdf (accessed January 23, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКСАНА СЕРГЕЕВНА БАТОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oksana.batova77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9458-6553

OKSANA S. BATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, oksana.batova77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9458-6553

Статья поступила 01.02.2024

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)
Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)
РИНЦ: да
Ядро РИНЦ: нет
Перечень ВАК: да (отнесен к категории К2)
CrossRef: да
East View Information Services: да
Система ГАРАНТ: да
RSCI: нет
Web of Science: нет
Scopus: нет
EBSCO: да
WorldCat: да
CyberLeninka: да
DOAJ: да

https://jurnauka-vipe.ru

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2024, volume 18, no. 1 (65)

science and practice journal of the VILE of the FPS of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.
Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VILE of the FPS of Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration Number PI No. FS77-76598 of August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", electronic periodic reference book «System GARANT»

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher. Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Vasilii N. Nekrasov – Acting Head of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law).

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of the VILE of the FPS of Russia.

EDITORIAL BOARD:

Serzhik S. Avetisyan – professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedural Law of the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia;
Yurii M. Antonyan – Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the NRI of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR;
Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
El'vira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;
Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of Demidov Yaroslavl State University;
Igor' M. Matskevich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia);
Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;
Aleksandr N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University "MITSO", Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus;
Vyacheslav M. Pozdnyakov – Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;
Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V.Lomonosov Moscow State University;
Valerii Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);
Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);
Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University.

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: Office 20a, Tekstil'shchikov street, Vologda, 160033, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12, 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru, pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Website: https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en

The subscription index in the electronic catalog «Ural-Press» is 41253.

The price is open

© VILE of the FPS Russia

Date of publication: March 29, 2024

Circulation: 1,000 copies

EDITORIAL COUNCIL:

Sergei L. Babayan – professor at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice, professor at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;
Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the VILE of the FPS of Russia;
Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the VILE of the FPS of Russia;
Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;
Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the VILE of the FPS of Russia;
Valentina I. Zubkova – Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;
Evgenii P. Ishchenko – professor at the Department of Criminology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Lyubov' V. Kovtunenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University;
Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch);
Ivan Ya.Kozachenko – professor at the Department of Criminal Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the VILE of the FPS of Russia;
Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia, Associate Professor;
Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;
Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;
Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);
Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia;
Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;
Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;
Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences); 5.3.9. Legal psychology and accident psychology (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences), In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2.

CONTENT

JURISPRUDENCE **4**

EPIFANOV A. E.
On the Experience of Countering Riots in Russian Penitentiary Institutions at the Turn of the XIX–XX Centuries 4

ROMASHOV R.A., SVININ E.V., KIRILOVSKAYA N.N.
Modern Penitentiary Systems: Problems of Understanding, Classification, Functioning (Reviewing Speeches of Participants of the Interregional Round Table "Modern Penitentiary Systems", Vologda, VILE of the FPS of Russia, October 28, 2023) 13

OVCHINNIKOV S.N.
Features of National Penitentiary Policy and Their Methodological Significance 21

KOLOKOLOV N.A.
Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (General Description of the Problem) 32

SELIVERSTOV V.I.
Forced Labor: Prospects, Limits and Risks of Development. 43

AKIMENKO P.A.
Socio-Political Factors Influencing Achievement of the Criminal Punishment Goal to Prevent New Crime Commission 51

PONOMAREV S.N., SKOPINTSEVA V.V.
Problematic Issues when Granting a Pardon 58

RUMYANTSEV N.V., PRIKHOZHAYA L.E.
Problems Arising when Dog Handlers with Service Dogs are Engaged in Security Procedures in Penitentiary Institutions of the Russian Federation 67

ZARYAEV V.A., SOLODOVCHENKO D.D.
Constitutional Values and Axiological Aspects of Understanding a General Object of Crime in the Criminal Law Doctrine 75

PSYCHOLOGY **83**

SOBCHIK L.N.
Psychodiagnostics and Differentiated Approach Criteria in Penitentiary Psychology. 83

KUZNETSOVA D.A.
Personal Characteristics of Convicted Men with Demonstrative Blackmail Behavior. 94

PEDAGOGY **102**

KOVTUNENKO L.V., KOVTUNENKO A.B.
Image of the Educational Environment of a Departmental Organization and Professional Identity of a Future Employee 102

BATOVA O.S.
Professional Skill Contests as a Means of Professional Development and Self-Realization of Higher School Teachers 108

Original article
UDC 343.101
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001

On the Experience of Countering Riots in Russian Penitentiary Institutions at the Turn of the XIX–XX Centuries

ALEKSANDR E. EPIFANOV
Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Abstract

Introduction: the article reveals measures taken by the administration and supervision of places of detention of the Russian Empire to combat riots among prisoners at the turn of the XIX–XX centuries. As for a chronological framework of the study, it includes a period of growth of the revolutionary situation in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries and the 1905–1907 revolution, as well as the intensification of riots and mass riots among prisoners caused by these events. *Purpose*: based on generalization of the experience of the administration and supervision of Russian places of detention in the period under study, to supplement and correct the ideas that have developed in the history of the penitentiary system. *Methods*: statistical and statistical-comparative methods, dialectical, logical methods, methods of synthesis and system-functional analysis. *Results*: the analysis of legal regulation and practical activities of the administration and supervision of places of detention of the Russian Empire shows that during the period under study, the regime of serving sentences in them was significantly violated, which resulted in riots and mass riots, accompanied by escapes and other serious crimes. In this regard, activities of penitentiary institution authorities aimed at strengthening discipline and professional training of personnel were important. *Conclusion*: functioning of Russian places of detention at the turn of the XIX–XX centuries was accompanied by riots among the continent, especially in 1905–1907, which greatly contributed to their reorganization. Countering riots in places of detention necessitated effective measures aimed at strengthening the regime of serving sentences and discipline not only among prisoners, but also among employees.

Keywords: the Russian Empire; penitentiary institutions; counteraction to riots; prisoners; terror.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

© Epifanov A.E., 2024

For citation: Epifanov A.E. On the experience of countering riots in Russian penitentiary institutions at the turn of the XIX–XX centuries. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001.

Introduction

The novelty of the research is determined primarily by the comprehensive analysis of riots organized by prisoners in pre-revolutionary Russia, their causes, conditions and characteristics. Despite all the variety of literature related to prison studies, problems of the research topic are insignificantly covered. In the pre-revolutionary period, A. Vitashevskii [1], V. Kolosov [2], M. Konopnitskaya [3], G. Leiss [4], P. Yakubovich [5] and others considered it in politological and historical aspects.

During the Soviet period, history of domestic penitentiary institutions was presented in an ideologized and tendentious way. In the works of V. Bik [6], O. Vikker [7], F. Dantsskes [8], N. Petrov-Pavlov [9], M. Gernet [10] and others, serving sentences in places of detention in Tsarist Russia was unequivocally assessed as inhumane, and prisoners' opposition to the regime established in penitentiary institutions was considered mostly positive.

Modern works by R. Andriyanov [11], O. Koryukova [12], I. Strygina [13], N. Naryshkina [14], O. Berezina [15] and others are characterized by depoliticization and objectivity. In addition, they introduce new historical sources, including archival materials, into scientific circulation.

Problems of ensuring prisoners' rights, countering their escapes and terror against penal system employees in Russia at the turn of the XIX–XX centuries became the object of research by A.E. Epifanov [16], E.M. Pavlenko [17], E.E. Krasnozhenova and S.N. Kulik [18].

In the mentioned works, issues related to the history of countering riots in penitentiary institutions of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries were not comprehensively studied.

The Main Prison Administration was aware of the unsatisfactory state of the penitentiary system, aggravated by the deteriorated composition of convicts. Overcrowding in most prisons hindered maintenance of the necessary regime and discipline. However, according to the department, it was the revolutionary situation in Russia that required its officials to responsibly fulfill their official duties.

The improvement of the punishment regime was called upon to correct the situation, including separation of prisoners according to the type of crimes committed, separation of repeat offenders, etc.; introduction of patronage for ex-prisoners and mandatory provision of work for them.

The dynamics of riots and related offenses among the inmates of Russian penitentiary institutions during the study period is presented in tables 1, 2.

Table 1

Information about incidents in places of detention in 1899–1908 [19, p. 698]

Years	Types of incidents									
	Riots	Murder of prison employees, administration and medical personnel by prisoners	Violent actions against the ranks of supervision, management and guard	Murder of prisoners by prisoners	Wounding and beating each other by prisoners	Counterfeiting of coins	Sacrilege	Arson attacks	Fires	Suicide and attempted suicide of prisoners
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*
1899	13	–	9	2	12	–	–	1	6	11
1900	6	–	11	4	7	–	–	2	4	10
1901	51	–	34	17	24	4	3	1	7	24
1902	63	–	30	20	26	5	3	2	12	20
1903	168	2	55	16	79	7	6	7	19	42
1904	140	3	49	22	74	5	21	3	11	42

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1905	137	–	46	28	41	2	9	4	13	40
1906	133	11	85	42	122	2	2	7	27	42
1907	145	33	119	58	116	15	14	23	45	118
1908	43	5	36	42	72	6	9	9	23	103

A rapid increase in violent crimes that accompanied riots in Russian prisons is noteworthy. In 1907, 140 officials of the prison administration and supervision staff were killed and 169 wounded, including the head of the Main Prison Administration A.M. Maksimovskii.

Table 2

Number of murders and violence committed by prisoners against prison officers and prisoners [19, p. 698]

Years	Total number	Indicators per 10,000 prisoners
1899	23	3
1900	22	3
1901	75	9
1902	76	9
1903	152	16
1904	148	16
1905	115	14
1906	260	24
1907	326	23
1908	155	9

Full responsibility for maintaining order and the regime of serving a sentence in penitentiary institutions was assigned to their heads. Thus, according to the Circular of the Saratov provincial prison inspector No. 8346 of December 16, 1903, the head (caretaker) of the prison was declared the full owner and guardian of order in the entrusted institution. It was he who was entrusted with the full responsibility for preventing riots. In this regard, military officials in prisons were forbidden to take part in searches. When suppressing riots, they remained in full subordination to their military superiors and were guided by internal and garrison service statutes. Intervention of the prison head in their actions was prohibited (State Archive of the Volgograd Region (SAVR). Archive 290. List 1. Case 14. Page 47).

In order to prevent riots among prisoners, the administration of penitentiary institutions established regular checks on warders' knowledge of the rules of use and handling of weapons, introduced systematic and particularly thorough inspections and searches in cells in order to detect unauthorized storage of things. Sometimes prisoners showed remarkable cunning and ingenuity when hiding prohibited items and weapons from prison supervision. So, in 1909, during the search of prisoner Kamalov in the Metekhi prison castle, a Browning pistol with two clips was found in his wooden leg [20, p. 948].

According to the established procedure, cells with prisoners were required to be locked. Transfer of prisoners from one cell to another was strictly prohibited. Curtains and fences that obstruct supervision of prisoners were strictly prohibited as well. Release of prisoners for walks, baths, latrines, etc. was allowed only in small gangs.

Prisoners were allowed to walk not in a disorderly crowd, but in a certain order (in pairs, in a circle, etc.) and under heavy escort. Besides, the Main Prison Administration instructed guards entering detention cells not to have weapons with them. When guards entered cells of particularly dangerous criminals, they were to keep the latter at gunpoint and, if necessary, use weapons to kill.

Despite strict instructions of the Main Prison Administration, a number of riots in places of detention grew. Audits of places of detention showed that many of them had no proper prison regime, without which maintaining order and discipline was unthinkable. While constant keeping of the prison cells locked was one of the necessary conditions for ensuring internal order, they remained open, creating conditions for prisoners to attack prison adminis-

tration and supervision staff. Prisoners had the opportunity to move from cell to cell, wear their own clothes and store illegal items in the cells. In many cases, heads of places of detention showed weakness and lack of character, completely not caring about strengthening their own authority among both subordinates and convicts. In many cases, their assistants did not prepare warders for prison service, neglected monitoring of the quality of their official duties, and even ignored reports of supervisory authorities about violations of discipline and prison rules by prisoners. Consequently, prisoners did not show due respect to the supervision staff and prison guards did not care about their official duties.

There was a number of unacceptable drawbacks in maintaining order and discipline in places of detention. Thus, afraid of open riots, prison authorities did not punish prisoners for violating prison rules. Thus, they preferred to put up not only with a lack of regime and discipline in prisons, but even with obvious violations of basic requirements of prison legislation.

The Main Prison Administration considered this situation intolerable. In this regard, prison employees were called upon to find the courage to resist illegal harassment of prisoners and apply appropriate penalties to them, regardless of their categories and classes. It is worth mentioning that in many cases, prison administration, supervision staff and convoy showed courage and bravery in the performance of their official duties. So, on August 1, 1907, a non-commissioned officer of the Riga convoy team, Zlobin, as its chief, accompanied a column of 31 prisoners. Suddenly, the prisoners were surrounded by the public, who, contrary to the convoy's actions, began to hand them notes and flowers. During the ensuing scuffle, Zlobin was wounded by a blow to the head with a stick, but, despite the injury, bleeding profusely, he managed to disperse the crowd and deliver all the prisoners to their destination. For his courage and dedication, the non-commissioned officer was awarded the personal praise of the Emperor [21, p. 33].

As it turned out, the causes of riots and gross violations of discipline and regime in places of detention often lay in the absence of necessary prison management and supervision by provincial authorities. Often, the latter were not aware of the existing prison procedures, and when difficulties in the proper maintenance of prisoners arose, they informed the Main Prison Administration about them and did not take necessary measures to eliminate them. There was also no sufficient concern to replenish personnel of the prison administration and supervision staff. Moreover, provincial authorities allowed illegal contacts of prisoners with the outside world, including with underground organizations that provided assistance to political prisoners [22, p. 734].

Some governors allowed their authorities to significantly deviate from the established order of detention of prisoners, including leaving cells unlocked. Political prisoners were allowed visits without valid reasons and not through bars. Transfer of prohibited items and provision of illegal benefits were also possible.

On September 29, 1907, in order to ensure state order and public peace, the Minister of Internal Affairs issued a circular No. 114,153, stipulating that heads of the local administration shall take necessary measures to prevent riots among prisoners and shall not transfer management of penitentiary institutions exclusively to provincial prison inspectors [22, p. 733].

In order to suppress violent opposition of prisoners, prison guards were granted the right to use armed force and in extreme cases to resort to the assistance of troops to pressure unrest in prisons [23, p. 809]. The use of firearms as a measure of extreme necessity against prisoners was allowed not only by prison guards, but also by police and gendarmerie teams involved in restoring order in prisons. According to the instructions approved by the Ministry of Internal Affairs on April 23, 1908, the need for the use of weapons was determined by the senior police superiors who were in charge at the scene of the riots. The appropriate order could be given only if all means to pacify the disobedient had been exhausted. It was allowed to use weapons only after the disobedient were loudly warned of it three times. The use of firearms was allowed to break up

the disobedient crowd that prevented the team from advancing; against prisoners attacking it, as well as those who commit personal violence, violent destruction of property, arson and murder in the presence of the team. Shooting into the air or with hollow cartridges was prohibited (SAVR. Archive 6. List 1. Case 88. Page 313). As noted by the Main Prison Administration, in the vast majority of cases, the investigation showed absolute legality of the prison administration's use of weapons [21, p. 28].

According to the circular of the Main Prison Administration No. 31 of November 20, 1907, in addition to the requirement (of 1906) to use weapons to stop illegal songs and speeches of prisoners, it was prescribed to open fire on prison windows if convicts attempted to spoil frames, throw out any things or negotiate with outsiders. It was prescribed to use weapons during violence, disorder and resistance of prisoners [24, p. 698].

According to the established procedure, the decision on the use of weapons was within the competence of a prison head or a senior official of the prison administration or the guard. If they were not present at the scene of an emergency, weapons could be used without their knowledge and permission. At the same time, the choice between cold steel or firearms remained with its owner. In any case, its use was allowed only to defeat. A protocol describing circumstances of the case was immediately drawn up on each case of the use of weapons by prison administration officials. The prison staff was to know these instructions. Moreover, according to the circular No. 31 of November 20, 1907 issued by the Main Prison Administration, the department monitored all cases of the use of weapons by prison administration officials and supervisors for awarding persons who showed special resourcefulness and efficiency in preventing lawlessness with weapons in their hands [22, p. 729].

Exact execution of the rules of the instruction on the use of weapons by the prison administration and guards was fixed on November 30, 1909 in the circular No. 57 of the Main Prison Administration. Besides, according to the document stated, in order to avoid unnecessary bloodshed, the text of the instruction or a brief and intelligible statement of those violations of the prison regime that entail the use of weapons shall be posted in prison cells. In addition, the circular contained instructions to carry out explanatory work with prisoners on this issue and, if necessary, to make appropriate warnings [25, p. 1,131].

Taking into account the security interests of supervisory officers and guards, the external security of prisons was arranged in such a way as to exclude any possibility of mass riots in prison yards. So, in the Alexandrovsk convict prison, the prison yard was completely open to fire from watchtowers arranged along the perimeter so that sentries could shoot half of the rioters in a short time. In turn, this circumstance was intended to deter prisoners from participating in riots [22, p. 758].

Simultaneously with a rapid growth in the prison population since 1906, fundamental changes in its composition and character are noted. As a result, dangerous criminals prone to committing serious crimes were concentrated in large numbers in places of detention. Political prisoners caused a lot of problems for prison administration and supervision staff. Formally, they were subject to serving their sentences in conditions intended for ordinary prisoners. Some requirements for this category were presented in the rules on the procedure for keeping political prisoners in prisons of the civil department, approved by the Minister of Justice on November 16, 1904. In practice, a number of deviations were allowed in relation to political prisoners, which were not provided for either by the penal legislation or by the above-mentioned rules. Thus, in violation of the latter, political prisoners were allowed visits not only with relatives and friends, but also with strangers, and at any time and in rooms without bars. Contrary to Article 286 of the Statute on Exiles (as amended in 1902), convicts held in prisons were not always shackled.

In the summer of 1906, the inspector of the Main Prison Administration revealed egregious violations of the regime of serving sentences during the audit of the Akatuevsk hard labor prison. Prisoners were kept in unlocked

cells and freely communicated with each other. They had large sums of money with them, their own shop and a shared kitchen. Their relatives and acquaintances had the opportunity to visit them in their cells, and they themselves could leave the prison for neighboring villages. Such an order did not correspond at all to the established requirements and the nature of hard labor as the gravest of criminal penalties [26, p. 298].

The easing of the regime to complete licentiousness and self-will of prisoners in the Akatuevsk hard labor prison. In their own words, they lived there like at home. According to reviews of the Irkutsk Governor-General and the Prosecutor of the Chita District Court, the Nerchinsk penal servitude, which included the named prison, was in an extremely unsatisfactory state until the beginning of 1907. This concerned not only dilapidation and technical imperfection of prison buildings, but also a lack of proper discipline among prisoners and deviations from regime requirements allowed by the prison administration. Thus, prison authorities did not interfere with communication between women held in the Akatuevsk hard labor prison and other political prisoners. They formed a tight-knit community that actually ran the prison. Political prisoners had their own kitchen and set up a shop. Contrary to the established procedure, political prisoners used ordinary prisoners as servants, wore their own clothes and underwear (during the search, money and fake passports were found). Political prisoners were not subjected to searches, and they were freed from their shackles. Relatives and acquaintances visited them freely in their cells. In addition, these prisoners flatly refused to comply with the administration's orders aimed at restoring the prison regime. Meanwhile, those convicted of the most dangerous state crimes, including terrorists and persons whose death penalty was replaced by hard labor, were concentrated in the Akatuevsk hard labor prison. Restoring proper order in the prison required the application of not only strict disciplinary measures, but also the intervention of the military escort team. For weakening of the regime, which entailed grave consequences, the prison governor, his assistant and one of the guards were put on trial [27, pp. 421–428].

For violating the order in correctional detention units with aggravating circumstances (persistent disobedience, rioting or walking in a crowd, etc.), on the basis of Article 397 of the Statute on Exiles, a convict could be held in a dark or light punishment cell was allowed for up to a month. According to Article 396, a straitjacket could be put on prisoners who were raging in the punishment cell. Convicts who were not exempt from corporal punishment could be subjected to 50 strokes of the rod as an alternative to the punishment cell.

The Main Prison Administration required prison administration and supervision officials not to ingratiate themselves with prisoners in any case and not to allow any relaxation of the regime, except as expressly provided for by the relevant orders. For example, prison administration and supervision, along with repressive means of influencing offenders, were provided with such a measure to encourage conscientious prisoners as granting the right to smoke tobacco, provided that it would be socially safe and would not embarrass non-smoking prisoners. It was of a preferential nature and was allowed only for those convicts characterized by good behavior and diligence in their work. In case of disobedience and other offenses of the prisoner, this permission was subject to cancellation. Meanwhile, in many places of detention, contrary to the exact meaning of the Main Prison Administration circular No. 13 of August 24, 1905, tobacco smoking was allowed to all prisoners without exception. Thus, in one of the prisons, smoking was allowed even to a prisoner who, for his harmful influence on his comrades, was transferred from their common cell to a solitary cell [23, p. 810].

Officials of the administration and supervisory staff who allowed unauthorized communication with prisoners were subject to severe punishment. So, on April 19, 1902, the Prison Department of the Saratov Provincial Government, as an edification to all personnel of the entrusted places of detention in the region, distributed a circular stating that the junior warden of the Volsk prison Morgunov was administra-

tively dismissed for too close friendship with prisoners and complete unreliability (SAVR. Archive 290. List 1. Case 14. Page 151). Another warden of the same prison was dismissed in a similar manner for delivering 18 prisoners drunk from outside work (SAVR. Archive 290. List 1. Case 14. Page 171).

In many cases, mass riots in Russian penitentiary institutions were aimed at making escapes. For example, on April 29, 1908, bloody riots occurred in the Yekaterinoslav prison. During them, prisoners, mostly particularly dangerous criminals, including those sentenced to death, made an unsuccessful attempt to escape. The signal for starting riots was the explosion of a bomb planted in a mattress near the prison wall. After that, snatching revolvers received from the will and hidden earlier, shooting the guards who stood in the way, the prisoners rushed to free companions locked in the cells. During the ensuing exchange of fire, 21 prisoners were killed by sentries and guards. Four more prisoners were killed by guards in the cells after they tried to break down doors. Many prisoners were injured by prison guards and military guards, who chased them away from windows. The riots were stopped in a timely manner due to the arrival of cavalry and infantry military units at the scene [28, pp. 417–419].

In order to prevent escapes of prisoners, special precautions were taken in places of detention. Their list was not subject to extensive interpretation. A prisoner who escaped, as well as being convicted of an attempt or preparation for it, could be imprisoned in a separate cell and, moreover, with some exceptions, be shackled by the decision of a head of the place of detention agreed by the prosecutor [24, Article 407].

Taking into account a special danger of those sentenced to hard labor, according to Note 1 to Article 407 of the Statute on Detention, all prisoners of this category from the moment the court sentences entered into force and by the time they were sent to the place of exile were subject to mandatory shackling and shaving of a right side of the head (as required by Article 194 of the Statute on Exiles). Meanwhile, the Saratov provincial prison inspector, for example, when inspecting some prisons in the region, found convicts without shackles and shaved heads, and therefore, on January 10, 1903, he issued a circular fixing that the prison authorities shall immediately restore order in this area (SAVR. Archive 290. List 1. Case 26. Page 4).

On March 5, 1904, the Prison Department of the Saratov Provincial Government, by its circular No. 1889, required mandatory shackling of vagrants (from the moment the court verdict came into force); male criminals, with the exception of minors and persons released from corporal punishment; persons sentenced to exile for serious criminal offenses (during their transfer to the place of serving their sentence) [29, p. 115].

The society was indignant at the use of such a variety of shackles as special warning bundles. According to the circular of the Main Prison Administration No. 7 of April 7, 1907, they were also used to counteract escapes. Handcuffs could be placed on transit prisoners to prevent escapes, in compliance with the rules established for the use of shackles [24, Article 410]. According to the established rules, a monetary reward was given for the capture of escaped prisoners [24, Article 415].

Conclusion

At the turn of the XIX–XX centuries, Russian penitentiary institutions experienced a significant surge in mass riots and violations of the punishment regime, accompanied by prisoners' numerous attempts to escape, especially during the First Russian Revolution of 1905–1907. In turn, an increased number of riots and unrest among prisoners had a significant impact on reorganization of places of detention in the Russian Empire.

This situation was facilitated by miscalculations of prison administrations and supervisory staff in ensuring the regime of serving sentences, negligent performance of their official duties, overcrowding of places of detention and an increase in the proportion of convicted dangerous criminals, including state ones. A number of the measures were aimed at countering riots in penitentiary institutions to strengthen the regime of serving sentences and discipline among both prisoners and prison staff.

REFERENCES

1. Vitashevskii A. *Central prison. Memories. Byloe = The Past*, 1906, no. 7, pp. 107–135. (In Russ.).
2. Kolosov V. *Rasskazy o Kariiskoi katorge (iz vospominanii vracha)* [Stories about the Kariya penal servitude (from the memoirs of a doctor)]. Saint Petersburg, 1907. 319 p.
3. Konopnitskaya M. *Kartinki iz tyuremnoi zhizni i drugie rasskazy* [Pictures from prison life and other stories]. Saint Petersburg, 1911. 178 s.
4. Leiss G. *V ispravitel'noi tyur'me* [In a correctional prison]. Saint Petersburg, 1906. 256 p.
5. Yakubovich P. *V mire otverzhennykh. Zapiski byvshego katorzhnika* [In the world of the outcasts. Notes of a former convict]. Saint Petersburg, 1907. 544 p.
6. Bik V. On the materials about the Yakut tragedy. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1926, no. 3, pp. 29–38. (In Russ.).
7. Vikker O. Escapes of the Romanovs. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1929, no. 3, pp. 74–85. (In Russ.).
8. Dantsskes F. Tortures in the Orel central prison. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1923, no. 3, pp. 153–163. (In Russ.).
9. Petrov-Pavlov N. On the escape of suicide bombers and convicts from the Bobruisk fortress. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1924, no. 6, pp. 92–124. (In Russ.).
10. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. T. 3* [History of the tsar's prison: in 5 volumes. Volume 3]. Moscow, 1960–1963. 430 p.
11. Andriyanov R.V. Criminal liability for escape in pre-revolutionary Russia. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015, no. 4 (25), pp. 15–18. (In Russ.).
12. Koryukova O. YU. Criminal liability for escape from places of deprivation of liberty, evasion from serving a punishment in correctional facilities: historical aspect. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 30–36. (In Russ.).
13. Strygina I.V. Outline history of crimes against justice criminal law of pre-Soviet period. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 10 (44), pp. 218–223. (In Russ.).
14. Naryshkina N.I. Organizational and legal measures to prevent prison escapes in Russia: historical aspect. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Prestupnost', kriminologiya, kriminologicheskaya zashchita* [Crime, criminology, criminological protection]. Moscow, 2007. Pp. 281–286. (In Russ.).
15. Berezina O.B. Penal servitude of Nerchinsk in the system of penitentiary institutions of Russia at the end of XVIII – beginning of XX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2006, no. 4 (44), pp. 14–18. (In Russ.).
16. Epifanov A.E. From the history of counteraction to riots in Russian penitentiary institutions at the turn of the XIX – XX centuries (based on the materials of the Saratov Province). *Bylye gody = The Years Past*, 2023. No. 18 (2). S. 812–820. (In Russ.).
17. Epifanov A.E., Pavlenko E.M. From the history of ensuring the rights of prisoners in prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th - 20th centuries (based on materials from the Saratov Province). *Bylye gody = The Years Past*, 2021, no. 16 (4), pp. 1910–1921. (In Russ.).
18. Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.N. Escapes of prisoners in the history of Russian penitentiary institutions of the late XIX – early XX centuries. *Bylye gody = The Years Past*, 2022, no. 17 (2), pp. 876–889. (In Russ.).
19. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1910. No. 5. 810 p.
20. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1909. No. 10. 1,024 p.
21. Epifanov A.E., Dzhambalaev Ya.R. Special state-legal regimes in domestic theory of law. *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2012, no. 1, pp. 30–36. (In Russ.).
22. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 10. 800 p.
23. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1906. No. 10. 855 p.
24. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom chetyrnadtsatyi. Ustavy o pasportakh, o preduprezhdenii prestuplenii, o tsenzure, o soderzhashchikhsya pod strazhei i o ssyl'nykh* [The Code of Laws of the Russian Empire. Volume fourteen. Statutes on passports, on the prevention of crimes, on censorship, on detainees and on exiles]. Saint Petersburg, 1890. 909 p.
25. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1909. No. 12. 1,206 p.
26. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 4. 335 p.
27. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 6. 524 p.
28. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1908. No. 5. 436 p.

29. Ashikhmina A.V., Epifanov A.E. Abdrashitov V.M. *Mekhanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii* [Mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. Volgograd, 2008. 222 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Received February 5, 2024

Original article
UDC 343.8
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.002

Modern Penitentiary Systems: Problems of Understanding, Classification, Functioning (Reviewing Speeches of Participants of the Interregional Round Table "Modern Penitentiary Systems", Vologda, VILE of the FPS of Russia, October 28, 2023)

ROMAN A. ROMASHOV
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9777-8625

EVGENII V. SVININ
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X, evsvinin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9031-5182

Abstract

The published review based on results of the interregional round table "Modern Penitentiary Systems: Problems of Understanding, Classification, Functioning" held on October 28, 2023 at the VILE of the FPS of Russia is prepared to summarize key ideas of the speakers' reports on theoretical, legal and applied issues of the functioning of various penitentiary systems. Theoretical issues of the concept and essence of the penitentiary system are considered. Attention is focused on features of theoretical modeling and practical implementation of the penitentiary system as a polysymic phenomenon, represented by models of the regulatory system, the system of national legislation and the national legal system. The objectives and value priorities underlying the formation and functioning of the Russian penitentiary system are outlined. Historical features and patterns of its formation, development, and modernization are analyzed. The necessity to distinguish three modal constructions of the penitentiary system is substantiated. Practical recommendations to optimize structuring and functioning of territorial divisions and educational institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation are formulated in order to strengthen their effectiveness in humanizing the penal system and provide it with qualified professional personnel.

Keywords: law system; penitentiary law; penitentiary systems; legal culture; penitentiary legal relations; penitentiary law and order.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Romashov R.A., Svinin E.V., Kirilovskaya N.N. Modern penitentiary systems: problems of understanding, classification, functioning (reviewing speeches of participants of the Interregional round table "Modern Penitentiary Systems", Vologda, VILE of the FPS of Russia, October 28, 2023). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 13–20. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.002.

© *Romashov R.A., Svinin E.V., Kirilovskaya N.N., 2024*

On October 28, 2023, the VILE of the FPS of Russia hosted an interregional round table "Modern Penitentiary Systems".

The event was organized by the VILE of the FPS of Russia together with the interregional public organization "Penitentiary Science Club", representatives of the KI of the FPS of Russia, as well as the Irkutsk regional branch of the Interregional Association of State and Law Theorists.

Within the framework of the round table, participants discussed a wide range of issues related to the concept and structure of the penitentiary system, the specifics of penitentiary law as its normative basis; the search for optimal forms of regulation of the penitentiary system; the problem of typology of penitentiary systems; the legal policy of reforming penitentiary systems; legal relations, legality and law and order in penitentiary systems.

A wide range of issues of the problem field, including both general theoretical and sectoral aspects, testifies to the importance and relevance of the round table.

The key report on the topic ***"Penitentiary system: experience of theoretical modeling and classification criteria"*** *was provided by Roman A. Romashov, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.*

So, a systematic approach to modern penitentiary science involves identification of three model structures: normative system of penitentiary law, penitentiary legislation system and national penitentiary system.

The penitentiary law system as a normative community (intersectoral legal array) is represented by a set of legal norms united into specialized institutions (definitions, principles, values, etc.) and sub-sectors (procedure for the execution of punishment in the form of imprisonment, arrest, restriction of liberty, forced labor, etc.). In terms of its content, penitentiary law is not identical to penal law, since it includes not only norms of the above-mentioned branch, but also legal prescriptions of other branches of Russian law (constitutional, administrative, criminal, civil, labor, etc.), united by a single social sphere of legal regulation – environment of penitentiary life.

The penitentiary legislation system unites normative legal acts regulating relations between subjects of penitentiary relations. This system elements are: the basic law (Constitution of the Russian Federation), strategic planning acts (Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the period up to 2030), codified (Penal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Procedural Code of the Russian Federation, Administrative Code of the Russian Federation, etc.) and uncodified (laws "On Service in the Penal System of the Russian Federation", "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment", etc.) legislative acts adopted both at the national and regional levels. In addition, consolidation at the constitutional level of two types of law understanding (normative and natural law), actualizes the problem of "living" penitentiary legislation, represented by the duality of textual and interpretative rulemaking, as well as "proactive law enforcement", when institutions and officials of the penal system are required to commit legally significant acts that go "beyond" the legally established rules and procedures.

The system of national penitentiary law includes a set of sources (legal forms) of penitentiary law (acts of penitentiary legislation, normative agreements, legal customs), organizational structures of the state and civil society (bodies and institutions of the penal system, public structures), penitentiary legal awareness (public, group, individual) and penitentiary behavior (lawful, illegal). Being an integral part of the national state legal system of Russia, penitentiary law is a socio-cultural phenomenon, which organization and functioning depends on the state of national legal culture.

Consolidation of the definition of Russia as a unique "civilization state" at the level of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation determines the need to identify classification criteria characterizing the national penitentiary system, which makes it possible to determine its place among relevant organizational structures of the modern world. As

such criteria, it is proposed to consider departmental affiliation of the penal system, legal technique of penitentiary law-making and law enforcement, militarization/demilitarization of the penal system, and the ratio of state bodies and civil society institutions in the penitentiary organization, etc.

Natal'ya N. Kirilovskaya, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, spoke on the topic: ***"Security as a condition for effective functioning of the penitentiary system"****.*

Security-related issues have always attracted scientists' attention. Recently, security issues have become especially relevant. The concept of security in domestic and foreign literature causes great debate and different interpretations. The commonly used content of the security concept is to understand it as a position in which someone or something is not in danger. Normative understanding of safety was enshrined in the Law of the Russian Federation No. 2446-I of March 5, 1992. "On Security", stipulating that security is the state of protection of vital interests of the individual, society and the state from internal and external threats. This law became invalid due to the adoption of the new Federal Law of the Russian Federation No. 390-FZ "On Security" of December 28, 2010, which does not fix a security concept. At the same time, the law stipulates that ensuring security (national security) is a set of coordinated and unified political, organizational, socio-economic, military, legal, informational, special and other measures. Thus, the law is focused not on security subjects, but on its threats and, accordingly, the areas to be protected. The complexity of the national security concept includes all spheres of state life: political, public, environmental, economic, information, transport, energy, cultural, social, etc. In order to form national security, it is necessary to ensure protection of all its spheres. Thus, national security is comprehensive. Penitentiary security is one of the components of state and public national security. Penitentiary security is understood as a system of protection of subjects and participants in penal relations from external and internal threats.

Section II of the Concept for the Development of the Penal System for the Period up to 2030 fixes exclusively internal threats as challenges the penal system faces. This does not seem to be entirely true. Taking into account the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation No. 229 of March 31, 2023, as well as the National Security Strategy of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, approved by the Decree of the President of the Russian Federation, external threats, such as terrorism, extremism, drug trafficking, organized crime, incitement of interethnic and interfaith conflicts, computer attacks, etc. also refer to the penitentiary system. In this regard, we propose to supplement Section II with a paragraph providing for strengthening measures to prevent the spread of extremism with such challenges as terrorism, drug trafficking, organized crime, incitement of interethnic and interfaith conflicts in penitentiary institutions. This addition is important, as these are threats that lead to weakening, disorganization and destruction of the penal system as a whole. These threats represent external challenges the state faces in general and the penal system in particular.

Section XXI of the Concept for the Development of the Penal System for the Period up to 2030, devoted to international cooperation as an important condition for improving the Federal Penitentiary Service provides for the expansion and strengthening of international cooperation within the framework of universal platforms (UN) and regional ones, in particular the Council of Europe. Due to Russia's withdrawal from the Council of Europe and unfriendly policies of these countries, we consider it necessary to reconsider interaction with foreign countries and expand it through the Commonwealth of Independent States. Thus, within the framework of the CIS, cooperation in the field of security is listed in the areas of cooperation. The organizational structure of this cooperation is the Department for Cooperation in Security and Counteracting New Challenges and Threats of the CIS Executive Committee. The penitentiary sector is one of the areas of such cooperation. Cooperation in the penitentiary sphere was legally formalized in 2015. The agreement "About Formation of Council of Heads of Penitentiary

Services of the State Parties of the Commonwealth of Independent States" was signed by the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan. One of the key issues for the Council members to consider is the problem of countering the spread of terrorist and extremist ideas in penitentiary institutions. Consequently, the CIS recognized the exposition of the penitentiary system to external threats and created an organizational mechanism to prevent external threats.

Evgeniya V. Lungu, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the KI of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor made a report on the topic ***"Constitutional principles of formation and functioning of the Russian penitentiary system"*** and considered constitutional principles of formation and functioning of the penal system in the light of the creation of a unified system of public authority of the Russian Federation. It is noted that the principles provided for by the current penal legislation do not reflect the 2020 constitutional reforms and need to be revised taking into account the innovations that have occurred. As a result, a new view is formulated on the constitutional principles of the formation and functioning of the penal system of the Russian Federation. It is proposed to highlight the following constitutional principles: humanism, legality, federalism, separation of powers, transparency, consistency of functioning of bodies included in the unified system of public authority of the Russian Federation and organizational, legal, functional and financial-budgetary interaction of bodies included in the unified system of public authority. At the same time, it should be considered that the principle of democracy cannot be implemented in the formation and functioning of the penal system in the sense in which it is understood in constitutional law.

Anna K. Zebnitskaya, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Law Faculty of the VLI of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor in her speech ***"On the issue of meetings of a public defender and a defendant in Russian penitentiary institutions"*** focused on the following fact. Having overcome the judicial barrier, a public defender faces an equally serious problem, namely, getting admission to penitentiary institutions for a confidential meeting with his/her principal.

It would seem much easier to arrive at a pre-trial detention center or correctional institution and present an extract from the court session minutes in which the citizen is admitted by the court as a defender along with a lawyer, issue a request and go to the investigative office to provide legal assistance to the accused in custody.

However, there are cases when administration of the institution does not accept such extracts from minutes of the court session, arguing that the institution has not received the document and the reliability of the presented extract by a person other than the judicial authorities is questionable. Despite the fact that permits for short-term visits, also issued by the court to the applicant, are accepted by the institution administration and the same stamp of the court and the signature of the relevant judge serve as sufficient verification.

Conditions for meeting with the principal can be another obstacle. Since a public defender is not a professional lawyer, the meeting with the accused is held in the premises for short-term visits with relatives of detained persons. At the same time, the right of the accused to a confidential meeting with a lawyer is violated.

Anna K. Zebnitskaya gave the following example: a public defender L filed a lawsuit against a penitentiary institution. In his lawsuit, the defender pointed out that the meetings with the defendant had taken place in the investigative office equipped with a partition with a small window for the transfer of documents. Such conditions hindered joint familiarization and study of the criminal case materials to prepare for the trial, since the stitched volumes of materials did not pass well into the transfer window and the process of transferring "back and forth" was time consuming. During consideration of the administrative claim, the accused addressed the court that his placement behind a partition had not only created inconvenience

when familiarizing himself with materials of the criminal case, but also forced him to experience moral suffering in connection with humiliation of his human dignity.

The representative of the administration of the pre-trial detention center referred to the need to install such partitions, since the pre-trial detention center is a high-security institution and it contains persons suspected or accused of committing crimes of a certain severity [1].

The court resolved the administrative claim, referring to paragraphs 144–145 of the Internal regulations of pre-trial detention facilities [2]. It indicated that the suspected and accused persons were provided with visits with a lawyer in accordance with the procedure provided for by the current legislation of the Russian Federation. A defender can visit the suspected or accused alone without a partition and without limiting their number and duration; visits can be conducted in conditions that allow a pre-trial detention center employee to see the suspect or accused and the defender, but not to hear. In fact, it is another judicial precedent confirming the equal procedural status of a public defender and a lawyer.

Yuliya A. Perebinos, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, in her speech on the topic ***"Penitentiary systems: history and modernity"*** considered the penitentiary system in terms of view of organization of service of sentences, detention conditions, and regime requirements. In this regard, in retrospect, historical types of penitentiary systems, such as Pennsylvania, Auburn, and progressive, are highlighted.

The Pennsylvania prison system was created in the last quarter of the XVIII century in Philadelphia (Pennsylvania) in the USA, therefore, it was called the Philadelphia or Pennsylvania system. The formation of the Pennsylvania system was associated with the opening of a special prison by the Quaker religious sect, where strict discipline based on the separation of convicts and complete silence. Initiators of the prison establishment, in turn, relied on ideas of the American psychiatrist Dr. Rush stating that criminals should be isolated from society until full recovery. In addition, the Quakers believed that even the most hardened criminal could turn to God and change, but only in prison. The specifics of the organization of serving sentences under the Pennsylvania system were as follows: prisoners served their sentences in solitary confinement; they were completely isolated from each other, communication between prisoners was prohibited (a silence system); a prisoner could only leave the cell with a hood covering his face. In the cell, a prisoner had only to eat and read the Bible. At the same time, a convict was allowed to engage in certain work activities with the aim that the need for daily work should become a stable habit. The most important drawback of the Pennsylvania system was solitary confinement, hopes for the correctional power of which were not proved even in the eyes of the founding fathers of this system themselves.

It should also be noted that the Philadelphia authorities paid great attention to the architecture of prisons. The Pennsylvania system was characterized by a fan-shaped prison structure: several buildings, where single cells were located, were arranged around the center in a fan. There were also prison buildings in the shape of a star (radiant or star-shaped). The Kresty prison in Saint Petersburg, which has a cross location, is a vivid example.

In 1820, a new prison system was introduced in the city of Auburn (USA). Its developers tried to mitigate negative characteristics of the Pennsylvania prison system. At the same time, the essence of punishment still consisted in complete isolation of a person, his solitary existence with his conscience and God, which, according to its creators, would make criminals to repentance and correct. Convicts were to keep silent, diligently study religious literature and pray to God. For violating prohibitions, they were severely whipped or sent to punishment cells. Under the Auburn system, convicts were engaged in collective labor and could live together. The brutality of punishments for offenses, characteristic of the Auburn system, led to the emergence of a new – progressive – system of serving sentences.

The progressive punishment execution system was introduced in England; therefore, it is often called English. Since it was also spread

and a bit changed in Ireland, it is also called English-Irish. The model of a progressive penitentiary system was designed in accordance with the sociological school. It is a system in which detention conditions of a convicted person changed taking into account his behavior and attitude to punishment. Under the progressive system, there were three categories of convicts. The first category called "star" meant that convicts had not previously been sentenced to prison, as a sign of this they wore a star on their clothes. The transitional category included those who had already been sentenced to prison, but had not received a star in accordance with their moral character. The third class included repeat offenders and persons who violated detention conditions.

Imprisonment conditions were also divided into three stages. The first stage was solitary confinement: convicts of the first and second categories spent no more than 3 months in solitary confinement and of the third – 9 months. Each woman had to spend at least 3 months in hospital. If solitary confinement did not have a proper effect on convicts, the term was extended. Prisoners were not employed at this stage. At the second stage, prisoners slept separately and worked together during the day. At this stage, convicts were divided into 5 categories, and each of them had to pass all four categories. For good work, convicts were awarded a so-called "mark" (token). After convicts gained a certain number of marks, they were transferred to another category of punishment. The third stage was conditional release, which was accompanied with a significant restriction of convicts' freedom.

The progressive system was also characterized by a special type of institution –a reformatory. The first reformatories were established in the 1870s in the USA. They were characterized by the division of prisoners into several groups according to the degree of their correction; each group had its own regime of detention (for example, those who reached the highest level were entitled to probation or early release; incorrigible people were usually kept in isolated solitary cells, without going to work; each category had its own color of clothing). Correction of convicts was encouraged by enhancing detention conditions (living conditions, better cuisine, use of electricity) and providing stamps as marks for good behavior; sport and professional activities were introduced for prisoners. Paramilitary formations were established: they were divided into units, companies and battalions, etc. Thus, a progressive penal system was based on the fact that prisoners were rewarded for conscientious work and good behavior. A detention regime depended on the correction process. In the progressive model, corrective measures were used, primarily labor impact.

Nowadays, in foreign countries, since prisons, being one of the penitentiary institution types, are widespread, cell conditions are the most common. At the same time, the higher crime rates, the greater number of prisons in the country. Thus, modern penitentiary systems are successors of the Pennsylvania system. At the same time, in most states, convicts are involved in labor (element of the Auburn prison system). At the same time, detention conditions in most foreign penitentiary institutions depend on convicts' behavior and socio-demographic characteristics (element of a progressive model).

The Russian penitentiary system has gone through a long development path; in different periods of evolution it was influenced by various penitentiary systems. The progressive penitentiary system had the greatest impact on it in the 20th–21st centuries.

Evgenii V. Svinin, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, presented a report on the topic ***"Social and legal aspects of penitentiary law and order"*** and emphasized the need to take into account the interaction of social and legal sides in penitentiary law and order.

Penitentiary law and order is a qualitative characteristic of penitentiary law. Currently, various, including polar, opinions have been expressed regarding penitentiary law. Thus, a number of authors believe that penitentiary law has neither its own subject nor a regulation method; therefore, neither at present nor in the long term there is a reason to single out penitentiary law as a new branch or a sub-branch of

law (A.M. Bobrov, N.A. Mel'nikova). For others, penitentiary law is a terminological form of penal law (V.A. Utkin). The third group of scientists interprets penitentiary law broadly, considering it either as a complex branch of Russian law (S.M. Oganesyan) or an intersectoral normative community (R.A. Romashov).

Evgenii V. Svinin drew attention to the methodological value of the category "penitentiary law". Expressing agreement with the position of R.A. Romashov, he emphasized that penitentiary law emerged due to, first of all, ideological changes related to the perception, creation and implementation of technical and legal tools for legal regulation of penitentiary relations. At the same time, not only norms should change, but also the attitude towards them, as well as towards their addressees.

It should also be borne in mind that penitentiary law is a set of norms regulating not only relations in the field of execution of punishment, but also a number of related relations. Among them are relations related to public control and assistance, administrative supervision, post-penitentiary probation, ensuring realization of certain rights of convicts, for example, the right to health protection and effective medical care.

Penitentiary law and order as a qualitative characteristic of penitentiary law is associated with the achievement of both legal (high level of legality) and social goals of legal regulation. It should be noted that strengthening of social efficiency is associated with the increase in the quality of guaranteeing the rights and legitimate interests of convicts, actual achievement of correction as a punishment goal, as well as implementation of other social goals of penitentiary law.

Yaroslav I. Tikhonov, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, in his report ***"On some aspects of correlation between penitentiary and post-penitentiary law"*** stated that terms "penitentiary law" and "post-penitentiary law" had become more common in legal science, being two closely interrelated phenomena in the field of correction and resocialization of criminals. Development of penitentiary and post-penitentiary law should ensure that these legal arrays effectively and harmoniously regulate the unified process of correction and resocialization of offenders. Stability of the security situation at the federal and regional levels directly depends on the quality of regulation of this process.

Penitentiary and post-penitentiary law are designed to ensure a holistic process of education and correction of criminals and their reintegration into society. The speaker mentioned that penitentiary and post-penitentiary law performed a common function, which can be determined as a correctional and preventive function. The correctional and preventive function of penitentiary and post-penitentiary law consists in the formation of legal awareness and raising the level of legal culture of convicts and persons who have served criminal sentences in order to form stable lawful behavior and prevent illegal behavior.

The participants of the round table emphasized the necessity to continue research aimed at understanding the phenomenon of the penitentiary system, analyzing its structural elements, legal techniques for the formation and functioning of penitentiary institutions, as well as optimizing penitentiary legislation and penitentiary legal relations.

The use of the integrative interdisciplinary synthesis method helps consider the penitentiary system in the context of the trinity of the normative intersectoral array, the system of national legislation and the national legal system. The material basis of the penitentiary system is social relations in their entirety, which form the environment of penitentiary life.

The activity characteristic of the penitentiary system presupposes determination of the subject composition of penitentiary regulatory and protective relations, as well as partnership and conflict communications, representing the substantial substance of the penitentiary regime as the main target setting of penitentiary law and order, with penitentiary legality being its element.

REFERENCES

1. *Sud priznal nezakonnym provedenie svidaniya zashchitnika-neadvokata s podzashchitnym v SIZO cherez peregorodku* [The court found it illegal to hold a meeting between a public defender and a defendant in a pre-trial detention center through a partition]. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/sud-priznal-nezakonnym-provedenie-svidaniya-zashchitnika-neadvokata-s-podzashchitnym-v-sizo-cherez-peregorodku/ (accessed December 1, 2023).
2. *Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii i Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: prikaz Minyusta Rossii ot 04.07.2022 No. 110* [On approval of the Internal Regulations of pre-trial detention centers of the penal system, the Internal Regulations of correctional institutions and the Internal Regulations of correctional centers of the penal system: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 of July 4, 2022. Available at: http://pravo.gov.ru/ (accessed December 1, 2023).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru , https://orcid.org/0000-0001-9777-8625
EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2866-651X
NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9031-5182

Received December 19, 2023

Original article
UDC 343.8
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003

Features of National Penitentiary Policy and Their Methodological Significance

SERGEI N. OVCHINNIKOV
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8942-0244

Abstract

Introduction: modern legal science has not sufficiently developed methodological foundations of penitentiary policy, which is understood as a socio-legal phenomenon explaining the patterns and processes of applying criminal law measures in order to ensure law and order in society and the state. *Purpose*: to formulate ontological features of national penitentiary policy, as well as to reveal their essence and methodological significance. *Tasks*: to study theoretical approaches to understanding the essence of penitentiary policy; determine vectors of development of scientific penitentiary thought; identify trajectories of the evolution of penitentiary policy features. *Methods*: induction and deduction, abstraction, historical and legal, comparative, modeling. *Results*: to comprehend the essence of penitentiary policy is possible through the prism of understanding the content of its structural elements outlining the contours of this concept. The penitentiary doctrine, legal regulation of measures of criminal legal impact, the procedure for their execution, as well as indicators of penitentiary statistics most fully characterize the essence of national penitentiary policy. *Conclusion*: the author substantiates the essence and methodological significance of features of national penitentiary policy, which determine it as an integral political and legal phenomenon, different from other related categories used in criminal law science. It is noted that methodological aspects of penitentiary policy took shape in the second half of the XIX century – the first quarter of the XX century, thanks to the scientific schools of England, France, Germany, Italy, Belgium and Russia.

Keywords: penitentiary policy; measures of criminal law impact; penal legislation; enforcement of punishments; penitentiary statistics.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Ovchinnikov S.N. Features of national penitentiary policy and their methodological significance. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.003.

Introduction

Modern scientific literature lacks research on penitentiary policy elements. As the analysis of strategic planning documents (for example, the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030) shows the relevancy of the development of conceptual provisions of penal

© Ovchinnikov S.N., 2024

policy. Despite the variety of works devoted to individual issues in this area, methodologically significant aspects remain without due attention.

As a rule, the greatest research interest is attracted by such theoretical constructions as the essence and content of penitentiary policy, as well as its goals, objectives and principles. For any structure, these elements are fundamental, determining methodological maturity. At the same time, features of penitentiary policy, which are no less important than the above-mentioned structural categories, have not received sufficient scientific consideration. Their knowledge provides a methodological opportunity to talk about the evolution of penitentiary policy, which is very important when differentiating its models.

In addition, the identification of penitentiary policy features can continue a constructive line of dialogue about its substantive status. For example, in the scientific community there is a widespread opinion about attribution of penitentiary, sometimes called penal, policy to an integral part of criminal policy. At the same time, despite close relationship with criminal law, it is possible to discuss the auxiliary role of penitentiary policy.

Penitentiary policy in methodological discourse

Methodological significance of features is very significant in the postmodernist paradigm, for which law is a phenomenon that, on the one hand, reflects social reality and, on the other, defines it. Determination of features of a phenomenon indicates the degree or depth of knowledge of its essence. Based on such key elements, scientists make efforts to streamline knowledge, which is expressed in the construction of various classifications, definition of periodizations, construction of models, etc.

The epistemology of postmodernism is based on the relativity of knowledge and its subjectivity. I.L. Chestnov, considering jurisprudence in the traditions of the constructivist paradigm, notes that "constructivism as a paradigm of social sciences is characterized by anti-universalism, contextualism of the social world, relativism of all social phenomena, overthrow of naive realism, replacement of objectivism by intersubjectivity (between individualism and holism). At the same time, methodological individualism and anthropologism are characteristic of social constructivism: social phenomena and processes are mental representations and interactions of people" [1, p. 65].

According to many legal scholars, perception of postmodern ideas contributed to overcoming dogmatism, including ideological, in legal science. The expansion of the limits of scientific search, critical consideration of the postulates, refutation of the provisions of generally accepted theories and doctrines, undoubtedly have a positive effect on the advancement of knowledge of the surrounding reality. At the same time, a sharp change in scientific paradigms may trigger emergence of pseudoscientific statements that distract scientific thought from achieving its main goal.

In this regard, it is appropriate to recall discussions about positive and negative principles of legal fictions. Acting as a scientific hypothesis or assumption, fictions, on the one hand, are productive in the construction of theoretical constructions, which may later receive legislative formalization. Thus, A.I. Sitnikova, as an example of the constructive influence of fiction on the development of legal matter, mentions a theory of the stages of committing a crime, which was developed by Soviet criminal law science and served as an impulse for the formation of related institutions in criminal law [2, p. 62].

At the same time, fictions can have a negative impact due to the fact that the formulated provisions are based on unsubstantiated conclusions, erroneous calculations or violation of the methodology for collecting empirical data. Strategies, concepts, and doctrines constructed on erroneous statements, as a rule, do not reflect the actual state of things, set destructive goals and objectives, and set erroneous transformation vectors.

However, these two poles do not fully represent the essence of legal fictions. A wide range of scientific ideas remains outside their framework, which may remain unclaimed for a long time, but at the same time this does not reduce their scientific value. Thus, scientific research often leads to conclusions that may not be implemented for objective reasons, for example, due to the prevailing doctrine, political conjuncture, specifics of the established legal system, etc. At the same time, such ideas are very con-

structive, since they form a competitive scientific environment and fulfill a dialogic function.

Structuring scientific knowledge about the object under study is a process of "cleansing" its elements from all kinds of "impurities". For example, the famous Austrian positivist scientist H. Kelsen used a similar formulation to justify his "pure doctrine of law", in which he identified legislation and law, believing that a true law is the legal norm fixed in the legislation. Thus, he constructed an ideal model of law, which served as the methodological basis of the normative school of law.

Modern political and legal research focuses on objects that are formed at the junction of interaction between social and legal reality. Such objects can rightfully include penitentiary policy, the subject field of which is formed in the process of mutual influence of the two abovementioned realities. When they interact, social relations are transformed into legal relations regulated by normative prescriptions. In this case, law acts as a means of ensuring a balance of public and private interests, the bearers of which are numerous actors.

The postmodern paradigm, expanding the framework of methodological approaches, at the same time creates a temptation to blur the principles on which scientific research is based: objectivity, reliability, validity, consistency, etc. Excessive subjectivism, contextuality of conclusions can only lead to a devaluation of the value of scientific knowledge, excessive evaluation and engagement. In this regard, the definition of the attributes of penitentiary policy should provide for the identification of key elements characterizing the essence of the phenomenon under study.

Features of national penitentiary policy and their essence

An analysis of the evolution of penitentiary policy allows us to identify the following features that reflect its internal content:

– penitentiary doctrine;

– a legal system of criminal consequences;

–normatively established rules for the application of criminal law measures;

– penitentiary statistics.

The combination of these attributes indicates the formation of the structure of penitentiary policy of a particular state, carried out on the basis of scientific justification, purposefulness, rationality and balance of the application of measures of criminal repression.

Since the presented approach to understanding penitentiary policy in the science of criminal and penal law has not been applied, let us consider in more detail the essence of each of the highlighted features.

Penitentiary doctrine.

When studying the institutionalization of penitentiary policy, the existence of a corresponding scientific doctrine is of fundamental importance. The main place in it is occupied by the doctrine of punishment and its execution. It is this focus that makes it possible to separate it from the criminal law doctrine in the depths of which it originally developed.

The doctrinal foundations of modern understanding of punishment were laid down in the 18th century. S.V. Poznyshev associates the emergence of penitentiary science with the name of the English philanthropist D. Howard, "penitentiary science is an achievement of modern times. It has existed for only a little over a century, which is a very short time for the scientific industry. It began with those descriptions of dreadful and ugly old prisons, with more or less detailed indications of their desirable changes discussed at the end of the XVIII century. The Englishman John Howard initiated literature of this kind" [3, p. 7]. However, in the full sense, D. Howard's works were not doctrinal in nature, they were descriptions of those prison institutions that he visited around the world with proposals for their reforming.

It should be noted that activities of D. Howar's compatriots, in particular, V. Venning and E. Fry, who advocated humanization of the penal system, were important for the reform of the penal system. Thus, I. Ya. Foinitskii points out that the idea of creating a prison trust society in Russia, realized in 1819, belonged to V. Venning, who also proposed "to rebuild all prisons, classify prisoners according to moral categories and occupy them with compulsory work together with religious and moral education" [4, pp. 294–295].

E. Fry's activities were based on philanthropic principles; she was engaged in charity work in English prisons and expressed progressive ideas for that time about humanization of the execution of punishments in relation to women and minors.

At that time the English utilitarian philosopher J. Bentham presented works, such as "An introduction to the principles of morals and legislation", "Deontology; or the science of morality", "The basic principles of the Criminal Code", "The panopticon", etc. The idea of a panopticon, which was later called the model of an ideal prison, was outlined by J. Bentham in a series of letters to his friend. On the one hand, the theoretical model represented an architectural solution for the creation of a special institution (prison, workhouse, psychiatric hospital, etc. e.) with constant supervision of convicts. On the other hand, the author considered the possibility of implementing means of correction of convicts, such as "compulsory labor, vigilant supervision and arousing the imagination of prisoners through religious rituals" [4, p. 290]. Also, the proposed model of a penitentiary institution provided for solving problems related to the conditions of detention of convicts.

The concept of rationalization of punishment was also widespread among French Enlightenment philosophers. Ch. Montesquieu, F. Voltaire, C. Helvetius, P. Holbach, D. Diderot, and others, "who advocated rationalization of law enforcement activities of the state, codification of criminal procedure norms and mitigation of criminal penalties, actually prepared the grounds for the emergence of a more effective social control system than the monarch's power. In this system, the government had to lose arbitrariness features and was bound by certain rules. It was forced to recognize in the individual a subject endowed with certain rights and freedoms, and to use punishments only in a strictly standardized dose" [5, p. 764].

Enlightenment philosophers did not deny the system of state coercion, which performed repressive functions, prescribing and executing punishments in cruel ways sometimes. M. Foucault vividly illustrates criminal proceedings of France at that time when describing execution of R.F. Damien (the soldier who stabbed Louis XV) on March 2, 1757: "he (Damien – author's note) had to be brought there (the central gate of the Paris Cathedral – author's note) in a cart, in one shirt, with a burning candle weighing two feet in his hands, then in the same cart he was taken to the Greve Square and, after tearing his nipples, arms, thighs and calves with red-hot forceps, he was placed on a block, and in his right hand he should hold a knife, with which he intended to commit regicide; this hand had to be burned with hot sulfur, and a concoction of liquid lead, boiling oil, resin, molten wax and molten sulfur should be poured into the places torn with tongs; then his body had to be torn and dismembered with four horses, the trunk and severed limbs had to be put on fire, burned to ashes, and the ashes – scattered to the wind" [6, p. 7].

Such an illustration of the judicial system is more reminiscent of the Middle Age Inquisition than of France in the middle of the 18th century, which is usually represented when talking about French enlighteners.

In these conditions, humanistic thought sought to substantiate a new role of a person becoming the bearer of inalienable rights, the restriction or deprivation of which cannot be carried out unconditionally. A person has received a legal dimension and punishment, accordingly, should be applied taking into account new realities. According to Ch. Montesquieu, the effectiveness of punishment is measured not in its severity, but in its inevitability. In addition, the function of punishment is primarily to prevent subsequent criminal acts. To do this, the criminality of acts should be established by law, which determines the correspondence of the punishment measure to the severity of the crime committed. Ch. Montesquieu writes about the proportionality of punishment, "It is necessary that there be mutual harmony between punishments; the legislator should strive to ensure that, first of all, major crimes causing great harm to society are not committed than less serious one"" [7, p. 238].

A.A. Herzenzon, analyzing the influence of works of Ch. Montesquieu and French political teachings on the punishment theory formation, indicates that "Montesquieu speaks in favor of saving punitive means: the disadvantages of fighting crime are not the weakness of punishments, but the impunity of crimes. At the same time, he considers it important that "the most sensitive part of punishment" consists in "the shame of being shamed"" [8, p. 33].

The depenalization concept was of particular importance in the 18th century and the need to reduce the practice of using a death penalty or abolish it altogether was argued.

Despite his humanism, Ch. Montesquieu did not deny the necessity and validity of applying a death penalty. Thus, in his opinion, "a death penalty for a criminal is justified, since the law that punishes him/her was created for his/her own benefit. For example, the murderer was protected by the law that condemned him, the latter was protecting his life every minute, and therefore he cannot protest against it" [7, p. 363].

However, F. Voltaire was peremptory about a death penalty. In his articles "Death sentences" and "Executions", he considered the death penalty as a type of legal murder and shared the idea of aimlessness and uselessness of such [8]. According to F. Voltaire, "instead of a death penalty, it would be more expedient to force convicts to build large roads, country roads, plow uncultivated lands, etc." [9, p. 203].

Educational and humanistic ideas found their supporters outside France. Their doctrinal positions were developed in the works of the famous Italian philosopher C. Beccaria. A.A. Herzenzon assesses the influence of encyclopedic scientists on the work of the Italian humanist in this way: "it is enough to compare the work of Beccaria and the works of Montesquieu, the dates of appearance of the first and second, to unconditionally recognize the priority of Montesquieu over Beccaria. Beccaria developed, specified, systematized, and popularized Montesquieu's views in the field of criminal law and procedure; to a small extent, he also accepted the views of the Russians, but he borrowed the main thing in the field of criminal law from Montesquieu [8, p. 36]. The influence of the enlighteners was by no means one-sided. For example, it should be noted that the work of C. Beccaria "On crimes and punishments", in turn, prompted Voltaire to publish in 1766 the fundamental work "A commentary on the book of crimes and punishments", expressing there his ideas about criminal law.

It would be wrong to reduce the work of C. Beccaria to the level of copying progressive ideas of his predecessors and contemporaries, no matter how great they were. For example, he significantly expanded the concept of differentiation of punishments depending on the nature of crimes. Thus, C. Beccaria in his work "On crime and punishments" mentions a "ladder of crimes", which corresponds to the "ladder of punishments", which is an interpretation of the principle of justice in its modern sense. In the paragraph "Theft" he talks about the institution of substitution of punishment. In particular, based on the need to punish theft only with monetary penalties, C. Beccaria suggests imposing punishments related to forced labor instead of a fine, which is very problematic to recover, since, as a rule, mercenary crimes are committed because of financial stringency.

C. Beccaria outlined his approach to the essence, purpose and functions of punishment as follows, "in order for punishment not to be violence by one or many people against an individual citizen, it should necessarily be public, immediate, necessary, the least possible under the circumstances, proportionate to the crime established in the laws" [10, pp. 411–412].

So, the evolution of penitentiary thought is obvious. It is noteworthy that the author recognized the need for a public nature of punishment. This revealed the class inequality of feudal society. Here one can see a certain inconsistency in the humanistic ideas of the philosopher, who gave priority to the rational idea of preventing crime rather than intimidation. Public executions pursued the goal of illustrating retribution. According to M. Foucault, they recalled a ceremonial and its episodes were spelled out in detail in the sentences; it was "never forgotten to list how important they were for the judicial and legal mechanism: processions, stops at intersections, standing at church gates, public announcement of the verdict, kneeling, public repentance for transgressions against God and the king" [6, p. 64].

Moderate humanism is also inherent in C. Beccaria's arguments on the issue of a death penalty. He, like Ch. Montesquieu, allowed the possibility of using the death penalty, but only in extreme cases. These include circumstances in which the preservation of a criminal's life "threatens the security of the nation and his existence may cause a transition dangerous to the established way of government" [10, p. 316]. Limits of the death penalty application were further discussed by followers of humanism, which emerged in the 19th century in several scientific directions.

Doctrinal provisions on the essence of punishment were set out in German classical philosophy. I. Kant, G. Hegel, J. Fichte and A. Feuerbach expressed different views on

the nature of punishment, thereby developing principles of absolute and relative theories of punishment. The German philosophical tradition of the 18th century is more characterized by a metaphysical approach to understanding criminal law reality and its elements, primarily origins of criminal liability.

I. Kant's doctrine of punishment is based on the concept of free will, absolutizing human behavior as a rational being. A.A. Piontkovskii in his Doctor of Sciences (Law) dissertation, which he defended in 1939, wrote about I. Kant's understanding of practical reason, "Practical reason is the human will, acting in accordance with understanding of pure reason. The field of practical reason is the field of behavior of people as intelligent beings" [11, p. 25]. The autonomy of human will, based on moral law, cannot be determined by natural or other factors. So, according to I. Kant, a person commits any act consciously, understanding its consequences both for others and for him/herself. He did not recognize as lawful an act committed in a state of extreme necessity. This is confirmed by the following words: "the necessity, the causality of human behavior for Kant, therefore, never destroys the transcendental freedom of a person, and, consequently, freedom in the field of his/her practical behavior and imputation of the committed act to him/her" [11, p. 32]. However, in his "Anthropology", the German philosopher paid attention to the specifics of liability for an act committed by an insane person.

I. Kant, following a general doctrine of man as a "thing in itself', opposed utilitarian goals of punishment, since a person cannot be a means to achieve someone's goals. At the same time, the application of punishment should result in the achievement of justice, which is elevated to the absolute. For example, I. Kant supported a death penalty and considered it a requirement of justice. In the case of rape, justice, in his opinion, can only be restored by castration. "Kant sees the fulfillment of the requirement of punitive justice for bestiality in the removal of the criminal forever from civil society, since by his actions he destroyed his human dignity" [11, p. 56].

Believing in free will and inevitability of justice, I. Kant denied the possibility of releasing a criminal from punishment or pardoning him. Pardon by the head of state is possible only if the crime was committed against a criminal him/herself.

Philosophical views on the nature of punishment in the works of A. Feuerbach acquired a more legal form. Unlike I. Kant, he separated morality from law and gave punishment a legal form. According to A. Feuerbach, a person is not associated with a transcendent being devoid of any sensual principles, but is viewed by him as "the concentration of certain passions, vices and virtues not in their specific unity, but as a kind of arena in which passions struggle with each other, with each passion developing according to its own laws" [11, p. 86]. Based on this thesis, the task of punishment in the teachings of A. Feuerbach is to influence "the mind so that it can triumph over passions and aspirations that lead to crime commission" [11, p. 86].

A. Feuerbach outlined his doctrinal views on punishment as a method of state coercion in his work "Criminal law, published in Russia in 1810 (First book) and 1812 (Second Book). It was one of the first works on criminal law published in Russia. The First book "The philosophical or universal part of criminal law" presents a system of criminal law. Much attention is paid to the purpose, principles and types of punishment.

Speaking about the purpose of punishment, A. Feuerbach states that "every punishment has the necessary (main) purpose to turn everyone away from the crime by threatening them" [12, p. 122]. At the same time, he points to "side goals" of punishment, which include direct aversion from the crime, ensuring safety and lawful correction of the convicted person [12, p. 122].

Punishment is based on principles such as legislative certainty, publicity, guilt, and compulsion. At the same time, "simple punishments" can be applied non-publicly, in order to correct convicts themselves. He also categorically denied the possibility of collective punishment.

A. Feuerbach systematized punishments, dividing them initially into two groups, in particular, "named" and "unnamed". The latter included "deprivation of certain rights and privileges, prohibition of some, however, permitted acts and corrections of cases, for example, prohibition of trade, dismissal from a solicitor's position, etc." [12, p. 130]. "Named" types of punishment, in turn, were divided into psycho-

logical and mechanical or physical. Psychological punishments were directly related to the deprivation of honor and all states, or to puberty, as well as were aimed at defaming a person (pillorying, branding, etc.). A. Feuerbach also included monetary fines and confiscation in this category.

The group of "mechanical" punishments included a death penalty (simple and qualified), self-mutilation and corporal punishment, punishments related to deprivation of liberty (exile, imprisonment). It should be noted that punishment by "public works ... under strict supervision ... in public places in favor of the state" [12, p. 134] was also attributed to penalties related to imprisonment.

An important part of A. Feuerbach's punishment theory is the differentiation of the punishment severity. At the heart of this hierarchy is the severity of the crime committed. As stated in the "Criminal law", "the punishment is more severe, the more evil it contains" [12, p. 139]. Accordingly, a death penalty is the most severe. It is followed by life imprisonment, self-harming punishments, corporal punishment with deprivation of honor and rights of the state, defamatory punishments without the use of physical force, confiscation of property, lifelong exile, light corporal punishment, imprisonment for a certain period, public repentance, and monetary fine [12, p. 139].

Based on the above, it can be concluded that at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries there were several centers of scientific thought developing ideas about punishment and its application. These were England, France, Italy and Germany (Prussia). Subsequently, the penal doctrine significantly expanded the geographical scope. The ideas formed were further independently developed in the USA, Belgium, Russia and other national scientific schools. The developing system of academic exchanges in the university environment and the emergence of the practice of international disciplinary congresses played a huge role in this.

The next essential feature of penitentiary policy, in our opinion, is the presence of a legal system of criminal consequences. Despite the evolutionary process of forming legal foundations of punishment, it can be argued that the system of punishments in its modern understanding originates from codified acts of the beginning of the 19th century. It is not difficult to guess that this was to a certain extent a consequence of the punishment doctrine development. The research conducted was important not only for systematization of criminal legislation, but also in judicial practice. This is indicated by A.A. Herzenzon, speaking about the state of the French legal system of the 18th century, "the works of legal scholars were also used as a source of criminal law. These were numerous and rather vague sources of French criminal law used by the courts of royal jurisdiction" [8, p. 5]. This confirms the thesis about the absence of a normatively fixed system of criminal legislation. At the same time, the multitude of normative acts that existed in the territories of various states did not allow overcoming the chaotic nature of law enforcement. For example, S.A. Vasil'eva, referring to the English historian G. Trevelyan characterizes the state of criminal justice in England in the 18th century as "illogical chaos of laws", which angered the public, motivated lawyers to seek a solution to the legal conflict, and puzzled intellectuals with a moral dilemma [13, p. 131].

With the emergence of the first criminal laws, a list of criminal response measures was consolidated, which initially consisted of punishments imposed for committing a criminal act. As a rule, the entire range of criminal penalties was limited on the one hand by a death penalty, and on the other by a monetary fine. Such a scale of punishments in a somewhat transformed form is relevant for the present time. It is this concept that gives us reason to believe that the system of criminal consequences, in its legal consolidation, as a penal policy feature was formed and formalized in European countries at the turn of the 18th–19th centuries. Further, it underwent changes under the influence of various factors, such as scientific rethinking, social demand, political conjuncture, etc.

Illustrating the presented thesis, one can rely on the most studied criminal laws of European states of that era. The general trend can be traced to the criminal legislation of France, Germany (Prussia and other German states) and Italy.

Professor S.O. Bogorodskii studied this problem in detail and published "An essay on the history of criminal law in Europe since the

beginning of the 18th century" in 1862. He presented a thorough analysis of the genesis of criminal legislation of European countries, useful for understanding the process of formation and normative establishment of the system of criminal penalties.

Legal dogmatics has influenced the process of systematization of norms governing the public legal sphere. Criminal codes of France and Bavaria were one of the first criminal codified acts. According to the famous French criminologist M. Ancel, they were of great importance for further development of criminal legislation of European states. He considered the legislative process of the second half of the 19th century as the great neoclassical period, the purpose of which was to make criminal codes "more perfect than those that had served as a model for them, namely, than the French and Bavarian codes of the early (19th – author's note) century" [14, p. 61]. Professor M.A. Chel'tsov-Bebutov also underlines progressiveness of these normative legal acts for further construction of criminal legislation [15, p. 29].

The French and Bavarian criminal codes had a certain advantage of separating general provisions from the special part. This indicated a systematic approach to the application of punishment. For example, the First Book of the 1810 French Penal Code was devoted to punishments divided into criminal correctional and police. General rules for their application were established. In addition, the same part of the Criminal Code fixed post-penitentiary supervision over persons who had served hard labor or who had been released from a straitjacket house. It is also worth noting that this criminal law existed with certain changes until the entry into force of the new Criminal Code of France in1994.

The Bavarian Criminal Code of 1813 is no less significant, although it was not so long in force as the previous French criminal law. This code was drafted with the direct participation of A. Feuerbach, who, based on his philosophical ideas, built a system of criminal law. At the same time, S.O. Bogorodskii was critical of the punishment system, which included a death penalty, corporal and shameful punishments, pursuing a very archaic purpose of intimidation. Professor of the Potsdam University U. Hellmann describes the meaning of the Bavarian Criminal Code of 1813, "A. Feuerbach laid the foundation for the criminal law inherent in a state governed by the rule of law. Despite all the shortcomings, I. Feuerbach's Criminal Code became a criminal law model of that time ... The Criminal Code of Bavaria had a decisive influence on further codifications in Germany" [16, p. 120].

Further, criminal legislation followed the path of systematization of legal norms, dividing them into general and special parts. Thus, in such a construction, the doctrinal provisions on crime and punishment, previously developed by philosophical dogmatics, were legally consolidated and formed a system of criminal legal consequences arising from the commission of illegal acts. This circumstance allows us to attribute this feature to the number of systemic features of penitentiary policy.

Another methodologically significant feature of penitentiary policy is the presence of *normative established rules for the application of criminal law measures*, defining the provisions on which the system of execution of punishments (goals, principles) is based, the legal status of convicts, as well as the legal mechanism for implementing appropriate measures of state coercion.

The analysis of foreign and domestic legislation indicates the diversity of regulatory prescriptions in the 18th century and in earlier times. They were quite casuistic, since they assumed the normative consolidation of certain aspects of organizing execution of punishments, for example, regulation of certain procedures accompanying the execution of a death penalty, prisoner transfer under guard, branding or execution of corporal punishment, supervision of convicts, etc. This was caused by significant differences in socio-economic development, maturity of political institutions, mental and socio-cultural characteristics of the population, the development level of science and education, and many other specific factors.

At the same time, this state of affairs characterized the general picture of the state of legal regulation of the execution of criminal penalties, which, in turn, already testified to the existence of a universal trajectory of the evolution of penitentiary legislation.

Undoubtedly, there was a certain direction of the evolution of penal legislation and the prac-

tice of executing criminal penalties. This vector was given by the ideas of Enlightenment on the humanization of criminal justice, which were normatively fixed in the first criminal laws and subsequently developed during further reforms of national criminal legal systems. Such system-forming progressive legal postulates include the principles of legality and legal equality, prohibition of torture and other inhuman treatment, as well as correction of the convicted person as the main purpose of the punishment execution.

The formation of legal space was based on the generalization of national and foreign experience. Extra-legal forms of searching for advanced ways of executing criminal punishments were of significant importance. A lack of strict regulation of the penitentiary sphere provided ample opportunities for an experimental approach in this area. The need to overcome negative aspects of incarceration, such as overcrowding in isolation facilities, inadequate sanitary and hygienic conditions, lack of differentiation between convicts and persons in custody, served as an impetus for the emergence, for example, of the Pennsylvania and Auburn penitentiary systems, based on changing conditions of serving sentences depending on the time served and the convict's behavior, as well as the introduction of many other innovations aimed at humanizing and rationalizing penal enforcement practice.

Considering the process of legitimization of penitentiary practice, we should emphasize the importance of activities of the International penitentiary congresses. Since 1872, they had hold regular meetings, bringing together representatives of different countries, as well as well-known scientists in the field of criminal and penal law, criminology. I.Ya. Foynitskii described the purpose of their work as follows: "collecting data from prison experience, comparing information about activities of different prison systems, as well as comparing both the punitive effect of different punishments and other methods practiced in different states for punishment and prevention of criminal acts" [17, p. 344].

Generalization of penitentiary practice and understanding of the need to reform the penal sphere influenced the process of systematization of legislation, which began in the first quarter of the 20th century. At that time, there appeared the first laws, which were systematized normative legal acts regulating legal relations in the field of execution of criminal penalties. For example, the Law on the Criminal Responsibility of Minors (Jugendgerichtgesetz) was adopted in Germany in 1923, "which not only prescribed the execution of a custodial sentence for minors in special institutions, but also for the first time declared education of young criminals as the main purpose of the execution of a custodial sentence" [18, p. 81]. At the same time, Germany did not have a law fixing general rules for the execution of criminal penalties against minors in the first quarter of the 20th century. On the initiative of the Minister of Justice of the Weimar Republic G. Radbruch, the Reichstag approved "Principles of the execution of punishments in the form of imprisonment" (Grundsatze f r den Vollzug von Freiheitsstrafen) on June 7, 1923, which consolidated general provisions on the execution of penalties.

It should be noted that Soviet Russia at that time was at the forefront of the process of penitentiary legislation formation. In particular, a normative legal act "On Approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR" was adopted by the Decree of the Central Executive Committee of October 16,1924. It laid down the requirements for the system of execution of criminal penalties.

At the same time, it is important to understand that the significance of legislative acts was not only in the legal and technical design of legal regulations. Their primary purpose was seen in the essential definition of limits of state intervention in the legal situation of a person, which, by establishing legal restrictions, prohibitions and imposing special duties, could have an impact on the convicted person, thereby differentiating the degree of criminal repression.

The fourth feature that gives penitentiary policy the properties of consistency and measurability is **penitentiary statistics**.

Many people associate the formation of criminal statistics with the philosophy of the Belgian scientist Adolphe Quetelet, who tried to find statistical patterns between fertility and mortality, crime and punishment, as well as between other social phenomena on an interdisciplinary basis. The positivist paradigm, the central link of which was determinism on the broadest scale, allowed the scientist to formulate the idea of a crime budget. In his opinion, it is "paid with amazing correctness – it is the budget of prisons, hard labor in exile and scaf-

folds" [19, p. 7]. Speaking about forecasting crime, the scientist notes that "it is possible to calculate in advance how many individuals will get their hands dirty in the blood of their neighbors, how many fake paper makers, poisoners, etc. will appear, almost in the way the number of future births and deaths can be calculated" [19, p. 7].

According to M.N. Gernet, A.E. Ducpétiaux (Belgium) and A.M. Guerry (France) are the first scientists whose works were devoted to criminal statistics. He links the development of moral and statistical literature with their works, which "begins only in the thirties of the 19th century, when systematic collection of information about the crime movement, first in France, then in Belgium and in other countries began" [20, pp. 12–13]. At the same time, M.N. Gernet mentions the undeservedly forgotten name of Academician N.F. German, who was the first among Russian scientists to outlined crime patterns in his reports "Research on the number of self-murders and murders in Russia in 1819 and 1820" on December 17, 1823 and June 30, 1824 [20, p. 13]. However, "when German made his report at the meetings of the Academy of Sciences and sent it to A.S. Shishkov for publication, the latter responded sharply, "I consider the article on the calculation of homicides and suicides that have occurred in the past two years in Russia to be unnecessary and even harmful. ... It seems to me that such articles, indecent for the publication, should be sent back to the one who has sent them for publication with a remark so that he should not work on such empty things in the future. It is good to inform about good deeds, and such as murder and suicide should sink into eternal oblivion" [20, p. 14]. This was the official position, which greatly influenced criminal statistics development in Russia.

The appearance of penitentiary statistics occurred, as a rule, later than criminal statistics. At the same time, Switzerland was an exception to this rule, where information about the number of convicts and their movement appeared earlier [19, p. 38].

France was a pioneer in the field of prison statistics, where, as noted above, the foundations of official criminal statistics were formed. Statistical data on convicts began to be published in the collection "Penitentiary statistics". It provided "information about the movement of the prison population over the year, its division by gender, profession, nationality, religion, family status, earnings in prison, education in places of detention, crimes committed there, self-murder, disciplinary punishments, etc." [20, p. 39].

Along with this, M.N. Gernet associates the formation of prison statistics in Russia with the creation of the Main Prison Administration in 1879, which published its first report in 1882. At the same time, it should not be ignored that the first statistical information was published already in the materials on the judicial reform of 1864.

Further, criminal and penitentiary statistics, as the data collected became more detailed and the methods of processing them improved, became an important tool of penitentiary policy, since it provided the opportunity to monitor results of the application of punishments and other measures of a criminal nature. In addition, penitentiary statistics have gained wide relevance in the process of improving legislation and law enforcement practice, developing conceptual approaches to modernizing the penitentiary system and predicting forecasting risks of the decisions taken. Thus, the use of statistical data is an integral element of penitentiary policy.

Conclusion

Winding up the study of features of penitentiary policy, it should be noted that its results have important methodological significance, since they allow us to determine the contours of penal policy as a political and legal phenomenon. Such features include a penitentiary doctrine, a legal system of criminal consequences, normatively established rules for the execution of measures of criminal legal impact and penitentiary statistics. Their presence most fully characterizes the convergence of social and legal reality, which determines the ontological content of national penitentiary policy. Consideration of these features through the prism of the origin of penitentiary policy indicates that the process of its formation coincides with the second half of the 19th century – the first quarter of the 20th century. Most actively penitentiary policy was formed and developed in Western European countries, such as England, France, Germany, Italy, Belgium, as well as in Russia.

REFERENCES

1. Chestnov I.L. Constructivist paradigm in law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2016, no. 2 (325), pp. 62–93. (In Russ.).
2. Sitnikova A.I. Fictions in criminal law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2008, no. 1, pp. 60–67. (In Russ.).
3. Poznyshev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 1923. 367 p.
4. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000. 464 p.
5. Bachinin V.A. *Sotsiologiya. Akademicheskii kurs* [Sociology. Academic course]. Saint Petersburg, 2004. 871 p.
6. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. by V. Naumov. Moscow, 2023. 416 p.
7. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1955. 779 p.
8. Herzenzon A.A. *Problema zakonnosti i pravosudiya vo frantsuz-skikh politicheskikh ucheniyakh XVIII veka* [The problem of legality and justice in French political teachings of the 18th century]. Moscow, 1962. 320 p.
9. Voltaire F.M. *Izbrannye proizvedeniya po ugolovnomu pravu i protsessu* [Selected works on criminal law and procedure]. Transl. from French by Lapshin N. Moscow, 1956. 339 p.
10. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Transl. from Italian by Isaev M.M. Moscow, 1939. 463 p.
11. Piontkovskii A.A. *Ugolovno-pravovye vozzreniya Kanta, A. Feierbakha i Fikhte* [Criminal law views of Kant, A. Feuerbach and Fichte]. Moscow, 1940. 192 p.
12. Feuerbach A. *Ugolovnoe pravo: v 3 kn. Kn. 1* [Criminal law: in 3 books. Book 1]. Saint Petersburg, 1810. 146 p.
13. Vasil'eva S.A. *Genezis i evolyutsiya doktriny penitentsiarizma v anglo-amerikanskom sotsiokul'turnom prostranstve (konets XVII – nacha-lo XIX vv.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Genesis and evolution of the doctrine of penitentiarism in the Anglo-American socio-cultural space (late 17th – early 19th centuries): Doctor of Sciences (History) dissertation]. Ryazan, 2022. 540 p.
14. Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike*) [New social protection (humanistic movement in criminal policy)]. Transl. from French by Lapshina N.S. Moscow, 1970. 312 p.
15. Chel'tsov-Bebutov M.A. *Prestuplenie i nakazanie v istorii i v sovetskom prave* [Crime and punishment in history and in Soviet law]. Kharkov, 1925. 112 p.
16. Hellmann U., Satolin V.N. The history of the German Criminal Code *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2019, no. 2, pp. 118–124. (In Russ.).
17. Foinitskii I.Ya. Penitentiary Congress in Rome. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, 1886, vol. II, no. 3, pp. 340–374. (In Russ.).
18. Burtsev A.N. *Penitentsiarnaya sistema Germanii v XVI – nach. XXI vv. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk* [The penitentiary system of Germany in the 16th – beginning of the 21st century (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2007. 223 p.
19. Ketle A. *Chelovek i razvitie ego sposobnostei ili opyt obshche-stvennoi fiziki: v 2 t. T. 1* [Man and development of his abilities or experience of general physics: in 2 vols. Volume 1]. Saint Petersburg, 1865. 128 p.
20. Gernet M.N. *Moral'naya statistika (ugolovnaya statistika i statistika samoubiistv)* [Moral statistics (criminal statistics and statistics of suicides)]. Moscow, 1922. 295 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI N. OVCHINNIKOV – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, mont80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8942-0244

Received December 13, 2023

Original article
UDC 53.134
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.004

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (General Description of the Problem)

NIKITA A. KOLOKOLOV
A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: it is known that "significant" and "insignificant" are paired categories, because revealing the essence of the one is unthinkable without referring to the analysis of the other. This article (the first in a series) reveals the social and legal nature of the institution of insignificance in criminal law. *Purpose*: to clarify the legal nature and essence of the institution of insignificance in criminal law and analyze the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and develop scientific and practical recommendations for law enforcement officers. *Methods*: historical, comparative legal, sociological and psychological, statistical methods, methods of dialectical cognition, abstraction, analysis and synthesis, induction and deduction. *Results*: first, it is stated that the category "insignificance of a criminal act" has not been properly developed in Russian criminal law science. Second, it is revealed that the intensification of the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation is associated with the emergence and further with the deepening of the gap in the norms of substantive law regulating the incurrence of liability for petty theft (Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation) and various forms of theft provided for in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes against property". Third, it is stated that law enforcement officers (employees of bodies engaged in operational investigative activities, interrogators, investigators, prosecutors and judges) cannot comprehend the essence of another paired philosophical and legal category – "form" and "comprehension" (crisis of legal psychology and ideology). All the noted problems do not contribute both to the economy of criminal repression and criminal procedural economy in general. Fourth, there is a growing number of legal experts arguing that the problem of the insignificance of an act should be brought up for discussion by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. In subsequent articles in the series "Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation", the reader will be offered a substantive analysis of the rational and irrational in classifying certain actions as criminally punishable acts and results of the author's monitoring of the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

© Kolokolov N.A., 2024

Keywords: insignificance of an act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.1. Theoretical and historical sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (general description of the problem). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65). pp. 32–42. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.004.

Public danger and insignificance

As you know, crime differs from other various illegal acts by a public danger. In particular, it is not so much this abstract public danger itself, but its degree in each specific situation (quantity, significance). Professor A.V. Galakhova, commenting on the term "public danger" in the publication addressed primarily to the Russian legal society argues that it is about "a material element of a crime that reveals its social essence" [1, p. 71]. We agree that the category of "crime" is invented by people and cannot exist outside society. The question arises about the materiality of the public danger of crime, fixed in Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to A.V. Galakhova, this very public danger and its materiality are categories that are "economic, political" [1, p. 71], but we will add that they are also historical: what was criminal yesterday (for example, speculation) is a revered business today. It is no coincidence that the legislator fixes in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation that the "materiality" of the public danger is sometimes reduced to such "insignificance" that does not pose a criminal danger to the public.

We have repeatedly noted that it is rather difficult to identify a line between criminal and non-criminal [2–4]. A.V. Galakhova, when distinguishing a crime from other offenses (administrative, disciplinary, etc.), suggests that the law enforcement officer (investigator, prosecutor and judge) should be guided by certain indicators of the act that fell into the prism of public proceedings. At the same time, she, commenting on Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, highlights such data on the crime as 1) quality – nature of the crime and 2) its quantity – the degree revealed under Article 6 "Principle of Justice" and Part 3 of Article 60 of the Criminal Code.

This norm refers to the identity of the perpetrator (whether it is an accidental offender or an inveterate criminal) and also mentions living conditions of family members of a criminal, that is, negative circumstances necessarily accompanying the imposition of punishment, both for the perpetrator himself and for the society as a whole. However, the analysis of certain court decisions shows that the important circumstances listed by some courts (Verdict of the Leninsky District Court of the city of Kursk No. 1-144/4-2022 of February 16, 2022), including by the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, are not taken into account (Cassation Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51-UD23-8-K8 of July 5, 2023), or even completely ignored.

The United States is famous for applying exceptionally harsh punishments to hardened criminals for a trifle. For example, the U.S. Supreme Court did not see anything unusual in the punishment of 40 years in prison for stealing 15 rolls of toilet paper. Such a harsh repression was substantiated by the fact that the perpetrator was convicted for the 89th time.

This clearly indicates that "the public danger that transforms an act into a crime" and "insignificance" are paired categories. What is more,

similar acts can be regarded as an audacious crime for someone or as an insignificant act that does not meet the requirements specified in Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation for another by the law enforcement officer and the whole society.

Special attention should be paid to the problem of the unity of legal practice declared by theorists in the Russian Federation. We strongly believe that there is no such a unity and there cannot be, since Russia is a large, multinational and multi-religious country [5].

Taking part in judicial control carried out by specific members of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation, the author had the opportunity to participate in the verification and revision of sentences handed down in different regions of the country, for example, in the Pskov Oblast and the Republic of Dagestan. Moreover, the difference in mentality is obvious: what for northerners is a bribe, for southerners is a non-binding small gift.

Since Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation fixes a principle of justice and Part 3 of Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation stipulates that a punishment will be fair only taking into account data on the identity of a convicted person, one can assume that punishment in controversial situations will depend, for example, only on the place of work of the perpetrator. In particular, a judge involved in a car accident, if there is mutual guilt, will be punished, unlike another driver [6].

The essence of these arguments lies in the proposal to law enforcement officers not to replace the content of the crime (material) with only formal ones [7], not to forget about the duality of punishment. When imposing punishment, not only future life of one particular perpetrator is taken into account, but also all members of his family. According to long-established practice, courts are at least obliged to mention this in their sentences.

According to the father of Russian criminal law science, Professor N.S. Tagantsev, "the very name "crime" presupposes transition (phase transition) in our consciousness beyond some limit" [8, p. 24], that is, something used to be quite ordinary suddenly "becomes illegal" [8, p. 4] and "so essential" [8, p. 31].

Unlike N.S. Tagantsev, modern legal scholars are not so sure about the degree of the public danger of crime. For example, I.V. Ishchenko, in the monograph "Public danger as an integrative property of crime (concept, characteristic)" [9], refers to Pitirim Sorokin, who in the first half of the last century honestly admitted that there was still no concept of crime [10, p. 128], to Professor N.G. Ivanov, for whom "crime still remains a transcendent phenomenon", and "amorphousness of available definitions" "gives absolutely nothing to define a criminal and the possibility of its separation from the unapproachable" [11, pp. 6–13, 15], to M.M. Babaev and Yu.E. Pudovochkin, who argued that "the essence of public danger is determined by a variety of factors", and most importantly – "the environment in which it takes place" [12, pp. 42–43].

In relation to the chosen topic, the following statement of I.V. Ishchenko is also of interest to us: "the formulation of the insignificance of an act, fixed in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, allows us to deduce two important circumstances from it: first, the legislator mentions public danger in general, without focusing on any of its indicators; second, to recognize an act as insignificant, the presence of elements of the crime, albeit formal, is necessary" [9, p. 44]. The scientist also notes that the nature and degree of public danger cannot be excluded from the identity of the perpetrator, and the harm from the crime is revealed through the nature and degree of public danger [9, pp. 46–47].

For some, all of the stated above is Chinese puzzle. At the same time, most Russians are endowed with a burning sense of justice. We have already written that criminal policy is always mysterious obviousness [13].

The above arguments will be used as a methodological key in the analysis of the progress of individual criminal cases of precedent significance.

Analysis of categories used in the process of cognition

Categories are fundamental concepts that make it possible to comprehend the being (Aristotle) [14, pp. 274–248]. A pair is two phenomena that make up a single whole [15, vol. III, pp. 19–20] (in our study, first of all, we are talking about the paired construction of the categories "significant" and "insignificant").

Comprehension is the meaning, the essence of something [15, vol. IV, p. 180] (the article

deals with the content of certain crimes). Comprehension in logic and linguistics is "a set of common characteristics peculiar to the same phenomenon, serving for its conceptual definition. In this sense, comprehension is opposed to an expansive (extensional) interpretation. The richer the meaningful definition of the concept, the narrower its scope [14, pp. 558–559].

The form is external outlines, external expression, conditioned by certain comprehension, essence, method of manifestation, appearance, external side, means of external expression [15, vol. IV, pp. 577–578] (norm of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation). In addition, the form (forme) in some situations is also a goal, having reached the limits of which the substance stops. forme can also be an essence and a basic quality. Thus, the form can be both a defining and definable phenomenon. The form without a substance at all is just an idea [14, p. 665].

Formalism (formalisme) is a judgment not about material comprehension of something, but only about its form [14, pp. 665–666]. A formal reason (formelle causa) has been the answer to the question "Why?" since the time of Aristotle [14, p. 666]. The list of formal reasons to initiate a criminal case is provided for in Part 1 of Article 140 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

The authorities engaged in intelligence-gathering always address the goal of identifying those actions in people's behavior, which, at some stage, can be, even formally (preliminary judgment), elements of the crime (Part 2 of Article 140 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), provided for by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. We are talking about all the necessary elements of its composition provided for by law, which collectively correspond to the concept of "crime" (Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation). Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contains the following imperative: an act that only in form corresponds to the composition of the crime specified in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is not a crime.

"Punitive law"

The set of legal norms (legislation) regulating, first, a list of acts prohibited under threat of punishment, and second, types and forms of punishment, it is customary in legal science to call "punitive law". For example, in Germany, the analyzed branch of law is called "Strafrecht" (from German Straf – punishment, Recht – law) [16]. The relevant laws on crime and punishment are concentrated in the Strafgesetzbuch (StGB, literally, "a book of laws on punishment).

We see the same approach in designing the name of the branch of law in France (droit penal), Moldova (codul penal), and Romania (codul penal).

In English, the combination "criminal law" (law on crimes) is used. This pattern in the construction of the name is also followed in Ukraine – Kriminal'nyi kodeks Ukraini (Criminal Code of Ukraine).

The term "ugolovnoe pravo" (criminal law) in the Russian language has no special meaning except for tradition. The Criminal Code may be sooner or later renamed as the Crime and Punishment Code.

The domestic legislator, for a number of reasons (which we will not dwell on separately), divided the inherently unified branch of "punitive law" into two relatively independent branches (in fact, sub-sectors): 1) law on offenses provided for and punishable by the rules of the Administrative Code of the Russian Federation and 2) criminal law.

In particular, punishment for theft (as well as some other forms of stealing) is provided for in Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation and Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation. The same can be said about the norms providing for liability for battery, causing minor harm to health: Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, respectively.

If acts, such as theft, are difficult to distinguish in form, then what makes the legislator use something uniform in punishing different branches of law? The basic principle of "punitive law" is that the law establishing the minimum possible punishment is applied first. In the analyzed situation, this is Article 7.25 of the Administrative Code of the Russian Federation, according to which the act (with exceptions stipulated in the law) cannot be regarded as a criminal offense under Article 158 of the

Criminal Code of the Russian Federation, if the amount of the stolen does not exceed 2,500 rubles.

According to the law, if the amount of the stolen is 2,500 rubles + 1 kopeck (there is a phase transition), then formally a criminal case should be initiated with all the consequences that follow from this. At this point, a thoughtful reader should ask for what special reasons the fate of the offender will be determined already according to the rules of the law, providing for the most severe criminal liability.

Judge of the Seventh Circuit Court of Appeals of the United States – the famous American theorist Richard A. Posner – has always approached the analysis of criminal law from the position of rational choice in a world where resources are always limited in relation to human needs [17, p. 3]. According to him, "a person commits a crime because the expected benefits of the crime to him exceed the expected costs" [17, p. 302]. However, the theorist also took into account the fact that rational behavior of people does not always prevail. In situations where the search for a rational in criminal law response to the behavior of individual criminals comes to a dead end, "price fixing" is applied [17, p. 298].

It seems that only such a justification can be used as the basis for the above regulations in Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Discussing the problem coverage

Some problems of judicial discretion in terms of interpreting the norms of criminal law governing exemption from criminal liability have already been in the focus of attention of some Russian scientists, in particular Yu.V. Gracheva [18–22].

According to Professor Yu.V. Gracheva, it is impossible and unnecessary to fix all specific situations that may occur in a real criminal case in the criminal law. There appears a "danger of petty guardianship over the decisions and actions of the law enforcement officer" [20, p. 3]. In this regard, the solution of many issues is left to the discretion of the law enforcement officer; first of all, we are talking about the application of evaluation criteria [20, pp. 3–34]. She also notes that "the state of scientific knowledge about judicial discretion in the application of criminal law norms in modern Russian doctrine" is "characterized as fragmentary" [20, p. 4].

Other researchers are even more specific on this issue. For example, D.S. Volkova believes that the institution of insignificance of an act, despite its rather long existence, is one of the least developed institutions of both de lege and de lege ferenda in the General part of domestic criminal law [23].

Undoubtedly, there were attempts to study the category "insignificance" at the monographic level. In 1982, N.M. Yakimenko defended his Candidate of Sciences (Law) dissertation "Insignificance of an act in Soviet criminal law" [24] and prepared a textbook "Assessing insignificance of an act" [25].

These works are still relevant. In particular, we cannot but agree that "the form and comprehension are inextricably linked: the form is always meaningful and the comprehension is framed... This unity is manifested, for example, in the fact that only socially dangerous acts are recognized as criminally unlawful, in turn, only such acts that are provided for by criminal law are socially dangerous. Since the law does not name all elements indicating public danger, but only the most significant ones, corpus delicti reflects public danger of the type of act, and not of the specific act committed by a person [25, p. 4].

Therefore, "contradictions may arise between an abstract requirement of the norm and specific features of the life situation. In such cases, this is overcome through norms... specifically providing for that special combination of circumstances that excludes criminal liability", including through the norm contained in Part 2 of Article 7 of the Criminal Code of the RSFSR (now Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) [25, p. 6].

In 2005, the Candidate of Sciences (Law) dissertation "Insignificance of an act and its criminal legal significance" was defended [26]. We find some of the researcher's results rather controversial, for example, "insignificance is objectively subjective in the sense that, being real in principle, it exists outside our consciousness and is simultaneously subjectively perceived by both the legislator and the law enforcement officer" [26, p. 4]. Here, the author, analyzing "material" law, most likely just got confused in philosophical categories, which is

not surprising, because theorists are still arguing the essence of law [27].

In 2019, under scientific supervision of Professor K.V. Obrazhiev, D.Yu. Korsun defended his Candidate of Sciences (Law) dissertation "Insignificance of an act in criminal law: problems of theory and practice" [28]. According to the dissertation, "the functional purpose of criminal law prescriptions on the insignificance of an act is designed to "smooth out" conflicts between the form (criminal wrongfulness) and the comprehension (public danger) of the crime. Their discrepancy is associated with inevitable contradiction between abstractness of criminal law norms and concreteness of the acts prohibited by them, the lag of the conservative system of criminal law prohibitions from the dynamics of social relations, and excessive criminalization of acts. In conditions of excessive criminalization of acts, the gap between the form (criminal illegality) and the comprehension (public danger) goes up, which inevitably increases the "demand" for the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and makes it very popular" [28, pp. 8–9].

The following conclusion of D.Yu. Korzun is particularly important for us: "Quantitative indicators of the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation should be considered as one of the indicators of the quality of criminal legislation that can be used in the process of monitoring law enforcement" [28, p. 9].

If we dive into philosophical categories more deeply and in detail, we will recall that the problem of separating the "insignificant" from the "significant" was very precisely defined by K. Marx in his work "Debates on the law on thefts of wood" (translated into Russian in 1852) [29]. The researcher, being outraged by the fact that the legislator was unable to distinguish "collecting deadwood" (insignificant) from "cutting down forests" (significant), called a specific criminal law a "great hypocrisy". We regret to say that the problem identified by K. Marx in the middle of the XIX century in Germany is relevant in modern Russian law enforcement practice [6, pp. 205–223].

Despite the fact that the topic of insignificance in criminal law is well known in Russia, we have to state that modern Russian criminal law science does not have fundamental works based on the analysis of a solid empirical base devoted to a comprehensive analysis of judicial discretion in the implementation of the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation on the essence of insignificance of an act [21; 22].

It is also worth mentioning that due attention has not been paid by materialistic scientists to the problems of judicial discretion within the framework of the application of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation [30].

I.V. Ishchenko even raises the question of excluding this norm from the Criminal Code of the Russian Federation [9, pp. 37, 44, 142].

We are talking about theoretical, legislative and practical problems, including issues of legal writing.

The object of our research is public relations, including issues of judicial discretion in the implementation of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. The subject of knowledge covers the doctrine of criminal law on the significance and insignificance of acts provided for in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and materials of judicial practice. The purpose of the study: a comprehensive theoretical development of judicial discretion in the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, which may be important for improving "punitive" law in general and current legislation in particular. Achieving this goal is possible by solving the following tasks: 1) determining roles of the legislator and law enforcement officer in terms of the application of Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) identifying the causes of judicial discretion in relation to Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation; 3) revealing characteristic features of this type of judicial discretion; 4) exploring legal ways to narrow the limits of judicial discretion when applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

S.A. Markuntsov names the following sources of criminal law prohibition: 1) social; 2) sociopsychological; 3) moral; 4) cultural and historical; 5) economic; 6) political; 7) systemic legal

(international legal and criminal law grounds based on assessments of the scientific and expert community) [31, pp. 376–377].

Professor V.V. Marchuk, analyzing Part 4 of Article 11 of the Criminal Code of the Republic of Belarus (analogous to Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation), writes that the crime itself "is not always a legal expression of public danger. What is prohibited by criminal law may not always be recognized as socially dangerous and, therefore, be criminal. In a specific legal situation, the absence of a public danger in an act neutralizes criminal wrongfulness" [32, p. 32].

In some countries (for example, in France), the conclusion "summum jus, summa injuria" (exact observance of the law) is sometimes equal to the highest lawlessness, elevated to the rank of national principles of law [33]. The legislator, as a rule, without going into details, provides the law enforcement officer with freedom of interpretation. Well, where interpretation is, as G.F. Shershenevich said, there is no science, only art [34, p. 724].

For now, we will emphasize the main idea: "Law is not what the author of the law has intended and the legislator has written down as a norm. The law is what a particular judge has read!" [35, p. 175].

Formal approach

According to Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation V.G. Yaroslavtsev, "a formal approach is the evil of the Russian criminal process" [36]. He was very sensitive to the moral component of justice and always recognized the reality of judicial law-making in the field of filling gaps in the law [37]. This idea was developed in legal positions (precedents) of his colleague K.V. Aranovskii, in particular, "courts have always been creating law" [38].

A bold example of such law-making is the case "On checking the constitutionality of Articles 416–417 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov" (speaker – K.V. Aranovskii) (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P of December 16, 2021 in the case of checking the constitutionality of Articles 416–417 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov). The essence of this decision is a review of the board's statement: "a formal approach is the evil of the Russian criminal process". The court should not wait for mercy from the prosecutor's office, in order to protect the rights of an individual in the criminal process, it should decisively take power into its own hands, of course, in cases where the prosecutor's office (executive authority) is unable (unwilling) to ensure these rights [39].

However, not all processualists share this principled position. For example, T.A. Alekseeva notes that the Constitutional Court of the Russian Federation is only entitled to point out a gap in the law to the legislator [40]. Let us bear in mind that the execution of this court's decisions is time-consuming. The illegal sentence against Iskhakov was overturned only after 64 years.

As noted by D.S. Volkova, Judge K.V. Aranovskii wrote in his dissenting opinion to the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P of December 11, 2014 "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) that "public danger" could not be accurately measured and fully expressed in advance", since it was also "a human subjective state, depending in this sense on how it is felt, represented and expressed" [23].

The court fills in gaps in the law (the Criminal Code of the Russian Federation) and criminal law

Relations between people are regulated mainly by moral norms and, when there are not enough of them, by the norms of real positive law, which can be (fully/incompletely) prescribed in specific laws and other normative acts.

We have already written about the role and place of the court in filling gaps in the law [41]. The question arises, whether judges have the right to ignore moral norms? According to U.S. Supreme Court Judge Benjamin Cardozo, "there is an insufficient number of legal norms for organizing judicial activity, as the legal field is a priori empty" [42], therefore, in search of justice, the courts are forced to "cook a strange mixture, the elements of which are law and morality" [43].

It is no coincidence that many modern Russian researchers believe that activities of the court should not be strictly formalized. Consequently, the court can function effectively only if it has a sufficiently wide margin of appreciation [44].

We always proceed from the fact that the court is not only a universally recognized and effective way to resolve social conflicts, but also an element of the state apparatus. The state (as well as law) is a historical reality, unique and at the same time naturally arising social relations [45], the social nature of which lies in the potential ability of a reasonable person to mobilize his resources with the help of his own means of speech, signs and symbols in order to achieve goals, as predetermined at the level of the simplest instincts as well as consciously set by people, to resolve problems and tensions in the field of management [46], as well as in the presence of the society's right to make decisions and seek their mandatory execution [47].

Judges of the Supreme Court of the Russian Federation, within the framework of judicial lawmaking, outlined their vision of the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation

We state that the court not only can, but also should create law. Often, the courts are literally forced to engage in law-making. Numerous special studies have already been devoted to this problem [48], including some of our own [49].

Judge of the Supreme Court of the Russian Federation E.V. Peisikova, the author of one of the precedent decisions under Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, begins her publication "Judicial lawmaking as an integral function of the court" [50] with a quote from her colleague V.I. Anishina: "the court cannot be put aside from creating legal norms, since it is one of the powerful elements of management of the whole society, meaning that it has functions of the state in front of society, protecting its citizens" [51].

So, the stated above can be interpreted as the following algorithm: the court has no right to wait until the legislator deigns to propose to society one or another regulation of behavior, because the people demand a balanced and clear decision from the court here and now.

We consider scientists' claims that the court does not have law-making powers [52] as erroneous, because they are refuted by judicial practice.

It is particularly important that Judge E.V. Peisikova suggests defining the very category of "judicial law-making" [50], which is fundamentally different in form from its other types and forms. Courts do not compete with parliaments, they have their place in the check and balance system.

E.V. Peisikova, considering forms of judicial law-making, such as legal positions (precedents) published in various official reviews, mentions "practice-forming decisions" [50], some of which are the subject of our knowledge.

With regard to the chosen topic, we will only recall that any criminally punishable act (crime), as a rule, is just a special case (element) of the entire array of social relations. The task of preliminary investigation bodies, without losing sight of the general context of the relations that have developed between people (the formality of such an assessment is secondary and insignificant, therefore cannot serve as a sufficient basis for a legal reaction to criminal intent, demand, etc.), is to identify only those that are prohibited by a specific provision of the criminal law (Part 2 of Article 140, Part 1 of Article 146 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), if there are sufficient grounds to initiate a criminal case, take measures aimed at exposing the perpetrators.

Supervision of the legality and validity of criminal cases is entrusted to the relevant prosecutors (Part 4 of Article 146 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), while approving the indictment, they bear full responsibility for the results of preliminary investigation (Article 221 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

Insignificance in "rubles" and "kopecks"

The conducted research shows that 82% of the cases of application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation are somehow related to the calculation of the amount of damage caused by various forms of theft. It is appropriate to recall here that the threshold for criminal liability is artificially low. In the Soviet Union, criminal liability for theft of state (public) property occurred if the amount of the stolen exceeded 50 rubles (that is, it was 50 rubles + 1 kopeck). This amount was commensurate with the minimum wage, the amount of which only after the 1961 monetary reform began to exceed 60 rubles per month.

In Russia nowadays, there are two "punitive" codes: 1) the Administrative Code of the Rus-

sian Federation, which provides, in particular, liability for petty theft (Article 7.27, Part 1 – up to 1,000 rubles and Part 2 – over 1,000 rubles and up to 2,500 rubles); 2) the Criminal Code of the Russian Federation.

Thus, most of the embezzlement in the amount of 2,500 rubles is automatically removed from the criminal process. A criminal case for embezzlement may be legally initiated (the threshold for criminal liability) if the amount of the stolen exceeds 2,500 rubles 1 kopeck.

So, we can conclude that the gap that originally existed in the "punitive" law has rapidly deepened these days. Our conclusion is confirmed in the analysis of the practice of the First Cassation Court of General Jurisdiction, and this conclusion is disappointing: from 2021 to mid-2023, the courts increased the frequency of application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code tenfold.

The following remark. The practice of applying the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation are non-communicating vessels. The preliminary investigation authorities, having revealed, for example, the fact of embezzlement of money in an amount exceeding the limits established by Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, initiate a criminal case under Part 3 of Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation, as it was in the case of B., accused of stealing diesel fuel in the amount of 2,928 rubles, when only the court concluded that the act committed by B. was insignificant, therefore, did not deserve any attention in the framework of criminal proceedings, and B. was subject to rehabilitation.

Scientists have been paying attention to this contradiction in the law (in fact, a gap not only in the legislation, but also in the law, since the lawmaking body has not decided on the problems in the sectoral division) for a long time:

– a person who has stolen something in the amount of 2,500 rubles inclusive will be punished, including imprisonment for half a month (administrative arrest for 15 days);

– a person who has stolen something in the amount of 2,928 rubles will not only be acquitted, but also rehabilitated, as well as get compensation for the costs of a lawyer [53].

The issues we have identified are just a small fraction of the problems caused by the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

In the following publications, the reader will be offered an analysis of the results of specific judicial practice.

REFERENCES

1. Galakhova A.V. Crime concept. In: Lebedev V.M. (Ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 t. T. 1* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Volume 1]. Moscow, 2017. 316 p. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. How to discover dividing line between "criminal and non-criminal". *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2017, no. 6, pp. 3–9. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Insignificance: how to demarcate criminal from non-criminal (an analysis of disputable examples from the judicial practice in criminal cases). *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2018, no. 11, pp. 17–26. (In Russ.).
4. Kolokolov N.A. The Supreme Court of the Russian Federation dismissed cases of fraud due to insignificance. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2024, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.).
5. Prodi P. *Istoriya spravedlivosti: ot plyuralizma forumov k sovremennomu dualizmu sovesti i prava* [History of justice: from pluralism of forums to modern dualism of conscience and law]. Moscow, 2017. 512 p.
6. Kolokolov N.A. Dynamics of the grammar of law and order: from K. Marx's early work "Debates on the Law on Thefts of Wood" to a new agenda in a modern criminal policy. In: Lazarev V.V. *Pravo, zakon i sud v rannikh trudakh Karla Marksa (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa)* [Law, legislation and the court in the early writings of Karl Marx (to the 200th anniversary of the birth of K. Marx)]. Moscow, 2019. Pp. 205–223. (In Russ.).
7. Kolokolov N.A. A formal approach to the evaluation of reality: evil of the Russian criminal proceedings and the necessary standard? an analysis of the criminal law reality on the example of the practice of justices of the peace. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2020, no. 4, pp. 17–28. (In Russ.).
8. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' Obshchaya. V 2 t. T. 1* [Russian criminal law. Lectures. General Part. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, 1994. 380 p.
9. Ishchenko I.V. *Obshchestvennaya opasnost' kak integrativnoe svoistvo prestupleniya (ponyatie, kharakteristika)* [Public danger as an integrative property of crime (concept, characteristic)]. Moscow, 2023. 144 p.

10. Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii ehtyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward: sociological study of key forms of social behavior and morality]. Moscow, 2006. 624 p.
11. Ivanov N.G. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii* [Public danger of an act as an ontological basis for criminalization]. Moscow, 2016. 80 p.
12. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminology and criminal law: interaction as a way of survival. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2016, no. 4, pp. 42–43. (In Russ.).
13. Kolokolov N. A. *Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost'* [Criminal policy: mysterious evidence]. Moscow, 2014. 208 p.
14. Comte-Sponville A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2012. 752 p.
15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow, 1987.
16. Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Germany. General Part]. Moscow, 2013. 712 p.
17. Pozner R.A. *Ekonomicheskii analiz prava: v 2 t. T. 1* [Economic analysis of law: in 2 volumes. Volume 1]. Saint Petersburg, 2004. 524 p.
18. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial discretion in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2002. 25 p.
19. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial discretion in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2002. 199 p.
20. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v realizatsii ugolovno-pravovykh norm: problemy zakonotvorchestva, teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Judicial discretion in the implementation of criminal law norms: problems of lawmaking, theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 39 s.
21. Gracheva Yu.V. *Istochniki sudeiskogo usmotreniya v institutakh osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i ot nakazaniya* [Sources of judicial discretion in institutions of exemption from criminal liability and punishment]. Moscow, 2011. 240 p.
22. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave* [Judicial discretion in criminal law]. Moscow, 2021. 160 p.
23. Volkova D.S. The institution of insignificance of an act as a manifestation of the maxim "summum jus, summa injuria" in the Russian criminal law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. La*w, 2022, no. 6, pp. 71–81. (In Russ.).
24. Yakimenko N.M. *Maloznachitel'nost' deyaniya v sovetskom ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificance of an act in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (law) dissertation abstract]. Moscow, 1982. 23 p.
25. Yakimenko N.M. *Otsenka maloznachitel'nosti deyaniya: ucheb. posobie* [Assessing insignificance of an act]. Volgograd, 1987. 28 p.
26. Bagirov Ch.M. *Maloznachitel'nost' deyaniya i ee ugolovno-pravovoe znachenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificance of the act and its criminal legal significance: Candidate of Sciences (law) dissertation abstract]. Tyumen, 2005. 20 p.
27. Kolokolov N.A. Organization of judicial activity in the era of the second modern. In: Lazarev V.V. (Ed.). *Pravotvorchestvo v XXI veke: evolyutsiya doktriny i praktiki (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pigolkina): sb. nauch. tr.* [Lawmaking in the XXI century: evolution of doctrine and practice (to the 90th anniversary of the birth of A.S. Pigolkin): collection of scientific works]. Moscow, 2022. Pp. 282–290. (In Russ.).
28. Korsun D.Yu. *Maloznachitel'nost' deyaniya v ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Insignificance of an act in criminal law: problems of theory and practice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2019. 232 p.
29. Marx K. Debates on the law on thefts of wood. In: Marx K., Engels F. *Sobr. soch.: v 30 t. T. 1* [Collected works: in 30 volumes. Volume 1]. Moscow, 1955. Pp. 119–160. (In Russ.).
30. Kolokolov N.A. Changing the category of crime by the court. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2012, no. 8, pp. 48–54. (In Russ.).
31. Markuntsov S.A. *Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta* [Theory of criminal law prohibition]. Moscow, 2015. 560 p.
32. Marchuk V.V. *Metodologicheskie osnovy kvalifikatsii prestupleniya* [Methodological foundations of crime qualification]. Moscow, 2016. 440 p.
33. Golovko L.V. Branch principles in codes: a pedagogical tool ora legal instrument? *Zakon = Law*, 2020, no. 6, pp. 21–33. (In Russ.).
34. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Riga, 1924. 805 p.
35. Kolokolov N.A. Organization of justice in a post-industrial society. In: Lazarev V.V. (Ed.). *Pravo i zakon v programmiruemom obshchestve (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya D. Bella): sb. st.* [Law and legislation in a programmable society (to the 100th anniversary of the birth of D. Bell): collection of articles]. Moscow, 2020. Pp. 165–179. (In Russ.).

36. Yaroslavtsev V.G. One of the evils of the criminal process was a formal approach. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2020, no. 2, pp. 24–30. (In Russ.).
37. Yaroslavtsev V.G. *Nravstvennoe pravosudie i sudeiskoe pravotvorchestvo* [Moral justice and judicial law-making]. Moscow, 2007. 304 p.
38. Aranovskii K.V. Law exists in man. *Zakon = Law*, 2019, no. 12, pp. 8–18. (In Russ.).
39. Kolokolov N.A. Constitutional Court of the Russian Federation: a court of general jurisdiction may have grounds for reviewing a criminal case in accordance with Articles 416–417 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, as the prosecutor and the investigative body do. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2023, no. 3, pp. 2–8. (In Russ.).
40. Alekseeva T.M. Resumption of criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances: actual problems on the example of a specific case. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2023, no. 2, pp. 33–37. (In Russ.).
41. Kolokolov N.A. Filling a gap in law: the role and place of the court. In: Khabrieva T.Ya., Lazarev V.V. *Probely v pozitivnom prave: doktrina i praktika: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. teoretikov prava (Moskva, 20–21 fevralya 2020 g.)* [Gaps in positive law: doctrine and practice: materials of the VI International scientific conference of legal theorists (Moscow, February 20–21, 2020)]. Moscow, 2021. Pp. 236–244. (In Russ.).
42. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and ways to eliminate them]. Moscow, 2019. 183 p.
43. Cardozo B. *Priroda sudeiskoi deyatel'nosti* [The nature of judicial activity]. Moscow, 2017. 110 p.
44. Solyanko P.B. *Sud kak sub"ekt prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The court as a subject of law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2021. 25 p.
45. Atamanchuk G.V. Power. In: *Entsiklopediya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: v 4 t. T. 1* [Encyclopedia of Public Administration in Russia: in 4 volumes. Volume 1]. Moscow, 2004. Pp. 140–141. (In Russ.).
46. Rozin V.M. *Tipy i diskursy nauchnogo myshleniya* [Types and discourses of scientific thinking]. Moscow, 2000. 246 p.
47. Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, 1994. 688 p.
48. Marchenko M.N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo* [Judicial lawmaking and judicial law]. Moscow, 2006. 510 p.
49. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast': ot lozunga k ponimaniyu real'nosti* [Judicial power: from the slogan to understanding reality]. Moscow, 2010. 400 p.
50. Peisikova E.V. Judicial law-making as an integral function of the court. *Sud'ya = Judge*, 2023, no. 11, pp. 37–45. (In Russ.).
51. Anishina V.I. Lawmaking in the activities of the Supreme Court of the Russian Federation: form and problems of implementation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2011, no. 11, pp. 4–8. (In Russ.).
52. Nersesyants V.S. Russian courts do not have law-making powers. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow, 2000. 160 p.
53. Gavrilov B.Ya. The role of modern criminal and criminal procedure legislation in ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen. In: *Ugolovnyi protsess i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.Ya. Gavrilova): sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 3 noyabrya 2023 g.): v 2 ch. Ch. 1* [Criminal procedure and criminalistics: legal foundations, theory, practice, didactics (to the 75th anniversary of the birth of Professor B.Ya. Gavrilov): collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 3, 2023)]. Moscow, 2023. 476 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of the Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the Editorial Boards of the journals "Justice of the Peace" and "Criminal Judicial Proceeding", Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Received January 18, 2024

Original article
UDC 343.2/.7
doi 10.46741/26869764.2024.65.1.005

Forced Labor: Prospects, Limits and Risks of Development

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

Abstract

Introduction: The Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030 sets the task to significantly increase a number of convicts serving forced labor. *Purpose:* to analyze prospects for the fulfillment of this task, the possibility of changing rules for the appointment of forced labor established by criminal law. *Results:* the proposals on liquidation of penal settlements as a kind of competitor to forced labor are analyzed, and the conclusion about the prematurity of such a step is argued. Risks of hasty expansion of the use of forced labor associated with the deterioration of law and order in the locations of correctional centers are considered. It is concluded that the expansion of judicial practice of the use of forced labor can be carried out in two stages. At the first stage, it should be limited, first, to eliminating the alternative in assigning this type of criminal punishment, and second, to increasing a number of crimes providing for forced labor as a sanction along with imprisonment. Judicial practice will be given the opportunity for wider discretion in the appointment of forced labor, which will entail an increase in the number of convicts in correctional centers and a reduction in the number of convicts in penal colonies. At the second stage, it is reasonable to reform penal settlements complexly, within the framework of optimizing the entire system of criminal penalties and institutions that execute them. As part of this stage of the reform, forced labor should lose its specialized status of punishment only for able-bodied convicts. Accordingly, it is necessary to adjust the name of this punishment, which would cover all the punitive content of this punishment.

Keywords: forced labor; criminal punishment; correctional centers; convicts; penal settlements; restriction of freedom.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentiary Science*, 2024, vol, 18, no. 1 (65), pp. 43–50. doi 10.46741/26869764.2024.65.1.005.

© Seliverstov V.I., 2024

Introduction

Forced labor as a type of criminal punishment was introduced into the Criminal Code of the Russian Federation by the Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011. The same law in the Penal Code of the Russian Federation regulated the conditions and procedure for the execution (serving) of this type of punishment. It can be said that this is the "youngest" criminal punishment that has joined the list of the Russian system of criminal penalties.

Forced labor has attracted attention of the legislative and executive authorities, as it has positive capacities of providing convicts with labor. The fact is that, quite a large part of the special contingent is not engaged in labor in places of detention. As shown by the results of the ninth special census of convicts and persons in custody, conducted in December 2022 (hereinafter referred to as the 2022 convict census), 66.9% of 92.8% of fully and partially able-bodied convicts in places of deprivation of liberty are provided with labor. More than a quarter of convicts do not work, with 14% due to the lack of work and 9.6% due to their constant refusals. At the same time, according to results of the same census, 97.6% of convicts are provided with labor in correctional centers, 1.4% do not work due to the lack of work and 0.6% refuse to work.

Meanwhile, the Russian economy needs an influx of workers. In January 2024, the lowest unemployment rate in the country was recorded (2.9%), while almost half of enterprises need to replenish their labor teams. Economists note that the causes of labor market tension in Russia are not unique. First, this is a natural decline in the population, which is not compensated by immigration: in the next five years, even taking into account immigration, the number of people aged 20–39 (the most productive cohort) will decrease by 4–5 million people and those aged 15–65 by 2.5 million people [1]. In addition, the conduct of the special military operation has diverted and will divert part of the workforce from productive work. At the same time, the task is to increase production of weapons, military equipment and ammunition. Even greater economic tasks will have to be solved in accordance with the annual Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation announced on February 29, 2024.

Research

With regard to the labor resource shortage forecast, as well as other socio-economic factors, the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030 (hereinafter – the 2030 Concept), provided for a multiple increase in the number of correctional centers and the number of convicts serving forced labor, as well as participation of the business community in their employment at enterprises. Convict are to be engaged in construction of large facilities and work to clean up territories of the Arctic zone of the Russian Federation from pollution (production and consumption waste).

Based on the above-mentioned political attitudes, the number of convicts serving forced labor has gradually been growing up. Accordingly, the number of correctional centers and their sites opened both at industrial enterprises and at correctional institutions have increased.

According to the statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, as of January 1, 2023, there were 46 correctional centers and 321 areas of correctional centers, isolated areas functioning as correctional centers at correctional institutions. More than 20 thousand convicts served forced labor there, and the number of accommodation places exceeded 40 thousand. Moreover, the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Justice of Russia plan to increase this figure to 80 thousand places in 2024 [2].

These indicators are hardly likely to be achieved. Let us analyze such possibilities in relation to different categories of convicts serving forced labor. According to the penal legislation, all convicts serving forced labor have the same legal status. At the same time, this does not mean that they do not differ in their demographic, criminal law and penal characteristics.

Thus, according to criminal law grounds, three categories of convicts serving forced labor can be distinguished. For the same categories, there are their own criminal law mechanisms for replenishing correctional centers and their sites with convicts:

1. Persons sentenced by courts to forced labor for the crimes committed (Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

2. Persons to whom imprisonment has been replaced by a milder punishment – forced labor – in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation.

3. Persons serving forced labor on other grounds specified in criminal and penal legislation.

After the introduction of forced labor into effect, the legislator ignored regulation of the procedure for imposing this punishment by court verdict and focused on improving the grounds and procedure for sending convicts to correctional centers from correctional institutions to a greater extent.

Thus, the Federal Law No. 540-FZ of December 27, 2018 "On Amendments to Articles 53.1 and 80 of the Criminal Code of the Russian Federation" stipulates replacement of imprisonment with forced labor, if previously the court has imposed punishment in the form of imprisonment for a period of more than five years. In addition, the remaining period of forced labor can be more than five years. The same law in Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation provided for shorter terms to replace the punishment in the form of imprisonment with forced labor.

In order to encourage those sentenced to imprisonment to replace this punishment with forced labor, the legislator introduced in the Federal Law No. 200-FZ of June 28, 2022 "On Amendments to Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation" the following provision: for a convict whose unserved part of the punishment was replaced by a milder type of punishment, the term of punishment, after actual serving of which conditional early release may be applied, is calculated from the beginning of the term of serving the sentence imposed by the court (Part 3.2 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Since all these amendments (especially the last one) encouraged convicts to serve forced labor instead of imprisonment, the judicial practice of replacing imprisonment with forced labor was significantly expanded. So, according to the 2022 convict census, correctional centers and areas were occupied by 66.9% of convicts whose imprisonment was replaced by forced labor. Slightly more than a quarter (26.4%) were sentenced to forced labor by court verdict, the rest of the convicts (6.7%) were assigned forced labor on other grounds. It seems that this ratio has not changed to the present day.

If the situation with the substitution of punishment in quantitative terms showed a positive trend, then the proportion of those sentenced to forced labor by court verdict remained almost unchanged. The federal executive authority, which performs functions of developing and implementing state policy and regulatory regulation in the field of execution of criminal penalties, proposed a comprehensive solution to the situation. The relevant draft federal laws on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation were submitted for discussion by specialists in September 2023.

The draft law on the amendment of the Criminal Code of the Russian Federation stipulated adjustment of the procedure for imposing punishment in the form of forced labor. In our opinion, nowadays the appointment of forced labor by judges is hindered by an "exotic" procedure for the appointment of forced labor provided for in the Criminal Code of the Russian Federation. In accordance with Part 2 of Article 53.1, the court must first appoint (and therefore justify this appointment in the sentence) a punishment in the form of imprisonment, and then come to the conclusion that it is possible to correct the convicted person without actually serving the sentence in places of deprivation of liberty. At the same time, this conclusion must also be justified. This algorithm follows from the Reso-

lution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015 "On the Practice of Assigning Criminal Punishment by the Courts of the Russian Federation" (as amended by the Plenum resolutions No. 56 of November 29, 2016 and No. 43 of December 18, 2018). In accordance with Paragraph 22.2 of this document, when passing a guilty verdict, the court is obliged to resolve the issue of whether there are grounds for replacing punishment in the form of imprisonment with forced labor in the cases and in accordance with the procedure established by Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. If there are such grounds, the court must prove the possibility of correcting a person not in places of deprivation of liberty and applying provisions of Article 531 of the Criminal Code of the Russian Federation. The operative part of the sentence must first indicate the imposition of punishment in the form of imprisonment for a certain period and then replace imprisonment with forced labor.

Such a contradictory bifurcation of judicial discretion in relation to the same defendant and the same criminal act, with the presence of the same mitigating and aggravating circumstances, constrains the appointment of forced labor, since judges are afraid of overturning the court's verdict with all the negative consequences for their official career. Therefore, it is necessary to support the amendment of Part 1 contained in the submitted draft law and the invalidation of Part 2 of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as a result of which the alternative of assigning forced labor will be eliminated. It should be noted that the alternative to the appointment of forced labor has been repeatedly criticized in the legal literature [3, pp. 15–16; 4].

At the same time, the draft law under consideration proposes to include punishment in the form of forced labor in the sanctions of a fairly large number of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. It seems that the list of such articles could be expanded to include not only minor and moderate crimes, but also serious crimes. At the same time, simultaneous exclusion of punishment in the form of imprisonment from the same sanctions is fully justified. First, it narrows the possibilities of individualizing punishment, which will be negatively perceived by both the judicial community and law enforcement agencies. Second, such an extensive campaign to humanize punishment (it is proposed to exclude imprisonment from 50 crimes) is unlikely to be positively perceived by public opinion. If the issue of excluding deprivation of liberty is to be resolved, then this should be done after discussion of each individual corpus delicti, and not of 50 compositions at once. For example, it provides for the exclusion of the possibility of imposing imprisonment for libel (parts 2–5 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Meanwhile, the issue of punishment, especially for qualified cases of defamation, at one time caused quite an acute public controversy. Given the negative public response to the "PussyRiot" dancing in front of the altar, which took place in 2012 in Moscow at the Cathedral of Christ the Savior, a similar situation may arise if punishment in the form of imprisonment for violating the right to freedom of conscience and religion is excluded (Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation). Such examples can be given for almost every type of crime, from the sanctions of which it is proposed to exclude punishment in the form of imprisonment.

The draft laws on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation provided for a very radical, revolutionary measure, such as elimination of panel settlements, which are certain competitors of correctional centers.

It is argued that, in addition to economic interests of the state and convicts themselves, the theory of criminal and penal law (in Soviet times, the theory of correctional labor law) justifies the fact that there is no isolation from society in penal settlements; therefore, not imprisonment is executed in this case, but other punishment without isolation of convicts from

society. Some scientists believe that this should be a punishment in the form of restriction of freedom [5, p. 169–173], classifying forced labor as a kind of "fifth wheel in a cart", meaning by the cart the system of criminal penalties as a whole [6, p. 23]. Others call it "sending to a correctional center" [7, p. 125]. According to some researchers, both penal settlements and correctional centers can function simultaneously and categories of convicts are redistributed between them [8, p. 15]. Others prove the need to preserve panel settlements unchanged [9, pp. 18–19]. Some scientists strongly believe that, especially after the entry into force on January 1, 2017 of criminal punishment in the form of forced labor, forced labor [10, pp. 49–50; 11] should be executed in penal settlements. While paying tribute to these positions of scientists, we find a rather large and thorny distance between theoretical conclusions and their practical implementation. And this is clearly demonstrated by the idea of liquidation of penal settlements in the above-mentioned draft laws.

First, according to results of the 2022 convict census, about 27 thousand convicts are serving their sentences in penal settlements: about 45% of them have been transferred to a penal settlement from correctional facilities for positive behavior; 43% are convicted for the first time for crimes of minor and medium gravity, as well as for serious crimes, and 12% – for crimes committed by negligence. It was proposed to put into effect the submitted draft laws on January 1, 2025. However, the draft laws do not answer the question of where such a mass of convicts will disappear to this date. Naturally, some convicts will be released after serving their sentence, on parole or on other grounds, but some will remain, since they will not be eligible for early release on formal or material grounds. In addition, until January 1, 2025, panel settlements will be filled (the draft laws do not prohibit courts to appoint imprisonment with serving in a panel settlement at this time). It is possible to informally adjust judicial practice by bringing to the judges a recommendation not to impose a sentence of imprisonment with its serving in panel settlements. At the same time, a similar recommendation could be addressed to judges regarding the non-application of transfer from correctional facilities to panel settlements. However, such an opportunity actually means that judges are forbidden to administer justice under the current criminal law, which raises great doubts about its implementation.

Second, the exclusion of settlement colonies from the system of correctional institutions without additional regulation of a number of issues in criminal and penal legislation is also questionable. It is necessary to take into account the specialized nature of punishment in the form of forced labor, namely, that they are designed for able-bodied convicts. Panel settlements do not have this quality. Therefore, the question arises: to which correctional institutions convicts with limited or complete disability who previously served their sentences in a penal settlement would be sent. According to results of the 2022 convict census, in panel settlements, 4.5% of the convicts transferred from correctional facilities for positive behavior are disabled; 4.6% of those are convicted of intentional crimes, and 7.6% – reckless crimes. Moreover, among the latter category, almost half (3.4%) are disabled, which is not surprising, since they were imprisoned, as a rule, as a result of road accidents caused serious health consequences not only to victims, but also to themselves. Upon liquidation of panel settlements, these persons will be sent to closed correctional facilities of general or strict regime, depending on the fact of reserving imprisonment. For such differentiation of convicts depending on their ability to work, additional arguments are needed, especially in terms of ensuring the principle of equality of convicts before the law.

Third, there are economic problems of liquidation of panel settlements. Due to the specifics of production and location of a significant part of these institutions, correctional centers are unlikely to be opened everywhere instead of panel settlements. Therefore, the closure of panel settlement will require economic expertise and retraining of convicts in new profes-

sions, since the distribution of convicts in panel settlements and correctional centers does not coincide. Thus, according to results of the 2022 convict census, one in three in panel settlements is engaged in the economic maintenance of correctional institutions, while in correctional centers it is only one in thirty. In penal settlements, one in thirty convicts is engaged in construction, while in correctional centers – one in seven.

The general direction of expanding the use of criminal punishment in the form of forced labor is provided for in the 2030 Concept. When implementing this provision of the directive document, it is necessary to take into account risks of complication of the criminal situation in the locations of correctional centers. It is worth recalling the Soviet experience of applying a suspended sentence to imprisonment with mandatory labor (1970–1993) and conditional release from prison with mandatory labor on construction sites of the national economy (1964–1993). Initially, high hopes were placed on these measures of criminal legal influence, the number of convicts at the construction sites of the national economy grew exponentially. However, after complaints from citizens living in the areas of deployment of special commandant's offices about the lack of proper supervision over the behavior of probationers (released) in 1984, the practice of probation and especially conditional release with mandatory labor was significantly reduced.

There is also such a danger with a forced increase in the number of convicts in correctional centers. As we noted earlier [12, pp. 228–229], human rights defenders are already paying attention to risks of compromising forced labor.

Thus, the Commissioner for Human Rights in the Moscow Oblast in the 2021 annual report specifically drew attention to complaints from citizens living in settlements where correctional centers are located. Local residents express reasonable concerns about the convicts' right to leave correctional centers and the possibility of their committing offenses. The shocking case, which was reported by the federal media, occurred in early December 2021 in Chekhov, near Moscow. A convict G., serving a sentence of forced labor in the correctional center there, previously convicted several times, including for committing serious crimes, came to Moscow and abused a girl. Taking into account the already existing facts of illegal actions on the part of this category of convicts, it is reasonable to make the following amendments to the legislation: not to apply punishment in the form of forced labor against persons who have recommitted intentional crimes; not to use the opportunities provided for by Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of replacing the remaining part of the sentence that has not been served with a more lenient type of punishment, in relation to persons who have committed particularly serious crimes, crimes with the recurrence of intentional crimes and crimes against a minor in the field of sexual integrity and sexual freedom of the individual" [13]. Further, new concerns about the expanding judicial practice of forced labor were voiced at the All-Russian Coordination Meeting of Russian Human Rights Commissioners on November 24, 2021.

Conclusion

When implementing provisions of the 2030 Concept, a certain sequence should be followed, otherwise the costs of a hasty approach may compromise the very idea of more frequent use of forced labor by courts.

It seems that the expansion of judicial practice of the use of forced labor can be carried out in two stages. At the first stage, it should be limited, first, to eliminating the alternative in assigning this type of criminal punishment, and second, to expanding the scope of crimes providing for forced labor as a sanction along with imprisonment. Judicial practice will be given the opportunity for wider discretion in the appointment of forced labor, which will entail an increase in the number of convicts in correctional centers and a reduction in the number of convicts in penal settlements.

At the second stage, a complex reform of panel settlement is possible, which cannot

consist only in deciding the fate of panel settlements exclusively, but should be focused on optimizing the entire system of criminal penalties and institutions that execute them. As part of this stage of the reform, forced labor should lose its specialized status of punishment only for able-bodied convicts. Accordingly, it will be necessary to adjust the name of this punishment, which would cover all the punitive content of this punishment. The most successful name is restriction of freedom in a correctional center. In this case, engagement of able-bodied convicts in work could be carried out through the establishment of the obligation to work in the order of serving this sentence, as it is currently regulated in relation to deprivation of liberty. Only then it will be possible to raise the issue of uniting correctional centers and panel settlements.

The restriction of freedom currently provided for in the Criminal Code of the Russian Federation may remain unchanged.

REFERENCES

1. Peremitin G. *Ekonomisty otsenili peregrev na rossiiskom rynke truda v 0,7 mln. chelovek* [Economists estimated overheating in the Russian labor market at 0.7 million people]. URL: https://www.forbes.ru/finansy/507438-ekonomisty-ocenili-peregrev-na-rossijskom-rynke-truda-v-0-7-mln-celovek?ysclid=ltedrjjn85555972688 (accessed January 5, 2024).
2. Sokolov M. *Vo FSIN Rossii rasskazali o ser'eznom sprose biznesa na trud osuzhdennykh* [The Federal Penitentiary Service of Russia told about the serious demand of business for the labor of convicts] Available at: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989384-vo-fsin-rasskazali-o-sprose-biznesa-na-trud-osuzhdennih?ysclid=lr1u (accessed January 5, 2024).
3. Blagov E. Forced labor. *Ugolovnoe parvo = Criminal Law*, 2012, no. 2, pp. 15–18. (In Russ.).
4. Koryagina S.A., Kravchenko I.O. Forced labor: reality and prospects. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 21–31. (In Russ.).
5. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
6. Geranin V.A., Mal'tseva S.N. Problems of functioning of correctional centers and colony settlements in the system of criminal penalties. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2021, no. 1, pp. 10–27. (In Russ.).
7. Utkin V.A. *Osuzhdennye v koloniyakh-poseleniyakh: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhei, 12–18 noyabrya 2009 goda* [Convicts in penal settlements: based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2011. 128 p.
8. Drozdov A.I. Optimization of the mechanism of realization of forced labour penalties. *Vestnik instituta. Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie = Institute Bulletin. Crime. Punishment. Correction*, 2017, no. 3 (39), pp. 12–15. (In Russ.).
9. Yuzhanin V.E. Penal colony-settlement – a kind of imprisonment. *Vestnik instituta. Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie = Institute Bulletin. Crime. Punishment. Correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 18–25. (In Russ.).
10. Zubova A.O., Simagin A.O. The problems of punishment execution as a compulsory work in the Russian Federation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 1 (37), pp. 44–50. (In Russ.).
11. Kadaneva E.A. Competition of criminal penalties and other measures of penal liability. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2018, no. 11, pp. 131–135. (In Russ.).
12. Seliverstov V.I. Prospects for changing penal enforcement policy in the Russian Federation: analysis of evolutionary and revolutionary development risks. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: materialy VI Mezhdunar. penitentsiarnogo foruma, priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii"* [Crime, punishment, correction: materials of the VI International penitentiary forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 "On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation]. Ryazan, 2023. Pp. 224–230. (In Russ.).

13. *Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Moskovskoi oblasti v 2021 godu* [Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Moscow Oblast in 2021]. Available at: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_moskovsk/doklad_v_moskovskweb (accessed August 15, 2023).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vis_home@list.ru , https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

Received February 2, 2024

Original article
UDC 343.241
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.006

Socio-Political Factors Influencing Achievement of the Criminal Punishment Goal to Prevent New Crime Commission

PAVEL A. AKIMENKO
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nochnoy_patrul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1886-2752

Abstract

Introduction: the article is devoted to the consideration of problems related to the establishment and analysis of socio-political factors influencing the achievement of such a criminal punishment goal as prevention of the commission of new crimes. *Purpose*: to give a brief description of the specified purpose of criminal punishment, its main features and conditions of achievement on the example of the formation and analysis of proposals to prevent the involvement of combat veterans in criminal environment. *Methods*: general scientific dialectical method of cognition, system-structural, comparative legal, sociological, formal legal methods. *Results*: key features and elements of the specified purpose of criminal punishment, criteria and ways to achieve it are characterized and some legislative changes are considered. The impact of post-traumatic stress disorder, characteristic of combat veterans, on their post-war adaptation in society is analyzed. An attempt is made to forecast possible causes of a significant increase in criminal behavior among this category of citizens, which is an additional obstacle to achieving the stated goal of criminal punishment. *Conclusion*: based on the analysis results, specific measures are proposed to prevent the involvement of combat veterans in criminal environment, which is one of the important conditions for achieving the goal of criminal punishment. The author concludes that it is necessary to organize specific psychocorrective, social, etc. work with persons who participated in the special military operation, especially from among former convicts, as well as determine a more selective approach to choosing categories of convicts involved in military operations.

Keywords: punishment goal; criminal punishment; prevention of new crimes; social adaptivity; rehabilitation; volitional sign; intellectual sign.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Akimenko P.A. Socio-political factors influencing achievement of the criminal punishment goal to prevent new crime commission. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 51–57. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.006.

Preventing commission of new crimes is one of the fundamental goals of punishment, which is enshrined in both norms of criminal and penal law due to its socio-historical nature. In this regard, we would agree with the opinion of E.V. Kurochka, according to which the goals of correcting a convicted person and preventing commission of new crimes are intersectoral

© *Akimenko P.A., 2024*

categories, since they are fixed in criminal and penal legislation [1, p. 85]. At the same time, the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030, approved by the Government Resolution No. 1138-r of April 29, 2021, does not stipulate a goal of preventing commission of new crimes and fixes correction of convicts, as well as their resocialization and social adaptation as key goals of penal legislation. This circumstance may cause confusion, since prevention of the commission of new crimes as one of the main goals of punishment is enshrined in both criminal and penal legislation, which is absolutely logical and corresponds to the existing trends of scientific thought in this field of knowledge.

Moreover, Aristotle paid special attention to the preventive role of punishment. Most people refrain from violating the law not out of high motives, but out of fear of punishment [2].

C. Beccaria correctly argued that it would be better to prevent crimes than to punish offenders [3]. Therefore, in his opinion, punishment should be aimed primarily at preventing commission of new crimes [4].

According to the theory developed by L.A. Feuerbach, people are deterred from committing a crime by fear of punishment [5].

However, there is another point of view. Thus, the Norwegian scientist N. Christie denies the very possibility of preventing crime through punishment, since the only purpose of punishment is to inflict pain [6, p. 34].

On the other hand, the generally accepted point of view in Soviet criminal law was the recognition of prevention as one of the main goals of criminal punishment, which was also reflected in the current Russian legislation in the order of succession. At the same time, it does not contain any definition of the specified goal, which causes some concern, since it is the basis for numerous disputes about its features and criteria for evaluating the possibility of achieving it. At the same time, it should be remembered that an accurate interpretation of the legal nature of the purpose of punishment is the most important basis for the scientific development of optimal and effective methods to achieve it, forms of its further actual application, predetermining success of the criminal law and penal policy in a particular state.

The analysis of Russian legislation shows that only Article 2 of the Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 "On Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation" defines crime prevention as "a set of social, legal, organizational, informational and other measures aimed at identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to the commission of offenses, as well as the provision of educational influence on persons in order to prevent commission of offenses or antisocial behavior". With some degree of conditionality, we can try to project this definition onto the prevention of crimes. At the same time, it can be assumed that the legislator, without going into details in the crime prevention category, was guided by the fact that it is rather conditional and relatively declarative in nature and, on the one hand, has features for public understanding and, on the other hand, legislative consolidation of the definition of this term may adversely affect possibilities of achieving it.

When analyzing the above-mentioned topic, one should start with the consideration of the validity of the court verdict that has entered into force, on the basis of which a particular punishment is imposed. We cannot but agree with the statement "validity of the imposed punishment, based on the validity of criminal law, plays an important role in correcting a convicted person and preventing him/her from committing new crimes" [7, p. 151]. Moreover, it is worth mentioning that an unfairly imposed punishment, as a rule, influences person's perception of reality, which can lead to irreversible consequences in the form of uncontrolled anger at everyone and everything. It will trigger further formation of stable deviant behavior

Analyzing signs determining the process of achieving the specified goal of criminal punishment, the scientific opinion of S.V. Poznyshev is worth considering. So, punishment is imposed not in the interests of the injured person, but in the interests of the entire state. The idea of punishment that arose in person's soul after the idea of crime should extinguish a criminal desire or paralyze criminal aspiration. General and specific crime prevention are only moments of this goal. Criminal punishment affects both criminals themselves and other citizens. The idea of the benefits of a crime is replaced

only by the idea of adverse consequences of punishment. Psychology teaches us that one idea can only be displaced from consciousness by another. Only if cases of impunity are a rare exception, people believe in the inevitability of punishment. Otherwise, the idea of the threat of punishment will not have such an effect on the will. Punishment should have sufficient repressive force, i.e. the ability to suppress the desire for criminal activity, as the evil inevitably follows the crime. At the same time, punishment should not cause any suffering unnecessary for crime prevention" [8].

One can identify three main conditions that directly affect achievement of the considered goal of criminal punishment –inevitability of the punishment itself, its severity, as well as promptnessof appointment and subsequent application. Only the interrelation of these conditions can testify to the effectiveness of the criminal law and penal policy pursued in the state.

Thus, D. Locke was the first to formulate the punishment inevitability idea, because only a sanction can guarantee order in society [9].

According to I.I. Karpets, punishment is an integral part of preventive measures. There are two points of view in the legal literature about general prevention as a specific property of punishment. The first suggests that general prevention of criminal law (hence punishment) affects all society members. The second, shared by the overwhelming majority of lawyers, boils down to the fact that the generally punitive effect of punishment affects only people with unbalanced psyche. The punishment inevitability principle is expressed in the activities of judicial authorities – one of the guarantees of its preventive effect. General preventive effect of criminal law (as well as punishment) is achieved not only and not so much by the severity of punishment, but by the practical provision of its inevitability, by the very fact of the existence of a law that fixes punishment for committing a crime, and most importantly – by people's knowledge of laws and about consequences of their violation. Private preventive effect of punishment is achieved primarily by its inevitability. Private prevention in sentencing is achieved by psychological impact exerted on the offender" [10, pp. 112–115, 137–138, 153, 157].

This judgment is quite accurate and logical. At the same time, special emphasis should be placed on the fact that general preventive effect of punishment loses its importance to a greater extent, turning into the state-fixed prohibition, without the possibility of real state coercion.

The scientific opinion of I. Andene is of genuine interest in the context of the previous judgment. So, not only the very fact of the threat of punishment, but also the size and relative severity of the latter has general preventive force. According to the researcher, if a potential criminal dwells on possible punishment, he/she takes into account not only risks of disclosure, but also the severity of punishment. As a general rule that has exceptions, general preventive effect of the criminal law rises with the enforced penalty. So, punishment has a general preventive effect of three types: it can have a deterrent effect, strengthen moral prohibitions (moral effect) and stimulate habitual law-abiding behavior. Individual preventive effect takes place when punishment renders the punished harmless either permanently, by applying the death penalty or exile, or temporarily, by sentencing to imprisonment for a certain period" [11, pp. 13–14, 29–31].

According to E. Durkheim, in order to clarify causes of the crime, it is necessary to investigate not the state of a certain person, but the conditions in which the "social body as a whole" is located [5].

In connection with the above, there is some concern about possible consequences of the relatively recent adoption of a number of legislative changes against the background of a special military operation (SVO) on the territory of the Republic of Ukraine, which to a certain extent have a direct or indirect impact on the existing prospects for achieving legally established goals of criminal punishment, in particular, prevention of new crime commission.

So, in our opinion, a negative example is the adoption of the Federal Law No. 421-FZ of November 4, 2022 "On Amendments to the Federal Law "On Mobilization Training and Mobilization in the Russian Federation", stipulating that only citizens who have unexpunged or outstanding conviction for crimes against sexual inviolability of a minor or crimes provided for in articles 205 – 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276 – 280, 282.1 – 282.3, 360, 361 of the Criminal Code of the Russian Federation are no lon-

ger subject to conscription for military service. According to the previous version of the law, citizens with unexpunged or outstanding conviction for committing any serious crime were not subject to conscription for military service. In this regard, anyone convicted of committing a serious or especially serious crime that does not belong to the categories listed in the law can potentially be released from serving the sentence imposed on them by the court earlier than the term set in such a sentence only for the reason that they will be mobilized, despite any other circumstances of the criminal case, concerning the nature and degree of public danger of the crime committed by them, motives for its commission, the identity of perpetrators, and compensation for the harm caused by the crime.

For example, the convicted sentenced to imprisonment for the murder of a well-known human rights activist A. Politkovskaya was pardoned as a result of his voluntary participation in the SVO, and later even became the commander of an intelligence battalion [12].

Also, the Federal Law No. 270-FZ of June 24, 2023 "On the Specifics of Criminal Liability of Persons Involved in the Special Military Operation" was subsequently adopted. It fixes grounds for exemption from criminal liability and punishment for SVO participants who had committed crimes.

One can assume that due to the difficult military-political situation in our country, the issue of additional replenishment of mobilization human reserves was put at the forefront; however, it seems that no one thought about possible negative consequences of the decisions taken. Under these circumstances, one can hardly expect achievement of the criminal punishment goal, such as prevention of commission of new crimes in relation to convicted persons who have not served the term of their sentence, as well as persons against whom criminal prosecution is being carried out. At the same time, the victim's right to protection is not realized, which creates an immediate threat to the rule of law. So, prevention of the commission of new crimes is not achieved.

This conclusion is confirmed, since when differentiating the population by the appropriate categories, the deterrent effect of punishment applies to an intermediate category – the category of potential criminals [11, pp. 123–125].

News about the commission of crimes by former convicts who returned from the SVO zone are spread in the media, though they are not of a mass nature.

At the same time, as the Deputy Minister of Labor and Social Protection of the Russian Federation O.Y. Batalina stated, "more than 133 thousand SVO participants have the status of a combat veteran" [13]. No doubt, not all SVO participants are potential criminals, but it is necessary to think in advance about their future adaptation to the conditions of post-war life, which, as it seems, should include a set of socially oriented, purposeful and consistent measures, in particular, provision of psychological assistance, moral support, and additional socio-economic guarantees and benefits, increase in the size of the so-called veteran's allowance and its annual indexation, etc.

In this context, attention should be paid to the fact that, according to the statement of the Vice-President of the Russian Division of the International Human Rights Defense Committee, psychologists should work with former prisoners returning from the SVO zone, otherwise an increase in crime can be expected [14].

Based on the above, it should be borne in mind that we rely on the ability of volitional control of our behavior by normal mentally balanced people without any pathologies and deviations that do not exclude sanity. At the same time, the very concept "will" seems to be derived from the process of educating an individual, his/her socio-moral attitudes, which are formed throughout life under the influence of family, society and the state. Besides, the role of the personality itself, which is not an amorphous formation, but has its own self-development skills.

On the other hand, we should also note an intellectual component of human consciousness, which has a certain influence on person's behavior, since it is mediated by his value-oriented thinking and education level, which together can contribute to crime prevention.

At the same time, returning to the issues under consideration related to military personnel participating in the SVO, the point of view of psychiatrists is of interest: people obey the law, acting in one way or another, not out of fear of

criminal law, but because of moral prohibitions or internalized norms. If there is no internal restriction, there is little threat of punishment, since criminals do not make rational choices, weighing the risk of punishment and the possibility of winning. They act in a state of emotional instability, lack of self-control, or because they have internalized criminal subculture values [14].

Military operations, as a rule, leave an indelible mark on the mental state of any participant, and the ongoing special military operation is no exception. Professionals in the field of psychiatry call this post-traumatic stress disorder (PTSD). Military personnel who have taken part in hostilities experience manifestations of aggression and self-aggression [15]. Mental processes are often very difficult to control and timely stop, which can lead to tragic consequences both for a participant in the hostilities and for the society around him. As a rule, combat PTSD with psychotic symptoms is characterized by significant severity [16].

In the United States, after the Vietnam War, the difficulties of integration in civil society pushed combatants (combat veterans) to the periphery of the social space, as a result of which a large percentage of them ended up in prison. At the same time, psychological problems of the Vietnam war participant s worsened over time. Therefore, a special program of "Vietnam Veterans of America", Inc. is focused on supporting prisoners at the state level. In addition, the state compensated war participants for the mental, physical and social costs that had been incurred by military personnel in the name of patriotism and military duty [17].

In our country, combat veterans were affected, in fact, by the same processes of destructive mental deviation from normal behavior, called as "Afghan syndrome", "Chechen syndrome" depending on participation in one or another armed conflict.

It is the difficult adaptation to peaceful living conditions as a result of omissions in the work to restore the social and psychological status of a combat veteran that today leads to the fact that in places of detention in modern Russia there are a large number of convicts who participated in hostilities and committed offenses during the period of adaptation to peaceful living conditions. People who have undergone combat experience have disorders affecting their entire personal structure: the cognitive (attitude to the process of cognition and perception of the world around them) sphere and perception change, the motivational and personal system is transformed, including its moral and ethical component, the attitude towards oneself and others, methods and the content of interpersonal interaction change. All these violations lead to criminalization of behavior. Moreover, it should be borne in mind that the improvement of methods to commit serious crimes and professionalism of the perpetrators of such crimes is directly related to the involvement of many highly professional and socially disadvantaged unemployed combat veterans after service in the army and special forces and those veterans who have served term [18].

So, it can be concluded that extreme events that have severely traumatized the psyche, may transform consciousness by changing the existing moral value system. Self-identification of a person in the surrounding world may be distorted. In case of untimely localization of the problem and improper socio-adaptation of a person, a stable model of criminal behavior will most likely form.

What is more, it is reasonable to work out an effective mechanism comprised of a set of consistent socially adaptive measures for integrating convicts-combat veterans into society. Otherwise, in the foreseeable future we will observe an uncontrolled increase in crime and social tension in society, which will be a destabilizing factor in the maintenance of law and order.

Thus, in the course of the analysis of sociopolitical factors influencing the achievement of the criminal punishment goal to prevent commission of new crimes, we believe it is possible to come to the following conclusions.

First, appropriateness of the punishment imposed, based on fairness of the criminal law, is a fundamental circumstance affecting prevention of new crimes.

Second, there are three main conditions that directly affect achievement of the considered goal of criminal punishment – inevitability of the punishment itself, its severity, and the pace of appointment and subsequent application.

Third, behavior of any person consists of volitional and intellectual components that have a direct impact on his/her choice of criminal or law-abiding behavior.

Fourth, during the adoption of any changes to regulatory legal acts, the legislator needs to consider not only immediate prospects for their implementation, but also possible negative consequences in the foreseeable future, balancing all the positive and negative sides.

Fifth, to deter criminalization of society, i.e., in fact, to prevent commission of crimes, it is necessary at the state level in advance and for the long run to develop programs, including for providing all necessary assistance for rehabilitation and re-socialization of military operation veterans.

REFERENCES

1. Kurochka E.V. *Problemy nakazaniya v ugolovnom protsesse Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of punishment in the criminal process of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2000. 156 p.
2. Gneusheva T.B. Problem of punishment in ancient philosophy. In: *Sotsial'no-kul'turnye protsessy v usloviyakh integratsii i dezintegratsii: materialy vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Socio-cultural processes in the context of integration and disintegration: materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Ulan-Ude, 2017. Pp. 124–127. (In Russ.).
3. Cesare B. *O prestuplenii i nakazanii* [On crimes and punishments]. Available at: https://royallib.com/read/bekkaria chezare/o_prestuplenii_i_nakazanii.html#0 (accessed July 27, 2022).
4. Pilipenko A.S. Cesare Beccaria's presentation on the essence of punishment. In: *Yurisprudentsiya i pravo v sovremennom obshchestve: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Jurisprudence and law in modern society: collection of articles of the international scientific and practical conference]. Penza, 2020. Pp. 11–13. (In Russ.).
5. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
6. Kulikov M.V. *Genezis ponyatiya "nakazanie" v istorii filosofii: novoe i noveishee vremya: ucheb. posobie* [Genesis of the concept "punishment" in the history of philosophy: new and modern times: textbook]. Novokuznetsk, 2022. 48 p.
7. *Tseli ugolovnogo nakazaniya: monogr.* [Goals of criminal punishment: monograph]. Ed. by Naumov A.V., Karabanova E.N. Moscow, 2021. 192 p.
8. Poznyshev S.V. *Osnovnye voprosy ucheniya o nakazanii: issled. privat-dots. Imperator. Mosk. un-ta* [Key questions of the punishment doctrine: research of the associate professor at the Imperial Moscow University]. Moscow, 1904. 407 p. (In Russ.).
9. Rogozin D.D. Philosophical meaning of punishment in European philosophy. In: *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee: sb. st. XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science and education: preserving the past, creating the future: collection of articles of the 18th International scientific and practical conference]. Penza, 2018. Pp. 175–178. (In Russ.).
10. Karpets I.I. *Nakazanie. Sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment. Social, legal and criminological problems]. Moscow, 1973. 287 p.
11. Andenes I. *Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenii* [Punishment and prevention of crimes]. Ed. by Nikiforov B.S. Moscow, 1979. 264 p.
12. The organizer of the murder of Anna Politkovskaya has been pardoned. *Gazeta.Ru: sait* [Gazeta.Ru: website]. Available at: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17866147.shtml (In Russ.). (Accessed November 23, 2023).
13. The Ministry of Labor named the number of participants with the status of a SVO combat veteran. *Izvestiya: sait* [News: website]. Available at: https://iz.ru/1529498/2023-06-16/v-mintrude-nazvali-kolichestvo-imeiushchikh-status-veterana-boevykh-deistvii-uchastnikov-svo (In Russ.). (Accessed October 25, 2023).
14. *Pravozashchitniki zhdut rosta prestupnosti posle vozvrashcheniya eks-zekov iz zony SVO* [Human rights defenders expect an increase in crime after the return of ex-convicts from their detention zone]. Available at: https://nsn.fm/society/pravozaschitniki-zhdut-rosta-prestupnosti-posle-vozvrascheniya-eks-zakluchennyh-iz-zony-svo (accessed October 17, 2023).
15. *Voennyi psikholog rasskazal pro boevye psikhicheskie travmy* [A military psychologist told about combat mental injuries]. Available at: https://www.mk.ru/social/2022/05/18/voennyy-psikholog-rasskazal-pro-boevye-psikhicheskie-travmy.html (accessed October 20, 2023).

16. Reznik A.M. Schizophrenia and delusional disorders in veterans of local wars. *Psikhiatriya = Psychiatry*, 2013, no. 2(58), pp. 38–43. (In Russ.).
17. Surkova I.Yu. The social status of Vietnam War veterans: the attitude of society and social protection. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, vol. 14, no. 4, pp. 164–180. (In Russ.).
18. *"Veterany-osuzhdennye" – novoe ponyatie v istorii Rossii* ["Convicted veterans" is a new concept in the history of Russia]. Available at: https://bfveteran.ru/publikacii/533-veterany-osuzhdennye-novoe-ponyatie-v-istorii-rossii.html (accessed October 20, 2023).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

PAVEL A. AKIMENKO – Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher at the Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nochnoy_patrul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1886-2752

Received October 31, 2023

Original article
UDC 343.292
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.007

Problematic Issues when Granting a Pardon

SERGEI N. PONOMAREV
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, sergey_ponomariov@mail.ru

VALERIYA V. SKOPINTSEVA
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kucher22v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9530-2574

Abstract

Introduction: this article considers problematic issues of granting a pardon and proposes practice-oriented recommendations that boost effectiveness of the pardon institution. *Purpose*: to analyze problematic issues of granting a pardon in Russian criminal and penal legislation and to develop recommendations that contribute to improving this institution effectiveness. *Subject*: problematic issues arising in the implementation of pardon in practice. *Methods*: general scientific methods, as well as comparative, comparative legal, statistical methods. Results: the stated above indicates the need to resolve the issue of the legal nature of the institution. It seems advisable to formulate its goals more clearly, which should fully correlate with the norms of criminal and penal legislation. *Conclusion*: it is reasonable to expand a circle of persons entitled to apply for a pardon, develop detailed instructions for the work of territorial pardon commissions, elaborate special pardon rules for military personnel and prisoners wishing to participate in the special military operation, and work out additional guarantees to protect the crime victims' rights in case a pardon is granted. The conclusions obtained in the article can be used in educational and law enforcement practice, as well as when assessing effectiveness of the implementation of the pardon institution.

Keywords: humanism; pardon institution; correction of convicts; legal nature; prevention of repeat crime; crime; penal policy.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ponomarev S.N., Skopintseva V.V. Problematic issues when granting a pardon. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 58–66. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.007.

Introduction

The pardon institution is justified by the fact that it is a legally guaranteed way to change the fate of people who have committed a crime and are punished. Its application should be consistent with justice and humanism principles, as well as with criminal and penal legislation goals.

This problem can be studied from various positions, but, in our opinion, the main attention should be paid to achieving key goals set out in national legislation on the appointment and execution of criminal penalties. Granting a pardon is not regulated by criminal law. It depends entirely on the decision of a competent official,

© *Ponomarev S.N., Skopintseva V.V., 2024*

the President of the Russian Federation, and is carried out outside the framework of the judicial system.

Research

Many scientists, including A.Ya. Grishko, A.V. Popov, Yu.V. Sazhenkov, and V.I. Selivestrov, studied a legal nature of the pardon institution and its application. They made a significant contribution to the disclosure of this problem. Nevertheless, issues related to the application of this institution in Russia are discussable.

In Russia, convicts are pardoned as prescribed by the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of Russia, and some additional bylaws. The President issues decrees on pardoning certain persons regularly. All these normative acts define a procedure and a general content of the concept of pardoning convicts in its practical application.

After conducting a brief analysis of the legal essence of this mechanism and assessing its compliance with penal purposes, we will consider possible ways and directions for its improvement.

Article 50 of the Constitution of the Russian Federation provides an opportunity for every convicted person to apply for a pardon. According to Article 89 of the Constitution of the Russian Federation, the prerogative to resolve this important issue belongs entirely to the President of the Russian Federation.

In 2001, significant changes were made to the process of considering pardon petitions. The Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories of the Subjects of the Russian Federation" was adopted. The previous system approved by the Presidential Decree No. 17 of January 12, 1992 had been headed by Soviet and Russian writer and public figure Anatolii I. Pristavkin for 10 years. It included prominent lawyers and public figures of the country. During its existence, it satisfied about 70 thousand petitions submitted by convicts. It was opposed by the penitentiary service leadership.

The changes made to the Regulation on the procedure for considering applications for pardon in 2020–2021 led to the expansion of the circle of persons influencing the decision on the merits of applications. According to the current Regulation, a pardon can be granted to those released on parole (during the remaining part of the sentence not served), probationers and persons who have a deferred sentence. Thus, the list of persons in respect of whom the President of the Russian Federation is entitled to issue a decree on pardon has been expanded [1, p. 224].

In accordance with the Regulation on the procedure for considering applications for a pardon in the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 787 of December 14, 2020 (as amended of November 15, 2021) "On Certain Issues of Activities of Pardon Commissions in the Territories of Subjects of the Russian Federation", a pardon is granted to the following categories of persons:

– persons who have been convicted by Russian courts and are serving their sentences in the country in accordance with criminal law.

– persons who have been convicted by foreign courts, but are serving their sentences on the territory of the Russian Federation in accordance with international treaties of the Russian Federation or on conditions of reciprocity.

– persons who have been released on parole, but must serve the remaining unserved part of the sentence.

– persons who have been conditionally sentenced or have received a suspended sentence by Russian courts.

– persons who have served their sentences imposed by the court, but have unexpunged or outstanding conviction.

The same normative legal act establishes the procedure for preliminary consideration of petitions for a pardon by commissions operating in the territories of various subjects of the Russian Federation. The essence of a pardon is that the Russian President can issue the relevant decree on the basis of an appropriate petition submitted by the convicted person him/herself or by a person who has already served his/her sentence, but has unexpunged or outstanding conviction.

Nowadays, a list of circumstances that the commission can take into account when making its decision includes not only petitions for pardon received from convicts themselves, but also from any other persons, including their relatives, lawyers and representatives of public

associations. At the same time, it is considered important for the commission to consider victims and their relatives' stance, which may be of a positive or negative nature. At the same time, if necessary, the commission assesses rehabilitation possibilities for the convicted person. In this case, the pardon institution will be more consistent with the goals and tasks of criminal legislation.

When considering a petition for a pardon, the following is taken into account:

– nature and degree of public danger of the crime committed;

– behavior of the convicted person during serving or execution of the sentence;

– term of the served (executed) punishment;

– commission of the crime by a convicted person during the probation period of a suspended sentence appointed by the court;

– previous application of an amnesty act, an act of pardon or conditional early release from serving a sentence in relation to a convicted person;

– compensation for material damage caused by the crime;

– data on the identity of the convicted person: state of health, number of convictions, marital status, age, possibility of resocialization;

– submissions for a pardon received from relatives, lawyers of convicts, representatives of public organizations, as well as from other persons;

– opinions of the victims or their relatives regarding the possibility of a pardon;

– other circumstances essential for consideration of the petition for a pardon.

Studying this problem, many researchers support the idea of expanding the circle of people who are entitled to apply for a pardon [2]. For example, L.P. Dubrovitskii offers a logical approach, which consists in giving convicts the opportunity to contact the President of the Russian Federation through the administration of a correctional institution, not only personally, but also with the help of a lawyer or their legal representative [3, p. 64]. He argues that convicts are not always able to independently and competently draft a petition for a pardon, presenting all the necessary circumstances for their consideration.

In practice, the pardon commission, as well as the Presidential Administration, often receives pardon petitions from relatives, friends and colleagues of convicts. This can happen even when convicts themselves may not admit their guilt, which is why they do not make their own request for pardon. This can lead to a situation where the preventive function of punishment is reduced or even eliminated. Despite this, there are cases when the President of the Russian Federation pardoned convicts at the request of other persons [4].

Many researchers support the idea of limiting the number of people who can apply for a pardon [5, p. 284]. For example, according to V.A. Orlov, a pardon implies submission of a pardon petition, therefore, a pardon petition should be sent on behalf of the person who is asking for it [6, p. 48]. At the same time, appeals from relatives, lawyers and others for a pardon are taken into account when it comes to considering a pardon for a person who has committed a crime and is in the process of serving or has already served his sentence. But it is worth emphasizing once again that the commission does not consider such appeals without an explicit request for a pardon from the convict him/herself.

It should be mentioned that the pardon procedure is multi-stage and complex: a petition for pardon is first considered by the commission at the regional level, then by the highest official in the region, and only after that it can be submitted to the President of the Russian Federation for consideration.

A pardon can be rejected for legal reasons, for example, if half of the time set by the court in the sentence has not passed, if the convicted person has already been conditionally released or if he/she has negative characteristics from the place of imprisonment. This process also shows how the convict's ability to correct and his/her ability to fully return to society are assessed. In practice, it often happens that commissions dealing with pardons consider cases where the punishment imposed by the court clearly does not correspond to the severity of the crime and its public danger. However, the pardon institution should not correct mistakes of the courts. When imposing sentences, courts must strictly observe criminal law prin-

ciples fixed in articles 3–7 of the Criminal Code of the Russian Federation. If courts follow them, convicts will not have to apply for pardon because of the discrepancy between the punishment and the severity of the crime committed [7, p. 98].

The practice of recent years indicates a significant reduction in the use of this institution in our country. This phenomenon is explained by some authors by the loss of its role, importance and significance at the present time [8, p. 72]. However, its role seems to increase if the legal status and goals of the institution in question are more clearly defined, based on the value of human and civil rights enshrined in the Constitution of Russia [9, p. 31]. A pardon is a part of criminal law and related legal fields, including penal law.

Historically, pardon is the prerogative of the sole ruler. As Cesare Beccaria pointed out, "charity is a virtue that sometimes complements the duties assumed by the throne. However, in legislation where punishments are moderate and the judicial process is fair and fast, there may be no place for mercy" [10, p. 155]. So, in case of a developed criminal legislation, such extrajudicial means of resolving issues are not required.

According to A.Ya. Grishko, there may emerge the circumstances that will lead to increased use of this institution, in particular, various transitional periods in society, revolutions, and wars. The authorities, as a rule, actively use such extrajudicial tools [11, p. 15].

O.G. Donskaya (Kavelina) notes that the pardon process in Russia has become increasingly politicized in recent years. This means that the decision to pardon is made taking into account political motives, including the possibility of exchanging prisoners between countries. For example, Russian prisoners are released for exchange for foreign convicts, such as Ukrainians Yurii Soloshenko, Gennadii Afanas'ev and Nadezhda Savchenko, Lithuanians Aristidas Tamosaitis and Yevgenii Mataitis, as well as Estonians Susi Raivo and Eston Kohver [12, p. 199].

This trend seems to be confirmed by the recent pardon of the American citizen Brittney Griner [13]. Such a decision involves many aspects, including legal, political and humanitarian considerations. This confirms that the pardon institution in Russia is used for political purposes, in addition to its traditional one.

In recent months, the media have been actively covering convicts' participation in the special military operation. Convicted persons act as mercenaries and receive a chance for pardon after completing six months of combat service [14. Though these materials are not official or scientific sources, they emphasize the importance of reviewing and improving legislation governing pardon procedures.

Historically, a pardon is an act of mercy on the part of the head of state in relation to a specific person who has been convicted of committing criminally punishable acts. In Russia, in the post-Soviet period, this institution found its consolidation, first of all, in constitutional norms, namely in articles 50 and 89 of the Constitution of the Russian Federation. In accordance with Article 89 of the Constitution of the Russian Federation, the right to pardon belongs to the President of the Russian Federation. Every convicted person in Russia has the right to appeal to the President of the Russian Federation for a pardon, regardless of the severity of the crime and circumstances of its commission.

In Russian criminal law, the right to a pardon, which is guaranteed by the Constitution, is enshrined in Article 85 of the Criminal Code of the Russian Federation. The Penal Code of the Russian Federation fixes grounds for release from punishment, including the possibility of a pardon (Article 172), the procedure for release through a pardon (Article 173), and the procedure for convicts to apply for a pardon (Article 176). A person sentenced to actual imprisonment may exercise his/her right to a pardon by submitting an appropriate petition through the administration of the institution where he/she is serving his/her sentence.

Every citizen sentenced to criminal punishment is constitutionally guaranteed the right to ask for forgiveness. However, there are certain limitations to this right. They are fixed in the decrees of the President of Russia No. 1,500 of December 28, 2001 and No. 787 of December 14, 2020, establishing rules for the consideration of such submissions. This document specifies categories of persons unentitled for a pardon, in particular:

a) who have committed an intentional crime during the probation period imposed by courts;

b) maliciously violating the established procedure for serving a sentence;

c) previously released from serving their sentence on parole;

d) previously released from serving their sentence under amnesty;

e) previously released from serving their sentence by an act of pardon;

f) in relation to whom the punishment has been commuted.

However, this rule is not mandatory, it has no legal force, but simply indicates the possibility of refusal of a pardon on these grounds.

The above-mentioned list of convicts indicates that persons who have committed more than one crime experience serious difficulties in correcting themselves. In this regard, it is difficult for law enforcement agencies to achieve criminal punishment goals. A detailed process for considering applications for a pardon is set out in the Instructions on the organization of the work of institutions and bodies of the penal system on the petitions of convicts for pardon", approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 83 of April 8, 2015.

When the President of the Russian Federation considers a convicted person's petition for a pardon, he decides whether this petition will be granted or rejected. It is worth mentioning that the petition acceptance does not always entail complete release of the convicted person from punishment; sometimes the penalty is commuted. This more lenient punishment, which is considered in the context of pardon, should not be considered as a sanction for the crime committed, but rather as an act of mercy towards the convicted person.

In this regard, courts usually refuse to satisfy complaints against decrees of the President of the Russian Federation, which replace the death penalty with life imprisonment, when convicts refer to the fact that such punishment does not comply with previously valid norms of criminal law [15, 16].

It should also be noted that in Russia, the modern penal system is being actively improved in accordance with international standards, despite difficult political conditions and differences in legal approaches between Russia and some European countries. Russia's criminal policy is striving for high standards of humanization of prison conditions and resocialization of convicted persons, which is the result of constitutional recognition of the priority of human rights [15, p. 42].

Humanization and partial liberalization of criminal and penal policies should take into account potential negative consequences of changes in the crime rate in the country. It is necessary to maintain a balance between respect for the rights of convicted persons and safety of the law-abiding population. This will reduce the crime rate in Russian society solely through measures aimed at reducing criminalization.

The right to pardon, which is exercised by the head of state, is not an unambiguous legal institution, despite the fact that it is enshrined in the Constitution of the Russian Federation and exists in the legislation of many democratic countries. An act of pardon represents the highest expression of humanism among all forms of early release of convicts. Humanism seeks to reveal in a person his/her best qualities and recognizes that life and well-being of every human being are of the highest priority, and a person is ready to fight for them, even if there is only the slightest chance of improving the situation.

The study of data on repeat crimes shows that the recidivism rate in Russia is quite high and is increasing (ranging from 25% to 40% in various regions). This indicates that the prevention system is not working effectively enough. In addition, the statistics published by the Federal Penitentiary Service of Russia show that at least 45% of those sentenced were previously convicted, and up to 84% of those released from prison commit offenses again (secondary and subsequent) [17].

In addition, the analysis of generalized data on repeat crimes shows that in 85% of the cases, recidivism occurs in the first 3 years after release [17]. These statistics clearly indicate that there are certain problems, especially in the area of social support for former prisoners after their release. Nowadays, society as a whole cannot effectively cope with this problem. Positive results are expected from the adoption of legislation on probation and the

achievement of effective work by all involved structures.

Hence, specific standards are required to determine effectiveness of punishment in criminal law. These standards can be taken into account when using various methods of release from punishment, including pardon.

The society is actively discussing issues connected with changing detention methods, reorganizing custodial institutions, expanding a list of criminal penalties that exclude isolation of convicts from society, and reducing their number.

We back the point of view of Yu.V. Golik, who state that the use of the pardon institution can encourage criminals to behave themselves [18, p. 51].

It is important to effectively apply the pardon institution to achieve goals of criminal and penal legislation. Part 1 of Article 1 of the Penal Code of the Russian fixes the goal of punishment as correction of convicts and prevention of new crime commission by both convicts themselves and others.

The set goals are achieved through the fulfillment of the following tasks:

– regulation of the procedure and conditions for executing sentences and serving of criminal sentences imposed by the court;

– determination of the means contributing to correction of convicted persons;

– protection of the rights, freedoms and legitimate interests of convicted persons;

– provision of assistance to convicts in their social adaptation.

The essence of a socio-moral aspect of a pardon is that the state, when it reduces punishment for persons who are found guilty of crimes, shows faith in their ability to comply with the law in the future.

Actions of the employees responsible for the law application in the field of punishment are aimed at achieving the above-mentioned tasks and goals. It is important to note that regardless of the uncertainty of the purpose of the pardon process and the absence of restrictions on motivation when applying for pardon, this is the constitutional right of every convicted person.

We believe that proving the need to forgive a person who has been given a fair sentence according to the law is a difficult task. The issue of pardons should be considered and evaluated in the context of general criminal policy, as an important component of it, as well as an instrument for the development of democracy and respect for the rule of law. Nevertheless, the point of view of Professor Yu.M. Antonyan is worth considering. He emphasizes the impossibility of pardoning persons who may commit new crimes [19, p. 14].

A moral side of its use is questionable: whether criminals deserve such an act of leniency. One of the key arguments is that prisons, for example, contain very different categories of convicts, including those who need medical care, have sick parents or children, poor financial situation, the elderly, etc. It is advisable to pardon some of them, especially if there are grounds to believe that criminal punishment goals have already been largely achieved, and their further imprisonment is not expedient.

And if, despite practical expediency of this argument, there is little doubt, then from a theoretical point of view the situation becomes less obvious. This is mainly due to a lack of explicit criteria to grant pardons in the legislation, and the issue is entirely at the discretion of a competent official.

Conclusion

The study results show that processing pardon petitions becomes more advanced over time. However, despite this, the system is still inefficient. Most petitions of convicted persons are rejected by making a submission about the inexpediency of applying an act of pardon even at the stage of the work of regional commissions. In addition, this process is not completely transparent, which means that real decision-making mechanisms for pardon cases are not available for research.

In addition, in conditions of overloaded court and prison system, pardons can be applied to alleviate the prison overcrowding problem by releasing some convicts. Pardons can also be used as a tool for managing the criminal process, allowing law enforcement agencies to focus their efforts on more serious crimes or on convicts who require special attention.

Sometimes pardons can be used to achieve political or social goals, such as consolidating peace and promoting reconciliation in society.

In order to achieve goals of the pardon institution, it seems necessary to improve regulation in the following areas:

– to expand a circle of persons entitled to apply for a pardon, including not only the convicted person him/herself, but also his/her legal representative, close relatives, bodies responsible for punishment, labor teams, public organizations, as well as federal and regional ombudsmen. If a reasoned pardon petition is received from any of the listed entities, it is necessary to obtain written consent from the convict him/herself;

– to work out detailed instructions for the work of territorial pardon commissions;

– to develop special pardon rules for military personnel and prisoners who wish to take part in the special military operation;

– elaborate additional guarantees to protect victims' rights, in case a pardon is granted.

A legal framework for the pardon procedure should be discussed at a new level [20, p. 38].

The institution under consideration obviously needs a more detailed regulation and measures aimed at improving the practice of realizing the opportunities that it provides. The measures proposed based on the results of this study to regulate its certain aspects will make this institution more transparent, thus boosting effectiveness of criminal punishment.

It would not be an exaggeration to say that in penal legislation, pardons are considered as a means to achieve certain goals for several reasons. First, pardons convey humanitarian principles. Individual circumstances of the case can be taken into account; in case the punishment seems disproportionate or unfair regarding the nature of the crime or the personality of the convicted person. Second, pardons can be used to encourage rehabilitation of convicts, including commutation of punishment or providing a second chance for persons who have demonstrated positive changes or a clear desire and willingness to reform.

Thus, a pardon is a multifaceted legal phenomenon that encompasses various forms of state-sanctioned mercy and forgiveness [21, p. 125].

This act of humanism is a kind of manifestation of forgiveness from the state in relation to people who have committed crimes, and it indicates that society, represented at least by state bodies, is ready to accept those who have committed socially dangerous acts, but then repented and seeks to return to law-abiding and full-fledged citizen status. It also provides an opportunity for effective rehabilitation of such persons in society.

All these factors together help to understand why pardons are considered as a tool to achieve goals of criminal legislation of the criminal law complex. This tool, used competently and thoughtfully, makes it more optimistic and easier to both execute and serve a criminal sentence, while taking into account various life circumstances, which can contribute to a more effective and fair procedure for its execution.

REFERENCES

1. Seliverstov V.I. Pardons in the Russian Federation: innovations of 2020 and their impact on the expansion of the use of pardon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 475, pp. 222–228. (In Russ.).

2. Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Yakovleva L.V. Pardons in Russia. *Zakon = Law*, 2002, no. 3, pp. 135–140. (In Russ.).

3. Dubrovitskii L.P. Some issues of preparing materials on pardons. In: *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 1,500 ot 28 dekabrya 2001 goda "O komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 24–25 oktyabrya 2002 g.)* [Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories of the Subjects of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. (Bryansk, October 24–25, 2002)]. Bryansk, 2002. pp. 60-64]. Bryansk, 2002. Pp. 60–64. (In Russ.).

4. *Liderov "Medzhlisa" pomilovali po pros'be krymskogo muftiya* [Leaders of the "Mejlis" were pardoned at the request of the Crimean Mufti]. Available at: https://ria.ru/20171025/1507546655.html (accessed August 5, 2023).

5. Skopintseva V.V., Ponomarev S.N. Institute of pardon in the execution of criminal punishment: issues of theory and practice. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2020, no. 3, pp. 280–283. (In Russ.).
6. Orlov V.A. *Rossiisko-frantsuzskii kollokvium "Pomilovanie, amnistiya, ispolnenie nakazanii, smertnaya kazn"* [Russian-French colloquium "Pardon, amnesty, execution of punishments, death penalty"]. Moscow, 2002. Pp. 47–52.
7. Gurbanov K.V. The problem of implementing the institute of pardon. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2021, no. 28, pp. 97–99. (In Russ.).
8. Cherednichenko E.E. On the question of the need for the existence of the institution of pardon in Russia. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*, 2018, no. 1, pp. 72–74. (In Russ.).
9. Smorchkov A.I. On the question of the legal nature of pardon. *Zakonnost' = Legality*, 2016, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.).
10. Beccaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, 2023. 183 p.
11. Grishko A.M. *Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost'* [Amnesty. Pardon. Criminal record]. Ed. by Grishko A.M. Moscow, 2023. 187 p.
12. Donskaya (Kavelina) O.G. Institute of pardons in Russia: present stage. *Yuridicheskie nauki = Legal Sciences*, 2020, no. 4, pp. 198–206. (In Russ.).
13. *TASS: Buta i Grainer pomilovali pered obmenom* [TASS: Booth and Griner were pardoned before the exchange]. Available at: https://rg.ru/2022/12/08/tass-buta-i-grajner-pomilovali-pered-obmenom.html?ysclid=lptg5nlhlc485023394 (accessed August 5, 2023).
14. Tairov R. *Kreml' otvetil na soobshcheniya o pomilovanii zaklyuchennykh za uchastie v "spetsoperatsii"* [The Kremlin responded to reports of pardoning prisoners for participating in the "special operation"]. Available at: https://www.forbes.ru/society/483521-kreml-otvetilna-soobsenia-o-pomilovanii-zaklucennyh-za-ucastie-v-specoperacii?ysclid=li37za41w6841027576 (accessed August 5, 2023).
15. Golovastova Yu.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiiskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema: monogr.* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system: monograph]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2019. 560 p.
16. *Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 22.09.2020 No. AKPI20–560* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI20–560 of September 22, 2020]. Available at: https://sudact.ru/vsrf/doc/HfpMIPdgir6s/ (accessed August 5, 2023).
17. Babayan S.L., Anfinogenov V.A. Analysis of the re-criminality of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from society and measures for its prevention. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 44 (1), pp. 4–9. (In Russ.).
18. Golik Yu.V. Pardons as a way to stimulate positive behavior. In: *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 1,500 ot 28 dekabrya 2001 goda "O komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 24–25 oktyabrya 2002 g.)* [Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories of the Subjects of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. (Bryansk, October 24–25, 2002)]. Bryansk, 2002. Pp. 51–54. (In Russ.).
19. Antonyan Yu.M. Pardons as a criminological problem. In: *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 1,500 ot 28 dekabrya 2001 goda "O komissiyakh po voprosam pomilovaniya na territoriyakh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii" (teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 24–25 oktyabrya 2002 g.)* [Presidential Decree No. 1,500 of December 28, 2001 (as amended of December 14, 2020) "On Pardon Commissions in the Territories of the Subjects of the Russian Federation" (theoretical and practical aspects of implementation): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. (Bryansk, October 24–25, 2002)]. Bryansk, 2003. Pp. 13–15. (In Russ.).
20. Zeinalbdyeva A.V. Problematic issues of implementing amnesty and pardon institutions in the Russian Federation. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2020, no. 2, p. 38. (In Russ.).

21. Kobil D.T. The quality of mercy strained: wresting the pardoning power from the king. *University of St. Thomas Law Journal*, 2012, vol. 69, no. 4, pp. 89–135.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI N. PONOMAREV – Candidate of Sciences (Law), Professor, professor at the Penal Law Department of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, sergey_ponomariov@mail.ru
VALERIYA V. SKOPINTSEVA – Adjunct at the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kucher22v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9530-2574

Received November 8, 2023

Original article
UDC 343.83
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.008

Problems Arising when Dog Handlers with Service Dogs are Engaged in Security Procedures in Penitentiary Institutions of the Russian Federation

NIKOLAI V. RUMYANTSEV
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0958-8539

LYUDMILA E. PRIKHOZHAYA
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, lyudmila_prikhozhaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5547-9678

Abstract

Introduction: the article is devoted to the identification of problems that arise when engaging specialist dog handlers with service dogs in carrying out security procedures in the territories of institutions of the penal system of the Russian Federation. *Purpose:* to show problems of using dog handlers with service dogs during security procedures in penitentiary institutions, to formulate directions for their possible solution. *Methods:* general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, sociological, statistical, legal modeling). *Results:* the analysis of data obtained during the survey of 2,217 employees in 2023 made it possible to formulate problems that arise when involving dog handlers with service dogs in security procedures, as well as make proposals to improve the mechanism of interaction between cynological and security units. *Conclusions:* the involvement of dog handlers is an effective measure to deter illegal actions on the part of the suspected, accused and convicted persons. The main problems that arise during activities under consideration are the insufficient number of dog handlers, as well as the lack of necessary training for both employees and service dogs, taking into account the specifics of service of units of regime and supervision (security) of penitentiary institutions.

Keywords: penitentiary system of the Russian Federation; cynological units; cynological service; dog handler; service dogs; security procedures.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

For citation: Rumyantsev N.V., Prikhozhaya L.E. Problems arising when dog handlers with service dogs are engaged in security procedures in penitentiary institutions of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 67–74. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.008.

© *Rumyantsev N.V., Prikhozhaya L.E., 2024*

Introduction

The Federal Penitentiary Service (FPS of Russia) fulfils a lot of tasks to improve the performance of its institutions and bodies. Ensuring reliable isolation of convicts and persons in custody is one of the main activities of the FPS of Russia, for the implementation of which appropriate units and services have been created in institutions. The cynological service, having an organized management system, performs an important role in the mechanism of ensuring law and order and legality [1, p. 102].

Nowadays, cynological units of penitentiary institutions perform a significant number of official tasks. In accordance with the Instruction on the Organization of the Cynological Service of the Federal Penitentiary Service, approved by the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 336 of April 29, 2005, activities of these units are aimed at protecting institutions, escorting convicts and persons in custody; ensuring law and order and legality, safety of employees of the penal system, officials and citizens located on the territories of institutions; joining intelligence-gathering to search for and detain escaped convicts and persons in custody; detecting narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, explosives, explosive devices, weapons and ammunition. The use of dogs in the official activities of the FPS of Russia is a coordinated and rapid action of a dog handler with a service dog as part of guard and service duties when performing assigned tasks [2, p. 101].

Besides, cynological units train service, organize and conduct breeding work on breeding and rearing service dogs, and ensure timely measures for the care and conservation of service dogs [3, pp. 139–140].

It should be noted that the use of a service dog is important for ensuring safety of both the penitentiary institution and employees [4, p. 65]. In the context of modernization of engineering and technical equipment of protected facilities, introduction of integrated security systems, creation of new detection devices and protective equipment [1, p. 104], the role of man and animal is decreasing. However, in some cases, a dog is a priority means of solving official tasks [5, p. 20]. This is due to the fact that the dog, as a biological sensor, has a significant number of natural advantages that are not peculiar to any type of technology, which allows it to recognize and respond to emerging incidents in a timely manner [6, p. 324]. In accordance with the Procedure for the Treatment of Service Animals in Institutions and Bodies of the Penitentiary System of the Russian Federation, approved by the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 1,210 of December 31, 2019, as part of a special training course, a service dog is trained to perform tasks in a certain area of service: fugitive retrieval; search for narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors; search for explosives, explosive devices, weapons and ammunition; guard duty. Also, the use of service dogs is a human preventive and deterrent factor, in comparison with weapons. Service dogs have a certain psychological effect on offenders, forcing them to abandon their criminal intentions [7, p. 37]. Cases of using service dogs as a special tool are regulated by Article 30 of the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 “On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation”.

These circumstances determine the involvement of dog handlers with service dogs in carrying out security procedures aimed at preventing and suppressing offenses committed in correctional institutions and pre-trial detention centers [8, p. 546]. The use of service dogs makes it possible to increase the reliability of the isolation of convicts and persons in custody, their detention regime, contributing to a decrease in the crime rate in correctional institutions [9, pp. 124–125].

The involvement of dog handlers with service dogs in conducting security procedures is supported by the provisions of departmental regulations, as well as the official necessity caused by the specifics of their activities, skills and abilities to detect certain types of prohibited items, as well as due to the fact that service dogs can deter and prevent the commission of illegal acts by convicts and persons in custody.

In accordance with the provisions of departmental regulatory legal acts, dog handlers with service dogs can be involved in the following activities:

– as part of the duty shift of a correctional institution – when taking over and passing of duties in locked rooms, punishment cells (SHIZO), cell-type rooms (PKT), single cell-type rooms (EPKT), accompanying large groups of convicts during regime events, including when walking to the SHIZO and PKT;

– as part of the search and maneuver group of a correctional institution when checking the territory adjacent to internal and external restricted areas in order to detect mines, caches, caches, and prohibited items. A service dog is used to search for an odor by its carriers or by their source, for some odor carriers by the smell of other carriers, for some objects, substances with a specific odor;

– as part of the duty shift of pre-trial detention centers and prisons when taking a significant number of the accused and convicted persons out for a walk, during the search, at night when opening cells, when escorting the suspected, accused, and convicted persons to prevent crimes and other offenses.

Thus, a significant part of security procedures can be carried out by engaging dog handlers with service dogs. But in practice, the use of dog handlers is limited. This is due, firstly, to a decrease in the number of these employees. So, over the past five years, the number of employees of the cynological service in the staff of security units has decreased by 0.9%, amounting to 9,084 people [10, p. 472] (2018 – 9,163) [11, p. 257], while the actual number has declined by 5.4%, amounting to 8,011 people [10, p. 473] (2018 – 8,468) [11, p. 258]. What is more, despite the consolidation of tasks for this category of employees, the procedure for their involvement in conducting security procedures is not defined by law. In practice, there are still questions on the affiliation of dog handlers to a specific department, subordination when conducting security procedures, etc.

These circumstances determine the existence of problems in the field under consideration, the elimination of which is possible by conducting research work aimed at analyzing information on the involvement of dog handlers with service dogs during security procedures in the territories of penitentiary institutions.

The purpose of the study is to collect, study and analyze information on the use of dog handlers with service dogs during security procedures in the territories of institutions of the FPS of Russia.

The methodological basis of the research consists of general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, sociological, statistical, legal modeling).

Research

As part of the analysis of the current state of official activities of dog handlers with service dogs during security procedures in the territories of penitentiary institutions in 2023, employees from all territorial bodies of the FPS of Russia were surveyed.

2,217 employees were involved in the survey, of which 1,401 – employees of the regime and supervision departments, 816 – employees of protection divisions, namely:

– duty assistants to the heads of correctional facilities (DPNK) – 883 people;

– duty assistants to the heads of pre-trial detention centers (DPSI) – 276 people;

– heads of security departments in correctional institutions – 178 people;

– heads of regime and supervision departments in pre-trial detention centers – 64 people;

– deputy heads of institutions – heads of protection divisions in correctional institutions – 328 people;

– deputy heads of institutions – heads of protection divisions in pre-trial detention centers – 117 people;

– heads of cynological departments (groups) in correctional institutions – 272 people;

– heads of cynological departments (groups) in pre-trial detention centers – 99 people.

As part of the study, the issue of effectiveness of engaging dog handlers with service dogs in security procedures was studied and the opinions of employees of the regime and supervision departments on this issue were analyzed. To do this, we asked the question, “What types of security procedures will benefit from the involvement of a dog handler with a service dog?” (figures 1–9).

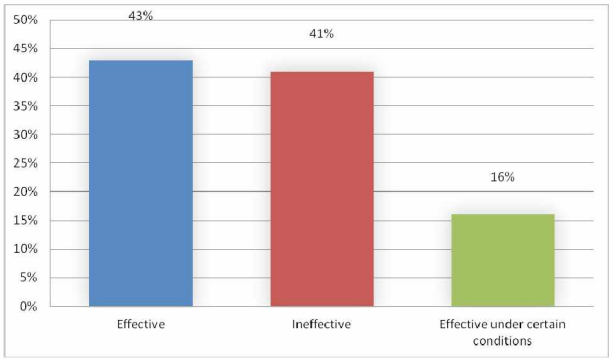

Figure 1. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs in taking over and passing of duties

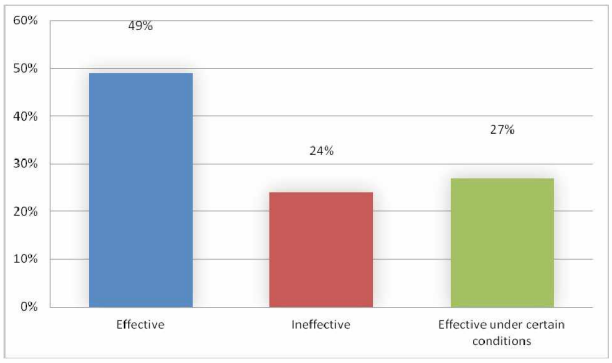

Figure 2. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs during a walk

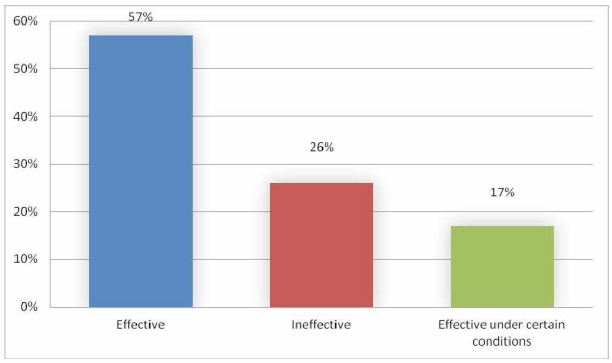

Figure 3. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs during lights out and wakeup

The involvement of dog handlers with service dogs in service procedures in locked rooms, detention centers, and PKT is most often considered by respondents as an effective measure (figures 1–3). At the same time, more than half of the respondents (57%) believe it important to engage dog handlers with service dogs during lights out and wakeup. Opinions on the effectiveness of engaging them in taking over and passing of duties are divided (Figure 1). Thus, 43% of the surveyed support the idea, and 41% do not find it reasonable.

Let us consider effectiveness of engaging dog handlers with service dogs in patrolling the inner restricted area, as part of a search and maneuver group, and inspecting parcels and transfers (figures 4–6).

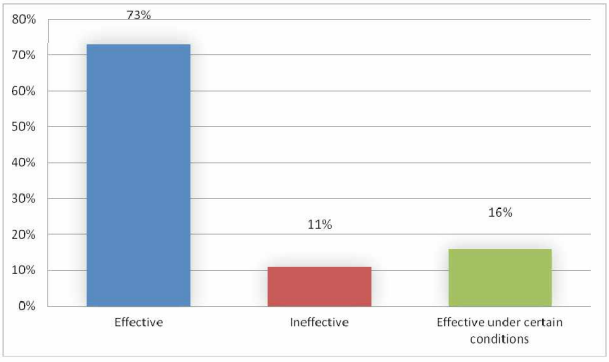

Figure 4. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs in patrolling the internal restricted area

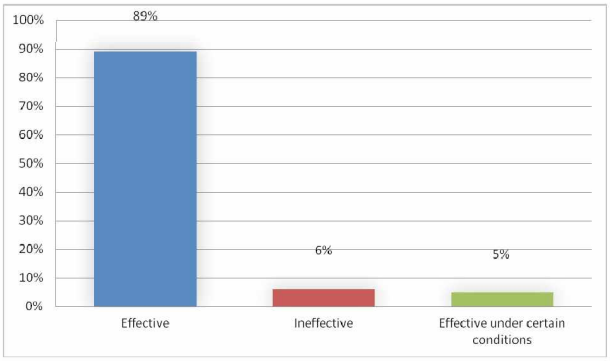

Figure 5. Opinions of employees of penitentiary i nstitutions on the effectiveness of engaging specialist dog handlers with service dogs in activities of search and maneuver groups

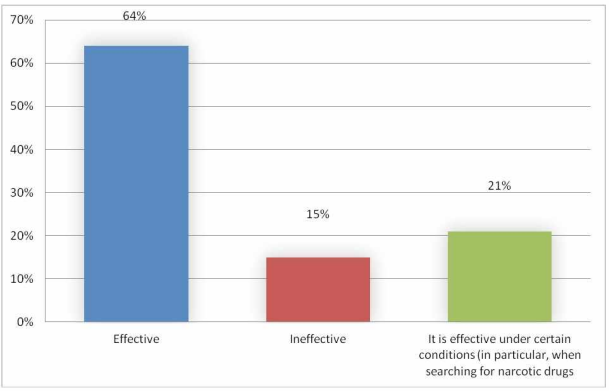

Figure 6. Opinions of employees of penitentiary i nstitutions on the effectiveness of engaging specialist dog handlers with service dogs in inspecting parcels and transfers

Figures 7–9 show data on the effectiveness of using dog handlers with service dogs as part of the duty shift of a pre-trial detention center.

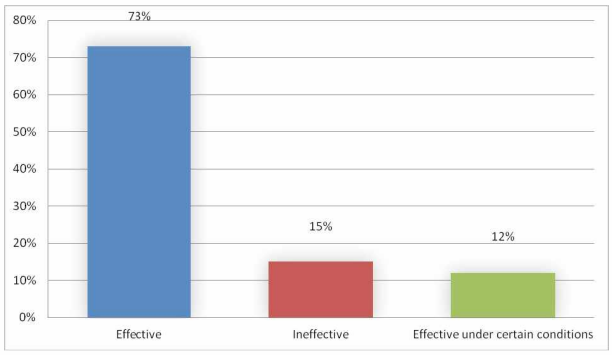

Figure 7. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs when opening cameras at night

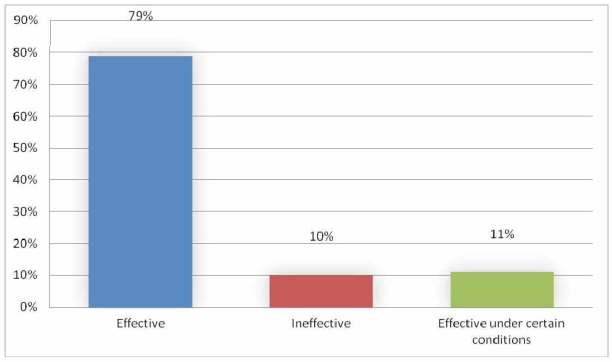

Figure 8. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs in conducting searches in cells

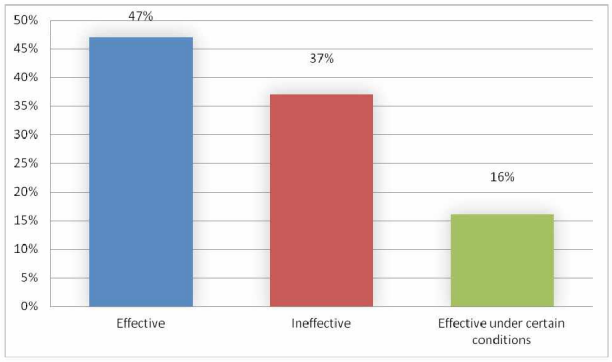

Figure 9. Opinions of employees of penitentiary institutions on the effectiveness of engaging dog handlers with service dogs in organizing convicts' walks as part of the duty shift

Thus, employees of penitentiary institutions believe it important to attract dog handlers with service dogs to certain types of security procedures. Their work will be useful during lights out and wakeup in cells, SHIZO, PKT, EPKT (57%), when patrolling the internal restricted area (73%), as part of a search and maneuver group (89%), when inspecting parcels and transfers (64%), opening cameras at night (73%), and conducting searches in cells (79%).

As part of the survey, employees were asked to formulate problematic issues that arise when involving dog handlers with service dogs in conducting security procedures. This question was addressed to employees of both protection divisions and regime and supervision departments of penitentiary institutions. Here are their answers:

1) according to employees of protection divisions, problematic issues are the following:

– search (patrol and search) dogs are not trained to search for narcotic drugs;

– poor organization of security procedures;

– suspects, defendants, convicts from among believers who profess Islam express dissatisfaction with the use of service dogs in cells;

– absence of places of temporary detention of service dogs and places of dislocation for dog handlers when they perform official tasks as part of the duty shift;

– an insufficient number of days allocated to attract assigned dog handlers with service dogs to search for narcotic drugs in a particular institution (it is necessary to carry out these activities from Monday to Friday);

– ranking of managers for cynological groups (junior senior staff) has reduced the role of the senior management in the cynological unit responsible for training cynological specialists, dogs assigned to them and maintaining facilities of the educational and material base of cynological units in proper condition;

2) according to employees of regime and supervision departments, problematic issues include:

– a lack of service dogs;

– the inability to use a service dog when inspecting food;

– the failure to comply with security measures when using a service dog in an institution;

– the difficulty to use service dogs as a special tool, the inability to foresee and minimize the degree of damage to health if necessary;

– according to schedules for the use of service dogs in security procedures, dog handlers

can be involved in search operations, inspection of transfers and parcels once a week, which is ineffective;

– aggressive behavior of dogs towards employees and convicts.

Employees were asked to *formulate specific measures that would solve these problems*. Here are the answers received:

1) *protection division employees' proposals to boost effectiveness of the use of service dogs during security procedures*:

– to train service dogs more often according to a special course;

– to upgrade the educational and material base of facilities for the maintenance of service dogs;

– to organize experience exchange between institutions of both a specific territorial body of the FPS of Russia and institutions of other subjects of the Russian Federation;

– to organize experience exchange between penitentiary institutions and other departments and services in the use and training of dogs;

– to provide additional classes with dog handlers;

– to organize interaction with operational security services;

– conduct additional training of dog handlers as "defendants" to ensure better training of service dogs for "protective guard service".

It should be noted that some employees expressed a point of view that the use of service dogs in security procedures is impractical due to the increase in the volume of service, as well as the use of search and patrol service dogs in most institutions;

2) *proposals for enhancing effectiveness of the use of service dogs during security procedures received from employees of regime and supervision departments:*

– to increase the number of hours for dog training;

– to improve training of service dogs in the search for narcotic drugs;

– to more often attract dog handlers with service dogs to participating in security measures;

– to organize practical training with service dogs in places where security procedures are carried out;

– to ensure that a dog handler with a service dog is on duty on a day-to-day basis and subordinate the DPNU;

– to place imitators of prohibited substances during security procedures to check the quality of service of a dog handler and the effectiveness of the use of a service dog;

– to develop a regulatory legal framework on the procedure for the use of service dogs during routine events.

Conclusion

To sum it up, we can state the following:

1) involvement of dog handlers with service dogs in conducting security procedures is an effective measure to deter illegal actions on the part of suspected, accused and convicted persons, as well as meet requirements of the established procedure for serving sentences;

2) not all duties assigned to dog handlers by departmental regulatory legal acts are performed on the territory of institutions due to objective circumstances expressed in the absence of employees and service dogs necessary for their performance;

3) even if there is a necessary number of dog handlers with service dogs, there is a need for their additional training, taking into account the specifics of service of the regime and supervision departments.

To solve the problems that arise when engaging dog handlers with service dogs in security procedures, we propose the following:

– the position of dog handlers in the "group for conducting security procedures" as part of the cynological unit of the institution's security department should be included in the staffing table;

– dog handlers should be part of the duty shift, though they should not be involved during the service in measures to protect institutions and perform functions and duties unusual for him;

– it is possible to solve the problem of assigning dog handlers with a significant number of official tasks by involving them in conducting security procedures at the order of the DPNU, based on real needs of the institution;

– a job description for this category of employees should have a provision on knowledge of tasks of the duty shift, a procedure for the use of a service dog, places and objects vulnerable to escape located in a fifteen-meter strip adjacent to the internal restricted area.

REFERENCES

1. Maslennikov E.E. Law enforcement and legality in the institutions of penal system using service dogs. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2015, no. 2 (23), pp. 102–104. (In Russ.)
2. Shiryaev D.A., Shumanskii I.I. The use of service dogs in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Zakon i parvo = Law and Legislation*, 2019, no. 12, pp. 100–102. (In Russ.).
3. Filippov A.S. Features of the use of service dogs when performing operational tasks in institutions of the penal system. In: *Aktual'nye voprosy rezhima i operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: sb. materialov kruglogo stola s mezhdunar. uchastiem (Pskov, 26 aprelya 2019 g.)* [Topical issues of the regime and law intelligence in the penal system: collection of materials of the round table with international experts (Pskov, April 26, 2019)]. Pskov, 2019. Pp. 139–142. (In Russ.).
4. Vasil'kovskaya S.A. The role and importance of the cynological service of the Federal Penitentiary Service of Russia at the present stage of the development of the penal system. In: *Potentsial sotsial'no-gumanitarnogo znaniya v reshenii aktual'nykh problem sistemy ispolneniya ugolovnykh nakazanii v Rossii i za rubezhom : sb. materialov III Mezhdunar. konkursa nauch. razrabotok na rus. i angl. yazykakh (Perm', 1 dekabrya 2021 goda – 28 fevralya 2022 goda)* [Potential of social and humanitarian knowledge in solving urgent problems of the system of execution of criminal penalties in Russia and abroad: collection of materials of the III International competition of scientific developments in Russian and English (Perm, December 1, 2021 – February 28, 2022)]. Perm, 2022. Pp. 63–66. (In Russ.).
5. Goldyrev A.A., Sheremeta T.V. The history of the formation of the cynological service of the penal enforcement system. In: Poptsova O.S., Sheremeta T.V. *Sbornik nauchnykh trudov po kinologii. Tom 6: sb. st.* [Collection of scientific papers on cynology. Volume 6: collection of articles]. Perm, 2020. Pp. 8–21. (In Russ.).
6. Tsaplin I.S. Improving the legal and organizational foundations of the functioning of the cynological service in the context of reforming the penal enforcement system. In: *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Voronezh, 25 oktyabrya 2018 g.) [Topical problems of the activities of units of the penal system: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Voronezh, October 25, 2018)]. Voronezh, 2018. Pp. 323–328. (In Russ.).
7. Astakhova L.A. Cynologist is an interesting and necessary profession. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 1 (128), pp. 36–41. (In Russ.).
8. Solov'eva E.A. General principles of the use of service dogs designed to ensure the conduct of routine and search measures on the territories of institutions of the criminal code. In: *Permskii period: sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-sportiv. festivalya kursantov i studentov* [Perm period: collection of materials of the V International Scientific and Sports festival of cadets and students]. Perm, 2018. Pp. 546–548. (In Russ.).
9. Tsaplin I.S., Saifullin R.R. Socio-legal issues of the functioning of the cynological service in modern conditions of the development of the penal enforcement system. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 5, pp. 124–127. (In Russ.).
10. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2022 g.): infor.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2022): information-analytical collection]. Tver, 2023. 538 p.
11. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2018 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2018): information-analytical collection]. Tver, 2019. 328 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NIKOLAI V. RUMYANTSEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Department for Improving the Methodologies of Regime, Security and Escort of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System of the Federal

State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0958-8539
LYUDMILA E. PRIKHOZHAYA – Researcher at the Department for Improving the Methodologies of Regime, Security and Escort of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, lyudmila_prikhozhaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5547-9678

Received February 5, 2024

Original article
UDC 343.231:342
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009

Constitutional Values and Axiological Aspects of Understanding a General Object of Crime in the Criminal Law Doctrine

VYACHESLAV A. ZARYAEV
Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, zaryaew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3884-5266

DMITRII D. SOLODOVCHENKO
Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, solodovchenko.dmitriy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7003-739X

Abstract

Introduction: the article considers a problem of constitutional values that form the basis for axiological understanding of a general object of crime and a category "general object of crime" from a value standpoint. *Purpose:* to analyze current approaches to the definition of the general object of crime as a legal good, i.e. axiological aspects of the general object of crime. *Methods:* a dialectical method is used to clarify concepts "constitutional value" and "general object of crime"; a comparative legal method – to compare the concepts discussed. *Results:* current scientific works are aimed mainly at substantiating their fundamental importance and solving theoretical problems of embodying constitutional values in the form of norms-principles, norms-goals, etc. Constitutional values are the basis for defining the general object of crime as a legal value. Considering the general object of crime from a value standpoint allows us to determine which values, interests or legal benefits are recognized by society as so significant that their violation is a crime. *Conclusion:* the category "general object of crime" covers an individual who has suffered from a criminal act and his legal interests, such as life, health, property. Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, in general, reflect a value-based approach to determining the general object of crime.

Keywords: legal value; constitutional value; crime; general object of crime.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4 Criminal law sciences.

For citation: Zaryaev V.A., Solodovchenko D.D. Constitutional values and axiological aspects of understanding a general object of crime in the criminal law doctrine. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 75–82. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009.

© *Zaryaev V.A., Solodovchenko D.D., 2024*

Introduction

Nowadays, there is a growing interest in axiological problems in Russia, both in the scientific community, including in many areas of legal scientific knowledge, and from the public authorities.

Acceleration of the pace of life, which humanity has not yet encountered, complication of the social structure, leading to a new psychological state of a person and the whole society, digitalization of all spheres of public relations, and emergence of new challenges and threats to the civilizational development of Russia necessitate the search for new approaches to the analysis and assessment of the current value system and their protection. This is also confirmed by the social request formulated by the President of Russia in the Decree No. 809 of November 9, 2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". The Decree emphasizes that "understanding social, cultural, technological processes and phenomena based on traditional values and accumulated cultural and historical experience allows the people of Russia to respond in a timely and effective manner to new challenges and threats, preserving the all-Russian civic identity".

In the context of modern social transformations, there is a need for legal reflection on existing axiological problems in order to describe new value legitimization.

Constitutional values as an axiological basis for defining a concept "general object of crime"

Nowadays, there are no unified approaches to understanding the content of the concept "constitutional values". There is no unity of opinion on issues of their essence, theoretical and constitutional nature, content, legal regulation, and the specifics of implementation in other branches of the national legal system.

In legal science, there are different views on the system of constitutional values, their correlation, hierarchy and balance. In this regard, first of all, it is necessary to analyze key approaches to the concept of constitutional values.

S.S. Alekseev finds constitutional values in the most diverse elements of law and mechanisms of legal regulation. According to him, legal values represent specific socio-legal phenomena, legal means and mechanisms (all that is called "legal tools" that provide the value of law and its guarantees), as well as "institutions expressing an optimal ratio of normative and individual regulation" [1, p. 167]. It should be noted that such a list is almost unanimously accepted by constitutionalists as fundamental universal legal values [2–4].

According to T.Ya. Khabrieva, any constitution proceeds from basic provisions that are recognized as "the value of this civilization" not only by developers of the constitution themselves, but also by the broadest strata of society [5].

V.I. Kruss speaks about the "normativity of constitutional values", highlighting appropriate forms of its expression: direct effect of constitutional provisions of a value nature; direct "value-regulating effect of human rights and freedoms"; "value connotation of constitutional principles"; "axiological certainty of legal guarantees" and fundamentally significant for our study "model and situationally defined balance" of constitutional interests and values [6].

L.A. Nudnenko also discusses constitutional value of the principle of combining private and public interests. In his opinion, private interests should be balanced with public ones and "fit into the context of collective values", ensure "consensus for balanced satisfaction" of individual and public needs [6].

N.E. Taeva considers constitutional values as "a complex constitutional-doctrinal, legal-logical and normative structure that arises as a result of the implementation of the axiological function of the constitution" [7], in the process of which stable social values-ideals are determined and further consolidated as constitutional proclamations: norms-principles, norms-goals, norm-tasks [8].

From O. Snezhko's point of view, constitutional values should be understood as fundamental, extremely generalized principles (goals, attitudes) underlying Russian statehood [9].

E.I. Klochko defines "constitutional values" as ideas, ideals, guidelines that have positive significance for the whole people and are the basis of the entire legal system, social and state development. They can be expressed both in abstract, non-formalized constitutional principles, and enshrined in the Constitution with the help of specific constitutional norms, which in this case will be the final element, the final legal form of expression of constitutional values that permeate the entire content of the Constitution" [10].

A.A. Kondrashov defines the essence of constitutional values, their functional purpose as follows: "constitutional values are general social principles (dogmas) with a legal connotation, enshrined in the constitution or arising from a systematic interpretation of several constitutional prescriptions, as well as identified during the interpretative activities of constitutional justice bodies, which aim to ensure the achievement of such a balance of interests of the individual, societies and states, where the highest value of personal human rights is prioritized within the framework of moral, social, ethical, legal, cultural and other fundamental foundations of human existence that have arisen during the course of civilizational development" [11, p. 22].

D.A. Avdeev notes that constitutional values are ideas, phenomena or socially significant circumstances that are subsequently fixed in the constitution (or other legal documents equated to it), acting as guiding provisions that determine the content of current legislation norms, based on the priority of constitutional values in regulating public relations [12].

A.P. Alekseev points out that constitutional values are ideas, goals, principles and institutions formulated as a result of constitutional law-making or the implementation of constitutional justice and enshrined in specific normative legal acts or judicial decisions of a constitutional nature and are the guiding basis for the behavior of most subjects of constitutional legal relations [13].

I.A. Karaseva defines constitutional values as fundamental legal principles that determine priorities for the development and protection of public relations in various spheres of life, enshrined in the constitution and deduced from its content through official interpretation [14].

S.P. Mavrin understands constitutional values as the constitutional and legal fixation of certain values, as a rule, belonging to the sphere of ideas, designed to materialize their qualities of usefulness, importance, significance and, in general, beneficence, as a rule, for all subjects of public relations that fall under the Constitution or for one or more categories of these subjects in certain cases [15].

N.V. Vitruk considers constitutional values as real objects, which are recognized as basic values and have found their consolidation and guarantee in use, realization, and protection [16].

According to S.E. Nesmeyanova, constitutional values are the most significant characteristics of various phenomena directly provided for by the constitution of the state, recognized or arising from its essence, contributing to the development of personality, society and the state [17].

A.G. Tikovenko notes that constitutional values can be defined as "fundamental (basic) extremely generalized principles (goals, general principles)... performing the role of a law-forming landmark" [18, p. 16].

E.S. Anichkin and Yu.A. Rudt believe that constitutional values are "the constituted public and private interests of participants in constitutional legal relations" [19, p. 88], which are important for the development of the state at a certain specific historical stage of its development and enshrined in the Constitution.

A brief review of the opinions presented allows us to conclude that most studies of constitutional values concern justification of their fundamental importance and are aimed at solving theoretical problems of embodying constitutional values in the form of norms-principles, norms-goals, etc.

The problem of constitutional values draws attention of criminal law theorists. They consider it in the course of the study of the concept "general object of crime".

The criminal law theory about constitutional values as the general object of crime

The concept "general object of crime" as one of the key elements of criminal law, ensuring its consistency and integrity can be considered as a legal value. It helps identify and specify objects that are protected by criminal law and serve as the basis for determining the composition of crimes. Considering the general object of crime from a value standpoint allows us to determine, which values, interests or legal benefits are recognized by society as so significant that their violation is a crime.

Definition of the general object of crime is of practical importance in the application of criminal law. It affects qualification of crimes, definition of punishment, and the decision to initiate or terminate a criminal case.

According to V.N. Borkov, in the context of crisis and conflict events, geopolitical tensions, new challenges to the security of citizens and the state, the influence of statist ideology on criminal policy, formation of its goals, directions, and priorities increases [20].

In this regard, axiological approaches in criminal law have now received a new impetus in development, and understanding the category "general object of crime" from a value standpoint is relevant and justified.

In the science of criminal law, perception of the object of crimes as a set of social relations continues to prevail. In particular, A.I. Rarog points out that an object of crime is public relations protected by criminal law, to which harm is caused by a crime or an immediate threat of harm is created. L.D. Gaukhman defines the general object of crime as public relations protected by the apparatus of criminal law enforcement. V.A. Avdeev notes that the legal content of the crime object is formed by public relations protected by criminal law [21, p. 63]. However, he points out that the crime object is recognized as social relations, the content of which is generally recognized social values of a moral, political and other nature.

A number of researchers in their works point to the need to reconsider this approach. Thus, A.N. Karkhanov and A.V. Brilliantov note that, in particular, referring to the problem of crimes against the person, for example, to murder, it was previously assumed that the object of murder is life not as such, but precisely in the sense of the totality of social relations [22, p.140]. In their opinion, such an understanding of human life as an object of murder clearly belittles the absolute value of a person as a biological phenomenon, turns a person into a carrier of social relations, replaces human life with relationships that ensure his/her existence.

Social values declared by the Constitution of the Russian Federation, as E.N. Karabanova rightly notes, are an axiological concept of the object of crime, which enshrines the duty of the state to protect these values in accordance with the trends prevailing in law enforcement practice [23].

From a legal point of view, the object of crime as an axiological concept is a benefit placed under criminal protection that suffers harm in case of encroachment [24].

According to the theory of the object of a criminal act as a legal good, objects of criminal encroachment are life, health, property and other values (goods) that the crime encroaches on and which are therefore protected by criminal law [25–28]. According to V.Ya. Tatsii, the crime object is "a socially defined value (benefit) that is harmed by a specific criminal act", and "... that benefit to which real damage is caused by the crime or a threat of causing such harm is created" [29, p. 101].

The doctrine of criminal law reflects the idea that the category "general object of crime" unites both a victim of criminal encroachment and legal benefits (life, health, property, etc.) [30–32].

Thus, in our opinion, when determining the content of the general object of crime, it is necessary to rely on the provisions of Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, fixing tasks of the Criminal Code of the Russian Federation, such as protection of human and civil rights and freedoms, property, public order and public safety, the environment, the constitutional system of the Russian Federation from criminal encroach-

ments, provision of peace and security of mankind, as well as prevention of crimes, which can be assessed as the most important legal values.

In the foreign science of criminal law, axiological approaches to the study of the general object of crime are also quite widespread. Thus, R. Dvorkin in his works analyzes the role of values, justice and public morality in determining an object of crime and forming criminal justice [33]. He emphasizes the importance of taking into account the balance of individual rights and values when determining the general object of crimes, argues that crimes should be considered in the context of their impact on the rights and interests of people, as well as values of the whole society and the state. R. Dvorkin attributed such values as life, freedom, security, justice and dignity to components of the general object of crime.

H.L.A. Hart is one of the British lawyers who studied a general object of crime. The key idea in his works is that the general object of crime is associated with a violation of social norms and values, and its definition should be based on objective standards recognized by society [34].

The thesis about correlation between a general object of crime and a system of constitutional values is very common among Italian researchers. In particular, E. Contieri believes that when analyzing the content of the general object of crime, "the socio-cultural context and moral values of society" should be taken into account [35, p. 203].

In the Romanian criminal law doctrine, researchers draw attention to the need to move from understanding the general object of crime as a system of public relations to the values dominant in society and enshrined in law [36].

The criminal doctrine of the People's Republic of China has been discussing the "theory of action" for a long time, according to which a socially dangerous act in criminal law means not only an actual, but also an evaluative judgment [37]. Thus, some Chinese researchers of criminal law believe that the actual basis of a socially dangerous act includes psychological, biological, social and personal factors that are its natural characteristics [38].

As we can see, the axiological approach to understanding the general object of crime is becoming more and more widespread in the foreign science of criminal law. Within the framework of the axiological approach, the general object of crime is considered as something more abstract and broad than just a physical object or a person who has been subjected to criminal encroachment.

Conclusions

Today, questions about constitutional values are becoming especially important for the science of criminal law, since they serve as a guideline for developing an axiological approach to understanding the general object of crime as a value.

The general object of crime as a value is a key aspect of criminal law. It includes values, such as life, freedom, property and security, and interests of society and the state.

The general object of crime associated with values implies damage to these values as a result of a criminal act.

Values as the general object of crime serve as the basis for the development of criminal legislation.

An important feature of values as the general object of crime is their universality. Values, such as man, his rights and freedoms, are recognized by all societies in the world, and they form the basis of international legal norms.

Undoubtedly, issues related to the formation of a protected value system are subject to change over time and the evolution of society. Therefore, criminal law should constantly adapt to new challenges and changes in public values in order to ensure effective suppression of crimes. Values as the general object of crime embody the basis of the criminal system, protecting the rights and interests of citizens, ensuring justice and maintaining moral and cultural standards of society.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow, 1995. 320 p.
2. Chirkin V.E. On basic values of the Constitution of the Russian Federation (to the 20th anniversary of the Russian Constitution). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no 12, pp. 18–25. (In Russ.).
3. Chirkin V.E. The unity of state power and the separation of its branches in the value dimension. In: *Konstitutsionnye tsennosti: soderzhanie i problemy realizatsii: materialy mezhdunar. nauch.-teoretich. konf. (4–6 dekabrya 2008 g.): v 2 t.* T. 1 [Constitutional values: content and problems of implementation: materials of the International scientific and theoretical conference (December 4–6, 2008): in 2 volumes. Volume 1]. Moscow, 2010. Pp. 159–169. (In Russ.).
4. Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya., Avtonomov A.S. *Pravosudie v sovremennom mire: monogr.* [Justice in the modern world: monograph]. Ed. by Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. Moscow, 2019. 784 p.
5. Khabrieva T.Ya. Paradigms of constitutional reform. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2015, no. 5, pp.820–830. (In Russ.).
6. Nudnenko L.A. Constitutional values: the content and the problems of realization (international scientific-theoretical conference). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 10, pp.103–105. (In Russ.).
7. Taeva N.E. Norms of the Constitution of the Russian Federation as a form of expression of social values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 5, pp. 2–5. (In Russ.).
8. Kashtanova E.A. To a question on the constitutional values as axiology and a legal category. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1, pp. 148–152. (In Russ.).
9. Snezhko O. Legal nature of the constitutional values of modern Russia. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2005, no. 2 (51), pp. 7–14. (In Russ.).
10. Klochko E.I. Approaches to the definition of "constitutional values" in theory of constitutional law of foreign countries and Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2015, no. 2, pp. 115–124. (In Russ.).
11. Kondrashov A.A. The conflict of constitutional values in the theory and practice of constitutional justice in Russia. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2018, no. 4 (33), pp. 21–29. (In Russ.).
12. Avdeev D.A. Constitutional legal values: concept, types, and hierarchy. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2020, vol. 6, no. 2 (22), pp. 73–91. (In Russ.).
13. Alekseev A.P. Values in Russian constitutional law. *Vestnik Volgogradskoi Akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (32), pp. 30–35. (In Russ.).
14. Karaseva I.A. Abuse of law as one of reasons of phantom competition of constitutional values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2013, no. 7, pp. 9–13. (In Russ.).
15. Mavrin S.P. Constitutional values and their role in the Russian Legal System. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2012, no. 3, pp. 1–13. (In Russ.).
16. Vitruk N.V. The Constitution of the Russian Federation as a value and constitutional values. In: Zor'kin V.D. (Ed.). *Materialy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 15-letiyu Konstitutsii RF i 60-letiyu Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka, Sankt-Peterburg, 13–14 noyab.*

2008 g. [Proceedings of the research and practice conference dedicated to the 15th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 60th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights, Saint Petersburg, November 13–14, 2008]. Moscow, 2009. Pp. 270–274. (In Russ.).
17. Nesmeyanova S.E. Revisiting the hierarchy of constitutional values. *Vestnik VoLGU. Pravovaya paradigm = Science Journal of Volgograd State University. Legal Concept*, 2017, vol. 16, no 4, pp. 71–74. (In Russ.).
18. Tikovenko A.G. Constitutional values: theory and practice of their protection by the Constitutional Court of the Republic of Belarus. In: *Tsennostnaya paradigma Osnovnogo zakona Respubliki Belarus': mater. resp. nauch.-prakt. konf., 14 marta 2013 g.* [Value paradigm of the Basic Law of the Republic of Belarus: proceedings of the Republican science and practice conference, March 14, 2013]. Minsk. Pp. 13–18. (In Russ.).
19. Anichkin E.S., Rudt Yu.A. Correlation of universal and national constitutional values in the countries of the European Union. *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2013, no 2 (29), pp. 86–88. (In Russ.).
20. Borkov V.N. Criminal policy and state functions. *Zhurnal rossiiskogo prava= Journal of Russian Law*, 2023, no. 1, pp. 23–30. (In Russ.).
21. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. Ed. by Rarog A.I. Moscow, 2018. 625 p.
22. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: ucheb.* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook]. Ed. by Brilliantov A.V. Moscow, 2015. 1,185 p.
23. Karabanova E.N. The concept of the crime object in modern criminal law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no 6, pp. 69–77. (In Russ.).
24. Madina M.D. Digital crime object. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no 483, pp. 253–260. (In Russ.).
25. Sergievskii N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya. Posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General Part. Handbook for lectures]. Saint Petersburg, 1908. 385 p.
26. Poznyshev S.V. *Uchebnik ugolovnogo prava. Obshchaya chast'* [Textbook of criminal law. General part]. Moscow, 1923. 283 p.
27. Naumov A.V. Object of the crime. In: Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Russian criminal law. General part: textbook]. Moscow. 1994. 460 p. (In Russ.).
28. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsii* [Russian criminal law. General part. Course of lectures]. Moscow, 1996. Pp. 146–150. (In Russ.).
29. Tatsii V.Ya. *Ob"ekt i predmet prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave* [Object and subject of crime in Soviet criminal law]. Kharkov, 1988. 198 p.
30. Kistyakovskii A.F. *Elementarnyi uchebnik obshchego ugolovnogo prava. T. 1. Obshchaya chast'* [Elementary textbook of general criminal law. Volume 1. General part]. Kiev, 1875. 438 p.
31. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. T. I* [Russian criminal law. Lectures. Part two. Volume 1]. Moscow, 1994. 419 p.
32. Zagorodnikov N.I. The object of crime: from the ideologization of content to a natural concept. In: *Problemy ugolovnoi politiki i ugolovnogo prava: mezhvuz. sb. nauch tr.* [Problems of criminal policy and criminal law: International collection of scientific works]. Moscow, 1994. Pp. 5–22. (In Russ.).
33. Dworkin R. et al. *Justice for hedgehogs*. Harvard, 2011. Pp. 452–457.
34. Hart H. L. The concept of law. Oxford, 2012. 315 p.
35. Contieri E. *Dialettica del bene giuridico: per il recupero di una prospettiva costituzionalmente orientate*. Pisa, 2019. 280 p.
36. Popa N.D. The concept of material object of the crime in the Romanian criminal doctrine. *Juridical Current*, 2010, vol. 13, no. 3, pp.118–130.

37. Shuhong Z. Die Bedeutung der deutschen Strafrechtsdogmatik für die Reform der chinesischen Strafrechtswissenschaft. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, 2018, vol. 130, no. 4, pp. 1,264–1,280.
38. Xiong X. Death penalty system reform in China. In: *The China Legal Development Yearbook. Volume 3*. Brill, 2009. Pp. 83–94.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VYACHESLAV A. ZARYAEV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, zaryaew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3884-5266
DMITRII D. SOLODOVCHENKO – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, solodovchenko.dmitriy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7003-739X

Received November 13, 2023

Original article
UDC 159.9.072
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

Psychodiagnostics and Differentiated Approach Criteria in Penitentiary Psychology

LYUDMILA N. SOBCHIK
Institute of Applied Psychology, Moscow, Russia, luniso@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4963-5915

Abstract

Introduction: the problem of identifying aggressiveness and criminal inclinations remains relevant in modern penitentiary science. Many psychologists have been using psychological diagnostic methods for many years, however, the number of works in the field of criminal personality psychology is insufficient. The author presents her own experience of studying personal characteristics of convicts in the process of determining the degree of aggressive manifestations and antisocial orientation. *Purpose:* description of a number of psychodiagnostic techniques that allow identifying personality traits in various groups of offenders, determination of psychodiagnostic criteria to distinguish the contingent of criminally inclined offenders from non-aggressive and non-antisocial ones. *Results and discussion:* humanization of the penitentiary system requires application of pedagogical measures in relation to the supervisory staff of the Federal Penitentiary Service. Based on the studied reference groups, the author has developed a set of computerized techniques to determine the severity of individual aggressiveness and the ability of its self-control in office situations. *Conclusion:* relying on many-year experience, the author proposes psychodiagnostic criteria that will help psychologists and educators to implement a differentiated approach to those serving sentences, thus improving the correctional function of the penitentiary system.

Keywords: psychological diagnosis methods; humanization; personality; pathology; accentuation; correctional function; teacher.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 83–93. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010.

Introduction

The sphere of studying personal characteristics of the contingent of offenders with criminal behavior and anti-social forms of aggression is an important aspect of the research direction of penitentiary science. [1–4]. The discussion on

© Sobchik L.N., 2024

criminal tendencies aroused [5–7] prompted us to describe psychological criteria of illegal aggression. This topic is important, since the number of psychologists using psychodiagnostics in their research and practical work (psychological and psychiatric examination) has increased significantly [8].

A long-term study of personal characteristics, motivation, specifics of the sphere of interpersonal relations, consequences of the identified social maladaptation and distortion of cognitive constructs, cooperation with the Crime Prevention Institute (A.P. Ratinov [9], S.N. Enikolopov [10], V. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology) shows that psychodiagnostics brings important additional material that deserves serious attention on the part of psychologists, lawyers, sociologists, polygraph examiners, psychiatrists and human rights bodies of the state.

To begin with, it is necessary to consider possibilities of psychodiagnostics in terms of considering the very problem of crime from the point of view of personality. Is there a phenomenon, such as a criminal identity? Can a predisposition to antisocial, destructive, aggressive behavior be genetically inherited, and if so, how it can be diagnosed? Is everybody equal before the law? Should human rights bodies and penal system employees develop a differentiated approach to the regime and conditions of detention of persons sentenced to imprisonment?

Research methods and purposes

The survey of different groups of convicts was conducted using the most effective methods of psychological diagnosis and their computerized versions developed and adapted by the author of the article [11–15].This is a Standardized Multiphasic Personality Inventory (SMPI) [16, 17], MMPI [18–20]) Individual Typological Questionnaire (ITQ) [21], Color Selection Method (CSM) (Lusher Test Modification [22]), Verbal Frustration Test (VFT) [18; 23], Portrait Choice Method (PCM) [24] (modification of Szondi Test), Drawn Apperceptive Test (DAT) [25], (adapted), Rorschach Test [26]. The study was conducted at the Crime Prevention Institute on the materials of the psychological and psychiatric examination conducted in 1980–2008 by the V. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology. Since psychologists are mostly familiar with these techniques and apply them in their practical and scientific research work, the author of the publication proposes psychodiagnostic criteria to distinguish the contingent of criminally inclined offenders from non-aggressive, non-antisocial, mainly young convicts, to whom pedagogical corrective measures can be successfully applied.

The results of the study show that most crimes are based on a high level of aggressiveness. As a psychological phenomenon, aggression is just an excessive activity aimed at self-affirmation and achieving an egocentric goal. Is it provoked by others or spontaneous? Is it controlled by reason or mind is darkened and even justifies aggression? It can flare up in response to someone's hurt self-esteem or a threat to one's own life, but it can be fueled by far-fetched resentments and suspicions, it can be the basis of selfish actions when, for instance, the appropriation of someone else's property is committed by brutal reprisals against a victim.

Let us consider criteria for the differentiation and differentiated approach to law violators.

According to the data of the psychodiagnostic study of different groups of offenders, aggression together with psychopathology (schizophrenia, alcoholism, organic damage to the central nervous system, epilepsy) is particularly dangerous. Aggression of mentally ill people is brutal, that is, it is not corrected by social and psychotherapeutic methods, and is difficult to mitigate with therapeutic and medical means. In the context of differential diagnostic research, it is clearly revealed by the following data of psychodiagnostic testing: high peaks on SMPI scales 6 (hostility), 8 (irrationality) and 4 (spontaneity) and on the ITQ Scale 3 (aggressiveness); excessive factor s+ (sadism, revealing disposition toward cruelty and violence) according to the PCM (Szondi Test); oppositional responses S (sadism) according to the adapted Rorschach Test; predominance of the outwardly accusing reaction according to the Verbal Frustration Test (VFT), the color range of the Color Selection Method test (MCV) with the 7th standard in the position I in combination with the 3rd one standing in one of the first or the last positions (3 7 5 4 6 1 0 2 or 7 5 4 6 1 0 2 3).

Manifestation of increased aggressiveness in forensic practice is characteristic of excitable, explosive, or impulsive psychopathic per-

sonalities, as well as of those of paranoid and epileptoid character accentuations. Psychopathic personalities have signs of a poorly integrated self and emotional immaturity, which are manifested in low emotional control. First, their behavior is dictated by momentary desires; the value hierarchy is dominated by realization of selfish needs; and disposition toward dominance and self-affirmation is based on painfully pointed self-esteem. Ego-protective reaction type is outwardly accusing. Common to psychopathic patterns is the SMPI profile with a noticeable predominance of "strong" register scales, such as impulsivity, rigidity, reduced criticality due to overestimated self-esteem (scales 4, 6 and 9) together with low indicators of scales 2 (factor limiting spontaneity), 7 (anxiety as a sign of caution and fear of punishment) and 0 (sociability restriction). According to the MCV test, the brightest color standards are revealed in the first positions, interspersed with achromatic color (a reaction of contrasting one's self with society). According to the PCM (Szondi), these personalities are characterized by cruelty reactions s+!, e–!, hysterical narrowing of consciousness hy0, k0p+! or excessive self-affirmation k+!p+!, hyperthymic response d+m-! simultaneously with severe subjective loneliness. The Rorschach Test reveals a high percentage of responses with a good form; however, a lot of (color) responses C show excessive emotionality; few color-form ones, that is, those where the image is clear, although it is associated with color (a sign of orderly thinking). There may be chaotic succession (sequence), many oppositional responses S, prevalence of responses Dd over W, an increase in images of animals and plants compared to the norm, M < C (extra-tensive, that is, right-hemisphere type of response). The RAT demonstrates these personalities' identification with aggressive characters (in particular, according to the 6th picture).

As for excitable and impulsive psychopathic personalities, instability characteristics prevail: peaks on SMPI scales 4 and 9; aggressiveness and opposition indicators are not so pronounced; cruelty and rigidity are less pronounced than among explosive and epileptoid psychopathic personalities (peaks on SMPI scales 6 and 8 (irrationality of aggressive outbursts) prevail). However, when a psychopathic personality is in a calm state, the cognitive sphere is not captured by emotions, his/her thinking is in a fairly orderly state and aggressiveness does not dominate in behavior.

Speaking about illegal behavior of persons prone to sexual violence, persons with an attraction pathology are the most dangerous. At the same time, along with violent rapists and maniacs who have lost all moral attitudes (with a paranoid idea that creates a criminal attitude), one can meet professionally successful intelligent people, whose illegal behavior is provoked by alcohol or drug intoxication.

Latent disposition toward perversion and violence among people who do not cause any concern in their environment can hinder the work of the most experienced investigators and isolation of criminals when violence and murder are committed under the influence of alcohol or drugs. For example, the surveyed A, aged 45, with higher technical education, in the past – an unsolved crime (sexual violence in a perverted form followed by murder – strangulation of the victim), further – marriage to a woman who knew about A's pathology, but successfully controlled it for many years. And yet ten years later, under the influence of alcohol, A committed a similar crime again. An experimental psychological examination revealed preservation of thinking, a high level of generalization, clarity of perception, good memory, rich associations without separation from reality. So, there were no violations in the sphere of mental functions. The surveyed critically assessed what he had done, understood the degree of his responsibility, found no excuse for himself, except that "at that moment he was not controlling himself", that is, he could not curb an irresistible attraction. The SMPI profile with high (above 90T) peaks on scales 6 and 8 with a "drowned" scale 2 and elevated scales 1 and 4 indicates that the surveyed experienced a kind of painful obsession, which he cannot resist. The Rorschach test demonstrates an abundance of sexual associations with a sufficiently high and preserved intelligence, reduced self-control with affective saturation of experiences and a situationally conditioned increase in anxiety levels, which indicates a partial violation in the field of sexual desire. At the same time, neither alcohol abuse, nor noticeable decrease in professional skills is revealed (A is characterized by his colleagues

as a successful employee of the design laboratory of one of the leading research institutes). In a conversation with this person, a psychologist will not see features of a rapist and a criminal. He himself does not see pathological tendencies in himself. However, taking alcohol, which removes the blockage of the imperative urge to violence, leads to the disinhibition of the sexual instinct and removes the blockade of moral prohibitions. Being obsessed, a person cannot control his will and follow moral principles, which leads to crime.

Individuals with a pathologically pointed hystero-epileptoid radical differ in the SMPI profile, in which peaks (above 80T) are observed on scales 3 (hysteroid traits), 4 (impulsivity), 6 (rivalry and hostility) and 8 (weakening of the instinct of self-preservation and irrationality) and low scores are on scales 2 (restraining impulsivity) and 7 (anxiety and caution), which is typical for psychopaths who are prone to self-agitation. Their disposition to rivalry and jealous suspicions easily develops into a paranoid concept with pronounced aggression. A situation that hurts their self-esteem leads to narrowing of consciousness and weakening of self-control over emotions, which forms an affective outburst, fraught with antisocial behavior, aggressive destructive actions up to murder (most often on the basis of rivalry or jealousy).

The above psychodiagnostic indicators, characteristic of psychopathies, are somewhat weaker among accentuated personalities and excessive among persons having disorders on endogenous or organic soil together with pronounced disintegration of personality. There is a number of transitional personality patterns between indicators reflecting characterological features of persons of mental norm and psychopathic manifestations, but it is still possible to differentiate between the already pathological pattern of deviant personality and the norm with emerging features of imbalance using quantitative indicators of psychodiagnostic tests. However, it is also necessary to take into account the influence of the environment and the force of the impact of a specific situation that disorganizes human psyche. In short, they are not villains in their attitudes, but slaves of excessive manifestations of their character.

A concise Mini-SMPI test (65 points of the questionnaire) reveals a portrait of a personality with chronic alcoholism. A profile of the technique, similar in parameters to the SMPI test, shows pronounced lies and lack of frankness on the confidence scales, an ego-protective reaction to the examination, a mechanism for protecting consciousness from unwanted information by displacement (high scores on scales of lies and correction (1 and 3) together with low scores on Scale 2), as well as uncontrolled impulsivity, antisocial orientation (high scores on Scale 4), outbursts of anger and aggression (Scale 6), overestimated self-esteem and lack of criticism regarding their statements and actions, anosognosia (denial of alcoholism as a disease).

If we talk about a personal predisposition to illegal behavior outside of gross pathology, then first of all we should pay attention to initially excessive aggressiveness as an innate property. If aggressiveness is one of the leading tendencies in the personality structure, then it underlies those antisocial forms of reaction that can lead to criminal actions. It should be emphasized that it is psychodiagnostics that is able both to forecast such a predisposition and to retrospectively detect a tendency to such actions [27]. The timely revealed basic personality traits allow us to understand where we can expect a "breakthrough" of inadequate reactions, as well as propose options for possible strengthening of control in this particular person with the help of thoughtful measures of an educational nature and psychological correction. In this regard, it is necessary to use several psychodiagnostic tests aimed at studying different levels of individual self-awareness, and most importantly, apply deep, projective tests. It is this approach that will make it possible to obtain reliable data and convincingly show what type of personality we are dealing with.

Psychodiagnostic criteria of predisposition to criminal tendencies

Indicators of psychodiagnostic techniques are informative and prognostically significant, since they not only shed light on the specifics of human behavior in a calm state, but also allow us to assess which trend may be symptomatic in extreme situations [28; 30]. Thus, individuals with increased anxiety tend to exaggerate the danger of the situation. A state of fear in a difficult situation can result in blocking activity, restrictive behavior, or stampede. At the same

time, in interpersonal relationships, anxious individuals, as a rule, are conscientious, law-abiding and, even when they find themselves in a criminal environment due to circumstances, they are only forced to obey general rules of coexistence; they can faithfully fulfill the role of guardians of common values, help in the implementation of various precautions, but they themselves are not capable of bold or cruel actions. The ITQ test indicates this type of personality with the help of high scores on Scale 7 (anxiety) and anxiety indicators according to the SMPI test. In the formula of the PCM test (Szondi), significant indicators are the following: h+, s–, k–, hy– (sensitivity), psychasthenic (anxiety-suspicious) traits that are opposite to properties of a strong "I", that is, a personality that opposes his/her desire for self-realization and aggressiveness to the world around it. If properties of a strong type of reaction are expressed excessively and are not balanced by caution, which warns against rash actions, then the activity of such a person is more likely to manifest itself through criminal actions. Significant signs of aggression are an extrapunitive type of reaction according to the VFT, s+! (sadistic tendencies) in the MPV test formula, a high scale of aggressiveness according to the ITQ, S-responses in the Rorschach test, the 7th color in any of the first three positions in the CSM, high peaks on Scale 6 (hostility, paranoia) in the SMPI profile.

Sensitivity revealed by Scale 6 of the SMPI and the ITQ, Scale 5 in the male profile of the SMPI, h+, hy-, s- in the PCM formula, the 5th color standard in the first positions of the CSM, is closely related to the increased and finely differentiated human sensitivity to various nuances of environmental impact, with a reaction to the emotional warmth or coldness of the psychological microclimate. This individual typological property forms a dependent character pattern and is included in the structure of a weak type of reaction, which is characterized by a pronounced dependence on the behavior of a stronger personality or on the reactions of the crowd. Therefore, a person of this type, being involved in criminal activity, behaves conformally towards the group, even if the general activity of the group is antisocial.

On the contrary, spontaneity is a property manifested by high search activity, leadership traits and impulsivity. Uncontrolled spontaneity in an extreme situation can lead to rash and risky actions, and in combination with aggressiveness represents the most pronounced type of non-conformal behavior and the basis for the formation of antisocial actions. There are high scores on Scale 2 (spontaneity) in the ITQ test, a high Scale 4 in the SMPI profile (impulsivity), p+ in the PCM formula (tendency to paranoid dominant hostility), and C > M (emotions dominate mental activity) in the Rorschach test.

Introversion is a typological property manifested in external passivity together with high intrapsychic activity, and reflects the individual's desire to withdraw into his/her shell. According to psychodiagnostic research, a personality of this type has high scores on the ITQ introversion scale, a high Scale 0 (more often together with an increased 8th) in the SMPI profile, few or no color-form responses according to the Rorschach test; the PSM test (Szondi) indicates - k+p–! reactions, in color choice the 0th color is in the I position, often in combination with the 5th or 7th. These personalities are more asocial than antisocial (that is, without a hostile component). In a state of socio-psychological maladaptation, their reactions are characterized by irrational, unpredictable behavior or autism, which is most often observed among drug addicts and homeless people [29].

Extraversion is the opposite property of introversion, associated with high external reactivity and low intrapsychic activity. Without an adequate balance provoked by moderate introversion according to the ITQ, excessive extraversion is manifested in indiscriminate and superficial sociability, lack of reliance on experience and fussy, non-constructive behavior. Offenses of this type of personality are mostly associated with imitative activity; these people copy behavior of a real criminal, skillfully manipulating the mood and behavior of infantile personalities devoted to him (as a leader among teenagers) [29].

Emotional lability is an individual typological property based on neuropsychiatric instability, manifested by variability of emotional mood and activity depending on attitudes of the reference group. Personalities of this type tend to dramatize the situation and thereby have an emotional impact on others. Their crimes are more often immoral in nature. Artistry and the ability to

transform are the basis of their criminal activity. Psychodiagnostic signs are a peak on the SMPI scale 3, high scores on the emotional lability scale in the ITQ test, predominance of images of animals and toys in the Rorschach test at C > M, the 4th color in combination with the 5th in the first positions of the color choice, hy+, m+! in the PCM formula.

Rigidity is a subjective and self-assertive type of response. In contrast to emotional lability, rigidity is based on the stiffness of nervous processes outside of stress and explosive reactions in a situation that causes irritation and anger. Behavior of rigid individuals is characterized by a lack of flexibility in difficult situations, easily flaring hostility, and troubled switching in rapidly changing conditions. It is individuals with high rigidity combined with irrationality who are most often involved in the commission of the most cruel and mercenary crimes. Their SMPI profile has high peaks on Scale 6, most often in combination with high scales 8 and 4; there are high scores on the rigidity scale (the ITQ test), e-! in combination with s+ in the PCM formula, oppositionality and stereotypy in the answers to the Rorschach test.

Naturally inherent basic character traits are sharpened and become the cause of difficult socio-psychological maladaptation in the adolescent period of personality development. Barely outlined contours of a complete personality are exposed to two-way effects – from inside and outside. A powerful surge of hormones released into the bloodstream, rapid development of signs of sexual affiliation, awakened sexual interest in the absence of an instilled culture of love relationships sometimes lead to ugly forms of behavior when contacting the opposite sex.

Representatives of the retarded type self-isolate, behave angular, clumsy, show negativity in the presence of persons of another sex, experience an inferiority complex. Hyperthymic, excitable personalities, on the contrary, behave in this situation either deliberately brazenly and demonstratively, then aggressively and passionately. Their sexual preoccupation sometimes takes ugly forms. They have no experience of properly understanding of the meaning and value of intersex contacts, as well as their physiological and social consequences. This is also their attitude towards smoking and alcohol: the more forbidden, the more attractive. Changes in the figure and face and breaking of the voice, characteristic of 13–15 years old, run counter to a usual image of the "I". No longer a child, not yet an adult, a teenager painfully searches for an image of his/her new self and it takes him/her a lot of time to find it. An adolescent with excessive physical energy, high search activity and a tendency to self-realization faces a problem of mastering a new social role associated with entering adulthood, the idea of which is based on book information, "truths" gleaned from movies and television screens, and on the model of society inherent in his/her environment – family, school, or yard. Becoming an adult, a teenager addresses the inconsistency of an "ideal" model of the world existing in his mind and reality. The more they differ from each other, the more the cognitive dissonance is manifested, which is experienced differently by teenagers with different personality characteristics. For most, this stress is accompanied by bitter disappointments, a breakdown of self-awareness, a change or renewal of the subjective image of the "I" in connection with a new understanding of their place in the world, protest reactions against the authoritarian tone of adults, tendencies to overthrow ideals of the older generation.

In the era of change and social upheaval, when the old ideology and values are crumbling, and new ideals have not yet been formed, the model of a socially desirable personality turns out to be destroyed and distorted. The young, nascent generation is particularly acute in frustration, nihilism, negative attitude towards adults around them, rebellious tendencies with the denial of any authority. A high profile is recorded on the scales of impulsivity, individualism, rigidity, a contradictory combination of hope for success and ambition with pessimism in the SMPI test (scales whose indicators are above the upper limit of the normative spread, a coded profile showing high peaks on the scales, *49826'–/0), which indicates unstable self-esteem, militant individualism and aggravated stubbornness; choice of colors 7 3 in the first positions; s+!! – (tendency to cruelty) and m–!!– (inadequate self-esteem) according to the PCM test (Szondi). These data warn of the possibility of unpredictable actions. At such a moment, an antisocial personality can

become a hero in the eyes of a teenager, and the values of a street group of peers can gain the greatest importance and lead him into the sphere of illegal actions.

Against the background of cruel breaking of familiar stereotypes and collision with the truth of real life, thoughts of suicide may arise (encoded profile of the SMPI 2"4'—/9; choice of the CSM 6 0 7 5 2 3 4 1 or 7 0 6 5 4 1 3 2; s–!!!, negative choice of portraits vectors S (masochism, self-deprecation), hy–!! (hysterical manifestations), k–! (increased suggestibility), d–m±, m–! (signs of depression) in the PCM – Szondi formula), harmful habits and addictions may appear, as well as antisocial acts may be committed. These data confirm the opinion that deviant behavior of adolescents is basically the result of a bad impact of their social environment. Disharmonious relations in the family, lack of attention to the problems of the emerging personality of a teenager, lack of warmth and understanding, repressive nature of educational measures, a punitive approach in choosing pedagogical methods of influence often lead to the fact that a teenager turns out to be "bad" both in the family and at school. Low self-esteem is a condition unbearable for the normal existence and development of a person, which forces a teenager to go to a place where he/she is "good" and told, "Nice guy, he plays the guitar great!", "Good man you drink and smoke – like us!", "It's great that you stole money from your father, let's go have a beer!" This flatters teenager's self-esteem, and he/she goes to the yard company, where he/she is encouraged and "taught a lot".

It should be borne in mind that the misconduct of adolescents is initiated not so much by the desire to break the rules of life, as by spontaneous, uncontrolled self-affirmation without taking into account the consequences to which such self-realization leads. This should be taken into account and serve as a mitigating circumstance in deciding a future fate of the teenager who violated the law. The conducted research allows us to conclude that aggressiveness as a personality trait is not a genetically determining factor of criminal behavior. Antisocial tendencies in certain conditions are caused by instability of the emotional sphere of a poorly integrated personality with increased spontaneity (impulsivity) combined with aggression; most often with an immature personality structure, which has not formed self-control and has an undeveloped egocentric primitive hierarchy of values, when moral foundations of the environment do not have a proper effect on the personality, as they are perceived as hypocrisy and lies, and intrapersonal morality has not yet been formed.

Psychodiagnostic criteria of criminal tendencies

The work on the study of criminal tendencies was carried out jointly with the laboratory of Professor A.R. Ratinov [9] (Crime Prevention Institute). Generalized (averaged) data on psychodiagnostic studies of individuals united into representative groups according to the type of crimes committed made it possible to identify personality patterns typical for each group. The surveyed groups were named according to the nature of the crime: "hooligans", "robbers", "bandits", "murderers" and "robbers of state property". The average profile of "hooligans" (4"9'–/270) almost completely coincided with the profile typical for adolescents with hyperthymic accentuation, which generally corresponds to life observations: it is adolescents who most often bully, and hooliganism as a type of illegal behavior is characteristic of individuals with a hyperthymic type of reaction with pronounced emotional immaturity.

The average profile of "robbers" differs from "hooligans" by being less impulsive, but more selfish and hostile (the SMPI profile 64'98–/5, 6"4'98–/5). Average profiles of "robbers" reveal similarities with "robbers" and 'murderers", also occupying an intermediate place in height (68"4'9–/75). Average SMPI data in the group of "murderers" were distinguished by even more pronounced aggressiveness, irrationality, and emotional rigidity (profile *8"64'9–/75). Due to their extremely pointed individualism, manifested mainly in extremely low psychological compatibility with other people, emotional coldness with easily ignited hostility, which develops into destructive aggression, they do not tend to unite in groups.

According to the SMPI, all groups of offenders are characterized by overestimated positive self-esteem; they justify their aggressive actions towards others by believing that the world around them is cruel and unfair and that they defense themselves or revenge for all misad-

ventures. This is the psychology of "Steppenwolf", so convincingly outlined by H. Hesse in his novel of the same name. Problems of this type of people are rooted in those social conditions that, at a certain stage, frustrated the urgent need of sthenic individuals for positive self-esteem in the absence of necessary positive attributes that allow them to establish themselves in this opinion. Having no real opportunity for socially acceptable self-affirmation, they use an antisocial path of self-realization, the destructive "path of Herostratus". According to the typology, these are hyperthymic personalities with explosive traits, high spontaneity and properties of expansive-schizoid accentuation (or with similar psychopathic traits, since it is psychopathic personalities who are more prone to maladaptation according to the antisocial type, especially in the presence of a pathology of drives; then aggression bears the imprint of excessive or perverted sexuality). Organically altered soil (brain injuries, early alcoholism – sometimes even in the womb, drug addiction, infections, industrial intoxication) and a lack of emotional warmth in early childhood are often found at the heart of the formation of such trends.

Interesting results are obtained by studying a group of offenders called as "robbers of state property". If emotionally immature psychopathic individuals encroach on people's property and lives, then completely normal people steal state property, their average profile is calmer than the national average. They are all in the corridor of a balanced norm, and only a slight increase in the SMPI Scale 6 (within 58-60T) in a profile devoid of signs of maladaptation and stress suggests that these are not just "normal" personalities, this is the type of superadaptive philistine who adapts well to any conditions. At the same time, their devoid of rich imagination, but very practical mind helps estimate everything in advance and, using the accumulated experience and knowledge, find those "gaps" in the legislation that will allow them to circumvent the laws for a long time and fill their own pockets without fear of retaliation. Their fearlessness before arrest and carelessness after exposure are due to the fact that they have planned everything for a long time ahead. The size of the loot allows them to count on a comfortable existence for their family after arrest and serving a completely tolerable sentence with rich transfers, which will be enough for the immediate environment and (quite possibly) for early release. And after their release, "savings" kept by family members guarantee them successful social readaptation. Self-esteem among individuals of this type is directly proportional to their idea of their own material well-being, so they maintain a positive self-esteem. The social and legal framework of each epoch unwittingly forms a certain style of illegal activity. If aggressive crimes in their socio-psychological essence have found similarities with the same problems abroad, then illegal actions related to the laws of the country's economy are worthy of these laws and this era. This group also includes those efficient business executives of 1980–1989 – balanced, harmonious personalities with a slight touch of adventurism (scales 4, 9 and 6 are leading in the linear profile), who showed entrepreneurial spirit, pulling their production out of the unprofitable status, trying to correct unreasonable legislation and independently make inter-production economically profitable contacts, bypassing state control. Those of them who have lived to this day are now likely to succeed as entrepreneurs.

Correlation between illegal behavior and social conditions

When identifying causes of illegal behavior, it is necessary to take into account factors related to the circle of communication (especially for teenagers), specifics of family conditions, economic situation, and presence of parents' criminal record. In these cases, psychodiagnostics reflect features of loneliness, loveless childhood, inferiority complex (minus factor, elevated SMPI scales 2 and 7, and high ITQ scales 6 and 7. A comparative analysis of psychodiagnostic research data and empirical observations clearly show correlation (or even conditionality) between illegal behavior and the impact of a social factor both in the form of the immediate environment and in tune with general trends in different epochs, which allows in some cases to consider the crime not only by consequences, but also from the point of view of psychological features of development and formation of a personality in their social environment.

Conclusion

Reliable materials of scientific research show that criminals with pronounced criminal ten-

dencies in conditions of serving their sentence find an environment that largely corresponds to their needs (manifestation of released primitive drives, reaction of aggressive emotions, triumphant lawlessness and rudeness in interpersonal relations), while another group of convicts who are non-aggressive, restless, compliant, ready for correction, accustomed to other norms of social relations, finds itself enslaved, humiliated, beaten physically and mentally.

Undoubtedly, the law is written based on general rules and regulations. There is a formal side of this situation that does not have such nuanced approaches in its arsenal that would take into account psychological nuances of human situations and experiences. But if society adheres to a humane position and the main task is to protect the law-abiding population from crime, whether this means that humanism ends when people transfer from one category (law-abiding) to the opposite (offenders)? Should they immediately be recorded as villains and experience the full force of punitive services? And that is how it happens. A person stolen loaf of bread (from hunger) and a miscalculated accountant, a girl first sniffed marijuana and a house owner exceeded the necessary degree of defense and beat a robber find themselves in places of deprivation and meet with criminal who have distorted morality and their own idea of interpersonal interaction norms from the position of revenge on humanity for their fate, for which they blame everyone but themselves.

Scientifically proven homeostasis is the synchronicity of interaction of the whole organism provided by nature, coordinated work of all human organs. A violation in one of them leads to the violation of the activity of all friendly organ activity and metabolism. In some cases, an illegal act is provoked by a combination of unfavorable conditions, age characteristics (adolescent reactions of an immature personality), threat to life or general background of the era, which creates criminogenic prerequisites for the behavior of a person who violates the law. There are many such cases, not to mention deliberate provocations by intruders and fraudsters, which should be the reason for the differentiated placement of offenders in places of punishment.

The penitentiary authorities deciding the fate of convicts should take into account the difference between a criminal who intentionally and cruelly carries out criminal acts and a person who has violated the law involuntarily, unintentionally, through stupidity, because of someone else's fault or due to an unfortunate coincidence of circumstances when behavior is caused by distorted or perverted social relations. After all, their joint existence in correctional facilities together with murderers, robbers and repeat offenders will not bring either remorse or correction, but only harden, awaken aggression in them and form a criminal orientation. The same can be said about young criminals, for whom the first conviction is experienced as the collapse of their whole life, career prospects, family, etc. But this is rarely taken into account, and the attitude towards any convict comes from the wording of the sentence, which does not always mention special circumstances. And this is unfair and not humane. The situation is especially fraught with negative consequences when the supervisory staff and some leaders use convicts who have lost their human appearance as their assistants in taming the general mass of prisoners. Prison should not be a forge for criminalization of society. Criminals with destroyed positive self-esteem and a loss of self-esteem are unlikely to find the strength to recover. As the great psychologist and psychotherapist K. Rogers believes, a person cannot feel like a full-fledged member of society if he/she does not have a positive self-esteem. Teachers are ready to strengthen their influence on prisoners in order to correct their criminal orientation. But these efforts will be more useful if they are directed to the education of the supervisory staff. They need to be explained that convicts are unhappy people, doomed to prolonged isolation and restrictions, who need moral support and human treatment in order to repent of what they have done and preserve their "I" for the sake of the future.

In conclusion, we note that humanity is interested in getting rid of crime by improving the penitentiary service. The results of the efforts of individual countries (mainly to improve sanitary and hygienic conditions) to some extent have a positive impact on the overall microclimate of the prison community. But this is not enough. If the penitentiary services continue to focus on punitive measures, this will not reduce the level of criminality in society (perhaps

even vice versa). According to the author, a differentiated approach to persons who have violated the law, taking into account their individual and personal characteristics, degree of criminal danger of misconduct and harm caused to the social environment, should be the basis for determining a term and conditions of serving a sentence. We see this as the mission of a penal psychologist, and we are ready, together with the staff of the Institute of Applied Psychology, to enhance the level of professional training of practical psychologists.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Bovin B.G., Chernyshkova M.P. *Rabota s osuzhdennymi za ubiistva i umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu na osnove ikh sotsial'no-demograficheskikh, ugolovno-pravovykh i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik: metod. rekomendatsii* [Work with convicts convicted of murder and intentional infliction of serious harm to health on the basis of their socio-demographic, criminal law and individual psychological characteristics: methodological recommendations]. Moscow, 2016. 71 p.
2. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psychological features of corruption criminalsю *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 15–34. (In Russ.).
3. Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V. Criminological Aspects of Aggression. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 209–225. (In Russ.).
4. Myatyash M., Sopov V. *Moral'na shkoda* [Moral wild child]. Kiev, 2018. 79 p.
5. Sobchik L.N., Efremova G.Kh. Personality and criminal tendencies. In: *Lichnost' prestupnika kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya: sb. nauch. tr.* [Criminal personality as an object of psychological research: collection of scientific]. Moscow, 1979. Pp. 57–62. (In Russ.).
6. Sobchik L.N. Slavinskaya Yu.V. Psychodiagnostic criteria for assessing criminal tendencies. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).
7. Sobchik L.N. Psychodiagnostics of criminal tendencies. In: *Kochenovskie chteniya: vseros. konf. po yurid. psikhologii s mezhdunar. uchastiem* [Kochenov readings: All-Russian conference on legal psychology with international participation]. Moscow, 2016. 339 p. (In Russ.).
8. Sobchik L.N. Conceptual approach in personality psychodiagnostics. In: *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: sb. materialov III Vserossiiskoi konferentsii po psikhodiagnostike. Ch. 3* [Modern psychodiagnostics of Russia. Crisis resolution: proceedings of the 3d All-Russian conference on psychodiagnostics. Part 3]. Chelyabinsk, 2015. Pp. 283–286. (In Russ.).
9. Efremova G.Kh., Ratinov A.R. *Pravovaya psikhologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya: monogr.* [Legal psychology and criminal behavior. Theory and methodology of research: monograph]. Krasnoyarsk, 1988. 256 p.
10. Enikolopov S.N. Aggression concept in modern psychology. *Prikladnaya psikhologiya = Applied Psychology*, 2001, no. 1, pp. 60–72. (In Russ.).
11. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics]. Saint Petersburg, 2018. 489 p.
12. Sobchik L.N. *Diagnostika psikhologicheskoi sovmestimosti* [Diagnosis of psychological compatibility]. Saint Petersburg, 2002. 75 p.
13. Sobchik L.N. *Psikhodiagnostika v proforientatsii i kadrovom otbore* [Psychodiagnostics in career guidance and personnel selection]. Saint Petersburg, 2003. 66 p.
14. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki: prakt. rukovodstvo* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics: practice guideline]. Saint Petersburg, 2018. 599 p.
15. Sobchik L.N. *Upravlenie personalom i psikhodiagnostika: prakt. rukovodstvo* [Personnel management and psychodiagnostics: practice guideline]. Moscow, 2008. 184 p.
16. Sobchik L.N. *Standartizirovannyi mnogofaktornyi metod issledovaniya lichnosti SMIL – adaptirovannyi test MMRI. Metody psikhologicheskoi diagnostiki: metod. posobie* [Standardized multifactorial method of personality research SMPI – adapted MMRI test. Methods of psychological diagnosis: methodological guideline]. Moscow, 1990. 74 c.
17. Sobchik L.N. *Standartizirovannoe mnogofaktornoe issledovanie lichnosti SMIL (MMPI): monogr.* [Standardized multifactorial personality study of SMPI (MMPI): monograph]. Saint Petersburg, 2022. 191 p.
18. Dahlstrom W.G., Welsh G.S. *An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research*. Minneapolis, 1960. 559 p.

19. Sobchik L.N. Multifactorial personality test MMRI. In: *Fiziologicheskie korrelyaty psikhicheskoi deyatel'nosti: materialy nauch. konf. Vyp. 1* [Physiological correlates of mental activity: materials of scientific conference. Issue 1]. Kursk, 1971. Pp.115–118. (In Russ.).
20. Sobchik L.N. *Posobie po primeneniyu psikhologicheskoi metodiki MMRI: metod. posobie* [Handbook on the application of the psychological methodology MMRI: teaching aid]. Moscow, 1971. 61 p.
21. Sobchik L.N. *Individual'no-tipologicheskii oprosnik: prakt. ruk.* [Individual Typological Questionnaire: practice guideline]. Moscow, 2010. 34 p.
22. Sobchik L.N. *Metod tsvetovykh vyborov: prakt. rukovodstvo* [Color Selection Method: practice guideline]. Moscow, 2009. 100 p.
23. Sobchik L.N. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhodiagnostike. Verbal'nyi frustratsionnyi test* [Practical guide to psychodiagnostics. Verbal Frustration Test]. Saint Petersburg, 2002. 20 p.
24. Sobchik L.N. *Metod portretnykh vyborov, modifitsirovannyi test vos'mi vlechenii L. Sondi* [Portrait Choice Method, modified Test of Eight Drives by L. Szondi]. Moscow, 2006. 118 p.
25. Sobchik L.N. *Risovannyi appertseptivnyi test* [Drawn Apperceptive Test]. Saint Petersburg, 2002. 16 p.
26. Belyi B.T. *Test Rorshakha. Praktika i teoriya* [Rorschach test. Practice and theory]. Saint Petersburg, 1992. 200 p.
27. Sobchik L.N. *Diagnostika mezhlichnostnykh otnoshenii* [Diagnostics of interpersonal relations]. Moscow, 2010. 52 p.
28. Sobchik L.N. The art of psychological diagnostics. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2014, no. 2, pp. 76–95. (In Russ.).
29. Sobchik L.N., Shostakovich B.V., Svirinovskii Ya.E. et al. Clinical and psychological features of mild forms of reactive states. *Nevropatologiya i psikhiatriya = Neuropathology and Psychiatry*, 1985, no. 4, pp. 579–583. (in Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LYUDMILA N. SOBCHIK – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Academician of the Moscow Psychotherapeutic Academy, Corresponding Member of the International Academy of Informatization, Honorary Professor of the All-Russian Community of Psychologists, Sociologists and Psychotherapists, Director General of the Institute of Applied Psychology, Moscow, Russia, luniso@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4963-5915

Received January 5, 2024

Original article
UDC 159.9.075
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.011

Personal Characteristics of Convicted Men with Demonstrative Blackmail Behavior

DAR'YA A. KUZNETSOVA
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, d_dobrova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9591

Abstract

Introduction: the article analyzes results of the study of personal convicts with demonstrative blackmail behavior and proposes recommendations for working with this category. *Purpose*: based on the data, to describe characteristics of convicts with demonstrative blackmail behavior and formulate on their basis key directions of correction activities. *Methods*: analysis of literary sources, diagnostic (survey), methods of mathematical data processing. *Results*: convicts with demonstrative blackmail behavior, in comparison with convicts who are not on preventive registration, have a more pronounced negative orientation, are capable of deception, prone to violating established rules, capable of aggression both against themselves and the environment, more prone to manipulating other people. Having a reduced ability to self-regulation and self-control, convicts with demonstrative blackmail behavior are prone to impulsive actions in stressful situations, thoughtless actions. *Conclusion*: the identified personal characteristics of convicts with demonstrative blackmail behavior should be taken into account both when organizing psychological work with them and when organizing interaction with all employees of the institution.

Keywords: demonstrative blackmail behavior; convicted men; personality traits; demonstrative suicide.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kuznetsova D.A. Personal characteristics of convicted men with demonstrative blackmail behavior. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 94–101. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.011.

Nowadays, due to the spread of humanistic ideas, including in the field of execution of punishment, control over activities of correctional institutions is increasing, both on the part of the prosecutor's office and public organizations. More and more attention is paid to the development of psychological service of penitentiary institutions and the role of educational and social work. In this regard, besides positive trends, there are provocative actions on the part of convicts characterized by demonstrative blackmail behavior, which may lead to accidents and disruption of the work of correctional institutions.

Such demonstrative attempts are widely discussed and negatively affect the image of the entire penal system [1; 2]. At the same time, autoaggressive actions of convicts are rather widespread: according to the studies of A.M. Sysoev, the share of suicides amounted to 19% of the contingent [3]; according to 2013–2022 official statistics, despite some

© Kuznetsova D.A., 2024

fluctuations, the average suicide rate per thousand suspected, accused and convicted tends to decrease, but remains approximately 0.56 [4]. The number of convicts in correctional institutions is going down; with the exception of some years (a 20.4% increase in 2020) [5, p. 148], in the last two years their decrease (the number of committed suicides in 2021 – 252, in 2022 – 257). Foreign authors state even higher rates – 37% of convicts with suicidal behavior [6], 25% of convicts with suicidal attempts [7], the suicide risk coefficient of young convicted men exceeds the similar coefficient of men of this age with schizophrenia [8], the number of suicides of convicts is 10 times higher than suicidality in the general population [9]. Thus, the problem of autoaggressive behavior of convicts with its extreme manifestation in the form of suicide is one of the urgent problems of medical and psychological services of the penitentiary system [10], which is in crisis all over the world [11].

Autogressive behavior can be triggered by different processes, such as development of conflict with other convicts and harassment from detractors (including due to debt nonpayment), reaction to the fact of arrest and placement in a pre-trial detention center, fear of a long sentence, and a lack of life prospects. It can also be caused by actions of correctional officers, such as improper searches, improper use of special equipment by staff, rough treatment of convicts by employees of the regime department [12–14].

Researchers determine personal manifestations of suicidal convicts, such as hyperactivity and attention deficit disorder, impulsive and demonstrative personality accentuations, a high level of aggression and irritability [15], increased risk of suicidal behavior when psychasthenia is combined with schizoidism [16], impulsivity, affectivity, demonstrativeness, temporary disorganization [17], and dependence on psychoactive substances [18].

At the same time, the most common autoaggressive actions of convicts are variants of demonstrative blackmail behavior [1; 19]. They can be autoaggressive actions (cutting, demonstrative use of harmful substances, etc.) and inaction (refusal to eat, take medicine, follow orders, etc.). It is reasonable to consider these problems for further description of personal characteristics of convicts, characterized by demonstrative blackmail behavior.

Demonstrative blackmail autoaggressive actions are deliberate actions aimed at obtaining any benefits from demonstrating intentions to take one's own life. Their character is suicidal-like, not actually suicidal, since self-deprivation of life is not their main goal. Demonstrative blackmail suicidal actions, in case of insufficient consideration of the real danger of their commission, can lead to death, which in this case can be qualified as an accident [20, p. 31].

The purpose of such attempts is usually to exert psychological pressure on others aimed at changing conflict situations in order for the suicidal person to obtain the necessary results (to cause a feeling of pity, sympathy, get rid of threatening troubles, etc.) [21, p. 24]. The goal may also be to punish the offender in order to pay attention to him and cause him serious trouble. When demonstrating demonstrative blackmail behavior, convicts have an understanding that the purpose of their actions is not to kill themselves, therefore, all precautions are usually taken. Most actions take place in the presence of others. One of the indicators of the demonstrative blackmail nature of behavior is the way it is implemented, where the application of multiple and superficial cuts becomes predominant [22, p. 23]. In addition, a sign of demonstrative blackmail attempts may be the predominance of single and simple injuries [23, p. 25] At the same time, the study of A.V. Didenko and his co-authors shows the predominantly demonstrative nature of suicidal behavior of convicts who do not have personal pathologies, unlike convicts who have abnormal personality traits [24].

Thus, it can be concluded that convicts who attempt suicide do not always pursue the goal of killing themselves. Most often, this happens to attract attention or to obtain a certain benefit. These can be both spontaneous and deliberate actions, in most cases not fatal. But it often happens that convicts do not calculate their strength, or do not take into account all the

details of the attempted suicidal actions, which leads to tragedy. With the help of demonstrative actions, persons serving sentences try to maintain their status and their importance in front of convicts and the administration of the correctional institution. Manipulations can manifest themselves in psychological pressure on others, self-cutting, demonstrative refusal to take food and necessary medicines, etc.

To analyze personal characteristics of convicted men with demonstrative blackmail behavior, E.S. Novoselova conducted a study, which we supervised, at the Correctional Facility No. 3 of the Directorate of the FPS of Russia in the Samara Oblast. The survey included 60 convicted men serving their sentences in strict regime for the first time. An experimental group (30 people who are on preventive registration as suicidal and self-harming) and a control group (30 convicts who are not on preventive registration) were formed. The experimental group included those convicts who, according to the specialists working with them, demonstrated autoaggressive behavior, but not tried to kill themselves. The following methods were used in the study: A.G. Shmelev's Suicide Risk Questionnaire (OSR) (as modified by T.N. Razuvaeva), "Comprehensive Study of the Convict's Personality" (KILO)" by E.A. Chebalova. The Mann-Whitney U-test was used for mathematical data processing (to identify statistically significant differences between the two groups of subjects).

In order to identify features of the autoaggressive behavior of convicted men, including to confirm the predominance of demonstrative blackmail behavior, rather than true suicide, the OSR method was used in the experimental group.

When comparing two groups of convicts, it can be concluded that convicts in the control group are less susceptible to the desire to harm their lives and health, which can lead to death. Convicts of the experimental group more often use suicidal actions, but at the same time take precautions, thinking through everything to the smallest detail.

The results of the significance of differences in the Mann-Whitney U-test are presented in Table 1.

Table 1

Comparison of the values of control and experimental groups according to the Suicide Risk Questionnaire (OSR)

Scales	Average values		Significance of differences in the Mann-Whitney U-test
	Experimental group	Control group	
Demonstrativeness	4.5	4.7	–
Affectivity	4.9	4.3	≤ 0.01
Uniqueness	4.5	4.2	–
Insolvency	4.5	4	$p \leq 0.01$
Social pessimism	5	4.6	–
Breaking down cultural barriers	4.3	4.9	$p \leq 0.05$
Maximalism	5.6	4.2	$p \leq 0.01$
Time perspective	4.3	3.4	$p \leq 0.05$
Antisuicidal factor	5	4.2	$p \leq 0.05$
Suicidal risk	4.3	4	–

Based on the results, it can be concluded that convicts of both groups have significant differences on the scale "Affectivity" ($p \leq 0.01$), which suggests that convicts of the experimental group are more susceptible to the dominance of emotions over intellectual control in assessing the situation, that is, they are able to respond to a traumatic situation emotionally. Differences on the scale "Insolvency" ($p \leq 0.01$) indicate that convicts who are on preventive registration as suicidal have a negative concept of their own personality more often than convicts in the control group, which may interfere with their self-affirmation and self-realization in socially acceptable ways.

According to the scale "Breaking down cultural barriers" ($p \leq 0.05$), the revealed differences suggest that suicide is attractive for convicts, they do not exclude the possibility of suicide, that is why they are on preventive registration. High indicators on the scale "Maximalism" ($p \leq 0.01$) among those on preventive registration show the importance and hyperbolization of their value attitudes more than among convicts of the control group. Hyperbolization can lead to an inadequate assessment of life situations, their excessive dramatization, which is demonstrated to others, including through suicide attempts. The results on the scale "Time perspective" ($p \leq 0.05$) suggest that convicts of the control group are able to constructively plan their future, have prospects for further life after release, which is significantly weaker among convicts of the experimental group. There were also differences on the scale "Antisuicidal factor" ($p \leq 0.05$), which indicates that convicts of the control group have a deep understanding of responsibility for their lives, a sense of duty, which cannot be said about respondents with suicide attempts.

For a more in-depth analysis of personal characteristics of convicts of the experimental and control groups, the KILO method was used (Table 2).

Table 2

Comparison of the values of experimental and control groups according to the questionnaire "Comprehensive Study of the Convict's Personality (KILO)"

Scales	Average values		Significance of differences in the Mann-Whitney U-test
	Experimental group	Control group	
1	*2*	*3*	*4*
Anxiety	4	3.5	–
Alienation	4.8	3.6	$p \leq 0.01$
Rigidity	4.8	3.9	–
Impulsivity	5	4	$p \leq 0.01$
Vulnerability in interpersonal contacts	4.7	3.4	$p \leq 0.01$
Self-obsession	6.3	6.8	–
Temptation to reject norms and rules	5.2	4.2	$p \leq 0.01$
Temptation to lie	5.2	5	$p \leq 0.01$
Temptation to aggression	4.9	4	$p \leq 0.05$
Autoaggression	5.2	3.5	$p \leq 0.01$
Hedonistic attitudes	4.4	2.8	$p \leq 0.01$
Risk appetite	4.5	4	–

1	2	3	4
Machiavellianism	5.4	4.3	$p \leq 0.01$
Adoption of a criminal subculture	5.2	5	–

According to the scale "Alienation", the differences between convicts of the experimental and control groups are strongly pronounced ($p \leq 0.01$). High rates of alienation among respondents who are on preventive registration indicate that they have not sufficiently assimilated social norms, hardly accept responsibility for their actions, and they do not have a developed sense of guilt. Such characteristics can provoke both criminal behavior itself and demonstrative behavior focused on obtaining benefits in the present without taking into account the environment, society and their future prospects.

Differences on the scale "Impulsivity" ($p \leq 0.01$) suggest that convicts of the experimental group have weaker volitional control of emotional reactions, that is, they are capable of rash actions under the influence of the moment. They are more excitable and have a high risk appetite.

Convicts of the experimental group are more sensitive to criticism from others, they may have problems establishing emotional relationships, which they may solve with the help of demonstrative blackmail behavior. This is evidenced by the data on the scale "Vulnerability in interpersonal contacts" ($p \leq 0.01$).

According to the scale "Temptation to reject norms and rules", differences were found at $p < 0.01$. Such data suggest that convicts of the experimental group, who are on preventive registration, tend to reject generally accepted norms and values and violate them, which is manifested, among other things, in demonstrative blackmail suicide attempts.

Considering the differences on the scale "Temptation to lie" ($p \leq 0.01$), it can be concluded that convicts of the experimental group are more prone to deception, manipulation of people, which can also manifest itself in demonstrative suicidal attempts to solve their problems.

According to the results obtained on the scale "Temptation to aggression" ($p < 0.05$), it can be said that convicts of the control group are significantly less likely to show aggression. The values on the scale "Autoaggression" ($p \leq 0.01$) suggest that respondents who are on preventive registration tend to show aggression not only towards the environment, but also towards themselves. This behavior can be considered as a suicidal tendency, including as demonstrative manifestation.

The differences between control and experimental groups on the scale "Hedonistic attitudes" ($p \leq 0.01$) allow us to speak about willingness of convicts with demonstrative blackmail behavior to implement additive behavior, which determines the predisposition to change their mental state in various ways, orientation to pleasure, including using different methods to achieve it.

According to the results of comparing data on the scale "Machiavellianism" ($p \leq 0.01$), convicts of the experimental group have a greater predisposition to manipulating people in interpersonal relationships, including using aggressive methods of manipulation.

In general, the results of the study allow us to conclude that persons with demonstrative blackmail behavior have a more pronounced negative orientation in comparison with convicts of the control group, they are capable of deception, prone to violating established rules, to aggression directed both at themselves and the environment, and manipulation of other people.

The diagnosed low ability to self-regulation and self-control of convicts with demonstratively blackmailing behavior leads to the fact that they are often impulsive, especially in stressful situations.

Convicts with demonstratively blackmailing behavior are often characterized by momentary desires become predominant, which can provoke behavior associated with risks to life and weak assessment of possible negative consequences.

Another tendency of the studied group of convicts is personal isolation, which leads to their denial of help, although it is suicidal be-

havior that becomes a kind of cry for help. They are able to draw attention to their problems and negative experiences only in this way, while often justifying suicide, positioning it as the only possible and positive way out of the current situation.

The results of the study allow us to formulate key proposals for preventing demonstrative blackmail behavior of convicted men, which may include the following:

1. Comprehensive diagnostics of convicts to identify persons prone to self-destructive behavior, including separate identification of a group of convicts with demonstrative blackmail behavior.

2. Individual work including analysis of the crisis situation, search for goals, study of problems through their reassessment and transformation, general emphasis on the normality of negative experiences associated with staying in places of deprivation of liberty, and search for ways to respond to them.

3. Work on finding the meaning of life, actualizing existential values, planning for short and long periods with a positive but realistic assessment of prospects. The focus is on the mood and emotional state of the convict, since most often convicts with demonstrative blackmail behavior have unclear prospects for further life and a pessimistic attitude towards the future.

4. Since convicts with demonstrative blackmail behavior are characterized by increased excitability, aggression, it is important for such persons to develop skills of psychoemotional self-regulation.

5. Carrying out work on the formation of adequate self-esteem and improving the status of the convict by attracting him to public life of the detachment and the correctional facility with regard to his abilities and interests.

6. Fostering a sense of responsibility for oneself to one's family and community.

Thus, the results of the study allow us to specify the work with convicted men with demonstrative blackmail behavior, which should begin with the diagnostic stage, which allows us to separate this group from those with true suicide. Working with these individuals is primarily of an individual nature, since in a group they can continue to use a demonstrative type of behavior.

The process of individual correctional work should include an analysis of the critical situation in which convicts find themselves, work with their experiences, including those related to the specifics of the correctional institution regime.

Assisting in shaping the meaning of life, plans for the near future and training in long-term planning for convicts with demonstrative blackmail behavior, highlighted as a recommendation, is associated with the need to correct their pessimistic attitude towards the future and build prospects for it.

The emphasis on the problems with self-regulation of convicted men with demonstrative blackmail behavior determines the construction of psychological work in this direction, as well as taking into account these characteristics in daily contacts with convicts, explaining these features to all employees who interact directly with them.

Thus, when interacting with convicted men with demonstrative blackmail, one should consider their personal characteristics. It is psychologists who should organize such work, but all employees who are in direct contact with convicts should take into account these features.

REFERENCES

1. Zemlin D.N. Individual psychological characteristics of convicts with a high level of suicidal risk. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2008, no. 3, pp. 52–54. (In Russ.).

2. Zemlin D.N. Psychology of demonstrative blackmail behavior of convicts. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2009, no. 3, pp. 32–35. (In Russ.).

3. Sysoev A.M. *Psikhologiya autoagressivnogo povedeniya osuzhdennykh i ego preduprezhdenie: avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk* [Psychology of autoaggressive behavior of convicts and its prevention: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Ryazan, 2002. 44 p.

4. Ezhova O.N., Sokolova Yu.A. The essence of autoaggressive behavior and the peculiarities of its manifestation in convicts serving sentences in penitentiary institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2023, no. 1 (52), pp. 107–113. (In Russ.).
5. Pronina O.V. Prevention of committing suicide among persons serving sentences in correctional institutions as a way to ensure the personal safety of convicts. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 41, no. 1, pp 147–153. (In Russ.).
6. Caponetti T., Caponetti R., Fierro A. Autolesionismo e syndrome ansioso-depressiva in pazienti afferent alla Medicina Protetta dell`Ospedale Sandro Pertini di Roma. *Clinical Therapeutics*, 2010, vol. 161, no. 2, pp. 139–141.
7. Putnins A.L. Correlates and predictors of selfreported suicide attempts among incarcerated youths. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2005, vol. 49, no. 2, pp. 143–157.
8. Coffey C., Veit F., Wolfe R., et al. Mortality in young offenders: retrospective cohort study. *The BMJ*, 2003, no. 326, pp. 1,064–1,1067.
9. O`Driscol C., Samuels A., Zacka M., et al. Suicide in New South Wales prisons, 1995–2005. Towards a better understanding. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 2007, vol. 41, no. 6, pp. 519–524.
10. Brooke D., Taylor C., Gunn J. et al. Point prevalence of mental disorder in unconvicted male prisoners in England and Wales. *The BMJ*, 1996, no. 313, pp. 1,524–1,527.
11. Brown S., Day A. The role of loneliness in prison suicide prevention and management. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2008, vol. 47, no. 4, pp. 433–449.
12. Kazberov P.N., Dikopol'tsev D.E. *Vyyavlenie, preduprezhdenie i psikhologicheskaya korrektsiya destruktivno-agressivnykh form povedeniya osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: ucheb. posobie* [Identification, prevention and psychological correction of destructive aggressive forms behavior of convicts in correctional institutions: textbook]. Moscow, 2011. 54 p.
13. Kuznetsov P.V. Suicidal attempts of investigative arrested men: ways and means. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen Medical Journal*, 2013, no. 3, pp. 30–32. (In Russ.).
14. Kuznetsova T.I. *Metodicheskie rekomendatsii po rabote s suitsidal'nymi namereniyami sotrudnikov i osuzhdennykh* [Methodological recommendations for working with suicidal intentions of employees and convicts]. Samara, 2001. 162 p.
15. Masagutov R.M. Pronina M.Yu., Nikolaev Yu.M. Prevalence and risk factors of suicidal behavior in convicted men. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2012, no. 2 (7), pp. 43–49. (In Russ.).
16. Sergeeva M.A., Fursi L.F., Kubekova A.S. Relationship of individual psychological peculiarities of convicts with a tendency to auto-aggressive behavior. *Vestnik GUU = Bulletin of the University*, 2020, no. 10, pp. 187–192. (In Russ.).
17. Akhmetzyanova A.I. Specific features of suicidal behavior of people in high security institutions of the Federal Penitentiary Service. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2017, no. 8, pp. 104–110. (In Russ.).
18. Zotov P.B. Suicide behavior of detained in custody and convicted prisoners. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017, no. 2 (27), pp. 60–69. (In Russ.).
19. Solomentsev V.V., Stanevich E.V. On the issue of self-harm and suicidal behavior of convicts. *Tsarskosel'skie chteniya =Tsarskoye Selo readings*, 2013, no. 17, pp. 44–48. (In Russ.).
20. Zalomova V.M. *Vyyavlenie i preduprezhdenie suitsidal'nykh sostoyanii v usloviyakh penitentsiarnykh uchrezhdenii: metod. rekomendatsii* [Identification and prevention of suicidal states in conditions of penitentiary institutions: methodological recommendations]. Moscow, 2001. 58 p.
21. Mokhovikov A.N. *Suitsidologiya: Proshloe i nastoyashchee: Problema samoubiistva v trudakh filosofov, sotsiologov, psikhoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstakh: monogr.* [Suicidology: past and present: the problem of self-murder in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts: monograph]. Moscow, 2013. 569 p.
22. Pilyagina G.Ya. On the issue of the clinical and pathogenetic typology of auto-aggressive behavior. *Tavricheskii zhurnal psikhiatrii = Tauride Journal of Psychiatry*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 22–24. (In Russ.).
23. Grigorov K.A., Smirnova A.V., Vetoshkina U.V. et al. Intentional infliction of harm to their health by convicted men serving sentences: features and scope of the medical assistance provided. *Byul-*

leten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of the National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko, 2022, no. 3, pp. 21–26. (In Russ.).
24. Didenko A.V., Pisarev O.M., Aksenov M.M. et al. Characteristics of suicidal (auto-aggressive) behavior in convicts with personality disorders in the period of serving the sentences in places of imprisonment. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2019, no. 3 (36), pp. 59–73. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

DAR'YA A. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Psychology and Probation Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, d_dobrova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9591

Received January 24, 2024

PEDAGOGY

Original article
UDC 378.1
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.012

Image of the Educational Environment of a Departmental Organization and Professional Identity of a Future Employee

LYUBOV' V. KOVTUNENKO
Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunen-kolv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5113-1735

ANTON B. KOVTUNENKO
Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunen-koab123@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6594-1258

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of professional identity of an employee (cadet) studying at a departmental educational institution. The study is relevant due to the difficulties of professional self-determination of a future employee. Professional formation and maturity of value orientations and beliefs of cadets will further ensure not only successful psychological adaptation to the service, but also the effectiveness of their professional activities. *Purpose:* to analyze professional identity of an employee, to identify the status of the professional environmental identity of a future employee of the penal system during the study at a university. *Methods:* theoretical (analysis, comparison, generalization, systematization of psychological and pedagogical literature) and empirical (observation, survey, interpretation of results) research methods. *Results:* it is revealed that first and fourth-year cadets have significant differences in the status of professional identity. If first-year students have a predetermined one, formed under the influence of social environment and external circumstances, then graduates have an achieved one: they meaningfully determine the importance of their professional activities, have a positive focus on the future service. The "moratorium" level is found in 16% of the graduates. *Conclusion:* professional identity of an employee has an unstable, temporary character, reacts to changes occurring in the professional environment and personal life. In this regard, there is a need for the formation of professional environmental identity among cadets during the training period.

Key words: penal system; employee; departmental organization; cadet; educational environment; professional environmental identity.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

© *Kovtunenko L.V., Kovtunenko A.B., 2024*

For citation: Kovtunenko L.V., Kovtunenko A.B. Image of the educational environment of a departmental organization and professional identity of a future employee. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 102–107. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.012.

Introduction

Speaking about the construction of an image of the world, the idea of correlation with events of the surrounding reality comes to the fore. The problem of identity is defined not only in accordance with traditional ideas about its group identity in the present, but also in differences between group affiliation in the past and representations in the future.

The unity of such identities determines the specifics of the process of formation of possible "self" of a person. It can definitely be assumed that this process is largely determined by motivation. Everyone when assessing their identity strives for positive characteristics given by themselves and others. In case of failure, an individual will try to avoid a negative assessment in the future or take another environment, society, or microcosm.

G.M. Andreeva mentions in her study "Psychology of social cognition" that a number of researchers addressing this issue believe that "the mechanisms of formation of possible identities are very tightly tied to the social context, in most cases to the intergroup context" [1, p. 169].

Let us consider some ideas of foreign researchers [2–7] on the problem under consideration:

– "since in individualistic cultures more emphasis is placed on the self, while in collectivistic cultures – on the group, it is typical for the latter to assume a larger number of possible selves;

– in individualistic cultures, where the level of social mobility is higher, "possible identities" can be associated with other groups (for example, in in the future);

– when we consider a fixed group membership, "possible identity" is a projection of the "fate" of an existing group;

– group members convince others to confirm "possible identities", i.e. to accept a positive vision of what may happen to the group in the future;

– "possible identities" are supported by an actual identity. If a "possible identity" seems "dangerous", it is withdrawn (or transferred to another group)" [1, p. 178].

Nowadays, there are many similar hypotheses, but it should be noted that the problem of identity of a person with attachment to a social and intergroup context is being actively discussed, the boundaries of research are constantly expanding, and the mechanisms of formation of possible identities are being studied.

Let us consider the definition of identity. In the Explanatory Dictionary of S.I. Ozhegov, identical is "completely coincident" [8, p. 193].

In the Great Psychological Encyclopedia, identity is person's self-image or self-concept; who you think you are; the integrity of your being [9].

In our opinion, the most complete definition of this concept is presented in the Encyclopedia of the history of philosophy: "identity (from Latin identificare – to equate, from late Latin identifico – I equate) – the correlation of something ("having being") with itself in the coherence and continuity of its own variability and thought of as an "observer" telling about it" [10].

Nowadays, there is no single definition of identity that would meet the requirements of all sciences, although this concept is studied in many branches of science: philosophy, psychology, sociology, pedagogy, etc. This reflects not only its multidimensional nature, but also its complexity and multifactoriality.

J. Mead considers identity as a set of existing attitudes, values, norms that are borrowed from others, and which with the passage of time become person's own. Reflecting, a person begins to consider him/herself as a social self and tries on various social roles [11].

E. Erikson defines identity as "an individual's self-image in all the richness of person's relationship to the world around him/her, a sense of adequacy and stable ownership of his/her own self by a person regardless of changes in self and situation; the ability of a person to fully

solve problems at every stage of his/her development" [12, p. 12].

C.G. Jung introduces the concept of a person, considering the self to be the unconscious center of the psyche, around which personal and individual characteristics of a person are formed [13].

Today, static and dynamic ways for the identity formation are identified. If the static path considers personality types, then the dynamic path is associated with the emphasis on the stages of personality development, at each of which social attitudes and behavior of an individual are only one of the stages of the formation of his/her identity [14]. We back the statement of Yu.V. Stavropol that in the modern world there is an additional opportunity to consciously choose a social, cultural and ethnic group to join [14].

Considering the educational environment of a departmental organization as a kind of society that forms a future professional employee, and taking into account specific characteristics of the image of the "educational environment of a departmental organization", we will identify how they affect professional identity of an employee. To do this, let us consider features of the educational environment of a departmental organization.

The problem of environment and its influence on personality development was analyzed by foreign (C.A. Helvetius, Ya.A. Komenskii, R. Owen) and domestic (P.F. Kapterev, N.M. Borytko, Yu.S. Manuilov, V.A. Yasvin) scientists.

As a factor of personality socialization, the phenomenon of environment and its impact on personality development are still relevant (A.V. Mudrik L.I. Novikova, N.E. Shchurkova).

An analysis of environmental studies in various fields of science shows that "the environment is considered by researchers as one of the leading factors of personality development. By the environment of a departmental educational organization, we mean "a socially oriented micro-society with certain relationships that ensures the formation of students' professional knowledge, skills, competencies, socially approved value orientations and professionally significant qualities, developing in time and space, determining their subjective activity and creating opportunities for self-realization"" [15, p. 154].

Features of the educational environment of a departmental university are the following: normative-legal and organizational-managerial regulation of life and activity; subordination, disciplinary relations in official activities (duty, closeness, secrecy, strict compliance with the requirements of regulations, knowledge of traditions, limited contacts with relatives and friends, high fitness demands, etc.). Al this has a significant impact on the formation of professional competencies and qualities of an employee and his/her readiness to perform official duty. Practice-oriented training and education takes into account the specifics of future professional activity, characterized by special conditions of service, etc.

The revealed features of professional environment of a departmental organization as a factor influencing the identity of an employee are ambivalent. The phenomenon of ambivalence is the anthropological basis of human existence and is expressed in the coexistence of mutually exclusive logics. On the one hand, getting into an environment of a departmental organization different from the previous lifestyle, a cadet feels discomfort, which he/she seeks to overcome (especially during the adaptation period and at the initial stage of training), on the other hand, organizing life according to the daily routine, immersion in the history of law enforcement, studying traditions, and following rituals form opposite emotions, opinions, and a positive attitude towards the new environment.

Contradictions in life are inevitable, they cannot be eliminated, they have to be constantly resolved, moreover, they form the dynamic basis of life. Overcoming contradictions resolves ambivalence and creates harmony. Due to the contradictions that constantly arise and are solved, the harmonious is born and lives in a person.

Professional and personal development of a cadet is determined by the richness of the environment of a departmental organization and his/her own inner world. The ambivalence of the image of professional environment of a departmental organization and personal and social life of a cadet requires pedagogical attention and professional skills of teachers and staff of the university. In every person, there is inevitably a confrontation between two sides of human nature: biological and social, images of the self

and the other. Teaching cadets to resolve contradictions that are at opposite poles of personal and socio-professional, educating a person to "be a person" and "be a professional, keeping a person in himself" is one of the leading ideas of forming an employee's professional environmental identity.

The way to pedagogically resolve this contradiction may be to combine principles of cultural and natural conformity.

The resolved contradiction should lead to the awareness of the need for social-value and professional norms that are deontological in nature and formed in the course of practical activity. Gaining a personal sense of the importance of future professional activity, an employee, in turn, acquires the ability to manage his/her emotional and volitional state. The development of subjectivity as the ability to make choices independently of others in a professional situation is carried out on the basis of value orientations, consideration of other people's interests, their respect, understanding that only the unity of "everything" preserves the life of an individual self. The formed moral and ethical qualities and ethical rules of communication contribute to overcoming this contradiction, which is why it is so important to educate and instill moral and ethical norms of interaction in a professional environment.

We agree with N.L. Ivanova and T.V. Rumyantseva that "there is a clear deficit in the description of psychodiagnostic techniques that allow us to identify and analyze manifestations of identity" [16, p. 7].

T.P. Emel'yanova in her work "Constructing social representations in the conditions of transformation of Russian society" describes results of the analysis of studies of "social representations in the framework of various theoretical paradigms, offering as a tool a methodology for measuring social representations" [17].

To identify the level of formation and maturity of the professional identity of cadets of departmental educational organizations, we took as a basis the "Questionnaire for Diagnosing Students' Professional Identity" developed by A.A. Ozerina [18].

Modification of the questionnaire for the diagnosis of professional identity of cadets allowed us to identify "educational and professional plans (definite/indefinite; own/ borrowed); attitude to the chosen profession (emotional acceptance / rejection; rational acceptance/ rejection), an idea of the future profession (internal/superficial; holistic /fragmentary), professional image formation (clear/ blurred; conscious/stereotypical), professional position (active/passive; autonomous/dependent), professional self-esteem (adequate/ inadequate; as a result of self-reflection / the result of evaluating others), and professional motivation (positive/ negative; intrusive/ extrinsic)" [18, p. 19].

Identification of a combination of subcategories corresponds to one of the four statuses of cadets' professional identity: achieved (a certain set of personally significant goals, values and beliefs, experienced by cadets as personally significant, providing a sense of direction and meaningfulness of the upcoming professional activity), moratorium (refusal or postponement for an indefinite period from the choice of one's life path), diffuse (loss of interest in one's inner world, unwillingness to change (rigidity of the self-concept), low self-esteem, there are no identity components), predetermined (a ready-made decision is taken under the influence of social environment and external circumstances) [18].

The analysis of the research conducted among the first-year (25 people) and fourth-year (23 people) cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service shows the following results.

During the first year of study, educational and professional plans are uncertain (54.1%); borrowed, as a rule, recommended by parents or family acquaintances (34%). An attitude to the chosen profession is based on emotional acceptance of the future profession, although there are no clear ideas about the specifics of future professional activity (67.1%). So, the idea of the future profession is superficial, fragmentary, and based on stereotypes formed when watching films about the penal system and stories told by employees. The professional position is not yet formed, professional motivation of the vast majority of the survey participants is positive, extrinsic (78.6%).

During the fourth year of study, professional competencies of cadets are formed, students have done practical training practices in insti-

tutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. So, cadets have formed educational and professional plans on their own (75.7%); the attitude to the chosen profession is based on rational acceptance (71.1%); the idea of the future profession is holistic (63.5%); the professional position is active, autonomous (82.3%); professional self-esteem is based on the result of their own reflection (69 %); professional motivation is mostly positive, intrusive (54%); although negative, extrinsic (24%) motivation of cadets is also identified.

Thus, it can be concluded that the first-year cadets have a predetermined professional identity status, that is, accepted as a ready-made decision made not by them personally, but under the influence of social environment and external circumstances (parents, friends, life situation). Emotional acceptance of the future profession is rather pronounced, although there are no clear ideas about future professional activity, they are superficial and fragmentary. The fourth-year cadets (graduates) mainly have an achieved status of professional environmental identity, they understand the significance and specifics of professional activity, are aware of their own goals, values, beliefs, and professionally significant factors providing a positive orientation and meaningfulness of life (56%). Besides, a small share of them (16.05%) have a moratorium status of professional identity; they refuse to consciously make a choice of their professional path or delay to take a final decision, performing official duties due to prevailing life circumstances, but not feeling satisfied with the choice made.

Conclusion

Thus, the construction of identity boundaries in the identification process takes place on the border with the social environment and is not fundamentally completed. Professional identity of an employee is largely determined by the formed image of the future professional environment during the period of study in a departmental organization.

Contradictions in the professional environment should be presented to students and key directions of their resolution in future professional activity are indicated. Cadets' skills to resolve contradictions should be developed during their study at a departmental institution, so that they can independently make adequate professional decisions, while simultaneously acquiring professional environmental identity.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: ucheb. posobie* [Psychology of social cognition: study guide]. Moscow, 2004. 288 p.
2. Cinirella M. The concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*, 1998, no. 2, pp. 227–248.
3. Dannon W. *Social cognition and child development*. Washington, 1978. 352 p.
4. Doise W. *Levels of explanation in social psychology*. Cambridge, 1986. 183 p.
5. Fiske S. Schema-triggered affect: application to social perception. In: Clark M., Friske S. (Eds.). *Affect and cognition: the seventeenth annual Carnegie symposium on cognition: collection of reports*. New York, 1982. 357 p.
6. Fiske S., Taylor Sh. *Social cognition*. New York, 1994. 632 p.
7. Flavell J. H., Ross Le. *Social cognitive development*. Cambridge, 1981. 322 p.
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. by Shvedova N.Yu. Moscow, 1981. 917 p.
9. Al'mukhanova A.B. et al. *Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [Great psychological encyclopedia]. Available at: https://rus-big-psyho.slovaronline.com (accessed December 20, 2023).
10. *Entsiklopediya po istorii filosofii* [Encyclopedia of the history of philosophy]. Available at: https://velikanov.ru/philosophy/identichnost'.asp (accessed December 20, 2023).
11. Mead D. Internalized others and the self. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, 1994. 495 p. (In Russ.).
12. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, 1996. 344 p.
13. Jung C.G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, 2010. 352 p.
14. Stavropol'skii Yu.V. Models of ethnocultural identity in modern American psychology. *Voprosy psikhologii = Issues of Psychology*, 2003, no. 6, pp. 112–118. (In Russ.).

15. Kovtunenko L.V. *Kontseptsiya resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v pedagogicheskoi srede vospitatel'noi kolonii: dis. ... d-ra ped. nauk* [The concept of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2018. 430 p.
16. Ivanova N.L., Rumyantseva T.V. *Sotsial'naya identichnost': teoriya i praktika* [Social identity: theory and practice]. Moscow, 2009. 453 p.
17. Emel'yanova T.P. *Konstruirovanie sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Constructing social representations in the conditions of transformation of Russian society]. Moscow, 2006. 400 p.
18. Ozerina A.A. Development of a questionnaire for the diagnosis of professional identity of students. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki = Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2011, no. 2 (15), pp. 15–22. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkolv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5113-1735
ANTON B. KOVTUNENKO – Postgraduate Student at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkoab123@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6594-1258

Received February 1, 2024

Original article
UDC 378.126
doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.013

Professional Skill Contests as a Means of Professional Development and Self-Realization of Higher School Teachers

OKSANA S. BATOVA
VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, oksana.batova77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9458-6553

Abstract

Introduction: the article is devoted to the theoretical analysis of legal acts regulating the conduct of professional skill contests of higher school teachers, as well as specific managerial and pedagogical competitive practices. Professional skill contests are classified according to the content, method of conducting, coverage by territory and category of participants. Significance of the competitive movement for the teacher and for the higher education system as a whole is studied, the importance of participation in contests is determined to confirm the expertise of the teacher, as well as to include the participant in a personnel reserve to a higher position. The author, having successful experience of participating in professional skill contests of various levels, as well as being an expert in competition commissions, proposes recommendations on organization of competitive events and participation of teachers in order to increase motivation for further professional growth. *Purpose*: based on the theoretical and empirical research conducted, to determine participation of a higher school teacher in professional skill contests as an informal way of professional development. *Methods*: generalization, analysis, including comparative; systematization, forecasting and modeling. *Conclusion*: the advantages of professional competitions are revealed in terms of teachers' understanding of their own experience, which is necessary for subsequent self-realization. It is determined that taking part in professional skill competitions helps a higher school teacher meet a mandatory requirement for advanced training, build an individual trajectory of professional development, taking into account the experience gained in project activities and acquire soft skills. Modern professional skill contests give a person an opportunity to gain practical experience, usually in a team and in conditions of limited resources and time.

Keywords: professional development; professional contests; higher school; teacher; pedagogical skills; professional competence.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Batova O.S. Professional skill contests as a means of professional development and self-realization of higher school teachers. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 108–114. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.013.

© *Batova O.S., 2024*

Introduction

In modern conditions, the role of a higher school teacher is changing, who should not only have the appropriate level of pedagogical qualifications: "have a high level of proficiency, use of effective technologies, teaching tools, monitoring and diagnostics" [1, p. 222], but also be a professional in the appropriate field of training (specialty). The teacher's adaptability resource determines his/her willingness to transform and update the pool of his/her own socio-professional competencies [2, p. 208].

In the modern system of higher education, the emphasis is on the development of students as individuals, the transfer of knowledge is carried out as an accompanying element [3, p. 51]. A mandatory requirement for university graduates is the availability of a wide range of skills, analytical thinking, creative abilities, and most importantly, flexibility in a rapidly changing world.

A wide range of competencies required by a graduate upon graduation can only be formed by a teaching staff with personal qualities and professional competencies [4].

Key provisions

In accordance with the requirements of the federal state educational standards of higher education, the professional activity of a university teacher, regardless of the specifics of a higher educational institution, includes the following components: educational and pedagogical, educational and methodological, scientific, educational and organizational and managerial.

Today, the role of the teacher is changing, which is directly related to the reform and modernization of the educational process, the use of digital technologies in teaching, he/she turns into a mentor, consultant, and methodologist [5, p.124].

Participating in professional skill contests, high school teachers solve a number of important tasks:

1) to adapt quickly and effectively to changing conditions of the educational process [6, p. 29];

2) to exchange experience between motivated members of the professional community;

3) to develop the capacity for constant changes in professional activity throughout life in order to train competitively capable personnel for the labor market;

4) to ensure the desire for self-education, improvement, and formation of an active life position [7, p.7].

Participation of the teaching staff in professional tests is primarily aimed at building flexible or soft skills:

1. communication skills, teamwork, critical thinking;
2. leadership qualities;
3. emotional intelligence;
4. stress resistance;
5. strategic thinking;
6. adaptability and flexibility of thinking, etc.

The experience of participating in professional skill contests allows university teachers, including departmental ones, to apply a practice-oriented approach to training, which not only contributes to high-quality training and formation of universal, professional and special competencies, but also subsequently optimizes professional adaptation of young employees to service in the penitentiary system [8, p. 581].

All professional skill contests aimed at improving qualifications of a higher school teacher can be classified into two large groups according to their content:

1. best in profession award;
2. professional contests of pedagogical skills.

Contests can also be classified on a territorial basis into municipal, regional, all-Russian, international; face-to-face, distance, using online technologies, as well as mixed, according to the method of conducting.

Contests can be differentiated according to individual categories of participants. For example, the VILE of the FPS of Russia holds "The best university teacher" contest, where estimation of the teacher's activity includes:

1) a competitive classroom lesson;

2) an educational and methodical complex;

3) public assessment of the professional and personal qualities of the teacher.

Thus, this contest is complex, as it contains competitive tests to determine the level of professional skill, as well as an assessment of educational methodological programs.

The winner of the "Teacher of the Year" competition is determined by the sum of the points received for three indicators, taking into account their weight coefficients. In accordance with the stated evaluation criteria, winners

are determined in the nominations: "The best classroom lesson", "The best educational and methodological complex" and "The best teacher through the eyes of cadets".

Similar contests are held in other departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. For example, at the Academy of the FPS of Russia, the assessment of the contestant also consists of three blocks, two of which coincide with the VILE of the FPS of Russia (a competitive (classroom) lesson and social assessment of professional and personal qualities), and the third criterion is the assessment of the teacher's activity over the past academic year [9, p. 112].

A professional skill contest for university teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia is held annually, the participants of which, as a rule, are formed on the basis of intra-university competitions.

From the position of the employer, professional skill contests allow to identify the most qualified personnel, demonstrate their potential to the wider professional community, use the information obtained within the framework of competitions to evaluate professional achievements of others, as well as to make a forecast of professional and personal growth [10, p. 228].

It should be noted that the very concept "contest"(from the Latin "concursus") means a competition aimed at identifying the best among the participants [11]. Winners are determined by "qualitative assessment" (expertise) and (or) "quantitative assessment" (voting) [12, p. 296]. Professional skill contests are the most demanded and relevant form of improving professional training and increasing effectiveness of their activities, and also act as an effective method of assessing the level of professional competencies.

We will consider the specifics of organizing and participating in professional competitions using the example of a law teacher.

To date, there are few professional skill contests with a high confidence index for a law teacher. Key indicators determining the level of a competitive event are the following:

– professional composition of the jury members;

– participant coverage;

– assessment transparency;

– creative, innovative and logical mechanics of the competition.

The above requirements are fully met by the All-Russian professional contest "Legal Russia", organized by the non-commercial organization Russian Association of Legal Information GARANT [13]. In 2024, the contest is held for the 19th time, traditionally the start is announced on the Constitution Day – December 12.

The mechanics of the event include two stages: qualifying and main. At the first stage, participants answer 15 questions in all areas of Russian legislation. Participants who score 80% (12 or more correct answers) advance to the next stage. The most interesting thing in this contest is the main stage, when participants have to solve two practical situations according to the selected nomination.

So, in 2021, the tasks in the nomination "Constitutional Law" were devoted to the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Participation in this contest helps assess teachers' strengths as professional lawyers, while the experience of solving practical situations can subsequently be used in the preparation of assessment tools within the framework of federal educational standards of higher education 40.03.01 Jurisprudence, 40.04.01 Jurisprudence, 40.05.02 Law enforcement.

A.A. Malyutin proposes to classify pedagogical competitions by methods of organization and types of pedagogical activity into:

1) contests of the subject-developing environment;

2) contests of methodological, educational and methodical materials;

3) contests of pedagogical skills [14].

To consider All-Russian pedagogical skill contests, which take into account such a category of participants as a high school teacher, we will use a new resource – the "Educational Calendar" [15].The unified calendar of educational events was created in 2023, which was declared by the President of the Russian Federation as the "Year of the Teacher and Mentor" [19]. The Unified Teacher's Calendar is formed quarterly by the Academy of the Ministry of Education of Russia and designed to inform about educational events held in the Russian Federation at various levels: international; all-Russian; interregional; and municipal.

In 2023, a large number of professional pedagogical contests of the All-Russian level were held. Among them, a special place is occupied by "Flagships of Education", organized by the ANO "Russia – the Land of Opportunities" [16].

The main goal of the contest was to form a personnel reserve for the education system of the Russian Federation. Competitive tests are developed for two target audiences: teachers and managers in the field of education and students. There were three stages of competitive tests for the first category, such as a distance stage, a full-time regional semi-final competition and a full-time final competition, while there was no semi-final competition for students, so the winners of the distance stage immediately advanced to the final competition.

Electronic registration on the Russia – the Land of Opportunities platform started in March 2023 and lasted until August. At first, participants of the competition passed an entrance comprehensive assessment of the level of formation of supra-professional and special (professional) knowledge. A final report in decrypted form was provided to each participant in his/her personal account; taking into account this information, contestants built a personal trajectory during the educational marathon.

For example, during a webinar on the topic "Recipes for the development of functional literacy", M.V. Byvshaya, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work and Academic Interaction of the Ural State Pedagogical University highlighted not only tasks that allow measuring functional literacy, but also the opportunity to get free access to an educational platform for completing tasks of various directions to improve functional literacy [17].

At the end of the educational marathon, the special (professional) knowledge formed was assessed, and in September the Competition Commission approved the results of distance assessment of the 2023 professional contest "Flagships of Education". The distance stage included 14,195 educational managers, 57,635 teachers and 34,385 students, while only 2,183 teachers and educational managers who scored the most points at the distance stage advanced to the intramural regional semifinals. Among the pedagogical community that passed the first stage, there was a small percentage of teachers of higher educational institutions.

Semi-final competitions in each region were held in person and consisted of three competitive tests:

1. Personal performance of the contestant with a self-presentation on the topic "I am the flagship of education", aimed at demonstrating pedagogical (managerial) experience, key professional achievements, as well as unique author's ideas, technologies, and techniques. The most difficult thing in this competitive test was to meet the allotted time – no more than 3 minutes.

2. "Management solution championship" – team solution of management tasks in the field of education;

3. A strategic session during which participants in small groups worked out and presented projects for the education system development, as a rule, using the example of a specific region with specified parameters.

After passing through all stages, participants definitely acquire opportunities for professional growth, such as:

1) managerial experience working in an unfamiliar team in solving various strategic and practical tasks in a limited amount of time;

2) new knowledge in the field of the education system development, educational activities, etc.;

3) new approaches in the implementation of project activities;

4) opportunities to get out of the comfort zone to solve atypical cases;

5) public protection of the team decision and acquisition of communication skills with the expert community.

Speaking about drawbacks in the mechanics of the All-Russian contest "Flagships of Education", we would like to note that the contest is designed for everyone who carries out teaching activities (for those who teach) or works in the field of management of an educational organization, but the tasks at the distance stage and in full-time semi-final competitions were focused more than 80% on the general education system, about 20% on the vocational (only secondary) and additional education systems, and there were practically no questions and tasks in the evaluation materials that would relate to the

higher education system provided for in Article 10 of the Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation".

There are pedagogical skill contests of the All-Russian level aimed exclusively at the teaching staff of higher educational institutions, with the All-Russian contest "Golden Names of Higher Education" being the most significant and large-scale. This contest in 2023 was conducted by the League of Higher School Teachers for the sixth time with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Presidential Grants Fund.

Contestants submit an expanded portfolio and essays in accordance with the selected nomination in electronic form on the platform according to the Regulation [18].

An essay on a practice-oriented approach in higher education (one of the most popular nominations) should disclose the technologies used in the training process. For these purposes, the author presented the experience of practical classes on the topic "Electoral law and the electoral system" of the academic discipline "Constitutional Law of Russia", where cadets and students work with digital services of the Central Election Commission of the Russian Federation and learn the following skills:

– search for a polling station at the address of your place of residence;

– receiving information about inclusion in the list at the polling station, the referendum site;

– using the procedure for submitting an application for inclusion in the list of voters at the location, etc.

Participating in such large-scale events, teachers solve tasks of personal development, such as:

– the opportunity to demonstrate advantages of innovative technologies in solving practical educational problems;

– disclosure of creative and professional potential through professional assessment of achievements;

– informal professional development;

– increasing motivation for professional growth;

– the opportunity to become part of the expert community of teachers of educational institutions of higher education of the Russian Federation.

There are professional contests for university teachers of methodological orientation, such as the competition within the framework of the federal project "Personnel for the Digital Economy".

In 2021, a large-scale professional development program "Digital Technologies in Teaching Specialized Disciplines" for teachers of higher school and secondary vocational education was held at the premises of the Innopolis University within the framework of the federal project "Personnel for the Digital Economy" of the national program "Digital Economy of the Russian Federation". The end result of the training program was the preparation and protection of an updated work program for the discipline taught.

In 2022, a contest was announced and held for all teachers who were trained in advanced training programs at the Innopolis University in order to fulfill certain indicators of the federal project "Personnel for the Digital Economy" to identify the best practices for implementing updated work programs of disciplines or basic professional educational programs of higher education aimed at forming competencies relevant to the digital economy in graduates.

It was necessary to submit a whole set of educational and methodological materials, in particular:

– applications for participation in the contest;

– an updated work program of the discipline in electronic form in accordance with the chosen economic sector;

– a motivational essay;

– a video clip demonstrating the fact of conducting a practical lesson on the updated work program of the discipline.

A large number of practices in various economic sectors were offered for the contest. A practical lesson on the topic "Public authorities of the Russian Federation" with the use of the "case-study" method was presented as an author's methodology in the field of "Urban Economy". The purpose of the case was to form ideas about elements of the digital state in Russia and information openness of the activities of public authorities and local self-government. The task was performed in small groups, each

team had to evaluate openness of websites of public authorities according to the specified criteria in accordance with the requirements of the Federal Law No.8-FZ of February 9, 2009 "On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Governments" (a specific public authority was determined by lot). At the end of the practical lesson, the results of the conducted assessment were publicly assessed.

The victory in this contest provided higher school teachers with the opportunity to improve their skills in the training "Practice-oriented approaches to digitalization of the educational process" at the premises of one of the leading universities in the country in accordance with the chosen profile.

Conclusion

Participation and victories in competitive events prove teachers' expertise. Today the state has a great demand and need for such professional personnel who are ready to share their knowledge and experience in evaluating children's and youth project initiatives and grant competitions.

Professional skill contests are not so much a competition, as the opportunity to engage in active innovative activities, networking, the opportunity to demonstrate their results and achievements in professional activities. As a rule, participation in contests gives an impetus to subsequent professional development.

Modern competitive events are arranged in such a way that, checking their competencies and knowledge for relevance, teachers raise their professional competencies, starting from the preparation stage.

We believe that winning professional skill contests should be the basis for including a motivated high school teacher in the personnel reserve of an educational organization to higher positions.

REFERENCES

1. Ridel' R.A. Innovative forms and methods of work on the professional development of a higher school teacher. In: *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Sotsializatsiya: materialy XIX Mezhdunar. molodezhnoi nauch.-prakt. konf. (Ufa, 20 aprelya 2023 goda)* [Man. Society. Culture. Socialization: proceedings of the XIX International youth scientific and practical conference (Ufa, April 20, 2023)]. Ufa, 2023. Pp. 221–224. (In Russ.).
2. Efimova G.Z., Sorokin A.N., Gribovskii M.V. Ideal teacher of higher school: personal qualities and socio-professional competencies. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 202–230. (In Russ.).
3. Gvarliani T.E., Frolova N.E. Advanced Russian experience in the modern education system. In: Lyapuntsova E.V., Belozerova Yu.M. (Eds.). *Luchshie praktiki pobeditelei Vserossiiskogo konkursa "Zolotye Imena Vysshei shkoly": sb. nauch. st. VI Nats. nauch.-prakt. sessii* [Best practices of the winners of the All-Russian contest "Golden Names of Higher Education": collection of scientific articles of the VI national scientific and practical session]. Moscow, 2023. Pp. 49–55. (In Russ.).
4. Shimada S. The mutual transmission of knowledge and competencies between generations: an enabler of dynamic capabilities. In: *Proceedings of the 12th European Conference on Knowledge Management (ECKM 2011)*. Available at: ECKM_2011-booklet.pdf (accessed January 19, 2024)
5. Tantsura T.A. Transformation of the university teachers' professional competencies structure in the aspect of the modern era requirements. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 122–125. (In Russ.).
6. Shaforostova E.N. The main components of professional competencies of teachers. In: *Integratsiya metodicheskoi (nauchno-metodicheskoi) raboty i sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov: materialy XXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Chelyabinsk, 20 aprelya 2022 goda)* [Integration of methodological (scientific and methodological) work and the personnel training system: materials of the XXIII International scientific and practical conference (Chelyabinsk, April 20, 2022)]. Chelyabinsk, 2022. Pp. 28–33. (In Russ.).
7. Kovshova A.A. Pedagogical competitions as a tool for the professional development of a teacher. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept" = Scientific-Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2021, no. 7, pp. 1–12 (In Russ.).
8. Zautorova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 575–584. (In Russ.).

9. Lun'kova N.V. Positive pedagogical experience of classroom teaching by the teaching staff of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia within the framework of the Teacher of the Year competition. In: *Podgotovka kadrov v sisteme vedomstvennogo professional'nogo obrazovaniya FSIN Rossii: ot istorii k sovremennosti (k 50-letiyu vysshego uchebnogo zavedeniya): sb. materialov nauch.-metod. konf. (Ryazan', 19–20 marta 2020 goda)* [Personnel training in the system of departmental professional education of the Federal Penitentiary Service of Russia: from history to the present (to the 50th anniversary of the higher educational institution): collection of materials of the scientific and methodological conference, (Ryazan, March 19–20, 2020)]. Ryazan, 2020. Pp. 111–116. (In Russ.).
10. Morozov V.V., Vinogradov A.A., Kupavtsev T.S. et al. Competition of professional skills as a means of evaluating the professional achievements of employee. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the Lesgaft National State University*, 2021, no. 7 (197), pp. 225–229. (In Russ.).
11. *Bol'shaya sovetskaya ehntsiklopediya: ofits. sait* [The Great Soviet Encyclopedia: official website]. Available at: https://gufo.me/dict/bse/ (accessed January 19, 2024).
12. Protasevich D.I., Tarasova I.V. Current problems of contemporary russian design competition. In: *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunar. nauch. konf. FAD TOGU. T. 3* [New ideas of the new century: materials of the international scientific conference of the Pacific State University. Vol. 3]. 2013. Pp. 295–301. (In Russ.).
13. *Polozhenie o XIX Vserossiiskom professional'nom Konkurse "Pravovaya Rossiya"* [Regulations on the XIX All-Russian professional contest "Legal Russia"]. Available at: https://www.garant.ru/konkurs/main_page/condition (accessed January 20, 2024).
14. Malyutin A.A. *Konkursy professional'nogo masterstva kak sredstvo tvorcheskoi samorealizatsii pedagogicheskikh rabotnikov* [Professional skill contests as a means of creative self-realization of teaching staff]. Available at: urok.rf/library/konkursi_professionalnogo_masterstva_kak_sredstvo_073000 (accessed January 27, 2024).
15. *Obrazovatel'nyi kalendar'* [Educational calendar]. Available at: https://kalendar.apkpro.ru/ (In Russ.). (Accessed January 19, 2024).
16. *Proekt "Flagmany obrazovaniya"* [Project "Flagships of Education]. Available at: https://project.rsv.ru/flagmany (accessed January 23, 2024).
17. Byvsheva M.V *Retsepty razvitiya funktsional'noi gramotnosti* [Recipes for the development of functional literacy]. Available at: https://vk.com/wall-188741291_7454 (accessed January 23, 2024).
18. *Polozhenie o Vserossiiskom konkurse "Zolotye imena vysshei shkoly"* [Regulations on the All-Russian contest "Golden Names of Higher Education"]. Available at: https://www.spbume.ru/file/news/5444/Polozhenie%20%282%29.pdf (accessed January 23, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OKSANA S. BATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, oksana.batova77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9458-6553

Received February 1, 2024

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)
DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)
RSCI: yes
Core of the RSCI: no
HACList: yes (In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2)
CrossRef: yes
East View Information Services: yes
GARANT system: yes
On the Web of Science platform: no
Web of Science: no
Scopus: no
EBSCO: yes
WorldCat: yes
CyberLeninka: yes
DOAJ: yes

https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986

Том 18, № 1 (65), 2024

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 18, No. 1 (65),
2024

PENITENTIARY SCIENCE